

Народно **население**

ISSN 1561-7785

1 . 2024

январь-март

- **Условия и качество жизни населения**
- **Демография: вопросы теории и практики**
- **Здоровье населения и проблемы здравоохранения**
- **Научная жизнь ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2024. Том 27. № 1 (январь-март)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32).

ISSN 1561–7785 (print)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77–78718 от 20.06.2020

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Яршова А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2024.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2024.

Адрес редакции:

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

Адрес: 111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 2, к. 18.

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Заказ № 24135 Тираж 500 экз. Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.03.2024.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2024. Vol. 27. No. 1 (January-March)

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561-7785 (print)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)
on 20.6. 2020

Series ПИ № ФС77-78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses (Category K1), it is indexed in RSCI and WoS
RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O.A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky L. L., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2024.

© ISESP FCTAS RAS, 2024.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129-08-01

Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

Printed at the printing house "Offset Printing House"

Address: 2, kor. 18, Aviamotornaya str., Moscow, Russia, 111024

Website: www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru.

Order № 24135. Circulation 500 copies. Price: free.

Date of publication 30.03.2024.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2024. Том 27. № 1 (январь-март)

<i>УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ</i>	
Шабанов В.Л. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ.....	4
Пилипенко И.В., Шнейдерман И.М. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).....	20
Абдолова С.Н., Янбых Р.Г., Серова Е.В. ДЕТСКИЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ....	33
Кабанова Е.Е. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	48
Борковская Е.И. СТОЛИЧНЫЙ КАРШЕРИНГ: ОТНОШЕНИЕ МОСКВИЧЕЙ К НОВЫМ МОДЕЛЯМ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ	60
Федотов А.А. СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ	71
<i>ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ</i>	
Рожина Е.А., Васильева Р.И. ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	82
Гушо Ю.П. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ.....	95
Пастухова Е.Я., Логунов Т.А. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ В 2005–2022 ГОДАХ	109
Никулкина И.В., Романова Е.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ А+РКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЗИЛЬНТНОСТИ	123
Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ.....	136
Бредихин А.В. МИГРАЦИЯ РОССИЯН В МОНГОЛИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ...	153
<i>ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ</i>	
Восколович Н.А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	166
Шакирова А.Ф., Корунова В.О. СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ	178
Локосов В.В., Ярашева А.В., Александрова О.А. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	192
<i>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН</i>	
У ЮБИЛЕЙНЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОРГАНИЗАТОРОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ – КАРКАС СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ».....	206

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 1 (January-March)

CONDITIONS AND QUALITY OF LIFE OF POULATION

Viktor L. Shabanov QUALITY OF LIFE OF THE RURAL POPULATION IN RUSSIA: INTEGRAL ASSESSMENT AND REGIONAL DIFFERENTIATION	4
Igor V. Pilipenko, Inna M. Schneiderman REGIONAL PRIORITIES IN THE UTILITIES' INFRASTRUCTURE UPGRADING IN RURAL AREAS FOR IMPROVING QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (PART ONE)	20
Sadaf N. Abdolova, Renata G. Yanbykh, Evgenia V. Serova RESEARCH ON CHILD LABOUR IN AGRICULTURE IN EASTERN EUROPE AND CENTRAL ASIA	33
Elena E. Kabanova IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE LIFE OF RUSSIAN POPULATION	48
Ekaterina I. Borkovskaya CARSHARING IN CAPITAL CITY: THE ATTITUDE OF MUSCOVITES TO NEW MODELS OF CONSUMPTION OF TRANSPORT SERVICES	60
Artem A. Fedotov SYSTEMATIZATION AND CORRELATION ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING CRIME LEVEL	71

DEMOGRAHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Ekaterina A. Rozhina, Rogneda I. Vasilyeva ETHNIC DIVERSITY AND ECONOMIC DIVERSIFICATION: THE CASE OF RUSSIAN REGIONS	82
Yury P. Gushcho DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN POPULATION	95
Elena Ya. Pastukhova, Timur A. Logunov DEMOGRAPHIC FACTOR IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT IN 2005–2022	109
Inga V. Nikulkina, Elena V. Romanova DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC REGIONS IN THE CONTEXT OF RESILIENCE CONCEPT	123
Anna V. Simakova, Evgenia A. Khoteeva, Irina S. Stepus, Alexander O. Averianov REGIONAL ASPECT OF YOUTH MIGRATION ATTITUDES IN THE RUSSIAN ARCTIC	136
Anton V. Bredikhin RUSSIAN MIGRANTS IN MONGOLIA: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT	153

POPULATION HEALTH AND HEALTHCARE ISSUES

Nina A. Voskolovich FEATURES OF THE FORMATION OF MEDICAL SERVICES AVAILABILITY IN THE NEW ECONOMIC REALITY	166
Alisa F. Shakirova, Valeria O. Korunova SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF OBTAINING INFORMATION ABOUT ONCOLOGICAL DISEASES	178
Lokosov V. V., Yarasheva A. V., Aleksandrova O. A. FACTORS FORMING THE FOUNDATIONS FOR SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE POPULATION	192

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

V JUBILEE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FORUM OF HEALTHCARE ORGANIZERS «ORGANIZATIONAL DECISIONS AS A FRAMEWORK OF THE METROPOLITAN HEALTHCARE»	206
---	-----

УСЛОВИЯ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

10.24412/1561-7785-2024-1-4-19
EDN: MMPATA

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Шабанов В.Л.

*Саратовский научный центр РАН, Институт аграрных проблем
(410012, Россия, Саратов, ул. Московская, 94)*

E-mail: vic35@inbox.ru

Для цитирования:

Шабанов В.Л. Качество жизни сельского населения России: интегральная оценка и региональная дифференциация // Народонаселение.— 2024.— Т. 27.— № 1.— С. 4-19. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19; EDN: MMPATA

Аннотация. Статья содержит исследование региональной дифференциации сельского населения России на базе агрегированного массива переменных, отражающих различные аспекты качества жизни, в форме объективных показателей наличия благ (недостатков) и субъективных оценок их качества (проявления). Источником показателей является Росстат—Комплексное наблюдение условий жизни населения за 2020 год. Все переменные сгруппированы по регионам РФ и приведены к единой шкале от 0 до 1. По принципу статистической и содержательной близости массив переменных разбивается на блоки с последующим агрегированием в «блочные индикаторы», сохраняющие высокую информативность каждой переменной. Они становятся основой для классификации регионов и формирования интегрального индикатора качества жизни, который эффективно решает задачу межрегиональных сравнений. По итогам анализа установлена высокая информативность в формализации сельского качества жизни тех переменных, которые отражают благоустройство домохозяйства, его финансовые возможности, безопасность проживания и социальные характеристики главы семьи—характер его работы, состояние здоровья, активность использования интернета. Для села остаётся актуальной более низкая доступность услуг, в том числе коммунальных. Хозяйственная деятельность в личном подсобном хозяйстве не является дополнительным источником семейного дохода и разнонаправлена с качеством жизни. Географические условия не влияют на качество жизни сельского населения: регионы-лидеры и аутсайдеры по значениям интегрального индикатора располагаются дисперсно во всех частях страны и не образуют сплошных территориальных ареалов. Сельское население южных и центральных регионов характеризуется высокими самооценками здоровья и работы, высокой благоустроенностью сельского жилья при низких оценках его качества, низкой досуговой и общественной активностью. Для сельского населения значительной части сибирских, уральских, северных регионов характерна более высокая, чем в целом по стране, удовлетворённость социально-экономической средой проживания и более низкие оценки благоустройства жилья, условий труда и здоровья.

Ключевые слова: качество жизни, сельское население, регионы, региональная дифференциация, метод главных компонент, интегральный индикатор, блочные индикаторы, кластерный анализ

Постановка проблемы

Потребность в категории, расширяющей понимание экономического благосостояния, стала осознаваться в 1920-е годы. В 1960-е гг. произошла интенсификация научного поиска, актуализированная ростом экологических и социальных проблем и более острым их восприятием. Категория «качество жизни» приобретает социальную направленность и становится междисциплинарной и многофакторной, появляются интегральные индикаторы её оценки. Как следствие, методологическая сложность категории приводит к многообразию её трактовок и существенным различиям в методической реализации [1]. В настоящее время наиболее распространена трактовка качества жизни как совокупности различных аспектов — физического, материального, социального, эмоционального и других. Выделенные аспекты формализуются через конкретные показатели здоровья, доходов, социальных и межличностных отношений, занятости, досуга и др., которые могут быть объективными, отражающими не зависящие от индивида условия, и субъективными, основанными на его ощущениях, восприятии и самооценках [2]. При измерении качества жизни важен учёт обеих категорий показателей¹.

Выбор сельского населения в качестве объекта исследования обусловлен социально-экономическими особенностями села, среди которых — наличие приусадебного сельхозпроизводства, возможности аграрной самозанятости, относительно низкие доходы, высокий удельный вес неквалифицированного и ручного труда, ограниченная доступность услуг и др. Они оказывают влияние на сельское качество жизни и определяют многие его аспекты, которые не выявляются по результатам анализа эмпирических данных, собранных на общей выборке с численным доминированием города, но заслуживают отдельного изучения.

Использование интегральных индикаторов при исследовании качества жизни позволяет эффективно решать задачи сравнительного анализа, группировки и др. Для агрегирования признаков часто используется компонентный анализ. Его стандартная процедура подробно описана в специальной литературе, например [3, с. 139–146], и с необходимой степенью полноты воспроизводится в применяющих эту процедуру публикациях.

В основе интегрального индикатора, разработанного С. А. Айвзяном, лежит разделение массива данных на блоки по принципу содержательной и статистической близости переменных, с последующим извлечением «модифицированных первых главных компонент» из каждого блока и их комбинацией в интегральный индикатор [4; 5]. Процедура метода строго обоснована математически, в интегральном индикаторе сохраняется большая часть информации, содержащейся в исходных переменных. Метод был апробирован С. А. Айвзяном и соавторами на переменных, представляющих в основном объективные социально-экономические показатели, которым авторы отдают предпочтение [6; 7]. Метод широко используется в социально-экономических исследованиях [8–12]. Один из его вариантов применён в настоящей работе.

Задачу исследования пространственной дифференциации — группировки объектов с анализом структуры выделенных групп по различным аспектам качества жизни — предпочтительно решать с применением кластерного анализа на более низкой стадии обобщения — на уровне главных компонент, имеющих удовлетворительную содержательную интерпретацию. Такой подход позволяет сохранить многомерность характеристики объектов анализа. В работе Л. А. Миграновой и В. В. Ульянова [10] классификация регионов РФ проведена по 13-ти частным индексам — преобразованным к единой безразмерной шкале показателям, характеризующим материальное положение домохозяйств и уровни их обеспеченности различными благами (занятостью, безопасностью, состояни-

¹ Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (дата обращения: 01.03.2023)

ем экологии, услугами ЖКХ и социальной сферы). При формализованном описании полученных кластеров использован интегральный индикатор, сформированный как среднее арифметическое частных индексов. В работе В.В. Локосова, Е.В. Рюминой, В.В. Ульянова [13] база данных из исследования [10] была расширена за счёт показателей качества населения, из общего их списка по результатам попарного анализа были выделены 9, по которым проведена кластеризация.

Статья О.М. Шубат и И.В. Шмаровой [14] посвящена исследованию семейного благополучия в группах регионов РФ, выделенных с использованием кластерного анализа. В ней также приводится обширный список российских и зарубежных публикаций, в которых решаются задачи территориальной группировки по различным социально-экономическим основаниям — по инвестиционному потенциалу, уровню инновационного развития, структуре расходов домашних хозяйств и др. Сельской проблематике в списке посвящена лишь одна работа [15]. Тем не менее, сельская проблематика, особенно хозяйственно-экономическая, часто оказывается в центре исследований с применением методов многомерного статистического анализа [16–18]. Многомерный анализ социальных проблем села реже представлен в публикациях. Отметим исследование В.А. Сарайкина, Ю.Н. Никулиной, Р.Г. Янбых [19], в котором формализованные оценки благополучия сельских жителей и факторы, влияющие на него, были получены на основе анализа субъективных признаков удовлетворённости различными жизненными благами — здоровьем, образованием, материальным положением, наличием коммунальных услуг и другими.

Эмпирическая база и методы анализа

Формирование набора показателей в настоящей работе обусловлено теоретическими разработками исследователей и концепцией статистического обследования, используемого в качестве источника данных — «Комплексного наблюдени-

я условий жизни населения» по итогам 2020 г. (КОУЖ)². Выборка из базы КОУЖ включала данные, относящиеся к сельской местности — по индивидам 15 лет и старше и по домохозяйствам, находящимся в 69 субъектах РФ, охваченных обследованием КОУЖ: из анализа были исключены три города федерального подчинения, не имеющие или почти не имеющие сельского населения, и 10 субъектов РФ, объем выборки в которых был меньше 130; данные по трем автономным округам учитывались в составе соответствующих областей. Сформированная выборка репрезентировала сельское население каждого субъекта РФ по основным демографическим характеристикам, что позволило провести обоснованную группировку данных, относящихся к индивидам и домохозяйствам, по субъектам РФ путем расчета средних значений показателей, и рассматривать субъекты РФ в качестве единиц дальнейшего анализа.

Выделим следующие аспекты качества жизни, в той или иной форме присутствующие в большинстве публикаций — жильё, благосостояние, среда проживания, индивидуальные характеристики, — которые, в свою очередь, могут конкретизироваться группами близких по смыслу показателей, чей выбор определяется задачами исследования и источником данных. На основе КОУЖ были сформированы 8 групп, конкретизирующих выделенные аспекты объективными показателями наличия благ/недостатков и оценочными показателями, отражающими степень удовлетворённости благами или чувствительности проблем, создаваемых недостатками (табл. 1).

Все показатели, включённые в набор, являются дискретными переменными — бинарными или порядковыми (например, «Наличие компьютера (Да/Нет)» и «Самочувствие/Хорошее/Удовлетворительное/Плохое/Очень плохое»). Большая часть порядковых переменных была преобразована в бинарные путем объединения всех ответов ре-

² Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020 // Росстат. — URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 10.05.2023).

спондентов в две категории, ассоциированные с «положительным» и «негативным» полюсами. Возникающая в ряде случаев неоднозначность проведения разграничительной линии между категориями ответов решалась в пользу варианта, наиболее приемлемого с содержательной точки зрения или варианта, дающего более равномерное распределение [20]. Переменные «Интервал дохода», «Уровень образования», «Частота выхода в интернет» благодаря большей обоснованности используемой числовой шкалы были оставлены порядковыми. Единые по смыслу бинарные переменные, такие, как, например, «Наличие конкретного средства коммуникации» (телефона, телевизора, спутниковой антенны, компьютера) или «Присутствие конкретного коммунального недостатка» (сырости, шума, насекомых и др., всего 8), суммировались по каждому домохозяйству для получения общего количества благ/недостатков определённого вида, имеющихся у домохозяйства, или общего количества благ/недостатков определённого вида, которыми глава домохозяйства был удовлетворён/посчитал чувствительными. Такая потеря конкретики не снижала фактической содержательности результатов компонентного анализа качества жизни, но позволяла снизить избыточность и улучшить интерпретируемость извлекаемых главных компонент.

В окончательном виде все переменные для анализа были сформированы путем усреднения по субъектам РФ:

$$v_i^{(k)} = \frac{\sum_{j=1}^{m^{(k)}} v_{ij}^{(k)}}{m^{(k)}} \quad (1)$$

и последующего преобразования к границам [0, 1] по одной из формул, выбираемых с учётом достижения смысловой однонаправленности итоговой переменной X_i и качества жизни³ [10, с. 119]:

$$X_i^{(k)} = \frac{v_i^{(k)} - \min_i(v_i^{(l)})}{\max_i(v_i^{(l)}) - \min_i(v_i^{(l)})}, \quad (2)$$

³ Формула (2) использовалась в случае прямой связи между качеством жизни и преобразуемой переменной V_i , когда рост качества жизни был обусловлен ростом значений V_i , формула (3) – в случае обратной связи.

$$X_i^{(k)} = \frac{\max_i(v_i^{(l)}) - v_i^{(k)}}{\max_i(v_i^{(l)}) - \min_i(v_i^{(l)})}, \quad (3)$$

где $m^{(k)}$ – число опрошенных домохозяйств/индивидов в k -м субъекте РФ, $v_{ij}^{(k)}$ – значение исходной i -й бинарной или порядковой переменной по j -му домохозяйству/индивиду в k -м субъекте РФ, $v_i^{(k)}$ и $v_i^{(l)}$ – усреднённое значение i -й переменной на k -м (l -м) субъекте РФ, $X_i^{(k)}$ – итоговое значение i -й переменной на k -м субъекте РФ.

Преобразования (2) и (3) понадобились из-за того, что реальные границы изменения переменных не совпадали с теоретическими [0, 1] (согласно (1)) и существенно различались по разным переменным, давая необоснованное преимущество некоторым из них при построении интегрального индикатора. Унифицированные таким способом переменные менялись в пределах от 0 до 1 и интерпретировались как мера наличия блага в домохозяйствах субъекта РФ или как мера удовлетворённости благом (табл. 1).

Исследование региональной дифференциации качества жизни сельского населения России на первом этапе предполагало агрегирование массива исходных переменных, сформированных описанным выше способом, и построение на их основе интегрального индикатора с использованием метода, представленного в предыдущем разделе. На первом этапе его построения были выделены блоки переменных для последующего проведения компонентного анализа отдельно по блокам с извлечением модифицированных первых главных компонент (МГК) для каждого. Выделение конкретного блока переменных в работе было обусловлено следующими требованиями: 1) отношение первого собственного числа матрицы ковариаций между блочными переменными к сумме всех собственных чисел должно превышать 0,5; 2) каждая из переменных, включённых в состав блока, должна сохранять высокую информативность в извлечённой первой МГК; 3) первая МГК должна иметь удовлетворительную содержательную интерпретацию в рамках исследуемой проблематики.

Таблица 1

Показатели и соответствующие им переменные, сгруппированные по различным аспектам качества жизни

Table 1

Indicators and their corresponding variables grouped by different dimensions of the life quality

Показатель	Наименование переменной
Характеристики домохозяйства:	
жильё (объективные)	
Место расположения удобств (кухни, ванной, бани, туалета) – внутри жилья (код в анкете КОУЖ – H02_08)	Удобства
Наличие централизованного водопровода (H02_18)	Водопровод
Наличие централизованной канализации (H02_22)	Канализация
Наличие сетевого газа (H02_23)	Газ
Наличие горячего водоснабжения (H02_27)	Горячая вода
Наличие центрального отопления (H02_29)	Отопление
жильё (оценочные)	
Отсутствие коммунальных недостатков (сырости, шума, насекомых и др., всего 8; H02_09)	Отсутствие коммунальных недостатков
Отсутствие проблем с водоснабжением (H02_19)	Отсутствие проблем с водоснабжением
Отсутствие проблем с канализацией (H02_22a)	Отсутствие проблем с канализацией
Отсутствие проблем с подачей горячей воды (H02_28)	Отсутствие проблем с горячей водой
благополучие	
Наличие средств коммуникации (телефона, телевизора, спутниковой антенны, компьютера; H02_36__01)	Средства коммуникации
Возможность приобретения средств коммуникации (H02_36__02)	Доступность средств коммуникации
Наличие автомобиля (H02_41_01)	Автомобиль
Возможность купить новый автомобиль (H02_431)	Доступность автомобиля
среда проживания	
Низкий уровень социальных проблем среды проживания (преступности, отдалённости, алкоголизма и др., всего 17; I02_03)	Низкий уровень социальных проблем среды проживания
Удовлетворённость торговлей и бытовым обслуживанием (I04_01)	Оценка торговли и быта
Безопасность района (I09_09)	Безопасность района
Характеристики индивида-главы домохозяйства:	
социально значимые (объективные)	
Наличие работы (I05_01)	Работа
Интервал денежного дохода (H04_03)	Доход
Образование (I07_01)	Образование
Частота выхода в Интернет (I08_04)	Интернет

социально значимые (оценочные)	
Отсутствие болезней (I10_02)	Отсутствие болезней
Оценка состояния здоровья (I10_01)	Оценка здоровья
Удовлетворённость работой (заработком, надёжностью и др., всего 8; I05_20)	Удовлетворённость работой
Условия труда (I05_16-17)	Условия труда
Безопасность работы (I05_171)	Безопасность работы
интересы и досуг	
Посещение кино, театра, ресторана и др., всего 7 в течение последних 12 месяцев (I09_03)	Посещения
Поездки с туристской или экскурсионной целью в течение последних 12 месяцев (I09_01)	Туризм
Занятие спортом (I09_07)	Спорт
Занятие творчеством (I09_081)	Творчество
Членство в добровольных, общественных и т.п. организациях (I09_04)	Общественная активность
прочие	
Хозяйственная деятельность в личном подсобном хозяйстве (H02_501_02)	ЛПХ
Характеристика близкого окружения (I01_10)	Межличностные отношения

Источник: составлено автором.

Поскольку все переменные были унифицированы, то задача на собственные числа и собственные векторы — основа компонентного анализа — решалась на базе матриц ковариации, построенных для каждого блока переменных. Значения первой МГК (блочного индикатора) получались суммированием значений всех переменных по каждому объекту (региону РФ), взятых с определённым весом; вес j -й переменной определялся как доля j -го элемента первого собственного вектора в сумме всех его элементов. Возможность такого взвешивания обусловлена смысловой однонаправленностью всех переменных и, соответственно, положительным знаком всех элементов первого собственного вектора [12, с. 453]. Интегральный индикатор качества жизни был образован сложением всех блочных индикаторов с весами, пропорциональными их дисперсиям.

Описанная методика с использованием переменных, приведённых к единой шкале [0; 1] и взвешенных положительными коэффициентами, в сумме равными 1, по-

зволила получить хорошо интерпретируемые блочные и интегральный индикаторы, меняющиеся в тех же пределах — от 0 до 1. Блочные индикаторы составили базу проведения кластерного анализа. Интегральный индикатор использовался для межрегиональных сравнений. Анализ проводился с использованием SPSS и Excel; для решения задачи на собственные числа и собственные векторы в поблочном компонентном анализе была подготовлена программа на Python.

Результаты и обсуждение

Предварительный этап исследования, состоящий в компонентном анализе всего массива данных, позволил выявить логику внутренних связей (табл. 2) и принять решение о числе блоков и их конкретизации. Корректность применения компонентного анализа подтверждается критериями выборочной адекватности Кайзера-Мейера-Олкина (КМО = 0,563) и сферичности Бартлетта.

Таблица 2

Матрица факторных нагрузок

Table 2

Factor loading matrix

Переменные*	Главные компоненты (ГК)								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Образование	0,797								
Работа	0,792								
Доход	0,689								
Средства коммуникации	0,604								
Посещения	0,481		0,404						
Водопровод		0,861							
Горячая вода		0,790							
Удобства		0,770							
Газ		0,666							
Оценка здоровья			0,712						
Безопасность района			0,690						
Доступность автомобиля	0,401		0,672						
Отсутствие болезней			0,576						
Доступность средств коммуникации			0,540	-0,422					
Автомобиль			0,397						
ЛПХ				0,864					
Отопление				-0,740					
Канализация				-0,649					
Отсутствие коммунальных недостатков				0,566				0,401	
Условия труда					0,812				
Безопасность работы					0,796				
Удовлетворённость работой					0,506				
Общественная активность						0,734			
Отсутствие проблем с канализацией						-0,673			
Творчество						0,579			
Спорт						0,544			
Туризм							0,784		
Межличностные отношения							0,549		
Интернет	0,430						0,444		
Низкий уровень социальных проблем среды проживания								0,831	
Оценка торговли и быта								0,829	
Отсутствие проблем с водоснабжением									0,857
Отсутствие проблем с горячей водой									0,600

*Курсивом выделены субъективные (оценочные) переменные.

Источник: составлено автором.

Высокие по абсолютной величине факторные нагрузки определяют переменные, скоррелированные с соответствующими главными компонентами. Первая ГК обра-

зована переменными, отражающими наиболее важные социальные качества индивида, в том числе наличие работы, уровень образования, частоту использования ин-

тернета, а также характеристики, с которыми эти социальные качества тесно связаны (уровень дохода, проведение «городского» досуга в форме посещения кино, театра, ресторана). Вторая ГК включает переменные, характеризующие благоустройство жилья. Третью ГК составляют переменные, отражающие объективные и субъективные характеристики здоровья, благосостояния и безопасности. Три главные компоненты объясняют 1/3 суммарной дисперсии и несут наибольшую смысловую нагрузку. С учётом состава остальных ГК на содержательном уровне можно говорить о следующем: 1) объективные показатели, в рамках сформированного массива данных, более информативны в определении сельского качества жизни, чем оценочные; 2) размер дохода и хозяйственная деятельность в ЛПХ входят в разные ГК, что свидетельствует о нетоварном, потребительском, характере ЛПХ; 3) размер дохода обусловлен работой и образованием и в наибольшей мере связан с обеспечением домохозяйства современными средствами коммуникации и досугом; 4) показатель частоты использования интернета входит в две ГК, что подчёркивает его двойственный характер — как источника работы и заработка и как средства коммуникации и активного досуга.

Статистическое агрегирование, результаты которого представлены в табл. 2, в целом подтверждает логику содержательной группировки показателей (табл. 1) — блоки переменных для последующего анализа были сформированы на его основе. Сделанные при этом поправки по числу и составу блоков определялись стремлением повысить содержательный смысл извлекаемых первых главных компонент при сохранении высокой информативности каждой исходной переменной. Блок 1 — Потребительские возможности домохозяйства и их оценки: Средства коммуникации, Доступность средств коммуникации, Автомобиль, Доступность автомобиля. Блок 2 — Благоустройство жилья: Удобства, Водопровод, Горячая вода, Отопление, Канализация, Газ. Блок 3 — Удовлетворённость благоустройством жилья: Отсутствие проблем с водо-

снабжением, Отсутствие проблем с канализацией, Отсутствие проблем с горячей водой. Блок 4 — Удовлетворённость хозяйственной и социально-экономической средой проживания: Отсутствие коммунальных недостатков, Низкий уровень социальных проблем среды проживания, Оценка торговли и бгта, Безопасность района. Блок 5 — Социальные характеристики главы домохозяйства: Доход, Работа, Образование, Интернет, ЛПХ. Блок 6 — Самооценка главой домохозяйства работы и здоровья: Условия труда, Безопасность работы, Удовлетворённость работой, Оценка здоровья, Отсутствие болезней. Блок 7 — Межличностные отношения и «городской», финансово затратный досуг: Межличностные отношения, Посещения, Туризм. Блок 8 — Общественная и досуговая активность: Общественная активность, Спорт, Творчество.

Последовательное применение к переменным каждого блока метода, представленного в разделе «Эмпирическая база и методы анализа», привело к извлечению восьми модифицированных первых ГК — блочных индикаторов (Б), каждый из которых ассоциирован с определённым компонентом сельского качества жизни. Блочные индикаторы рассчитывались как сумма значений входящих в блок переменных, взятых с весами, определяемыми через соотношение элементов первого собственного вектора и характеризующими влияние соответствующей переменной на блочный индикатор⁴. Суммирование блочных индикаторов с весами, пропорциональными

⁴ $B_1 = 0,24X_{11} + 0,24X_{12} + 0,23X_{13} + 0,29X_{14}$,
 $B_2 = 0,19X_{21} + 0,22X_{22} + 0,22X_{23} + 0,04X_{24} + 0,11X_{25} + 0,21X_{26}$,
 $B_3 = 0,48X_{31} + 0,24X_{32} + 0,28X_{33}$,
 $B_4 = 0,25X_{41} + 0,38X_{42} + 0,25X_{43} + 0,12X_{44}$,
 $B_5 = 0,26X_{51} + 0,21X_{52} + 0,25X_{53} + 0,15X_{54} + 0,13X_{55}$,
 $B_6 = 0,21X_{61} + 0,27X_{62} + 0,17X_{63} + 0,14X_{64} + 0,21X_{65}$,
 $B_7 = 0,33X_{71} + 0,28X_{72} + 0,39X_{73}$,
 $B_8 = 0,36X_{81} + 0,13X_{82} + 0,51X_{83}$,

где X_{ij} обозначена j -я переменная в составе i -го блока. В соответствии с требованием метода о положительной связи между переменными и качеством жизни, переменная X_{55} (ЛПХ), первоначально вошедшая в уравнение со знаком минус, в дальнейшем используется в преобразованном виде, полученном вычитанием из единицы, и интерпретируется как показатель отсутствия хозяйственной деятельности в ЛПХ.

Таблица 3

Состав кластеров и их характеристика*

Table 3

Composition of clusters and their characteristics

	ИИ	Б1	Б2	Б3	Б4	Б5	Б6	Б7	Б8
кластер № 1	0,653	0,820	0,710	0,695	0,779	0,550	0,724	0,560	0,400
Состав – 6 регионов: республики Татарстан (ИИКЖ=0,697), Кабардино-Балкарская (0,674), и Чеченская (0,651), Белгородская обл.м(0,651), Краснодарский край (0,635), Республика Северная Осетия-Алания (0,607)									
кластер № 2	0,581	0,670	0,696	0,825	0,474	0,649	0,516	0,485	0,324
Состав – 11 регионов: Ленинградская обл. (0,695), Московская обл. (0,678), Калужская обл. (0,626), Кемеровская обл. – Кузбасс (0,601), Тамбовская обл. (0,588), Новгородская обл. (0,562), республики Крым (0,557) и Мордовия (0,547), Ивановская обл. (0,540), Псковская обл. (0,536), Хабаровский край (0,458)									
кластер № 3	0,508	0,668	0,710	0,568	0,494	0,465	0,544	0,400	0,198
Состав – 18 регионов: Липецкая обл. (0,585), Рязанская обл. (0,554), Карачаево-Черкесская Республика (0,540), Владимирская обл. (0,531), Ростовская обл. (0,530), Ставропольский край (0,524), Пензенская обл. (0,522), Республика Адыгея (0,510), Тульская обл. (0,509), Калининградская обл. (0,496), Ярославская обл. (0,494), Республика Дагестан (0,489), Оренбургская обл. (0,484), Костромская обл. (0,483), Воронежская обл. (0,480), Астраханская обл. (0,478), Ульяновская обл. (0,471), Волгоградская обл. (0,467)									
кластер № 4	0,491	0,539	0,528	0,671	0,544	0,471	0,445	0,375	0,345
Состав – 22 региона: Вологодская обл. (0,553), Самарская обл. (0,550), республики Марий Эл (0,547) и Башкортостан (0,540), Пермский край (0,538), Свердловская обл. (0,528), Красноярский край (0,512), Удмуртская Республика (0,509), Челябинская обл. (0,506), Чувашская Республика (0,506), Тюменская обл. (0,504), Нижегородская обл. (0,496), Архангельская обл. (0,487), Новосибирская обл. (0,478), Тверская обл. (0,466), Томская обл. (0,461), Брянская обл. (0,458), Республика Хакасия (0,451), Алтайский край (0,451), Приморский край (0,450), Амурская обл. (0,440), Иркутская обл. (0,363)									
кластер № 5	0,388	0,321	0,468	0,696	0,419	0,261	0,385	0,290	0,246
Состав – 9 регионов: Орловская обл. (0,436), Кировская обл. (0,434), Саратовская обл. (0,425), Курская обл. (0,420), Омская обл. (0,396), Смоленская обл. (0,392), Республика Бурятия (0,349), Забайкальский край (0,319), Курганская обл. (0,317)									
кластер № 6	0,493	0,454	0,225	0,689	0,509	0,519	0,515	0,304	0,763
Состав – 3 региона: республики Саха (Якутия) (0,508), Алтай (0,494), Коми (0,478)									

*Регионы внутри кластеров упорядочены по значениям ИИКЖ. В строках, характеризующих кластеры, представлены средние значения индикаторов по регионам, входящим в их состав.

Источник: составлено автором.

дисперсиям, образовало интегральный индикатор качества жизни (ИИКЖ)⁵.

После упорядочения регионов России по значениям ИИКЖ были выделены по десять регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров; соответственно — Республика Татарстан, Ленинградская, Московская, Белгородская, Калужская, Кемеровская области, Краснодарский край, Кабардино-Балкарская, Чеченская республики (со значениями ИИКЖ от 0,652 до 0,697) и Курганская, Иркутская, Смоленская, Омская, Курская, Саратовская, Кировская, Орловская области,

Забайкальский край, Республика Бурятия (со значениями ИИКЖ от 0,317 до 0,349).

Так как блочные индикаторы входят в ИИКЖ с разными весами, то группировка по ИИКЖ будет отличаться от группировок по отдельным блочным индикаторам, что актуализирует проведение кластерного анализа, по результатам которого может быть оценено влияние отдельных аспектов качества жизни на формирование групп регионов и получена многомерная картина пространственной дифференциации. Поскольку блочные индикаторы по построению имеют одинаковую размерность и приведены к единой шкале, то при проведении кластерного анализа их нормировка не требуется.

5

ИИКЖ = 0,13Е₁ + 0,16Е₂ + 0,12Е₃ + 0,12Е₄ + 0,11Е₅ + 0,10Е₆ + 0,12Е₇ + 0,14Е₈

Использование иерархического кластерного анализа — метода Уарда с квадратом расстояния Евклида в качестве метрики — привело к формированию 6 компактных кластеров (табл. 3). В их числе — кластер № 5, в состав которого вошли 9 из 10 регионов-аутсайдеров, и кластер № 1 с 6 из 10 регионов-лидеров по значениям ИИКЖ.

Так как интегральный индикатор был построен как линейная комбинация сопоставленных с качеством жизни факторов, то, очевидно, что регионы кластера № 1 должны определяться наиболее высокими, а регионы кластера № 5 — наиболее низкими значениями всех или большинства из них. Действительно, средние значения пяти факторов из восьми — Б1, 2, 4, 6, 7 — в кластере № 1 выше, чем в РФ в целом, в том числе по Б1 и Б4 регионы данного кластера являются лидерами в РФ, достигая в среднем 0,82 и 0,78, что значительно превосходит среднероссийские значения (0,59 и 0,52). Таким образом, кластер № 1 выделяется высокими потребительскими возможностями сельских домохозяйств и высокими оценками хозяйственной и социально-экономической среды (услуг торговли, быта, состояния безопасности и др.). В то же время регионы кластера № 1 не являются лидерами по социальным характеристикам сельского населения (Б5) — вопреки ожиданиям, обусловленным его высокими потребительскими возможностями — из-за среднего значения занятости, совпадающего со среднероссийским (0,56), и самого большого в РФ показателя наличия ЛПХ, оттягивающего на себя труд и досуг сельских жителей (0,79 против 0,61 в среднем по РФ).

Регионы кластера № 5 отличаются низкими значениями большинства индикаторов (Б1, 4, 5, 6, 7), в том числе по Б1 и Б5 являются аутсайдерами в РФ, составляя 0,32 и 0,26 (против 0,59 и 0,48 в среднем по РФ). Иными словами, на регионах данного кластера выявляется ожидаемая связь между низкими социальными характеристиками сельского населения (доходом, уровнем образования, занятостью, которая в большей степени, чем в других регионах, замещается трудом в ЛПХ) и его слабыми потреби-

тельными возможностями. Тем не менее, по отдельным индикаторам, особенно связанным с жильем и средой проживания, наблюдаются положительные выбросы: выделяются относительно высокие позиции Орловской и Омской областей соответственно по индикаторам благоустройства жилья и удовлетворенности им (Б2 и Б3 — 22 и 20 позиции среди регионов РФ), Курской и Саратовской областей по удовлетворенности социально-экономической средой (Б4 — 20 и 23 позиции).

Отметим, что регионы обоих кластеров расположены дисперсно по территории страны и не составляют единого географического ареала — высокое и низкое качество жизни сельского населения не имеет географической привязки, не зависит от природно-климатических условий.

Расположение регионов на шкалах интегрального и блочных индикаторов может существенно различаться. Так, кластер № 6 состоит из трех республик, имеющих средне-низкие значения ИИКЖ, но являющихся лидерами среди регионов России по значениям индикатора общественной и досуговой активности (Б8).

В составе кластера № 2–11 регионов, в том числе 4, входящие в число десяти лидеров по значениям ИИКЖ, и среди них — обе столичные области, которые выделяются высокими значениями всех блочных индикаторов. Учет всех регионов кластера обеспечивает ему первые позиции только по социальным характеристикам сельского населения и по удовлетворенности благоустройством жилья (Б5 и Б3) и снижает до предпоследней пятой позиции — по удовлетворенности социально-экономической средой проживания (Б4). Содержательно это означает, что в регионах кластера № 2 высокие показатели доходов, уровня образования, занятости, использования интернета, низкой активности в ЛПХ, удовлетворенности сферой ЖКХ сочетаются с критическим отношением к качеству других благ, обеспечивающих комфортность проживания (состоянию торговли и быта, социальной сферы, безопасности, отсутствию шума и др.). Отметим также, что средние значения

остальных пяти индикаторов в кластере № 2 выше среднероссийских, по каждому из них кластер занимает вторую-третью позицию, что отражает довольно высокое положение регионов данного кластера на шкале качества сельской жизни.

Регионы кластера № 3 расположены почти непрерывным ареалом с юга (Ставропольский край, Ростовская область, республика Дагестан, Карачаево-Черкесская, Адыгея) на Нижнюю Волгу (Астраханская, Волгоградская области) к Черноземью и Центру страны (Воронежская, Тамбовская, Рязанская области и др.). Они характеризуются высокими самооценками здоровья и работы (Б6), уступающими только кластеру № 1, и наиболее высокими в РФ показателями благоустройства жилья — наличия удобств и коммунальных услуг (Б2) — при наиболее низких в РФ оценках его качества (Б3). Кластер также отличается наиболее низкой досуговой и общественной активностью (Б8). Лучшие позиции в кластере — у трех центральных и трех кавказских регионов (Липецкой, Рязанской, Владимирской областей, республик Карачаево-Черкесской, Адыгеи, Дагестана) и Калининградской области: в них по 5–7 индикаторов имеют значения выше среднероссийских.

Кластер № 4 — самый многочисленный: 22 его региона отличаются, за редким исключением, континентальным климатом и расположены севернее и восточнее кластера № 3 — в Западной и Восточной Сибири, на Урале, Дальнем Востоке и европейском Севере страны. Регионы кластера, в том числе промышленно развитые и экономически успешные Красноярский край, Тюменская и Свердловская области, характеризуются средними значениями большинства индикаторов; при этом наблюдается более высокая, чем в целом по стране, удовлетворённость хозяйственной и социально-экономической средой проживания (Б4) и более низкие позиции по удовлетворённости благоустройством жилья и самооценкам условий труда и здоровья (Б3 и Б6).

Заключение

Современная трактовка качества жизни позволяет предложить вариант его формализованного описания через набор показателей, отражающих наличие разнообразных благ (в том числе относя к «благу» «отсутствие недостатка») и их субъективное восприятие. Преобразование подобных показателей, выраженных бинарной или порядковой шкалой, в непрерывные переменные дало возможность использовать компонентный анализ для их агрегирования в рамках математически строгой методики.

По результатам анализа были получены 8 главных компонент — блочных индикаторов, — характеризующих различные аспекты сельского качества жизни, связанные с домохозяйством и индивидом. Дальнейшим линейным преобразованием блочных индикаторов был построен интегральный индикатор, удобный для межрегиональных сравнений. Применяемые методики расчёта позволяли сохранить в составе интегрального и блочных индикаторов большую часть информации, которую несла каждая исходная переменная. Все исходные переменные и построенные индикаторы имеют одинаковые границы изменения — от 0 до 1 — и единую интерпретацию как меры обладания или удовлетворённости благом.

Для села остаётся актуальной низкая доступность услуг, в том числе коммунальных. Растущие в настоящее время технические возможности нецентрализованного обеспечения ими смягчают эту проблему; её решение связано с доходами домохозяйств — наличием работы и финансовых возможностей. Хозяйственная деятельность в ЛПХ в современном селе не является дополнительным источником семейного денежного дохода, она разнонаправлена с качеством жизни. Сельский индивид стоит перед выбором между работой и заработком, с одной стороны, и хозяйственной деятельностью в ЛПХ, с другой, и решает его в пользу работы при возможности адекватного трудоустройства. ЛПХ не становится мелкотоварным хозяйством и не является удовлетворительной альтернативой работе и заработку.

Применение кластерного анализа по блочным индикаторам дало многомерную картину региональной дифференциации, позволяющую оценить влияние отдельных аспектов на формирование сельского качества жизни в группах регионов. Анализ показал четкое выделение кластеров, состоящих из регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров по значениям интегрального индикатора сельского качества жизни. При этом ни те, ни другие не составляют сплошных географических ареалов, то есть влияние природно-климатических условий на сельское качество жизни не просматривается. В остальных кластерах отдельные аспекты сельского качества жизни сочетаются

разнонаправленно: сельское население южных и центральных регионов страны характеризуется высокими самооценками здоровья и работы, высокой благоустроенностью сельского жилья при низких оценках её качества, низкой общественной и досуговой активностью. Для сельского населения значительной части сибирских, уральских, северных регионов характерны более высокая, чем в целом по стране, удовлетворенность хозяйственной и социально-экономической средой проживания и более низкие оценки благоустройства жилья, условий труда и здоровья.

Литература и Интернет-источники

1. **Головин, А. А.** Место и роль категории «качество жизни» в характеристике общества: исторический контекст и современное состояние / А. А. Головин // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 259–271. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.2.10; EDN: LXMEPR
2. **Кислицына, О. А.** Подходы к измерению прогресса и качества жизни (благополучия) / О. А. Кислицына // Экономический анализ: теория и практика. — 2016. — № 10 (457). — С. 28–38. EDN: WWYJUH
3. **Дубров, А. М.** Многомерные статистические методы / А. М. Дубров, В. С. Мхитарян, Л. И. Трошин. — Москва : Финансы и статистика, 2003. — 352 с.
4. **Айвазян, С. А.** Россия в межстрановом анализе синтетических категорий качества жизни (Часть 1. Методология анализа и пример её применения) / С. А. Айвазян // Мир России. — 2001. — № 4. — С. 59–96. EDN: ZMEITH
5. **Айвазян, С. А.** Анализ качества и образа жизни населения: монография / С. А. Айвазян. — Москва : Наука, 2012. — 432 с. EDN: WNTANH
6. **Айвазян, С. А.** Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и её муниципальных образований) / С. А. Айвазян, В. С. Степанов, М. И. Козлова // Прикладная эконометрика. — 2006. — № 2. — С. 18–84. EDN: HZNBPX
7. **Айвазян, С. А.** Интегральный индикатор качества и условий жизни / С. А. Айвазян, М. Ю. Афанасьев, А. В. Кудров // Цифровая экономика. — 2019. — № 1(5). — С. 43–56. DOI: 10.34706/DE-2019-01-05. EDN: ZSELNZ
8. **Митрофанов, А. Ю.** Методика построения интегрального показателя качества жизни населения муниципальных образований / А. Ю. Митрофанов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2008. — № 4(23). — С. 109–112. EDN: KXKFPL
9. **Молчанова, Е. В.** Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей / Е. В. Молчанова, М. М. Кручек, З. С. Кибисова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3(33). — С. 196–208. DOI: 10.15838/esc/2014.3.33.15; EDN: SHRLIX

10. **Мигранова, Л.А.** Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах / Л.А. Мигранова, В.В. Ульянов // Народонаселение.— 2017.— № 3.— С. 116–129. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-9; EDN: ZWTFKX
11. **Жгун, Т.В.** Построение интегральной характеристики качества жизни субъектов Российской Федерации с помощью метода главных компонент / Т.В. Жгун // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2017.— Т. 10.— № 2.— С. 214–235. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.12; EDN: YMIQJF
12. **Степанов, В.С.** Построение модели, связывающей индикатор уровня жизни населения с комплексом показателей социально-экономической политики в регионах России / В.С. Степанов, В.Н. Бобков, Е.Ф. Шамаева, Е.В. Одинцова // Уровень жизни населения регионов России.— 2022.— Т. 18.— № 4.— С. 450–465. DOI: 10.19181/Ispr.2022.18.4.3; EDN: FUJMOM
13. **Локосов, В.В.** Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения / В.В. Локосов, Е.В. Рюмина, В.В. Ульянов // Народонаселение.— 2019.— Т. 22.— № 4.— С. 4–17. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00035; EDN: GKCM LZ
14. **Шубат, О.М.** Кластерный анализ как аналитический инструментарий политики народонаселения / О.М. Шубат, И.В. Шмарова // Экономика региона.— 2017.— Т. 13.— Вып. 4.— С. 1175–1183. DOI: 10.17059/2017-4-16; EDN: ZXQKEL
15. **Толмачев, М.Н.** Типология регионов России по состоянию и развитию сельского хозяйства / М.Н. Толмачев, В.В. Носов // Научное обозрение.— 2012.— № 1.— С. 188–197. EDN: OWQEWB
16. **Альмухаметов, В.** Сравнительный анализ хозяйственной деятельности субъектов территории (на примере сельскохозяйственного производства) / В. Альмухаметов // Региональная экономика: теория и практика.— 2009.— № 23(116).— С. 71–76. EDN: KTZEND
17. **Филимонова, Н.Г.** Исследование дифференциации районов Красноярского края по уровню развития сельского хозяйства на основе методов многомерного статистического анализа / Н.Г. Филимонова, А.А. Городов // Региональная экономика: теория и практика.— 2010.— № 20(155).— С. 62–68. EDN: LRIPXF
18. Развитие агропродовольственных систем в регионах России, неблагоприятных для ведения сельского хозяйства: возможности и регулирование / под общ. ред. С.А. Андрищенко.— Саратов : Саратовский источник, 2020.— 215 с. EDN: ИИТЗК
19. **Сарайкин, В.А.** Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость / В.А. Сарайкин, Ю.Н. Никулина, Р.Г. Янбых // Экономическая социология.— 2023.— Т. 24.— № 1.— С. 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105; EDN: LHPYZO
20. **Зангиева, И.К.** Сравнительный анализ способов проведения факторного анализа на порядковых переменных / И.К. Зангиева, А.Н. Ротмистров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.— 2018.— № 3.— С. 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02; EDN: XSWAPZ

Сведения об авторе:

Шабанов Виктор Леннарович, д.соц.н., ведущий научный сотрудник, Саратовский научный центр РАН, Институт аграрных проблем, Саратов, Россия.

Контактная информация: e-mail: vic35@iinbox.ru; ORCID: 0000-0002-0129-8238; РИНЦ AuthorID: 476081.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19

QUALITY OF LIFE OF THE RURAL POPULATION IN RUSSIA: INTEGRAL ASSESSMENT AND REGIONAL DIFFERENTIATION

Viktor L. Shabanov

*Institute of Agrarian Problems of the Saratov Federal Scientific Center RAS
(94 Moskovskaya str., Saratov, Russia, 410012)*

E-mail: vic35@inbox.ru

For citation:

Shabanov V.L. Quality of life of the rural population in Russia: integral assessment and regional differentiation. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 4-19. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-4-19 (in Russ.)

Abstract. *The article presents a study of the regional differentiation of the Russian rural population on the basis of an aggregated array of variables reflecting various aspects of the life quality, in the form of objective indicators of benefits (disadvantages) and subjective assessments of their quality (manifestation). The source of indicators is Rosstat—Comprehensive monitoring of the living conditions of the population for 2020. All variables are grouped by regions of the Russian Federation and are reduced to a single scale from 0 to 1. According to the principle of statistical and meaningful similarity, the array of variables is divided into blocks with subsequent aggregation into «block indicators» with high information content of each variable. They are the basis for classification of regions and development of an integral indicator of the life quality, which effectively solves the problem of interregional comparisons. Based on the results of the analysis, there is identified high information content in the formalization of the rural life quality of those variables that reflect improvement of the household, its financial capabilities, security of living and social characteristics of the family head (the nature of his work), health status, and activity of using the Internet. For the village, lower availability of services, including utilities, remains relevant. Economic activity in personal subsidiary plots is not an additional source of family income and is multidirectional in relation to the life quality. Geographical conditions do not affect the life quality of the rural population: the leading and outsider regions in terms of the values of the integral indicator are dispersed in all parts of the country and do not form continuous territorial areas. The rural population of the southern and central regions is characterized by high self-assessments of health and work, high well-being of rural housing with low assessments of its quality, low leisure and social activity. The rural population of a significant part of the Siberian, Ural, and northern regions is characterized by a higher satisfaction with the socio-economic living environment than in the country as a whole, and lower assessments of housing amenities, working conditions and health.*

Keywords: *quality of life, rural population, regions, regional differentiation, principal component method, integral indicator, block indicators, cluster analysis.*

References and Internet sources

1. Golovin A. A. Mesto i rol' kategorii «kachestvo zhizni» v kharakteristike obshchestva: istoricheskiy kontekst i sovremennoye sostoyaniye [Place and role of the «quality of life» category in the characteristic of society: historical context and current state]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [*Living Standards of the Population in the Regions of Russia*]. 2022. Vol. 18. No. 2. P. 259–271. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.10 (in Russ.)
2. Kislitsina O. A. Podhody k izmereniyu progressa i kachestva zhizni (blagopoluchiya) [Approaches to measure the progress and quality of life (well-being)]. Ekonomicheskij analiz: teoriya i praktika [*Economic Analysis: Theory and Practice*]. 2016. Vol. 457. No. 10. P. 28–38. (in Russ.)
3. Dubrov A. M., Mkhitarian V. S., Troshin L. I. Mnogomernyye statisticheskije metody [*Multidimensional Statistical Methods*]. Moscow. Finansy i statistika [Finance and Statistics]. 2003. P. 139–146. (in Russ.)
4. Ayvazyan S. A. Rossiya v mezhstranovom analize sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni (Chast' 1. Metodologiya analiza i primer yeyo primeneniya) [Russia in the cross-country analysis of synthetic categories of the life quality (Part 1. Methodology of analysis and an example of its application)]. Mir Rossii [*Universe of Russia*]. 2001. No. 4. P. 59–96. (in Russ.)
5. Ayvazyan S. A. Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya [*Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population*]. Moscow. Nauka. [Science]. 2012. 432 p. (in Russ.)
6. Aivazian S. A., Stepanov V. S., Kozlova M. I. Izmerenije sinteticheskikh kategorij kachestva zhizni naseleniya regiona i vyyavlenije klyuchevykh napravlenij sovershenstvovaniya sotsial'no-ekonomicheskoy politiki (na primere Samarskoj oblasti i yeyo munitsipal'nykh obrazovaniy) [Measuring the synthetic categories of quality of life in a region and identification of main trends to improve the social and economic policy (Samara region and its constituent territories)]. Prikladnaya ekonometrika [*Applied Econometrics*]. 2006. No. 2. P. 18–84. (in Russ.)
7. Ayvazyan S. A., Kudrov A. V. Integral'nyj indikator kachestva i uslovij zhizni [Integral indicator of quality and living conditions]. Tsifrovaya ekonomika [*Digital Economy*]. 2019. No. 1(5). P. 43–56. DOI: 10.34706/DE-2019–01–05 (in Russ.)
8. Mitrofanov A. Yu. Metodika postrojeniya integral'nogo pokazatelya kachestva zhizni naseleniya munitsipal'nykh obrazovaniy [The method of development of an integral indicator of the life quality of the population of municipalities]. Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta [*Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*]. 2008. No. 4(23). P. 109–112. (in Russ.)
9. Molchanova E. V., Kruchek M. M., Kibisova Z. S. Postroenije rejtingovykh otsenok sub»jektov Rossijskoj Federatsii po blokam sotsial'no-ekonomicheskikh pokazatelej [Building of the rating assessments of the Russian Federation subjects by the blocks of socio-economic indicators]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2014. No. 3(33). P. 196–208. (in Russ.)
10. Migranov L. A., Ulyanov V. V. Metodicheskije podhody k otsenke kachestva zhizni naseleniya v regionakh [Methodic approaches to estimation of the quality of life of population in regions]. Narodonaselenie [*Population*]. 2017. No. 3. P. 116–129. (in Russ.)
11. Zhgun T. V. Postroenije integral'noj kharakteristiki kachestva zhizni sub»jektov Rossijskoj Federatsii s pomoshchyu metoda glavnih komponent [Building an integral measure of the quality of life of constituent entities of the Russian Federation using the principal component analysis]. Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2017. Iss. 10. No. 2. P. 214–235. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.12 (in Russ.)
12. Stepanov V. S., Bobkov V. N., Shamaeva E. F., Odintsova E. V. Postroenije modeli, svyazyvayushchej indikator urovnya zhizni naseleniya s kompleksom pokazatelej sotsial'no-ekonomicheskoy politiki v regionakh Rossii [Building a model linking the indicator of the standard of living of the population

- with a set of indicators of socio-economic policy in the regions of Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 4. P. 450–465. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.3 (in Russ.)
13. Lokosov V.V., Ryumina E.V., Ulyanov V.V. Klasterizatsiya regionov Rossii po pokazatelyam kachestva zhizni i kachestva naseleniya [Clustering of regions by indicators of quality of life and quality of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 4. P. 4–17. (in Russ.)
 14. Shubat O.M., Shmarova I.V. Klasternyj analiz kak analiticheskij instrumentarij politiki narodonaseleniya [Cluster analysis as an analytical tool of population policy]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2017. Vol. 13. No. 4. P. 1175–1183. DOI: 10.17059/2017–4–16 (in Russ.)
 15. Tolmachev M.N., Nosov V.V. Tipologiya regionov Rossii po sostoyaniyu i razvitiyu sel'skogo hozyajstva [Typology of Russian regions according to the state and development of agriculture]. *Nauchnoje obozrenije [Scientific Review]*. 2012. No. 1. P. 188–197. (in Russ.)
 16. Almukhametov V. Sravnitel'nyj analiz hozyajstvennoj deyatel'nosti sub»jektivov territorii (na primere sel'skokhozyajstvennogo proizvodstva) [The Comparative analysis of economic activity the subjects of territory (on an example of agricultural production)]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2009. No. 23(116). P. 71–76. (in Russ.)
 17. Filimonova N.G., Gorodov A.A. Issledovaniye differentsiatsii rajonov Krasnoyarskogo kraja po urovnyu razvitiya sel'skogo hozyajstva na osnove metodov mnogomernogo statisticheskogo analiza [The research of differentiation of Krasnoyarsk territory regions according to the differentiation of agriculture development on the basis of methods of the multidimensional statistical analysis]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2010. No. 20(155). P. 62–68. (in Russ.)
 18. Razvitije agroproduktivnykh sistem v regionah Rossii, neblagopriyatnykh dlya vedeniya sel'skogo khozyajstva: vozmozhnosti i regulirovaniye [Development of Agro-Food Systems in Russian Regions Unfavorable for Agriculture: Opportunities and Regulation]. Ed. S.A. Andryushenko. *Saratov. Saratovskij istochnik [Saratov Source]*. 2020. 215 p. (in Russ.)
 19. Saraikin V.A., Nikulina Yu. N., Yanbykh R.G. Sub»jektivnoje blagopoluchije sel'skikh zhitelej v Rossii: faktory i ih znachimost' [Subjective well-being of rural dwellers in Russia: Factors and their significance]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Journal of Economic Sociology]*. 2023. Vol. 24. No. 1. P. 71–105. DOI: 10.17323/1726–3247–2023–1–71–105 (in Russ.)
 20. Zangieva I.K., Rotmistrov A.N. Sravnitel'nyj analiz sposobov provedeniya faktornogo analiza na poryadkovykh peremennykh [Factor analysis of ordinal variables: a comparative study]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2018. No. 3. P. 29–46. DOI: 10.14515/monitoring.2018.3.02 (in Russ.)

Information about the author:

Shabanov Viktor Lennarovich, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Agrarian Problems of the Saratov Federal Scientific Center RAS, Saratov, Russia.

Contact information: e-mail: vic35@iinbox.ru; ORCID: 0000–0002–0129–8238; Elibrary AuthorID: 476081.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32
EDN: MMZEPF

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ИНЖЕНЕРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Пилипенко И. В. *, Шнейдерман И. М.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

**E-mail: i-pilipenko@yandex.ru*

Для цитирования:

Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М. Региональные приоритеты в модернизации инженерной инфраструктуры в сельской местности для повышения качества жизни населения (часть первая) // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 20-32. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32; EDN: MMZEPF

Аннотация. В статье рассматривается проблема серьезного отставания сельских населенных пунктов от городов и поселков городского типа (пгт) России в развитии инженерной инфраструктуры. Для анализа авторами используются шесть показателей из опросов Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» 2014 г. и 2022 г., отражающих подключение около 18,5 тыс. домохозяйств в сельской местности 82 субъектов РФ (без трёх городов федерального значения) к водопроводу и горячему водоснабжению, наличие современной канализации, туалета, систем отопления и доступа домохозяйств к бытовому газу. В первой части статьи выявлено отставание сельских домохозяйств от городских по качеству жизни в части обустройства канализации (на 50,6 процентных пункта (п.п.) меньше домохозяйств по РФ в целом), современного туалета (на 29,3 п.п.) и горячего водоснабжения (на 21,0 п.п. меньше); лидерство по средним показателям Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов (ФО); критическое отставание по развитию инженерной инфраструктуры в сельской местности Сибирского и Дальневосточного ФО и таких субъектов РФ как республики Саха (Якутия), Коми, Тыва, Карелия, Бурятия, области Амурская, Тюменская и Иркутская, Ненецкий автономный округ (АО) и Красноярский край. В статье построены шесть классификаций с шестью группами субъектов РФ каждая по степени отставания сельских домохозяйств от городов и пгт по рассматриваемым в статье составляющим инженерной инфраструктуры. Во второй части статьи предложена методика и рассчитаны значения сводного индекса отставания инженерной инфраструктуры в сельской местности для 82 регионов РФ. На базе полученных показателей составлена типология, включающая семь типов субъектов РФ, которая может стать основой для определения или корректировки региональных приоритетов государственных программ по обустройству отдельных компонентов инженерной инфраструктуры в сельской местности.

Ключевые слова: инженерная инфраструктура, водоснабжение, водопровод, канализация, отопление, бытовой газ, сельская местность, качество жизни, регионы России.

© Пилипенко И. В., Шнейдерман И. М., 2024.

Введение

Проблеме комплексного благоустройства домовладений в сельской местности в отечественной научной литературе в последние десятилетия не уделялось достаточно внимания. В 1970–1980-е гг. основные усилия исследователей были направлены на изучение образа жизни сельского населения [1–3]. Вопросы инфраструктурного развития частично затрагивались в рамках анализа общей проблемы ликвидации социально-экономических различий между городом и деревней [3–5] и повышения уровня жизни населения [6]. И только в конце 1980-х гг. стали выходить работы, где подчёркивалась важность систем водоснабжения, канализации, газоснабжения для сельской местности [7; 8], однако региональные различия практически не были изучены [3, с. 118]. Во многом это являлось следствием отставания сельских поселений с преимущественно индивидуальными жилыми домами от городов и посёлков городского типа (пгт) в части развития элементов жилищно-коммунального хозяйства, которые, в свою очередь, находились большей частью на балансе местных сельскохозяйственных предприятий [6; 9]. При этом некоторое сокращение разрыва между городом и деревней по степени благоустройства в 1970–1980-х гг. осуществлялось за счёт строительства в сельской местности многоквартирных домов, подключённых к централизованным системам тепло- и водоснабжения, а также в ряде случаев — к канализации [3, с. 49; 6, с. 315; 10, с. 22–23].

Зависимость качества сельской инфраструктуры от существования и эффективности деятельности колхозов и совхозов в полной мере проявилось в 1990-е гг., когда с ликвидацией большинства местных предприятий развитие благоустройства на селе по факту приостановилось [11] до запуска в середине 2000-х гг. Правительством РФ Федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2010 года»¹ [12], продолженной в 2010–2020-х гг. другими

федеральными программами². В свою очередь, проблема развития инженерной инфраструктурой на селе по-прежнему находилась на периферии внимания научного сообщества. Только в 2000–2010-х гг. стали выходить работы, где вопросы благоустройства домов в сельской местности рассматривались во взаимосвязи с социальной инфраструктурой, преимущественно на региональном уровне [11–14], в контексте изучения сельского образа жизни [10] и формирования рынка жилья [15; 16], изучения бедности сельского населения [17], а также в связи с реализацией государственных программ развития села [18]. Анализ доступности коммунальных удобств на региональном уровне был впервые проведён в работах 2012 г. сотрудников ИСЭПН РАН [19; 20], а развитию систем водоснабжения и водоотведения в сельской местности РФ в период 2011–2020 гг. была посвящена публикация [9]. В данной работе проведён анализ степени отставания российских регионов по развитию инженерной инфраструктуры с использованием данных «Комплексного наблюдения условий жизни населения» Росстата 2014 г.³ (КОУЖ-2014) и 2022 г.⁴ (КОУЖ-2022) на основе опросов около 60 тыс. российских домохозяйств, в том числе 18,5 тыс. домохозяйств в сельской местности⁵.

² Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2013 года» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2002 г. № 858, с изменениями и дополнениями); Федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598; Ведомственная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий» (утверждена Министерством сельского хозяйства РФ 7 июня 2019 г.); Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696).

³ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2014 // Росстат, 30.03.2015: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат, 31.03.2023: [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 04.09.2023).

⁵ Необходимо иметь в виду, что данные опросов КОУЖ, которые с 2014 г. публикуются каждые два года, не являются панельными/лонгитюдными, так как выборка домохозяйств каждый раз формируется на основе случайного от-

В соответствии с Государственной программой «Комплексное развитие сельских территорий»⁶ под инженерной инфраструктурой мы понимаем системы электроосвещения, водоснабжения, водоотведения, отопления и газоснабжения в сельских населённых пунктах. В связи с тем, что вопрос с электроснабжением был решён ещё в советское время, мы сосредоточимся на рассмотрении остальных составляющих инженерной инфраструктуры, используя шесть показателей из вопросников КОУЖ: (I) — «вид водопровода в доме» (количество домохозяйств без водопровода), (II) — «тип горячего водоснабжения» (количество домохозяйств без горячего водоснабжения), (III) — «удаление сточных вод и бытовых отходов» (сумма домохозяйств, у которых водоотведение осуществляется через систему труб в выгребные ямы и т.п. и не имеющих системы канализации), (IV) — «место расположения туалета» (сумма домохозяйств, у которых туалет располагается в местах общего пользования / в отдельном строении / в дворовой постройке, и которые не имеют туалета), (V) — «тип отопления в доме» (количество домохозяйств, имеющих печное отопление), (VI) — «пользование дома бытовым газом» (сумма домохозяйств, не имеющих возможности и не имеющих необходимости пользоваться бытовым газом).

Отставание сельской местности от городов по развитию инженерной инфраструктуры

Представленные в табл. 1 расчёты (доля домохозяйств без подключения к компонентам инженерной инфраструктуры в сельской местности минус доля домохозяйств без подключения в городской мест-

ности) по федеральным округам (ФО) и регионам РФ на основе данных КОУЖ-2022 позволяют сделать следующие выводы. Во-первых, наибольшее отставание сельских населённых пунктов от городов наблюдается по обустройству систем канализации и наличию современного туалета — соответственно 50,6 п.п. и 29,3 п.п. в целом по России, тогда как различия по другим показателям, кроме использования газа, варьируют от 10,4 п.п. по водопроводу до 21,0 п.п. по горячему водоснабжению. Обеспеченность бытовым газом — единственный показатель, по которому сельская местность формально выглядит лучше городской, однако данный результат объясняется широким использованием электрических плит в многоквартирных домах в городах и пгт. Если же использовать только данные по домохозяйствам, не имеющим возможности пользоваться бытовым газом, то видно, что обеспеченность газом на селе в 45 регионах оказывается хуже, чем в городской местности (в целом по РФ — на 1,4 п.п. ниже, чем в городах и пгт). Отметим, что в число использующих бытовой газ мы включаем домохозяйства (9,4% в целом по России), снабжающиеся пропаном и бутаном (сжиженным газом и газом в баллонах), которые являются продуктами нефтепереработки и обычно ощутимо дороже природного газа.

Во-вторых, лидерами среди федеральных округов по степени развитости водопроводных систем (централизованных, из индивидуальной скважины или из колодца) в сельских поселениях являются Северо-Кавказский (на 1,4 п.п. домохозяйств меньше, чем в городах и пгт), Центральный (на 6,0 п.п.), Приволжский (на 7,3 п.п.) и Южный (на 7,4 п.п.) ФО; по горячему водоснабжению (центральное и от местных или индивидуальных водонагревателей) — Северо-Кавказский (на 6,2 п.п.), Центральный (на 12,7 п.п.) и Южный (на 13,2 п.п.) ФО; по наличию канализации (централизованной или индивидуальной, включая септик) — Северо-Западный (на 30,3 п.п.) и Уральский (на 33,5 п.п.) ФО; по наличию современного туалета (в квартире / доме) —

бора. Кроме того, следует отметить, что результаты опроса КОУЖ-2011 не задействованы нами из-за использования Росстатом меньшей выборки (около 10 тыс. домохозяйств), что оказалось недостаточным для выявления изменений рассматриваемых нами показателей по ряду регионов РФ.

⁶ Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена Постановлением Правительства РФ от 31 мая 2019 г. № 696), с. 7 // Правительство РФ: [сайт]. — URL: <http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZAw0FaFjnA79v.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

Северо-Западный (13,4 п.п.) и Центральный (17,5 п.п.) ФО; по наличию современной системы отопления (центральное или от индивидуальных установок / котлов) — Северо-Кавказский (разница между сельской и городской местностью — 7,5 п.п.), Центральный (9,2 п.п.), Приволжский (11,3 п.п.) и Южный (12,8 п.п.) ФО. Таким образом, наиболее критическое отставание в качестве жизни в части благоустройства сельских населённых пунктов сложилось в Сибирском (в среднем 36 п.п. по пяти показателям, кроме использования бытового газа) и Дальневосточном (в среднем 37 п.п.) ФО.

Таблица 1

Разница между долями неподключённых к инженерной инфраструктуре домохозяйств в сельской и городской местности в регионах Российской Федерации, п.п.*

Table 1

Difference between the shares of households in rural and urban areas in the regions of the Russian Federation not connected to the utilities' infrastructure, per cent

Территория	В домохозяйствах отсутствует:					Домохозяйства:	
	Водопровод	Горячее водоснабжение	Современная канализация	Современный туалет	Современное отопление	Не имеют газа	Не имеют возможности пользоваться газом
Российская Федерация	10,4	21,0	50,6	29,3	17,7	-9,6	1,4
Центральный ФО	6,0	12,7	44,9	17,5	9,2	-15,3	-0,8
Белгородская область	2,5	8,9	60,1	15,5	1,8	-7,7	-0,7
Брянская область	4,8	6,0	55,4	31,7	8,5	-1,9	-1,9
Владимирская область	9,6	14,8	38,4	11,4	12,5	-0,7	1,2
Воронежская область	11,3	17,0	56,2	17,5	10,5	-1,9	2,1
Ивановская область	5,4	18,4	4,2	0,2	9,7	3,6	1,4
Калужская область	0,9	6,0	28,4	13,3	5,4	-7,2	-8,0
Костромская область	14,2	11,8	36,2	2,9	25,2	5,8	6,3
Курская область	2,6	11,3	76,9	21,9	5,5	-14,9	-3,5
Липецкая область	2,5	4,2	61,1	18,7	3,7	0,6	0,6
Московская область	0,6	5,1	13,2	1,0	2,9	1,4	2,2
Орловская область	6,6	22,4	59,5	36,0	4,9	1,2	0,6
Рязанская область	13,1	23,2	61,6	27,6	9,8	-12,7	0,5
Смоленская область	10,5	21,0	43,8	34,3	2,2	-7,1	0,0
Тамбовская область	10,2	18,2	38,8	41,9	14,8	-0,6	0,1
Тверская область	5,6	13,5	26,6	18,8	22,0	-7,1	-0,2
Тульская область	1,9	6,9	12,5	7,9	3,9	0,0	0,0
Ярославская область	5,0	6,2	19,5	4,2	24,0	-1,0	2,9
Северо-Западный ФО	17,0	21,5	30,3	13,4	25,2	-3,5	4,6
Архангельская область	33,3	28,9	30,4	2,5	37,5	23,2	8,9
Вологодская область	7,9	12,2	27,0	18,3	26,5	2,1	0,8
Калининградская область	0,7	3,0	5,2	7,4	4,0	-4,6	0,0
Ленинградская область	12,3	3,2	23,3	5,0	10,2	-2,1	-0,2
Мурманская область	0,0	0,0	-0,5	0,0	0,0	13,0	0,0
Ненецкий АО	59,3	59,3	100,0	14,8	51,9	100,0	96,3
Новгородская область	3,9	25,4	16,9	-2,6	9,2	0,7	0,0
Псковская область	8,1	3,7	18,4	19,0	17,5	0,5	-1,6

Территория	В домохозяйствах отсутствует:					Домохозяйства:	
	Водо-провод	Горячее водоснаб-жение	Современ-ная кана-лизация	Современ-ный туалет	Совре-ненное отопление	Не имеют газа	Не имеют возможности поль-зоваться газом
Республика Коми	40,0	84,6	83,4	39,9	68,9	45,2	26,1
Республика Карелия	43,0	50,0	47,2	55,6	50,6	-3,9	-17,0
Южный ФО	7,4	13,2	49,6	24,1	12,8	-3,3	1,0
Астраханская область	13,9	12,4	62,8	26,4	-3,8	0,0	0,0
Волгоградская область	15,9	14,1	53,7	30,9	4,4	-7,5	0,0
Краснодарский край	3,6	9,2	41,1	18,8	11,3	-5,9	-2,1
Республика Адыгея	0,0	3,7	3,7	16,4	4,2	0,5	0,5
Республика Калмыкия	52,8	28,7	43,5	62,0	0,9	0,0	0,0
Республика Крым	0,0	11,9	60,0	18,5	19,8	7,1	6,6
Ростовская область	5,7	21,6	67,3	28,0	23,3	-6,5	0,7
Северо-Кавказский ФО	1,4	6,2	54,5	27,9	7,5	-6,1	-0,4
Кабардино-Балкарская Респ.	0,6	4,9	42,8	22,3	1,2	-13,7	0,0
Карачаево-Черкесская Респ.	1,5	13,3	80,7	71,9	10,4	-8,3	-8,3
Республика Дагестан	4,2	9,7	42,9	26,6	21,7	0,5	0,5
Республика Ингушетия	0,0	0,9	0,0	-9,3	0,0	0,0	0,0
Респ. Сев. Осетия-Алания	0,0	0,0	51,5	39,7	0,0	20,0	0,0
Ставропольский край	0,5	6,6	75,1	24,8	4,0	-22,8	0,2
Чеченская Республика	0,0	0,0	48,1	38,0	-0,4	0,0	0,0
Приволжский ФО	7,3	23,2	56,5	35,2	11,3	-3,8	1,4
Кировская область	0,7	9,7	40,9	16,9	17,1	-1,7	2,2
Нижегородская область	7,3	16,1	44,4	29,3	17,1	-7,2	-0,3
Оренбургская область	3,0	20,1	54,0	24,1	1,5	0,3	0,2
Пензенская область	5,6	11,7	48,1	22,3	2,7	0,2	0,5
Пермский край	3,6	28,7	53,3	44,2	40,2	7,1	2,1
Республика Башкор-тостан	17,6	36,3	69,5	53,0	13,1	4,0	4,6
Республика Марий Эл	6,9	30,4	47,1	36,6	16,0	3,9	2,0
Республика Мордовия	4,9	15,2	81,1	46,9	5,9	1,6	1,6
Республика Татарстан	3,7	23,6	63,4	38,2	0,9	-3,0	-0,1
Самарская область	5,3	19,6	52,1	26,3	4,2	-16,6	1,4
Саратовская область	5,0	13,5	55,3	8,5	3,1	-5,9	-0,7
Удмуртская Республика	14,5	35,9	72,3	49,5	27,2	-7,2	4,9
Ульяновская область	5,2	35,7	41,3	46,5	9,2	-16,2	-2,1
Чувашская Республика	7,3	11,7	40,7	31,1	4,8	-4,9	0,9

Территория	В домохозяйствах отсутствует:					Домохозяйства:	
	Водо-провод	Горячее водоснаб-жение	Современ-ная кана-лизация	Современ-ный туалет	Совре-менное отопление	Не имеют газа	Не имеют возмжно-сти пользо-ваться газом
Уральский ФО	11,1	27,4	33,5	27,7	23,4	-4,3	5,1
Курганская область	24,3	37,7	28,4	29,3	44,1	2,6	-8,9
Свердловская область	7,3	14,7	27,1	15,8	23,7	20,8	19,5
Тюменская область	18,3	56,3	46,2	49,6	30,6	-40,8	10,2
Ханты-Мансийский АО – Югра	5,6	13,1	7,5	14,9	-0,6	-12,8	-17,2
Челябинская область	5,0	22,3	51,5	28,7	16,6	-10,7	2,8
Ямало-Ненецкий АО	0,0	0,8	-11,7	0,0	0,0	10,6	10,0
Сибирский ФО	17,5	33,4	53,9	38,8	36,1	-24,9	2,6
Алтайский край	8,7	9,2	63,9	19,7	12,0	-39,3	-2,6
Иркутская область	52,8	59,2	61,7	60,4	57,4	-1,0	4,4
Кемеровская область	8,2	26,1	50,6	38,7	25,1	-9,5	30,9
Красноярский край	26,1	47,9	31,3	50,6	44,1	-27,4	-5,1
Новосибирская область	0,1	33,9	46,2	32,9	68,4	-24,7	5,1
Омская область	14,4	25,4	52,4	28,1	10,0	1,3	0,2
Республика Алтай	37,8	33,0	50,0	43,7	27,8	-20,4	-3,3
Республика Тыва	2,8	61,1	67,6	54,6	62,0	-3,7	-17,6
Республика Хакасия	16,5	23,9	49,7	30,8	48,4	-38,2	-11,0
Томская область	3,5	17,8	40,4	31,5	25,5	-24,1	22,1
Дальневосточный ФО	27,1	37,5	46,3	39,6	34,3	-4,6	-0,4
Амурская область	16,5	47,7	43,5	48,6	52,1	-22,2	3,6
Еврейская авт. область	-3,0	-3,3	7,8	-5,2	15,9	51,1	0,0
Забайкальский край	19,7	33,6	42,5	43,8	36,6	-14,4	20,0
Камчатский край	0,0	2,9	5,6	5,0	43,9	-3,2	-28,0
Магаданская область	0,0	0,0	47,4	-4,4	0,0	-1,9	37,4
Приморский край	22,7	34,3	29,5	27,9	32,9	-29,5	-41,9
Республика Бурятия	27,7	51,1	56,6	55,0	50,1	-14,9	-26,2
Республика Саха (Яку-тия)	77,1	74,0	77,6	75,6	18,5	-6,3	5,8
Сахалинская область	0,8	19,3	30,0	14,4	28,4	10,7	14,0
Хабаровский край	33,3	21,2	44,6	37,0	25,8	25,2	25,5
Чукотский АО	0,0	0,0	48,8	-1,2	0,0	0,0	22,8

*без городов федерального значения.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

В-третьих, на уровне субъектов РФ наибольший разрыв между уровнем развития инженерной инфраструктуры в сельской и городской местности в части холодного и горячего водоснабжения, канализации, наличия современного туалета и отопления наблюдается в Республике Саха (Якутия) (64,6 п.п.), Республике Коми (63,4 п.п.), Иркутской области (58,3 п.п.), Ненецком автономном округе (АО) (57,0 п.п.), Республике Тыва (49,6 п.п.), Республике Карелия (49,3 п.п.), Республике Бурятия (48,1 п.п.), Амурской (41,7 п.п.) и Тюменской областях (40,2 п.п.) и в Красноярском крае (40,0 п.п.). Наоборот, практически отсутствуют различия в степени благоустройство квартир и индивидуальных домов в городах и на селе (средний показатель разницы в пределах 5,0 п.п.) в Ямало-Ненецком АО (-2,2 п.п.), в Республике Ингушетия (-1,7 п.п.), в Мурманской (-0,1 п.п.), Еврейской авт. области (2,4 п.п.), Калининградской (4,1 п.п.) и Московской (4,6 п.п.) областях. При этом несколько регионов характеризуются отсутствием различий между городской и сельской местностью по некоторым показателям: Мурманская область (по холодному и горячему водоснабжению, наличию современного туалета и отопления), Республика Ингушетия (по водоснабжению, канализации, отоплению и бытовому газу), Чукотский АО (по холодному и горячему водоснабжению, отоплению и использованию бытового газа), Магаданская область и Республика Северная Осетия-Алания (по холодному и горячему водоснабжению и отоплению), Чеченская Республика (по холодному и горячему водоснабжению и бытовому газу), Ямало-Ненецкий АО (по водоснабжению, наличию современного туалета и отопления), Астраханская область (по использованию бытового газа), Республика Калмыкия (по бытовому газу), Республика Крым (по водоснабжению).

В то же время разница между степенью подключения домохозяйств по водопроводу достигает 77,1 п.п. в Республике Саха (Якутия), 59,3 п.п. в Ненецком АО, 52,8 п.п. в Республике Калмыкия; по горячему водоснабжению—84,6 п.п. в Республике Коми,

74,0 п.п. в Республике Саха (Якутия), 61,1 п.п. в Республике Тыва; по современной канализации—100,0 п.п. в Ненецком АО, 83,4 п.п. в Республике Коми, 81,1 п.п. в Республике Мордовия; по современному туалету—75,6 п.п. в Республике Саха (Якутия), 71,9 п.п. в Карачаево-Черкесской Республике, 62,0 п.п. в Республике Калмыкия; по современной системе отопления—68,9 п.п. в Республике Коми, 68,4 п.п. в Новосибирской области, 62,0 п.п. в Республике Тыва; по бытовому газу—100,0 п.п. в Ненецком АО, 51,1 п.п. в Еврейской авт. области, 45,2 п.п. в Республике Коми.

Классификации регионов России по показателям развитости инженерной инфраструктуры в сельской местности

За рассматриваемый восьмилетний период (2014–2022 гг.) количество домохозяйств на селе без водопровода, согласно данным опросов КОУЖ, снизилось с 18,0% до 12,1% при том, что размах значений по регионам практически не изменился (от 0,0% до 87,0% в 2014 г. и до 85,2% в 2022 г.), а рассеивание показателей (значение среднеквадратического отклонения по субъектам РФ) также снизилось лишь с 19,8% до 17,2%. В целом улучшение качества жизни в части доступа к холодному водоснабжению наблюдалось в сельской местности 57 регионов страны. По состоянию на 2022 г. можно выделить шесть групп регионов по доле сельских домохозяйств без водопровода (табл. 2).

Первая группа—это 10 субъектов РФ, где все опрошенные семьи были подключены к системе холодного водоснабжения; вторая группа из 26 регионов с показателями в 2 и более раз лучше, чем в среднем по стране (до 6,0% домохозяйств без водопровода); третья группа из 17 регионов со значениями от 6,2% до среднего по РФ уровня. Таким образом, в 53 из 82 регионов (без трёх городов федерального значения) ситуация лучше, чем в среднем по стране. Четвертая группа—13 регионов со значениями до 21,3%, что в 2 раза хуже среднероссийского показателя. Пятая группа характеризу-

Таблица 2

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без водопровода, 2022 год

Table 2

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas without water supply systems in 2022.

Доля домохозяйств без водопровода, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
12,12	В среднем по субъектам РФ (без городов федерального значения)	1,0
0,00 10 регионов	Камчатский край, Магаданская, Мурманская области, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Республика Крым, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО	0,0
0,62–5,93 26 регионов	Кабардино-Балкарская Республика, Ставропольский край, Калининградская, Московская, Сахалинская, Калужская области, Карачаево-Черкесская Республика, Тульская, Кировская, Белгородская, Курская, Новосибирская, Липецкая области, Краснодарский край, Республика Татарстан, Республика Дагестан, Оренбургская область, Пермский край, Брянская область, Республика Мордовия, Самарская, Пензенская области, Ханты-Мансийский АО — Югра, Саратовская, Ростовская, Новгородская области	0,05–0,49
6,17–11,68 17 регионов	Ульяновская область, Республика Тыва, Тверская, Орловская области, Республика Марий Эл, Нижегородская, Ивановская, Томская, Кемеровская области, Чувашская Республика, Свердловская область, Алтайский край, Челябинская, Владимирская, Тамбовская, Ярославская, Воронежская области	0,50–1,00
12,46–21,30 13 регионов	Ленинградская, Псковская, Смоленская, Астраханская области, Еврейская авт. область, Удмуртская Республика, Рязанская, Вологодская, Волгоградская, Омская области, Республика Башкортостан, Костромская, Тюменская области	1,0–1,80
24,44–45,19 10 регионов	Республика Хакасия, Амурская область, Приморский край, Красноярский край, Курганская область, Республика Бурятия, Хабаровский край, Архангельская область, Республика Коми, Республика Алтай	2,00–3,70
50,00–85,19 6 регионов	Республика Карелия, Забайкальский край, Республика Калмыкия, Иркутская область, Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия)	4,10–7,00

*субъекты РФ расположены в порядке увеличения доли домохозяйств без водопровода.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022

ется долей домохозяйств без подключения к водопроводу на уровне 2,0–3,7 раза более низким, чем в среднем по всем регионам, и имеет в своём составе преимущественно субъекты РФ из ФО Сибирского (Республика Хакасия, Красноярский край, Республика Алтай) и Дальневосточного (Амурская область, Республика Бурятия, Приморский и Хабаровский края), регионы, входящие в Арктическую зону (Архангельская область и Республика Коми), а также Курганскую область. Наконец, в 6 регионах число домохозяйств в сельской местности без доступа к водопроводу выше среднего по РФ уровня от 4,1 до 7,0 раз — в Республике Карелия (50,0%), Забайкальском крае (52,4%), Республике Калмыкия (52,8%), Иркутской обла-

сти (59,3%), Ненецком АО (66,7%) и Республике Саха (Якутия) (85,2%).

Доступ домохозяйств в сельской местности к горячему водоснабжению в течение 2014–2022 гг. улучшился в 76 из 82 рассматриваемых регионов при том, что средний по РФ показатель доли семей без горячего водоснабжения снизился почти в два раза — с 48,2% до 26,2%. Вместе с тем, размах значений индикаторов по субъектам РФ изменился мало (максимум — 99,1% по данным КОУЖ-2014, и 91,7% по итогам КОУЖ-2022), как и слабо изменился показатель среднеквадратического отклонения по российским регионам (24,8% в 2014 г. и 22,0% в 2022 г.), а количество регионов с показателями хуже среднероссийского составило 33 региона.

В первую группу (табл. 3) входят 5 субъектов РФ, где отсутствуют домохозяйства в сельских поселениях без горячего водоснабжения. Во вторую и третью группы мы включили соответственно 18 и 26 регионов, где значения показателя в два и менее раза меньше среднероссийского уровня и в 1,03–1,75 раза ниже среднего по стране. Относительно многочисленная четвертая группа представлена 20 регионами с долей домохозяйств без подключения к горячему водоснабжению от 26,2% до 46,8%. Состав пятой (9 регионов) и шестой (4 региона) групп в значительной степени

(за исключением Республики Тыва) совпадает с пятой и шестой группами нашей классификации по отсутствию доступа у домохозяйств к водопроводу. Здесь также представлены субъекты РФ из Сибирского и Дальневосточного ФО, Арктической зоны РФ, а также Курганская область. Наиболее высокой долей домохозяйств без подключения к системе горячего водоснабжения характеризуются такие регионы как Забайкальский край и Республика Саха (Якутия) (по 79,4%), Республика Коми (87,4%) и Республика Тыва (91,7%).

Таблица 3

Распределение регионов России по доле домохозяйств в сельской местности без горячего водоснабжения, 2022 год

Table 3

Distribution of the Russian regions by the share of households in rural areas without hot water supply systems in 2022

Доля домохозяйств без горячего водоснабжения, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
26,15	В среднем по субъектам РФ (без городов федерального значения)	1,0
0,00 5 регионов	Магаданская, Мурманская области, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Чукотский АО	0,0
0,93–13,33 18 регионов	Республика Ингушетия, Ямало-Ненецкий АО, Калининградская область, Республика Адыгея, Липецкая область, Кабардино-Балкарская Республика, Камчатский край, Московская, Тульская, Калужская области, Ставропольский край, Краснодарский край, Республика Дагестан, Белгородская область, Республика Крым, Курская, Ярославская области, Карачаево-Черкесская Республика	0,04–0,51
14,81–25,40 26 регионов	Ханты-Мансийский АО – Югра, Владимирская, Волгоградская, Астраханская области, Республика Мордовия, Еврейская авт. область, Брянская, Пензенская, Ленинградская, Воронежская, Тамбовская, Свердловская области, Чувашская Республика, Сахалинская, Костромская, Самарская области, Алтайский край, Тверская, Саратовская, Нижегородская, Ростовская, Кировская области, Хабаровский край, Орловская, Смоленская, Вологодская области	0,57–0,97
26,17–46,80 20 регионов	Республика Татарстан, Оренбургская, Ивановская, Томская, Рязанская области, Республика Калмыкия, Псковская, Новгородская, Челябинская, Кемеровская области, Пермский край, Республика Хакасия, Омская, Ульяновская области, Республика Марий Эл, Республика Башкортостан, Удмуртская Республика, Архангельская область, Приморский край, Новосибирская область	1,00–1,79
55,86–70,00 9 регионов	Красноярский край, Республика Алтай, Республика Карелия, Курганская, Тюменская области, Республика Бурятия, Амурская область, Ненецкий АО, Иркутская область	2,14–2,68
79,37–91,67 4 региона	Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Республика Тыва	3,03–3,51

*субъекты РФ расположены в порядке увеличения доли домохозяйств без горячего водоснабжения.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным КОУЖ-2022.

Окончание статьи — см. № 2 журнала «Народонаселение» за 2024 год.

Литература и Интернет-источники

1. Методология и методика системного изучения советской деревни / Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Е. Е. Горяченко [и др.]; отв. ред. Т. И. Заславская и Р. В. Рывкина. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1980. — 344 с.
2. **Рывкина, Р. В.** Образ жизни сельского населения: методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности / Р. В. Рывкина. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1979. — 352 с.
3. **Алексеев, А. И.** Многоликая деревня: население и территория / А. И. Алексеев. — Москва : Мысль, 1990. — 266 с.
4. **Староверов, В. И.** Советская деревня на этапе развитого социализма / В. И. Староверов. — Москва : Политиздат, 1976. — 144 с. EDN: FBCSCF
5. **Якушов, А. И.** Преодоление существенных различий между городом и деревней в условиях развитого социализма / А. И. Якушов. — Москва : Высшая школа, 1979. — 263 с.
6. Социально-экономическое развитие сибирского села / В. А. Калмык, Р. В. Рывкина, Л. А. Хахулина [и др.]; отв. ред. Т. И. Заславская и З. В. Куприянова. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1987. — 447 с.
7. Индивидуальное жилищное строительство на селе: сб. статей / сост. А. И. Кондашов. — Москва : Профиздат, 1988. — 62 с.
8. **Новикс, Ю.** Краткие советы индивидуальному застройщику: Справочник / Ю. Новикс, Я. Бриедис. — Рига : Издательство ЦК КП Латвии, 1988. — 84 с.
9. **Шнейдерман, И. М.** Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России / И. М. Шнейдерман, И. В. Пилипенко // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 147–159. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12; EDN: SZILDL
10. **Нефедова, Т. Г.** Сельская Россия на перепутье: географические очерки / Т. Г. Нефедова. — Москва : Новое издательство, 2003. — 403 с.
11. **Овчинцева, Л. А.** Социальная инфраструктура села в контексте устойчивого развития сельских территорий / Л. А. Овчинцева // Никоновские чтения. — 2001. — № 6. — С. 368–375. EDN: DZIUCD
12. **Сергеев, В.** Влияние социальной и инженерной инфраструктуры на качество жизни селян / В. Сергеев // АПК: экономика, управление. — 2006. — № 10. — С. 40–41. EDN: HVTTP
13. **Третьякова, Л. А.** Тенденции функционирования объектов социальной сферы и инженерной инфраструктуры в сельской местности / Л. А. Третьякова // Вопросы экономических наук. — 2009. — № 1(34). — С. 71–76. EDN: JWWZFY
14. **Большакова, Ю. А.** Социальные проблемы сельского населения / Ю. А. Большакова // Вестник НГИЭИ. — 2011. — Т. 1. — № 6(7). — С. 34–37. EDN: PIVBDL
15. **Ключников, П. И.** Формирование рынка жилья в сельской местности (на материалах Рязанской области): дисс. ... к.э.н.: 08.00.05 / ВНИИЭСХ РАСХН. — Москва, 2009. — 147 с. EDN: MHDHKK
16. **Василенко, Ж. А.** Особенности формирования и развития рынка жилья в сельской местности / Ж. А. Василенко // Зерновое хозяйство России. — 2012. — № 1. — С. 112–123. EDN: OUPGRR
17. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления / под общ. ред. А. М. Сергиенко. — Барнаул : Азбука, 2014. — 330 с. EDN: SHYFTV
18. **Гагиев, Н. Н.** Перспективы развития инженерной инфраструктуры сельских территорий / Н. Н. Гагиев, Л. П. Гончаренко, С. А. Сыбачин, А. А. Шестакова // АПК: экономика, управление. — 2021. — № 9. — С. 95–100. EDN: CCAFWX

19. **Гришанов, В. И.** Региональные и социальные различия в доступности для населения жилищно-коммунальных услуг / В. И. Гришанов, А. К. Гузанова // Качество и уровень жизни населения в современной России: состояние, тенденции и перспективы. Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 ноября 2011 г.).— Москва : М-Студио, 2012.— С. 75–89. EDN: ZGXGVI
20. **Волкова, Г. Н.** Жилищная обеспеченность населения регионов России / Г. Н. Волкова, В. И. Гришанов, А. К. Гузанова, Н. Н. Ноздрина, И. М. Шнейдерман // Пространственная демография и социальная среда / под ред. Е. М. Авраамовой; ИСЭПН РАН.— Москва : М-Студио, 2012.— С. 237–292.

Сведения об авторах:

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., МРА, зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ AuthorID: 133285.

Шнейдерман Инна Моисеевна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: imschneiderman@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4507-8464; РИНЦ AuthorID: 653903.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32

REGIONAL PRIORITIES IN THE UTILITIES' INFRASTRUCTURE UPGRADING IN RURAL AREAS FOR IMPROVING QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION (PART ONE)

Igor V. Pilipenko*, Inna M. Schneiderman

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

**E-mail: i-pilipenko@yandex.ru*

For citation:

Pilipenko I.V., Schneiderman I.M. Regional priorities in the utilities' infrastructure upgrading in rural areas for improving quality of life of the population (Part One). *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 20-32. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-20-32 (in Russ.)

Abstract. *This article considers the problem of rural areas' significant lagging behind urban territories of the Russian Federation in terms of the utilities' infrastructure development that comprises water supply, sewage systems, heating and gas supply. We use for our analysis six indicators from the Rosstat surveys entitled «The Comprehensive Monitoring of the Living Conditions of the Population» as of 2014 and 2022 reflecting access of ca. 18.5 thousand households in rural settlements of 82 regions of the Russian Federation (excluding three federal cities) to water pipelines, hot water supply, up-to-date sewage systems, availability of up-to-date toilets, heating systems as well as gas supply. Part One of the article shows that the rural households' quality of life is lagging behind the urban ones most considerably in terms of access to sewage systems (50,6 percentage points (pp) less households across all the country), up-to-date toilets (29,3 pp less) and hot water supply (21,0 pp less). The Central and North Caucasian federal districts are the leaders by average indicators while the Siberian and Far Eastern federal districts critically fall behind the other federal districts by the degree of development of the utilities' infrastructure. The largest gap between urban and rural areas in average terms exists in such regions of the Russian Federation as the Republic of Sakha (Yakutia), the Komi Republic, Irkutsk*

Oblast, the Nenets Autonomous Okrug, the Republic of Tuva, the Republic of Karelia, the Republic of Buryatia, Amur Oblast, Tyumen Oblast and Krasnoyarsk Krai. In Part One and Part Two of the article, we present six classifications with six groups of the subjects of the Russian Federation by the degree of lagging of rural settlements from urban areas by each component of the utilities' infrastructure considered. Part Two of the article presents a method and calculations of values of the composite index of the utilities' infrastructure underdevelopment in rural areas for 82 regions of the Russian Federation. Based on the results obtained, we compose a typology encompassing seven types of regions of the Russian Federation that may serve as a foundation for setting or adjusting regional priorities of the state programmes aimed at developing components of the utilities' infrastructure in rural areas.

Keywords: utilities' infrastructure, water supply, water pipeline, sewage system, heating, household gas, rural area, rural settlement, quality of life, regions of Russia.

References and Internet sources

1. Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoj derevni [The Methodology and Method of Systemic Studying the Soviet Countryside]. Eds. T. I. Zaslavskaya, R. V. Ryvkina. Novosibirsk. Nauka, Sibirskoje otdelenije [Science, Siberian Branch]. 1980. 344 p. (in Russ.)
2. Ryvkina R. V. Obraz zhizni sel'skogo naseleniya: metodologiya, metodika i rezul'taty izucheniya sotsial'no-ekonomicheskikh aspektov zhiznedeyatel'nosti [The Lifestyle of Rural Population: Methodology, Method and Results of Studying the Social and Economic Aspects of their Activities]. Novosibirsk. Nauka, Sibirskoje otdelenije [Science, Siberian Branch]. 1979. 352 p. (in Russ.)
3. Alekseev A. I. Mnogolikaya derevnya: naselenie i territoriya [The Multi-Faceted Village: Population and Territory]. Moscow. Mysl [Thought]. 1990. 266 p. (in Russ.)
4. Staroverov V. I. Sovetskaya derevnya na etape razvitogo sotsializma [The Soviet Village at the Stage of Developed Socialism]. Moscow. 1976. 144 p. (in Russ.)
5. Yakushov A. I. Preodolenije sushchestvennyh razlichij mezhdou gorodom i derevnej v usloviyah razvitogo sotsializma [Overcoming Substantial Differences between City and Village under the Conditions of Developed Socialism]. Moscow. Vysshaya shkola [Higher School]. 1979. 263 p. (in Russ.)
6. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitije sibirskogo sela [Social and Economic Development of the Siberian Countryside]. Eds. T. I. Zaslavskaya, Z. V. Kupriyanova. Novosibirsk. Nauka, Sibirskoje otdelenije [Science, Siberian Branch]. 1987. 447 p. (in Russ.)
7. Individual'noje zhilishchnoje stroitel'stvo na sele [Individual Housing Construction in the Countryside]. Compiled by A. I. Kondashov. Moscow. 1988. 62 p. (in Russ.)
8. Noviks Yu., Briedis Ya. Kratkije sovery individual'nomu zastrojshchiku [Brief Tips for Individual Developers]. Reference Book. Riga. 1988. 84 p. (in Russ.)
9. Schneiderman I. M., Pilipenko I. V. Modernizatsiya sistemy vodosnabzheniya i vodootvedeniya v sel'skoj mestnosti kak faktor povysheniya kachestva zhizni naseleniya Rossii [Upgrading water supply and wastewater collection systems in rural areas as a way to improve quality of life of the population of Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 147–159. (in Russ.)
10. Nefedova T. G. Sel'skaya Rossiya na pereput'e: geograficheskie ocherki [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow. Novoje izdatel'stvo [New Publishing House]. 2003. 403 p. (in Russ.)
11. Ovchintseva L. A. Sotsial'naya infrastruktura sela v kontekste ustojchivogo razvitiya sel'skikh territorij [Social infrastructure of the countryside in the context of sustainable development of rural territories]. Nikonovskije chteniya [Nikonov Readings]. 2001. No. 6. P. 368–375. (in Russ.)
12. Sergeev V. Vliyanije sotsial'noj i inzhenernoj infrastruktury na kachestvo zhizni selyan [Impact of the social and utilities' infrastructure on the quality of life of rural dwellers]. APK: ekonomika, upravlenije [AIC: Economics, Management]. 2006. No. 10. P. 40–41. (in Russ.)

13. Tretyakova L.A. Tendentsii funktsionirovaniya ob'ektov sotsial'noj sfery i inzhenernoj infrastruktury v sel'skoj mestnosti [Tends in functioning of the objects of social sphere and utilities' infrastructure in rural territories]. *Voprosy ekonomicheskikh nauk [Issues of Economic Sciences]*. 2009. No. 1(34). P. 71–76. (in Russ.)
14. Bolshakova Yu. A. Sotsial'nyje problemy sel'skogo naseleniya [Social problems of rural population]. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI]*. 2011. Vol. 1. No. 6(7). P. 34–37. (in Russ.)
15. Klyuchnikov P.I. Formirovaniye rynka zhil'ya v sel'skoj mestnosti (na materialah Ryazanskoj oblasti) [Formation of housing market in rural areas (Case study of Ryazan Oblast)]. Diss. for Candidate of Economic Sciences. Moscow. 2009. 147 p. (in Russ.)
16. Vasilenko Zh. A. Osobennosti formirovaniya i razvitiya rynka zhil'ya v sel'skoj mestnosti [Peculiarities of the formation and development of housing market in rural areas]. *Zernovoje hozyajstvo Rossii [Grain Economy of Russia]*. 2012. No. 1. P. 112–123. (in Russ.)
17. Bednost' sel'skoj Rossii v usloviyah modernizatsii ekonomiki: protsessy i mekhanizmy formirovaniya i preodoleniya [Poverty of Rural Russia under the Conditions of Modernization of the Economy: Processes and Mechanisms of Formation and Overcoming]. Ed. A.M. Sergienko. Barnaul. Azbuka [Alphabet]. 2014. 330 p. (in Russ.)
18. Gagiev N.N., Goncharenko L.P., Sybachin S.A., Shestakova A.A. Perspektivy razvitiya inzhenernoj infrastruktury sel'skih territorij [Perspectives of development of the utilities' infrastructure of rural territories]. *APK: ekonomika, upravlenie [AIC: Economics, Management]*. 2021. No. 9. P. 95–100. (in Russ.)
19. Grishanov V. I, Guzanova A.K. Regional'nyje i sotsial'nyje razlichiya v dostupnosti dlya naseleniya zhilishchno-kommunal'nyh uslug [Regional and social differences in affordability of housing and communal services for the population]. *Kachestvo i uroven' zhizni naseleniya v sovremennoj Rossii: sostoyaniye, tendentsii i perspektivy [Quality and Standard of Living of the Population in Contemporary Russia]*. Proceedings of the international scientific and practical conference. Moscow, 23–24 November 2011. Moscow. M-Studio. 2012. P. 75–89. (in Russ.)
20. Volkova G.N., Grishanov V.I., Guzanova A.K., Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. Zhilishchnaya obespechennost' naseleniya regionov Rossii [Housing availability for the population of regions of Russia]. *Prostranstvennaya demografiya i sotsial'naya sreda [Spatial Demography and Social Environment]*. Ed. E.M. Avraamova. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. Moscow. M-Studio. 2012. P. 237–292. (in Russ.)

Information about the authors:

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, MPA, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000–0002–8108–7253; Elibrary AuthorID: 133285.

Schneiderman Inna Moiseevna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: imschneiderman@yandex.ru, ORCID: 0000–0002–4507–8464; Elibrary AuthorID: 653903.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-33-47
EDN: WSPQQX

ДЕТСКИЙ ТРУД В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Абдолова С. Н.*, Янбых Р. Г., Серова Е. В.

Институт аграрных исследований НИУ «Высшая школа экономики»
(109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, 11)

*E-mail: tuasadaf@gmail.com, sabdolova@hse.ru

Для цитирования:

Абдолова С. Н., Янбых Р. Г., Серова Е. В. Детский труд в сельском хозяйстве Восточной Европы и Центральной Азии // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 33-47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-33-47; EDN: WSPQQX

Аннотация. В статье рассматривается проблема детского труда в сельском хозяйстве Восточной Европы и Центральной Азии. В мировом сельском хозяйстве в 2020 г. было занято 112 млн детей, или около двух третей от всех работающих детей на планете. В основном они работают на своих семейных фермах либо неподалёку от дома. Большие всего детский труд распространён в странах Африки к югу от Сахары и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 5,7% случаев использования детского труда во всем мире приходится на Европу и Центральную Азию. Основными причинами возникновения детского труда являются бедность домохозяйств и их экономическая нестабильность, а также ограниченный доступ детей к образованию. В постсоветских странах этому в немалой степени способствовал развал экономики в 1990-е годы. Проблема детского труда в сельском хозяйстве Восточной Европы и Центральной Азии слабо отражена в национальной статистике. В качестве основного инструмента изучения проблемы был выбран экспертный опрос в четырёх странах, наилучшим образом представляющих регион. Результаты опроса показали, что всё ещё высокая доля детей из сельских районов занята в семейных хозяйствах, хотя масштабы использования детей на сельскохозяйственных работах сокращаются. Анализ законодательства этих стран и научной литературы позволили вскрыть причины и сформулировать некоторые рекомендации по предотвращению и сокращению использования детского труда в сельском хозяйстве Восточной Европы и Центральной Азии. Статья подготовлена на базе исследования, проведённого Институтом аграрных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в сотрудничестве с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН (ФАО) и Международной организацией труда (МОТ) в 2021 году.

Ключевые слова: детский труд, сельское хозяйство, домашнее хозяйство, бедность, экспертный опрос.

Введение

Детский труд по-прежнему является серьезной проблемой в современном мире. По оценкам МОТ и ЮНИСЕФ (Международный чрезвычайный фонд помощи детям при ООН), в начале 2020 г. насчитывалось 160 млн детей, занятых детским трудом — каждый десятый ребёнок в мире¹. Почти половина из них выполняет опасную работу, непосредственно угрожающую их здоровью, безопасности и нравственному развитию. В мировом сельском хозяйстве в 2020 г. было занято 112 млн детей. В основном, они работают на своей семейной ферме, либо неподалёку от дома. Больше всего детский труд распространён в странах Африки к югу от Сахары и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 5,7% случаев использования детского труда в мире приходится на Европу и Центральную Азию (8,3 млн мальчиков и девочек). Кроме того, регион занимает третье место по доле занятых наихудшими формами детского труда детей в возрасте от 5 до 17 лет. Существуют гендерные различия в сфере детского труда по типу, условиям и часам работы. Как правило, девочки выполняют больше работы по дому, и это бремя может увеличиваться во время закрытия школ. Мальчики чаще заняты более тяжёлой и опасной работой.

Основными причинами возникновения детского труда являются бедность домашних хозяйств и их экономическая нестабильность². Другой значимой причиной детского труда в сельской местности является ограниченный доступ детей к образованию. Отсутствие школ, квалифицированных учителей, недоступность образовательных материалов, несоответствие учебных планов потребностям сельского общества, плохая школьная инфраструктура могут повлиять на успеваемость и желание детей учиться. Дети попадают в порочный круг —

«бедность, недофинансируемая система образования, отсутствие интереса к учебе, а также отсутствие возможностей трудоустройства для образованных родителей подталкивают их [детей] к работе»³.

Проблема детского труда чрезвычайно уязвима перед лицом любого кризиса. Например, с наступлением пандемии COVID-19 впервые за последние 20 лет был зафиксирован рост детского труда. По данным МОТ и ЮНИСЕФ⁴, рост бедности на 1% приводит к увеличению масштабов детского труда на 0,7%⁵. Пандемия COVID-19 разрушительно повлияла на основополагающие принципы и права в сфере труда работников, которые и так находятся в нестабильном экономическом положении⁶. На фоне финансовых проблем, связанных с COVID-19, более 863 тыс. резюме подростков в возрасте от 14 до 18 лет были размещены на сайте поиска работы HH.ru в России, и сельское хозяйство вошло в топ интересующих профобластей⁷. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Детский труд часто предполагает теневую экономическую активность, которая не оплачивается или плохо оплачивается на малых сельских предприятиях. Отсутствие законов и нормативных актов, регулирующих детский труд, а также четкого правового регулирования отношений между работодателями и несовершеннолетними, воз-

³ Womack R. Child labor in Azerbaijan // WorldCat. — URL: <https://www.worldcat.org/title/world-of-child-labor-an-historical-and-regional-survey/oclc/269282238> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴ COVID-19 and child labour: A time of crisis, a time to act // ILO. — URL: https://www.ilo.org/ipecc/informationresources/WCMS_747421/lang-en/index.htm (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ COVID-19 may push millions more children into child labour — ILO and UNICEF // UNICEF. — URL: <https://www.unicef.org/press-releases/covid-19-may-push-millions-more-children-child-labour-ilo-and-unicef> (дата обращения: 02.02.2023).

⁶ Issue paper on COVID-19 and fundamental principles and rights at work // ILO. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_norm/--ipecc/documents/publication/wcms_757247.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁷ Газета.Ru: «У родителей не было денег»: пандемия заставила детей работать. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/10/03/13278883.shtml> (дата обращения: 02.02.2023).

¹ Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward // UNICEF, ILO. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_norm/--ipecc/documents/publication/wcms_800278.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

² FAO Framework on Ending Child Labour in Agriculture // FAO. — URL: <http://www.fao.org/3/ca9502en/CA9502EN.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

возможность пренебрежения правами ребенка со стороны работодателей, которые зачастую остаются безнаказанными, делают детей привлекательной рабочей силой⁸.

На использование детского труда также могут влиять и неэкономические аспекты. Так, в некоторых странах приобщение детей к сельскому хозяйству с воспитательной целью является традицией. В СССР детский труд не оплачивался и строго запрещался среди детей младше 14 лет, даже если сами дети стремились помочь родителям. Социальная роль детей жестко определялась границами семейной социализации и образования. Дети не рассматривались в качестве независимых экономических субъектов, и их роль в качестве кормильца была ограничена⁹. Официально детский труд был возможен только для знакомства с будущей трудовой деятельностью в рамках системы профессиональной подготовки во время обучения, так называемой «практики». Тем не менее многочисленные факты свидетельствуют о том, что принуждение детей к труду было широко распространено¹⁰. Это происходило в тех случаях, когда детей привлекали к сбору урожая в колхозах и совхозах, иногда в течение учебного года. Особенно это было распространено в республиках Центральной Азии (Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

Практика привлечения детей к сельскохозяйственному труду в этих странах продолжается и сейчас. Из-за низких доходов, нехватки рабочей силы, некачественного образования, военных конфликтов и миграции дети стали работать в различных отраслях сельского хозяйства¹¹. Они стали

доступной рабочей силой, с ними легче работать, они не знают своих трудовых прав и легче приспосабливаются к обстоятельствам, чем взрослые. Некоторые страны, стремясь поддержать хлопковую отрасль, продолжают привлекать школьников к сбору урожая¹². Иногда инициаторами использования детского труда являются сами дети и/или их родители¹³.

Существует серьезный пробел в знаниях о занятости детей в сельском хозяйстве в регионе Восточной Европы и Центральной Азии¹⁴ по возрасту, полу и этнической принадлежности, сектору, в котором они работают, а также о конкретных причинах и последствиях детского труда. Цель нашего исследования — восполнить этот пробел для лучшего обоснования политики по предотвращению и сокращению использования детского труда в сельском хозяйстве в регионе.

Методы и база исследований

Так как тема детского труда в сельском хозяйстве по разным причинам слабо отражена в национальной статистике, в качестве основного инструмента изучения проблемы был выбран экспертный опрос. Опрос проводился среди двух групп респондентов.

1) Эксперты национального и международного уровня — государственные служащие (министерства сельского хозяйства,

in Tajikistan, 2007.—URL: <https://researchonline.lshtm.ac.uk/id/eprint/5737/1/Child%20Poverty%20in%20Tajikistan.pdf> (дата обращения: 02.02.2023); Baschieri A., Falkingham J. Staying in School: Assessing the Role of Access, Availability, and Economic Opportunities—the Case of Tajikistan // Population, Space and Place.— 2009.— No. 15 (3).— P. 205–224.

¹² What has changed? Progress in eliminating the use of forced child labour in the cotton harvests of Uzbekistan and Tajikistan.—URL: <https://www.soas.ac.uk/ccac/centres-publications/file64329.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

¹³ Akitova M. Pathways to child work in Tajikistan: narratives of child workers and their parents // Central Asian Survey.— 2017.— No. 36(2).— P. 231–246.—URL: <http://dx.doi.org/10.1080/02634937.2017.1281791> (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁴ В регион Восточной Европы и Центральной Азии ФАО (Всемирная продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН) включает Албанию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Северную Македонию, Сербию, Турцию, Беларусь, Республику Молдова, Российскую Федерацию, Украину, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

⁸ Satybekova G. Sh. Features of Legal Regulation of Child Labor in The Kyrgyz Republic.—URL: https://ksla.kg/media/vestnik/2013_4/satybekova_g_sh.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁹ Stephenson S. Child labour in Russian Federation // ILO, 2002.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_norm/--declaration/documents/publication/wcms_decl_wp_7_en.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁰ Stephenson S. Child labour in Russian Federation // ILO, 2002.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/--ed_norm/--declaration/documents/publication/wcms_decl_wp_7_en.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

¹¹ Bhat B.A. Socioeconomic Dimensions of Child Labor in Central Asia // Problems of Economic Transition.— 2011.— No. 54(1)— P. 84–99; Baschieri A., Falkingham J. Child Poverty

департаменты социальной защиты и подобное), сельскохозяйственных производителей и ассоциаций производителей, НПО и международных организаций (ФАО, МОТ). Цель этого обследования заключалась в том, чтобы прояснить национальное понимание проблемы и выявить основные подходы к ней, оценить адекватность национальной политики. В анкете для опроса экспертов первой группы рассматривались следующие вопросы: характеристики детского труда в сельском хозяйстве (различия по сельскохозяйственным подсекторам, коммерческое/мелкомасштабное сельское хозяйство, гендерные различия, вопросы, затрагивающие уязвимые группы, такие как мигранты, цыганские общины и другие); движущие силы в решении вопросов детского труда в сельском хозяйстве; рекомендации по предотвращению и сокращению детского труда посредством политики и программ развития в сельском хозяйстве и домохозяйствах в сельской местности.

II) Местные эксперты. Основными негативными последствиями раннего трудоустройства детей в сельскую экономику является ущерб здоровью (временный или постоянный) и ухудшение успеваемости из-за пропуска школьных занятий. Поэтому во второй группе респондентов были опрошены местные врачи, учителя и муниципальные служащие. Они обладают знаниями о привлечении сельских детей к работе в домашних хозяйствах и на крупных предприятиях на организованной основе. В их анкете рассматривались следующие вопросы: характеристики детского труда в сельском хозяйстве, включая причины этого явления, виды работ, выполняемых детьми (включая семейные фермы, домашние хозяйства родителей), возрастные и гендерные категории вовлеченных в труд детей; случаи физического истощения/усталости/травм детей, связанных с чрезмерной работой; различия в использовании детского труда среди этнических, религиозных и языковых меньшинств; случаи отсутствия в школе по причине занятости или вовлечения школьников к работе в любое время года; влияние работы школьников

на них в целом или на их успеваемость; вовлеченность местных органов власти сельских районов в ситуацию; рекомендации по искоренению детского труда в сельском хозяйстве.

Сравнение мнений двух групп экспертов дало дополнительное представление о ситуации с детской занятостью в регионе и в целевых странах. Учитывая разнообразие региона в культурно-историческом и социально-экономическом плане, были выбраны Албания (Юго-Восточная Европа), Армения (Южный Кавказ), Кыргызстан (Центральная Азия) и Молдова (Восточная Европа).

На вопросы анкет ответили 110 респондентов осенью 2021 года. Опрос проводился координаторами в каждой стране через личные интервью или по почте, в зависимости от доступности респондентов для координаторов. Исследование было основано на методологических подходах ФАО и МОТ к вопросам детского труда и занятости детей в сельском хозяйстве. Национальные координаторы были кратко проинструктированы о подходах ФАО и МОТ, а также о задачах данного исследования. Было проведено несколько координационных встреч всех участников исследования, в ходе которых был выработан единый общий подход и структура исследования.

Определение детского труда

Существует три основных международных стандарта в области прав человека и защиты труда: Конвенция ООН о правах ребенка, Конвенция МОТ № 138 о минимальном возрасте и Конвенция МОТ № 182 о наихудших формах детского труда — они устанавливают правовые границы детского труда и служат основой для национальных и международных действий по его искоренению. Конвенция ООН о правах ребенка и входящие в нее факультативные протоколы считаются краеугольным камнем международной защиты прав детей. Согласно статье 32 Конвенции, дети имеют право на защиту «от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы», которая

может препятствовать их образованию или наносить ущерб их «здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию»¹⁵. Конвенция МОТ № 138 о минимальном возрасте для работы гласит, что минимальный возраст для приема на работу не должен быть ниже возраста завершения обязательного школьного образования и, в любом случае, не должен быть менее 15 лет. Однако страны, экономика и учебные заведения которых недостаточно развиты, могут первоначально установить минимальный возраст в 14 лет. Национальные законы или нормативные акты могут разрешать трудоустройство или работу лиц в возрасте от 13 лет (или 12 лет в странах, в которых общий минимальный возраст для приема на работу установлен в 14 лет) на «лёгкие» виды работ, которые не могут нанести ущерб их здоровью, развитию или образованию. Минимальный возраст для работы, которая может поставить под угрозу здоровье, безопасность или нравственность молодых людей, составляет 18 лет.

Наихудшие формы детского труда включают в себя категории, изложенные в статье 3 Конвенции МОТ № 182¹⁶. Под опасной работой понимается последняя категория, т.е. работа, которая может быть вредной для здоровья, нравственности и безопасности детей. Во избежание таких обстоятельств МОТ разработала Рекомендации

о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда № 190¹⁷. Кроме того, Рекомендация № 146¹⁸, которая дополняет Конвенцию № 138, предусматривает установление одинакового минимального возраста для всех секторов экономической деятельности, а также дальнейшее руководство для национальной политики и планов, направленных на ликвидацию детского труда. Наиболее распространена трактовка детского труда МОТ как «работы, для которой дети слишком малы, или как работы, которая в силу своего характера или условий может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей»¹⁹.

Региональный обзор

Детский труд распространен почти во всех странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. По оценкам МОТ и ЮНИСЕФ, около 8,3 млн детей в регионе вовлечены в детский труд. Кроме того, регион Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в 2020 г. находился на 3-м месте по доле детей в возрасте 5–17 лет, занятых опасными формами труда (в 2016 г. — 4-е место), при этом 5,5% детского труда во всем мире приходится на опасные работы.

Сельское хозяйство играет важную роль в экономике стран ЕЦА. Албания и Таджикистан находятся наверху рейтинга с 22,9% и 20,7% долей сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости соответственно. В Молдове этот показатель составляет 14,3%, а в Армении — 17,7%, в Грузии и Сербии — 9,9% и 7,9%²⁰. Сельскохозяйственный сектор в этих странах является трудоемким.

¹⁵ Конвенция о правах ребенка.—URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁶ К ним относятся все формы рабства или практик, сходные с рабством, такие как торговля детьми, долговая кабала и крепостная зависимость, а также принудительный или обязательный труд, включая принудительную или обязательную вербовку детей для использования их в вооруженных конфликтах; использование, вербовка или предложение ребенка для занятия проституцией, для производства порнографической продукции или для порнографических представлений; использование, вербовку или предложение ребенка для занятия незаконной деятельностью, в частности, для производства и торговли наркотиками, как это определено в соответствующих международных договорах; и работа, которая по своему характеру или условиях может нанести вред здоровью, безопасности или нравственности детей. Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Конвенция № 182].—URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁷ Worst Forms of Child Labour Recommendation, 1999 (No. 190).—URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312528 (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁸ Minimum Age Recommendation, 1973 (No. 146).—URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_INSTRUMENT_ID:312484 (дата обращения: 02.02.2023).

¹⁹ Indicator description: Child labour.—URL: <https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/indicator-description-child-labour/> (дата обращения: 02.02.2023).

²⁰ Smallholders and Family Farms in Europe and Central Asia. Regional Synthesis Report 2019 // FAO, 2020.—URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/ca9586en> (дата обращения: 02.02.2023).

Натуральное хозяйство и семейные фермы по-прежнему имеют огромное значение для сельских районов, особенно в странах Центральной Азии, а также в Молдове и республиках Кавказа²¹. 77% хозяйств в Грузии занимают площадь менее 1 га, 22% — от 1 до 5 га и только 1% — больше 5 га. В Республике Молдова 36% всех хозяйств имеют площадь менее 1 га, 57% — от 1 до 5 га и 7% — более 5 га. В Таджикистане вклад в сельскохозяйственное производство вносят более 1,2 миллиона мелких землевладельцев, имеющих в своем доме до одного гектара земли. Средний размер киргизских хозяйств составляет 2,5 га²². Зачастую они являются единственным или существенным источником дохода для семей, на фермах которых дети участвуют в работе.

При распаде СССР произошла структурная трансформация, которая затронула все постсоветские страны и зачастую увеличила уровень бедности. В некоторых странах, особенно на Кавказе и в Центральной Азии, ситуация усугублялась военными конфликтами. Советское законодательство, включая трудовое, было отменено, а новое законодательство, соответствующее новым рыночным условиям, еще предстояло разработать. Это привело к увеличению масштабов детского труда, особенно в сельских районах, и постсоветские страны в разной степени по-прежнему сталкиваются с проблемой детского труда в сельском хозяйстве.

Согласно последним данным «End of Childhood Report» 2021 г.²³ такой показатель, как доля детей в возрасте от 5 до 17 лет, занятых трудом, по Кыргызстану составляет 22,3% и превышает показатели всех стран СНГ (Молдова — 16,3%, Таджикистан — 10%,

Азербайджан — 6,5%, Армения — 4,1%, Беларусь — 4%, Украина — 3,2%, Казахстан — 2,2%, Грузия — 1,6%, Туркменистан — 0,3%). В Молдове около 20% детей бросают школу, чтобы помочь в сельскохозяйственный сезон²⁴. Последние данные о доле работающих детей в сельском хозяйстве Республики Молдова были опубликованы в 2018 г. Институтом статистики ЮНЕСКО: 97% работающих детей заняты в сезонном сельском хозяйстве. В Армении дети, занятые в аграрном секторе, также в основном являются сезонными рабочими, и они обычно пропускают школу из-за работы²⁵. По данным исследований международных организаций, в Армении 94% работающих детей были заняты, главным образом, в сельскохозяйственном производстве — выращивании и сборе картофеля, уходе за крупно- и мелкорогатым скотом. Десятью процентов вышеуказанных видов деятельности не требовали какой-либо квалификации (выпас скота, сбор урожая и дров, перевозка, доставка воды для личного пользования, курьер/разносчик, охрана)²⁶. Более 84% работающих детей помогали семейным предпринятиям, из них 76% занимались неоплачиваемой работой по дому, а 20% — индивидуальной работой²⁷. 4,2% работающих детей работают 30–42 часа в неделю. Среди работающих детей 1,8% таскают тяжести и 1,3% получают во время работы травмы²⁸.

Данные МОТ свидетельствуют о том, что дети занимаются вредными работами

²⁴ 2019 Findings on the Worst Forms of Child Labor in Moldova. — URL: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ILAB/child_labor_reports/tda2019/Moldova.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

²⁵ Armenia National Child Labour Survey 2015. — URL: <https://www.ilo.org/ipecinfo/product/download.do?type=document&id=28755> (дата обращения: 02.02.2023).

²⁶ 2019 Findings on the Worst Forms of Child Labor in Armenia. — URL: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ILAB/child_labor_reports/tda2019/Armenia.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

²⁷ National child labour survey in Armenia report. — URL: https://www.armstat.am/file/article/national_child_labour_survey_in_armenia_report_-_web_version.pdf; ArmStat. — URL: www.armstat.am/file/article/ashx_het_5.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

²⁸ Процентный расчет производился авторами на основании источников <http://www.ilo.org>, www.armstat.am, <http://data.uis.unesco.org> и www.wvi.org.

²¹ Кроме России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Источник: Smallholders and Family Farms in Europe and Central Asia. Regional Synthesis Report 2019 // FAO, 2020. — URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/ca9586en> (дата обращения: 02.02.2023).

²² Smallholders and Family Farms in Europe and Central Asia. Regional Synthesis Report 2019 // FAO, 2020. — URL: <https://www.fao.org/documents/card/en/c/ca9586en> (дата обращения: 02.02.2023).

²³ Global Childhood Report 2021. Published by Save the Children Federation, 2021. — URL: <https://www.savethechildren.org/content/dam/usa/reports/advocacy/2021-global-childhood-report.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

в сельском хозяйстве. Албания, Молдова и Украина в наибольшей степени страдают от опасных форм детского труда²⁹. В Албании в 2004 г. работало в сельском хозяйстве более 95% детей³⁰ в возрасте от 6 до 14 лет. Они были заняты выпасом животных, уборкой и транспортировкой кормов, прополкой, сбором урожая и упаковкой продуктов. Также их привлекают к сбору особых видов культур, таких как древесина, лекарственные и ароматические растения, орехи, лесные фрукты и ягоды³¹. По данным UNESCO, уровень детского труда в 2020 г. в стране составлял 4,6%, из них 87,5% занято в сельском хозяйстве³². Согласно последнему исследованию World Vision в 2020–2021 гг., уровень детского труда в Албании снизился до 2,1%³³.

По данным UCW³⁴, почти 40% всех работающих детей в Албании подвергаются вредному воздействию на рабочем месте. В 2010 г. INSTAT сообщил, что 18,4% работающих детей страдают от болезней или травм, вызванных их трудовой деятельностью, 54,2% работающих детей страдали от холода или жары, пыли и дыма. Кроме того, дети, работающие в сельском хозяйстве, могут использовать опасные инструменты, таскать тяжёлые грузы и работать с вредными пестицидами³⁵. Еще одним риском, свя-

занным трудом в сельском хозяйстве, являются последствия от применения агрохимикатов. Помимо этого, работа в сельском хозяйстве может наносить детям моральный ущерб. Результаты отчета Adolescent and Youth Abuse in Albania³⁶ свидетельствуют о том, что частота неблагоприятных детских переживаний связана с местом рождения в сельской местности, так как место рождения и проживание в сельской местности были связаны с пережитым физическим насилием. Важное значение имеют также условия жизни в деревнях. Возможно, что в районах со слабой инфраструктурой водоснабжения, дорог и ирригации последствия детского труда еще хуже.

В регионе предпринимались многочисленные усилия по искоренению участия детей в агропродовольственных цепочках. Существуют инициативы, направленные на ликвидацию детского и принудительного труда в цепочках поставок хлопка, текстиля и одежды правительствами, компаниями и международными субъектами, которые несут ответственность за соблюдение и защиту прав трудящихся, особенно детей. В Узбекистане, где в целях поддержки отрасли хлопководства местные власти привлекали школьников к сбору урожая³⁷, Всемирный банк инвестировал в ряд сельскохозяйственных проектов при условии соблюдения международных и национальных законов о детском и принудительном труде³⁸. Другим примером является инициатива компаний, например, с целью влияния на правительство Узбекистана Responsible

²⁹ Child labour in Central and Eastern Europe.—URL: http://www.oit.org/budapest/areas-of-work/child-labour/WCMS_476159/lang-en/index.htm (дата обращения: 02.02.2023).

³⁰ INSTAT (2004) с помощью LSMS2002 было установлено, что 9,8% детей в возрасте 6–14 лет работают (более 95% в сельском хозяйстве). В сельской местности уровень детского труда был выше (примерно 16% детей 6–14 лет). Большинство детей посещали школу, и только 8,9% заявили, что бросили школу.

³¹ Gender analyses of fruits, small ruminants and MAPs value chain in Albania (GIZ, 2021), отчёт предоставляется по запросу.

³² Информация добавлена в 2023 году, Findings on the Worst Forms of Child Labor—Albania.—URL: https://www.dol.gov/sites/dolgov/files/ILAB/child_labor_reports/tda2021/Albania.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

³³ Данные предоставлены по запросу.

³⁴ UCW Programme. Understanding children's work in Albania, ILO-UNICEF and WB project.—URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/fr/160961542614768412/pdf/132164-WP-PUBLIC-ADD-SERIES-see-73756-Albania-country-report-06sept2013sent.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

³⁵ Terre des Hommes Personal Communication

11 July 2014.—URL: https://www.ecoi.net/en/file/local/1077893/90_1438754232_unicef-child-notice-albania-201507.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

³⁶ UNFPA (2020). Adolescent and Youth Abuse in Albania—In depth analyses.—URL: https://albania.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/adolescent_and_youth_abuse_in_albania.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

³⁷ Human Rights Violations in Uzbekistan.—URL: <https://www.refworld.org/publisher/OMCT,COUNTRYREP,USB,46af4d510,0.html> (дата обращения: 02.02.2023).

³⁸ ILO Report Says Uzbekistan Making Progress on Labor Reforms, Organized Child Labor Phased-Out.—URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2017/01/31/ilo-report-says-uzbekistan-making-progress-on-labor-reforms-organized-child-labor-phased-out> (дата обращения: 02.02.2023).

Sourcing Network (RSN)³⁹ (Сеть ответственных поставщиков) инициировала бойкот узбекского хлопка⁴⁰. Более 200 компаний отказались покупать хлопок для какого-либо производства до тех пор, пока узбекское правительство не прекратит практику принуждения детей к работе в хлопковом секторе⁴¹. В 2020 г. ситуация изменилась: страна практически искоренила детский труд после отмены квот на хлопок и принятие законов, направленных на искоренение детского труда⁴². Согласно данным мониторинга МОТ⁴³, были соблюдены запреты на использование детского труда при сборе хлопка.

Иной способ решения проблемы — активная государственная политика. Так, в Азербайджане в дополнение к подписанным международным документам⁴⁴ правительство сформировало прочную национальную законодательную базу, запрещающую вовлечение детей в деятельность, угрожающую жизни, здоровью и нравственности детей, устанавливающую минимальный возраст для приема на работу, предусматривающую график работы, отпуск и дополнительные льготы для работников в возрасте до 18 лет⁴⁵. Также правительство активно ра-

ботает над просвещением всех заинтересованных сторон по вопросам детского труда. Несмотря на это, согласно проведенному в рамках мониторинга опросу (2019 г.), был доказан факт эксплуатации детей на хлопковых полях⁴⁶, что показывает наличие некоторых пробелов в государственной политике и законодательстве.

Анализ детского труда в домашних хозяйствах Грузии подтверждает, что определяющими факторами являются социально-экономическое положение семьи и бедность. Это может включать в себя работу по дому и сельскохозяйственные работы, особенно сезонные⁴⁷. Из-за соображений повышения достатка косовские семьи вынуждены прекратить посылать детей в школу, так они [дети] могли больше работать на полях и винограднике⁴⁸. В Казахстане также основной причиной вовлечения детей в возрасте от 5 до 17 лет в трудовую деятельность является бедность семьи⁴⁹.

Миграция увеличивает использование домашнего детского труда⁵⁰. Следует проводить различие между детьми, мигрирующими со своими родителями, детьми, мигрирующими самостоятельно, и детьми, оставшимися дома. Так, в России и Казахстане дети часто ухаживают за детьми других мигрантов, оказывают помощь в домашнем хозяйстве или на рынках и строительных площадках. Тяжелое экономическое положение киргизских семей может

³⁹ Responsible Sourcing Network.—URL: <https://www.sourcingnetwork.org/aboutus> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁰ Cotton Pledges Against Forced Labor.—URL: <https://www.sourcingnetwork.org/the-cotton-pledge/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴¹ Dirty Cotton: Uzbekistan's Forced Labor Problem.—URL: <https://adnas.com/dirty-cotton-uzbekistan-forced-labor-problem/> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴² 2020 third-party monitoring of child labour and forced labour during the cotton harvest in Uzbekistan.—URL: https://www.ilo.org/washington/WCMS_767756/lang-en/index.htm (дата обращения: 02.02.2023). Forced and child labour in Uzbek cotton fields continues to fall.—URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_735883/lang-en/index.htm (дата обращения: 02.02.2023).

⁴³ Third-party monitoring of child labour and forced labour during the 2019 cotton harvest in Uzbekistan.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-ed_norm/-ipec/documents/publication/wcms_73.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁴ Конвенции ООН о правах ребенка, Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей.

⁴⁵ Monitoring Report on Assessment of Human Rights Situations in Cotton Fields of the Republic of Azerbaijan.—URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3458625 (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁶ Monitoring Report on Assessment of Human Rights Situations in Cotton Fields of the Republic of Azerbaijan.—URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3458625 (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁷ Special Report. Child Labour During the New Coronavirus Pandemic and Beyond.—URL: <https://www.unicef.org/georgia/media/6011/file/PDO%20report-Child%20Labour.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁸ Curbing child labour in Kosovo: Let children be children.—URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/mission-and-objectives/features/WCMS_343157/lang-en/index.htm (дата обращения: 02.02.2023).

⁴⁹ Child Labour in Rural Kazakhstan: Baseline Survey Results in Almaty and South Kazakhstan oblast.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-europe/-ro-geneva/--sro-moscow/documents/publication/wcms_308668.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁰ Women and children from Kyrgyzstan affected by migration. An exacerbated vulnerability.—URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/rapport_kyrgyzstan_uk-2-web2.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

побудить родителей отправить своих детей за границу для получения дохода и поддержки семьи⁵¹. По словам должностных лиц, такие дети не ходят в школу и обычно работают на плантациях, кухнях или рынках. В 2018 г. доля не посещающих школу детей в возрасте от 5 до 17 лет в Кыргызстане составляла 22%⁵². В Казахстане можно встретить мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана, работающих на хлопковых полях. Кроме того, в Казахстане мигранты из этих стран работают на хлопковых полях, а семьи путешествуют вместе с ними в течение всего сезона, часто с детьми, которые также могут работать на полях⁵³. В Кыргызстане дети внешних трудовых мигрантов были выявлены в сфере детского труда на розничных рынках⁵⁴. Массовая миграция также является одной из причин детского труда в Таджикистане⁵⁵.

Важно учитывать гендерные различия в сфере детского труда. Доля девочек, занятых детским трудом (7,8%), в 2020 г. сократилась по сравнению с 2016 г. (8,4%), в то время как доля девочек, привлеченных к наихудшим формам труда, оставалась на уровне 3,6% как в 2016 г., так и в 2020 году. Для мальчиков эта тенденция возросла в обоих случаях: 10,7% в 2016 г. и 11,2% в 2020 г. работающих детей, 5,5% в 2016 г. и 5,8% в 2020 г. занятых опасной рабо-

той⁵⁶. Гендерные роли часто определяют тип, условия и часы работы, выполняемой мальчиками и девочками. В семьях девочки, как правило, выполняют больше работы по дому, и это бремя может увеличиваться во время закрытия школ. И хотя гендерный разрыв сокращается, необходимо учитывать разницу между занятостью мальчиков и девочек.

Результаты опроса

Результаты опроса подтвердили, что в выбранных странах существует проблема детского труда в сельском хозяйстве (рис. 1). Эксперты отмечают также плохое информирование о проблеме детского труда в аграрном секторе этих стран. По их мнению, школьники участвуют в сельскохозяйственных работах после школьных занятий или в праздничные дни; однако бывают случаи, когда дети работают во время школьных занятий, особенно в сезон сбора урожая. Для значительного большинства респондентов (экспертов, представителей местного самоуправления и образовательной сферы) работа школьников в сельском хозяйстве или в домашних хозяйствах их родителей является необходимым элементом их трудового воспитания (рис. 2). В Албании мнения среди экспертов учителей разделились почти поровну. Однако, также присутствует мнение, что подобная работа не должна быть необходимым элементом процесса воспитания. При этом, эксперты из Албании, Армении и Киргизии считают, что задачи и работа, выполняемые детьми, является детским трудом, однако в Молдове незначительная часть опрошенных согласна с этим утверждением (рис. 3).

Респонденты считают, что детям следует разрешать работать в домашнем хозяйстве семьи (что означает оказание помощи в выполнении домашней работы, а также в фермерском хозяйстве семьи) без ущерба для их образования и здоровья до 10 часов в неделю. Учителя из Молдовы и Кыргыз-

⁵¹ All Children in School By 2015 Global Initiative on Out-Of-School Children. Kyrgyzstan Country Study.—URL: <https://www.allinschool.org/media/166/file/Kyrgyzstan%20OOSCI%20Country%20Report%202015.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵² Kyrgyz Republic Multiple Indicator Cluster Survey 2018.—URL: <https://mics-surveys-prod.s3.amazonaws.com/MICS6/Europe%20and%20Central%20Asia/Kyrgyzstan/2018/Snapshots/English.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵³ Child labour in rural Kazakhstan: Baseline survey results in Almaty and South Kazakhstan oblasts.—URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/europe/ro-geneva/sromoscow/documents/publication/wcms_308668.pdf (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁴ Bureau of International Labour Affairs. 2019. Minimal Advancement—Efforts Made but Regression in Law that Delayed Advancement.—URL: <https://www.dol.gov/agencies/ilab/resources/reports/child-labor/kyrgyz-republic> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁵ Akilova M. Pathways to child work in Tajikistan: narratives of child workers and their parents // Central Asian Survey.— 2017.—No. 36(2).—P. 231—246.—URL: <https://www.tandfonline.com/doi/ful/10.1080/02634937.2017.1281791> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁶ Child Labour: Global estimates 2020, trends and the road forward.—URL: <https://data.unicef.org/resources/child-labour-2020-global-estimates-trends-and-the-road-forward/> (дата обращения: 02.02.2023).

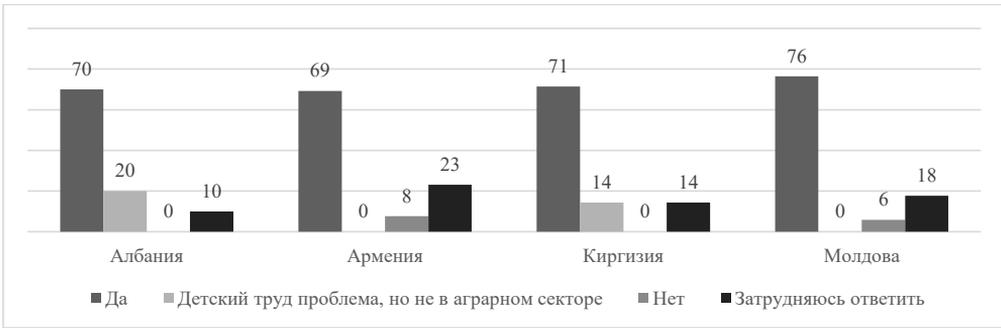

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Существует ли проблема детского труда в с/х?», %
 Fig. 1. Distribution of answers to the question «Is there a problem of child labour in agriculture?», %
 Источник: опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ.

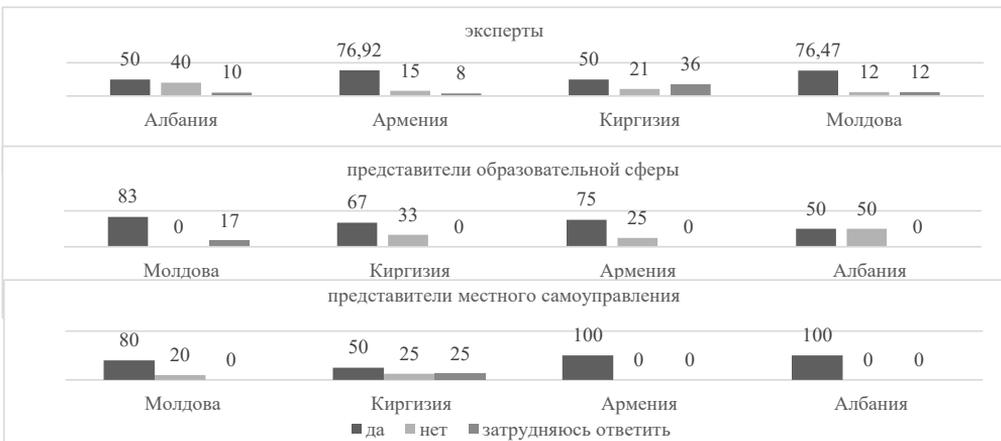

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Является ли работа на организованных с/х работах и в домашних хозяйствах элементом трудового воспитания» (эксперты, представители образовательной сферы и местного самоуправления), %

Fig. 2. Distribution of answers to the question «Does the work of schoolchildren in agricultural work or their parents' households reduce their academic performance?» (experts, education workers, local government officials), %
 Источник: опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ.

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Считаются ли задачи и работа, выполняемые детьми в вашей стране, детским трудом» (согласно определению МОТ)?, %

Fig. 3. Distribution of answers to the question «Do the tasks or the work undertaken by children in your country, are considered to be child labour? (according to the International Labour Organization's definition)», %
 Источник: опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ.

стана заявляют, что работа школьников на организованных сельскохозяйственных работах снижает их успеваемость, при этом в первой группе экспертов треть не согласны с этим утверждением. Мнения представителей образовательной сферы из Армении разделились пополам. Опрошенные учителя из Албании (100%), Армении (75%) и Молдовы (66%) не согласились с тем, что успеваемость школьников снижается при их занятости в домашних хозяйствах; в Киргизии большинство экспертов (83%) наоборот подтвердили, что это негативно влияет на процесс учебы.

По мнению представителей местного самоуправления из Молдовы и Киргизии, работа школьников на организованных сельскохозяйственных мероприятиях снижает их успеваемость, в Армении — нет. Мнения респондентов из Албании по этому вопросу разделились (рис. 4). Согласно результатам опроса, дети, принадлежащие к национальным, этническим, религиозным и язы-

ковым меньшинствам Албании, Киргизии, Молдовы будут заниматься сельскохозяйственным трудом с такой же вероятностью, как все остальные (рис. 5). Однако в Армении считают наоборот, потому что: 1) некоторые этнические меньшинства не считают образование столь важным; 2) это зависит от культуры этнических групп, как, например, в случае езидов и молокан, для которых образование не стоит на первом месте, и помощь семье в различных видах сельскохозяйственной деятельности является укоренившимся явлением, пусть даже в ущерб образованию; 3) этнические меньшинства чаще занимаются сельскохозяйственным трудом, поскольку они живут преимущественно в сельских районах.

В числе причин использования детского труда в сельском хозяйстве респонденты в основном указывали на бедность семей, отсутствие доступа к образованию, нехватку рабочей силы в сельском хозяйстве в течение основных сезонных работ, отсутствие

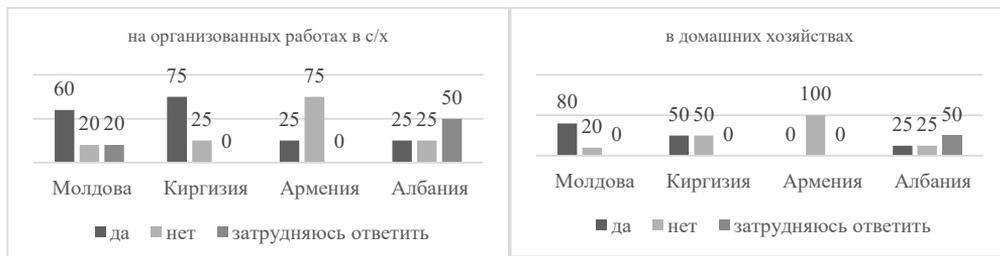

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Снижает ли работа школьников на организованных работах в с/х или в домашних хозяйствах их успеваемость?» (представители местного самоуправления), %

Fig. 4. Distribution of answers to the question «Do you believe that the work of schoolchildren in agricultural work or in their parents' households reduces their academic performance?» (local government officials), %

Источник: опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ.

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Можно ли сказать, что дети религиозных/этнических/национальных меньшинств с большей вероятностью будут заниматься с/х?» (эксперты), %

Fig. 5. Distribution of answers to the question «Could it be said that children from national, ethnic, religious and linguistic minorities are more likely to engage in agricultural work?» (experts), %

Источник: опрос Института аграрных исследований НИУ ВШЭ.

доступа к защите и достойной занятости. Еще одной серьезной проблемой является менталитет и сложившиеся традиции, подерживающие детский труд.

Большинство вовлеченных в детский труд Албании⁵⁷ и Армении в сельском хозяйстве детей — мальчики (60% и 54% опрошенных экспертов), это может быть связано с тем, что они выполняют более тяжёлую ручную работу. Девочки в основном занимаются домашними делами и выполняют более легкую работу, например, собирают лечебные травы. По мнению экспертов, доля мальчиков и девочек, занятых в сельском хозяйстве Кыргызстана и Молдовы, составляет 50/50⁵⁸. Эксперты сообщили, что большинство работающих детей принадлежит к возрастной группе 13–17 лет. Это не подтверждают респонденты из второй

⁵⁷ В сельских районах Армении детский труд, связанный с семейным бизнесом (включая работу по дому, например уборку, приготовление пищи и т.д.), составляет 90% от общего объема детского труда (82,5% — составляет доля мальчиков и 87,9% — девочек). По доступным данным, гендерные различия невелики в отношении занятости в аграрном секторе Албании, но увеличиваются с возрастом, однако доля девочек в любом возрасте превышает долю мальчиков. Источники: Процентный расчет произведен экспертом на основании источников ILO. — URL: www.ilo.org (дата обращения: 02.02.2023), ArmStat. — URL: www.armstat.am (дата обращения: 02.02.2023), UIS UNESCO. — URL: <http://data.uis.unesco.org> (дата обращения: 02.02.2023) и WVI. — URL: www.wvi.org (дата обращения: 02.02.2023); Understanding children's work in Albania. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/fr/160961542614768412/pdf/132164-WP-PUBLIC-ADD-SERIES-see-73756-Albania-country-report-06sept2013sent.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).

⁵⁸ По данным MICS-2018, в Кыргызстане распространённость детского труда среди мальчиков выше, чем среди девочек (33,6% против 19,0%). Дети из сельских районов привлекаются к труду в два раза чаще, чем дети из городских районов. Также в Кыргызстане доля детей, занятых наилучшими формами детского труда, выше среди малоимущего населения (12%) и в сельских районах (15%). Мальчики чаще занимаются опасными видами деятельности (16%). В 2020 году Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты Молдовы опубликовало исследование, в котором указывалось, что за последние 12 месяцев значительно меньше девочек (11,5%), чем мальчиков (22,8%) работали за деньги или другие формы оплаты. Среди девочек, работавших за денежное или иное вознаграждение, большинство работало на ферме или в саду (37,1%) или в ресторане/гостинице/кафе/баре (25,4%). Среди мальчиков, работавших на ферме или в саду — 31,9%, в другом месте (20,8%) или в ресторане/гостинице/кафе/баре (14,3%). Источник: Violence Against Children and Youth in the Republic of Moldova: Findings from a National Survey, 2019. — URL: <https://moldova.ilo.int/resources/rep-public-moldova-violence-against-children-and-youth-survey-2019> (дата обращения: 02.02.2023).

группы, которые считают, что средний возраст детей, работающих в сельском хозяйстве, составляет от 15 до 17 лет.

По результатам опроса, в селах Молдовы наблюдаются случаи травмы или истощения по причине избыточной работы в сельском хозяйстве. Выполняемая детьми работа включает рыление земли, уборку урожая; копание в огородах, иногда на больших территориях; сельскохозяйственные и строительные работы; вынос тяжёлого мусора в больших количествах, иногда и в экстремальных погодных условиях с температурой до 35° С. Некоторые респонденты заявили, что дети вообще не участвуют в детском труде в сельском хозяйстве, а ухаживают за территорией вокруг учебного заведения.

Представитель медицинского учреждения из Кыргызстана упомянул случаи физического истощения/усталости/травмы, связанными с избыточной работой во времена COVID-19. Почти все респонденты из Армении ответили, что за последние три года в их практике таких случаев не было зарегистрировано. Однако, по официальным данным, 4,2% работающих детей работают 30–42 часа в неделю. Среди работающих детей 1,8% таскают тяжести и 1,3% получают травмы во время работы⁵⁹. В Албании на этот вопрос отрицательно ответили все респонденты. Опрошенные представители образовательных учреждений Молдовы и Кыргызстана заявили о случаях, когда дети пропускали школу по причине занятости в хозяйствах семей, средняя продолжительность пропусков по причине занятости в сельском хозяйстве составляла менее 1 месяца, но в некоторых случаях — 1–3 месяца.

Заключение

В современном мире по-прежнему сохраняется проблема детского труда, наиболее распространённого в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве и аквакультуре. На долю аграрного сектора приходится

⁵⁹ Процентный расчёт произведен экспертом на основании источников: ILO. — URL: www.ilo.org; ArmStat. — URL: www.armstat.am; UIS UNESCO. — URL: <http://data.uis.unesco.org>; WVI. — URL: www.wvi.org (дата обращения: 02.02.2023).

70% детского труда во всех его проявлениях. В рамках исследования был рассмотрен вопрос использования детского труда в сельском хозяйстве стран Восточной Европы и Центральной Азии. В качестве основного инструмента изучения проблемы был выбран экспертный опрос в четырёх странах, характеризующих регион. Результаты опроса показали, что всё ещё высокая доля детей из сельских районов занята в семейных хозяйствах, хотя масштабы использования детей на сельскохозяйственных работах сокращаются.

Дети, которые активно занимаются трудом в сельском хозяйстве или другими видами трудовой деятельности в сельских районах, как правило, имеют более низкий уровень образования, их здоровью может быть нанесен вред. Такие условия могут негативно сказываться на развитии человеческого капитала — дети попадают в порочный круг нищеты, когда из-за малообеспеченности семьи не способны вкладывать достаточно в развитие ребенка (образование, здравоохранение, питание). Из-за этого у таких детей остается меньше перспектив на лучшую жизнь и им суждено остаться бедными. Таким образом, детский труд в сельских районах является серьезной проблемой повестки дня в области развития: искоренение детского труда входит в одну из задач Целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ЦУР 8.7), которая направлена на ликвидацию всех его форм к 2025 году.

Нищета в сельских районах по-прежнему является основной причиной детского труда в сельском хозяйстве региона, поэтому политика и меры в области сельского хозяйства должны включать меры по пред-

упреждению и сокращению сельской бедности. Социальная защита должна не только распространяться на сельские районы, но и содержать ряд специфических для них мер. Необходимо установить четкую взаимосвязь между возрастом обязательного школьного обучения и минимальным возрастом для приема на работу, а также четко определить установленные механизмы работы с учащимися, бросившими школу в раннем возрасте.

Свою роль должна сыграть и национальная статистика, поскольку по этому вопросу имеются вызывающие обеспокоенность пробелы в данных. Правительствам следует продолжить разработку национального определения детского труда в сельском хозяйстве на основе конвенций МОТ № 138 и № 182, например, перечень наилучших форм труда. Все национальные проекты должны включать не только гендерную проблематику, но и проблему детского труда. Было бы также полезно интегрировать проблемы детского труда в мероприятия, направленные на поддержку развития устойчивого сельского хозяйства, которые должны включать продвижение более безопасных и трудосберегающих механизмов, технологий и методов.

Общество нуждается в большей осведомленности о проблеме детского труда в сельском хозяйстве, чтобы помочь обеспечить соблюдение существующего национально-го трудового законодательства, особенно на местном уровне. Кроме того, необходимо повышать осведомленность о достойной занятости молодежи на национальном, региональном и местном уровнях с участием всех возможных заинтересованных сторон.

Литература и Интернет-источники

1. **Womack, R.** Child labor in Azerbaijan / R. Womack // New York : M. E. Sharpe, Armonk, 2009. — 999 p.
2. **Stephenson, S.** Child labour in Russian Federation / S. Stephenson // ILO. — 2002. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_norm/-/declaration/documents/publication/wcms_decl_wp_7_en.pdf (дата обращения: 02.02.2023).
3. **Bhat, B. A.** Socioeconomic Dimensions of Child Labor in Central Asia / B. A. Bhat // Problems of Economic Transition. — 2011. — No. 54(1). — P. 84–99.
4. **Baschieri, A.** Child Poverty in Tajikistan / A. Baschieri, J. Falkingham. — 2007. — URL: <https://researchonline.lshtm.ac.uk/id/eprint/5737/1/Child%20Poverty%20in%20Tajikistan.pdf> (дата обращения: 02.02.2023).
5. **Baschieri, A.** Staying in School: Assessing the Role of Access, Availability, and Economic Opportunities — the Case of Tajikistan / A. Baschieri, J. Falkingham // Population, Space and Place. — 2009. — No. 15(3). — P. 205–224.
6. **Akilova, M.** Pathways to child work in Tajikistan: narratives of child workers and their parents / M. Akilova // Central Asian Survey. — 2017. — No. 36(2). — P. 231–246. DOI: 10.1080/02634937.2017.1281791

Сведения об авторах:

Абдолова Садаф Назарбековна, эксперт, Институт аграрных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sabdolova@hse.ru, tuasadaf@gmail.com; РИНЦ AuthorID: 1213865.

Янбых Рената Геннадьевна, д.э.н., зав. отделом аграрной политики, Институт аграрных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryanbykh@hse.ru; ORCID: 0000-0002-6419-636X; РИНЦ AuthorID: 716617.

Серова Евгения Викторовна, д.э.н., директор по аграрной политике, Институт аграрных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: evserova@hse.ru; ORCID: 0000-0003-1489-719X; РИНЦ AuthorID: 820332.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-33-47

**RESEARCH ON CHILD LABOUR IN AGRICULTURE
IN EASTERN EUROPE AND CENTRAL ASIA****Sadaf N. Abdolova*, Renata G. Yanbykh, Evgenia V. Serova**

*Institute for Agrarian Studies, HSE University
(11 Pokrovsky Boulevard, Moscow, Russia, 109028)*

**E-mail: tuasadaf@gmail.com, sabdolova@hse.ru*

For citation:

Abdolova S. N., Yanbykh R. G., Serova E. V. Research on child labour in agriculture in Eastern Europe and Central Asia. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 33-47. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-33-47 (in Russ.)

Abstract. *The article deals with the problem of child labour in agriculture in Eastern Europe and Central Asia. Agriculture employed 112 million children in 2020, or about two-thirds of the world's working children. They mostly work on their family farm or near home. Child labour is most prevalent in Sub-Saharan Africa and Asia-Pacific region. However, 5.7 per cent of child labour cases worldwide occur in Europe and Central Asia. The root causes of child labour are household poverty and economic*

instability, as well as children's limited access to quality education. In the post-Soviet countries, the collapse of the economy in the 1990s contributed significantly to fostering child labor. The problem of child labor in agriculture in Eastern Europe and Central Asia is poorly reflected in national statistics. Expert survey in four countries that best represent the region was chosen as the main tool to study the problem. The results of the survey showed that still a high proportion of children from rural areas are employed on family farms, although the use of children in agricultural work is decreasing. Analysis of the legislation of the target countries and the scientific literature has revealed the causes and allowed making some recommendations to prevent and reduce child labour in agriculture in the region.

Keywords: child labour, agriculture, household, poverty, expert survey.

References and Internet sources

1. Womack R. *Child Labor in Azerbaijan*. New York. M. E. Sharpe. Armonk. 2009. 999 p.
2. Stephenson S. *Child Labour in Russian Federation*. ILO. 2002. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---declaration/documents/publication/wcms_decl_wp_7_en.pdf (Accessed: 2 February.2023).
3. Bhat B. A. Socioeconomic dimensions of child labor in Central Asia. *Problems of Economic Transition*. 2011. No. 54 (1). P. 84–99.
4. Baschieri A., Falkingham J. *Child Poverty in Tajikistan*, 2007. Available at: <https://researchonline.lshmt.ac.uk/id/eprint/5737/1/Child%20Poverty%20in%20Tajikistan.pdf> (Accessed: 2 February 2023).
5. Baschieri A., Falkingham J. Staying in school: assessing the role of access, availability, and economic opportunities — the case of Tajikistan. *Population, Space and Place*. 2009. No. 15 (3). P. 205–224.
6. Akilova M. Pathways to child work in Tajikistan: narratives of child workers and their parents. *Central Asian Survey*. 2017. No. 36(2). P. 231–246. DOI: 10.1080/02634937.2017.1281791

Information about the authors:

Abdolova Sadaf Nazarbekovna, Expert, Institute for Agrarian Studies, HSE University, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: sabdolova@hse.ru, tuasadaf@gmail.com; Elibrary AuthorID: 1213865.

Yanbykh Renata Gennadievna, Doctor of Economics, Head of Department, Institute for Agrarian Studies, HSE University, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: ryanbykh@hse.ru; ORCID: 0000–0002–6419–636X; Elibrary AuthorID: 716617.

Serova Evgenia Victorovna, Doctor of Economics, Director for Agricultural Policy, Institute for Agrarian Studies, HSE University, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: evserova@hse.ru; ORCID: 0000–0003–1489–719X; Elibrary AuthorID: 820332.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-48-59
EDN: PFXTUL

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Кабанова Е. Е.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)*

E-mail: elekabanova@fa.ru

Для цитирования:

Кабанова Е. Е. Влияние цифровой трансформации на жизнь населения России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 48-59. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-48-59; EDN: PFXTUL

Аннотация. В современном мире следование последним технологическим трендам определяет конкурентоспособность экономики на внутреннем и внешнем рынке. И цифровые технологии незаменимы в построении конкурентоспособной экономики, как на региональном, так и на государственном уровне. Анализ данных Росстата и ВШЭ в текущем исследовании позволил сделать вывод, что в настоящее время в России наблюдается ускорение процессов цифровой трансформации, в том числе на региональном уровне. Положительным образом на распространение инструментов и навыков цифровизации в отечественной экономике сказались пандемийные ограничения 2020–2021 годов. Однако, корпоративное и государственное стремление к максимальному применению цифровых средств и повышению качества и удобства их использования имеет гораздо более длительную историю, чем пандемия. И ограничения лишь ускорили давно начатый процесс цифровой трансформации в стране. Одним из негативных факторов данных процессов является с одной стороны гипертрофированная концентрация расходов на внедрение цифровых технологий, а, с другой, крайне недостаточная на текущий момент доля используемого оборудования и программного обеспечения отечественного производства. Это создаёт высокие санкционные риски дальнейшего движения к построению цифровой экономики в стране. Методологической базой текущей работы служат математико-статистические методы, анализ, синтез, а также графический и табличный методы представления данных. Основными источниками исследования являются индикаторы цифровой экономики, предоставляемые ВШЭ, а также статистические данные Росстата, в том числе в региональном разрезе.

Ключевые слова: население, дифференциация регионов, интернет-торговля, цифровизация, регионы России, тренды, электронные государственные услуги, санкции, пандемия.

Введение

Следование глобальным трендам цифровой трансформации на протяжении последних лет является объективным условием социально-экономического развития страны и отдельных территорий, а также повышения конкурентоспособности экономики в мировом масштабе [1; 2]. В.В. Черных считает внедрение цифровых технологий наиболее действенным способом повышения эффективности территориального развития, так как вовлечение населения и бизнеса в интернет-коммуникации открывает для предприятий новые возможности по выходу за пределы территориальных рын-

ков [3]. Особенно потребность в виртуальных сервисах во всех сферах экономической деятельности проявилась в ходе пандемии COVID-19 с массовым уходом населения на удаленную работу, ростом спроса на услуги интернет-магазинов и сервисов доставки товаров [4; 5]. Как выразилась Р.А. Токмакова: «пандемия послужила катализатором процессов цифровизации экономики» [6]. В подтверждение её слов приведём сведения о динамике использования интернета как инструмента для шопинга (табл. 1). Судя по данным таблицы можно заметить, что в 2020–2021 гг. было заметное увеличение роста интереса пользователей сети Интернет к онлайн-покупкам.

Таблица 1
Динамика использования интернета населением для заказа товаров и услуг, %
Table 1
Dynamics of the use of the Internet by the population for ordering goods and services, %

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Использование интернета населением для заказа товаров и услуг, %	15,3	17,8	19,6	23,1	29,1	34,7	35,7	40,3	46,6
Доля покупок, оплаченных банковской картой, %	39,3	47,2	60,2	68,4	75,9	80,0	85,2	89,3	90,2

Источники: Индикаторы цифровой экономики 2022: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2023.— 332 с.; Индикаторы цифровой экономики 2020: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2020.— 360 с.; Индикаторы информационного общества: 2016: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2016.— 304 с.

Переход на «удалёнку», по оценкам С.Г. Давыдова, затронул около трети россиян, что способствовало ускорению распространения цифровых технологий, компетенций и навыков среди бизнеса и населения [7]. И даже после снятия всех ограничений рынок не отказался от интернет-шопинга, поскольку пользователи оценили удобство, скорость и экономию времени при применении новых технологий. Цифровой сегмент бизнеса крупных отечественных компаний показывает непрерывный рост. Например, по данным сети «X5 Group» в 2022 г. объём продаж цифровых бизнесов группы компаний (даркстор «VPROK.RU», «Много Лосося» и другие сервисы экспресс-доставки) составил свыше 70

млрд рублей—рост к уровню 2021 г. 46,6% при общем увеличении продаж группы на 18,3%. Хотя доля выручки от цифровых бизнесов пока составляет незначительную долю от общего оборота—2,8% в 2022 г., тем не менее, это наиболее быстро растущий сегмент компании.

Если сравнивать показатели «X5 Group» с лидером сегмента онлайн-торговли, то выручка «Сбермаркета», занявшего в 2022 г. первое место по объёму интернет-продаж, составила 103,5 млрд рублей с ростом показателя по сравнению с 2021 г. на 65,4%. Надо заметить, что Сбербанк является одним из локомотивов отечественной цифровой экономики. Например, ежедневная аудитория пользователей «Сбербанк-Онлайн», откры-

того 11 лет назад, составляет 40,9 млн человек — более 1/4 населения страны. Причём единый логин Сбер ID (55 млн пользователей) кроме непосредственно услуг самого банка используется, в том числе, и для более чем 150 сервисов компании и партнёров. Фактически Сбербанк перевёл почти весь объём предоставляемых услуг в цифровой сегмент, параллельно виртуализируя на своей платформе услуги многих компаний-партнёров. В целом текущие бизнес-процессы российских компаний можно охарактеризовать как расширение использования онлайн-платформ для продаж и развитие цифровых компетенций в целом [8].

Не отстаёт от частных компаний и государственный сектор: в 2021 г. по данным Росстата 80,1% граждан пользовались государственными услугами. Из них посредством сети Интернет — 68,2%. С 2013 по 2021 гг. доля полученных услуг выросла с 30,8% до 85,1%. Отметим, что в рамках национальной цели «Цифровая транс-

формация»¹ к 2030 г. запланировано предоставлять 95% социально значимых услуг в электронном виде. И, судя по динамике показателей табл. 2, эта задача будет выполнена раньше запланированного срока. В 2022 г. было оказано почти 200 млн услуг через портал «Госуслуги», а количество зарегистрированных пользователей превысило 100 млн человек. Стремление повысить уровень цифровизации госуслуг, по мнению А.С. Новосёлова, А.В. Фалеева и М.А.К. Джалал, связано с целью увеличения эффективности работы органов государственного управления и снижения издержек на содержание чиновничьего аппарата [9; 10]. Это позволит сократить региональную дифференциацию в качестве и эффективности работы органов государственной власти, упростит и ускорит бюрократические процедуры, что должно положительно сказаться на социально-экономическом состоянии регионов.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Доля государственных услуг, получаемых в электронной форме, %

Таблица 2

The share of public services received in electronic form, %

Table 2

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Получение государственных услуг гражданами в электронной форме, %	30,8	35,2	39,6	51,3	64,3	74,8	77,6	81,1	85,1
Получение государственных услуг организациями полностью в электронном виде, %	34,3	34,3	36,3	38,3	39,7	41,9	45,2	47,9	49,7

Источники: Индикаторы цифровой экономики 2022: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2023.— 332 с.; Индикаторы цифровой экономики 2020: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2020.— 360 с.; Индикаторы информационного общества: 2016: краткий стат. сб.—Москва: НИУ ВШЭ, 2016.— 304 с.

В настоящее время цифровая трансформация распространяется на все сферы общественной жизни, при этом являясь одним из главных факторов, способствующих изменению социально-бытовой деятельности, повышению конкурентоспособности и развитию регионов, улучшению каче-

ства жизни населения [11]. Цифровизация оказывает влияние на жизнь россиян, поскольку перевод в электронную форму предоставления государственных услуг на всех властных уровнях (включая здравоохранение, МВД, Росреестр и другие), денежно-финансовых операций, торговли, связи и ком-

муникаций непосредственно затрагивает и изменяет образ жизни каждого гражданина, создавая новые механизмы социального взаимодействия и рабочих процессов.

Цель и методы исследования

Ключевыми задачами национальной цели «Цифровая трансформация» является обеспечение в каждом регионе полноценного доступа к широкополосной сети интернет и увеличение вложений в отечественные цифровые решения. Именно технические возможности доступа во всемирную сеть для всех слоёв населения и стремление к технологической независимости путём наращивания расходов на внедрение и использование цифровых технологий являются важнейшими факторами успешного строительства цифровой экономики на региональном уровне [12; 13].

Главными оценками влияния цифровых технологий на повседневную жизнь граждан является наличие широкополосного доступа к сети Интернет (в том числе динамика этого показателя и региональное расхождение по доступности Интернета). А также использование Сети в повседневной жизни. Поэтому одной из целей исследования является ретроспективный анализ указанных выше показателей.

Помимо задачи увеличения вовлечения населения в цифровизацию и использование Интернета в повседневной жизни следующим направлением «Цифровой трансформации» является снижение импортозависимости в использовании цифровых решений. Поэтому вторая часть нашего исследования будет посвящена оценке использования отечественного ПО и технических средств, как характеристике самодостаточности экономики в решении национальной задачи цифровизации. Методологической базой нашей работы служат математико-статистические методы, анализ, синтез, а также графический и табличный методы представления данных. Основными источниками исследования являются индикаторы цифровой экономики, предоставляемые ВШЭ, а также дан-

ные Росстата, в том числе в региональном разрезе.

Результаты исследования и их обсуждение

Базисом развития цифровизации в стране и каждом отдельном регионе должна стать концепция, которая обобщённо звучит как «широкополосный интернет в каждый дом». Без обеспечения технической возможности каждого гражданина в любой момент обратиться в государственные органы за предоставлением любых видов услуг (государственных, медицинских, регистрационных и т.д.), покупок, денежных операций и простой связи друг с другом невозможно построение современной конкурентоспособной цифровой экономики, требующей иной скорости выполнения задач, объёмов обработки данных и эффективности решений.

Динамика доступности качественного интернета для российских домохозяйств отражена на рис. 1. Как видно, до 2016 г. наблюдался быстрый рост новых подключённых широкополосного интернета. Однако, в 2017–2019 гг. доля подключённых пользователей стабилизировалась на одной отметке. Пандемийные ограничения 2020–2021 гг. снова вернули положительную динамику показателю, и за 2 года он увеличился на 9% и достиг значения 82,6%.

Динамика показателя в региональном разрезе характеризуется высокой дифференциацией на начальном уровне, однако, с течением времени расслоение в степени доступности широкополосного интернета в регионах сокращается. Отметим в табл. 3 эти качественные изменения в разрезе федеральных округов (ФО) и отдельных регионов, где изменения наиболее значительны. Как видно из таблицы, в среднем по России увеличение доступности широкополосного интернета за 7 лет с 2014 по 2022 гг. выросло более чем на 20% до 85,5%. При этом в начале периода в ряде регионов уровень его распространения был невысок, порядка 30–40%, а на Чукотке и в Чеченской Республике — менее 30%. Однако, за истекший пери-

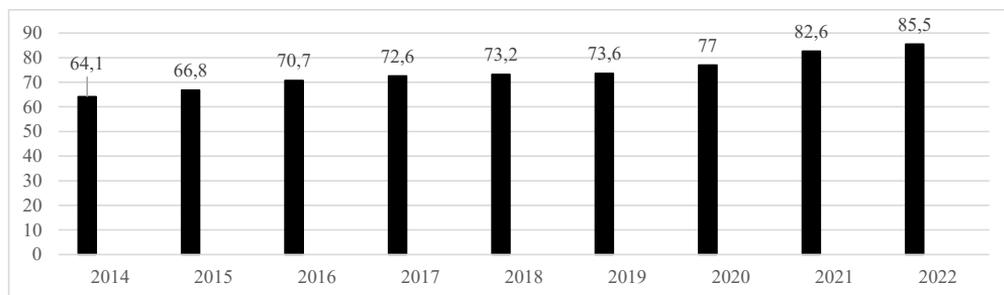

Рис. 1. Удельный вес домохозяйств в целом по России, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет в 2014–2022 гг., %

Fig. 1. The proportion of households in the whole of the Russia that had broadband access to the Internet in 2014–2022, %

Источник: Росстат.— URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 10.07.2023).

од отстающие регионы заметно сократили с 49% до 95%, Чукотский АО—рост с 26% до 64%, Магаданская область—с 47% до 96%, Чеченская Республика—с 29% до 95%.

Таблица 3

Удельный вес домохозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет по регионам России в 2014–2022 гг., %

Table 3

Share of households with broadband access to the Internet by regions of Russia in 2014–2022, %.

Территория	2014	2022	Территория	2014	2022
Россия в среднем	64,1	85,5	Приволжский ФО (ПФО)	60,3	83,7
Центральный ФО (ЦФО)	66,9	87,0	Нижегородская область	53,0	82,3
Брянская область	46,6	80,9	Самарская область	53,3	79,8
Калужская область	52,2	75,8	Саратовская область	53,9	86,8
Курская область	54,8	83,4	Уральский ФО (УФО)	68,3	86,1
Тверская область	49,9	74,8	Курганская область	54,4	82,7
Северо-Западный ФО (СЗФО)	72,8	83,5	Сибирский ФО (СФО)	62,9	84,3
Ненецкий АО	44,0	84,3	Республика Алтай	55,0	91,4
Вологодская область	58,4	80,0	Республика Тыва	44,8	91,8
Новгородская область	49,1	73,3	Дальневосточный ФО (ДВФО)	56,7	85,7
Псковская область	54,8	73,8	Республика Бурятия	51,0	92,0
Южный ФО (ЮФО)	62,1	86,9	Республика Саха (Якутия)	53,2	88,3
Республика Адыгея	48,1	88,0	Забайкальский край	49,2	77,6
Республика Калмыкия	49,2	95,2	Камчатский край	40,7	87,8
Северо-Кавказский ФО (СКФО)	53,4	87,7	Амурская область	39,7	85,9
Республика Дагестан	47,8	87,5	Магаданская область	46,9	96,3
Республика Ингушетия	30,5	76,0	Чукотский АО	26,0	64,4
Чеченская Республика	28,6	95,3			

Источник: Росстат.— URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/io_2.6.13.xlsx (дата обращения: 15.07.2023).

Примечательно, что в настоящее время самые низкие показатели развития широкополосного Интернета зафиксированы для областей Томской, Новгородской, Псковской, Тверской, республик Мордовии и Чувашии, Чукотского АО и Еврейской АО: уровень распространённости широкополосного Интернета менее 75%. И это в основном не удалённые регионы Крайнего Севера или Северного Кавказа, а развитые в историческом и социально-экономическом отношении территории страны. Такие недостатки процесса цифровой трансформации в центральных регионах замедляют достижение поставленных Правительством РФ задач. Конечно, в целом можно зафиксировать уверенное движение к цели в 97% в среднем по России в 2024 г., хотя О.А. Золотарёва негативно оценивала динамику роста данно-

го показателя [14]. Здесь надо заметить, что пандемия COVID-19 сыграла роль катализатора процесса. И если опыт регионов, показавших значительный рост распространённости подключений к сети Интернет за короткий срок, будет распространён на регионы-аутсайдеры, то целевой уровень в 97% будет достигнут вовремя.

Наряду с повышением доступности широкополосного интернета надо отметить и такой важный показатель распространения навыков цифровизации среди населения как собственно использование населением сети интернет в повседневной жизни (рис. 2). Мы наблюдаем постоянный рост вовлечённости населения в использование Интернетом на протяжении всего периода, который заметно ускорился лишь в 2018 году.

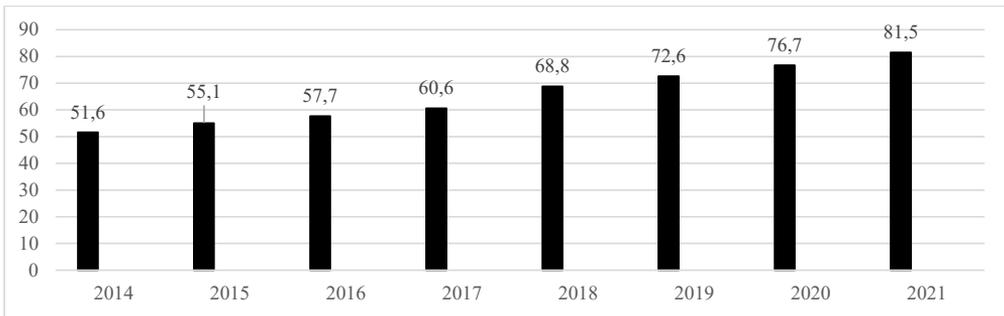

Рис. 2. Население, использовавшее сеть Интернет каждый день или почти каждый день в 2014–2021 гг., %

Figure 2. Population using the Internet every day or almost every day in 2014–2021, %

Источники: Индикаторы цифровой экономики 2022: краткий стат. сб.— Москва: НИУ ВШЭ, 2023.— 332 с.; Индикаторы цифровой экономики 2020: краткий стат. сб.— Москва: НИУ ВШЭ, 2020.— 360 с.; Индикаторы информационного общества: 2016: краткий стат. сб.— Москва: НИУ ВШЭ, 2016.— 304 с.

Техническую часть процесса цифровой трансформации в масштабах страны оценить сложно, поскольку с точки зрения статистики подотчетна лишь часть всей массы оборудования организаций в рамках федерального статистического наблюдения в разделе «Сведения об использовании цифровых технологий и производстве связанных с ними товаров и услуг». По этим данным можно лишь приближённо оценить масштабы применения цифровых средств в России, в том числе в разрезе примене-

ния оборудования отечественного производства. Это связано с тем, что реализация задач перехода к цифровой экономике возможна лишь при условии поддержания независимости от зарубежных технологических решений в данной области. Особенно это актуально в условиях санкционного давления западных стран на Россию, в том числе в сегменте поставок программного обеспечения и технических средств.

Затраты обследуемых организаций на внедрение и использование цифровых тех-

нологий в 2021 г. составили 3,5 трлн рублей (табл. 4). Из них на приобретение машин и оборудования 1 трлн рублей, на программное обеспечение 0,48 трлн рублей (в том числе российского—0,16 трлн рублей). Подавляющая часть расходов на внедрение и использование цифровых технологий осуществляется в Москве (65%). Остальные регионы и даже федеральные округа (кроме ЦФО, разумеется) тратят на цифровую трансформацию значительно меньшие суммы. И наблюдаемая диспро-

порция финансирования между регионами негативно сказывается на общегосударственных планах построения цифровой экономики, поскольку, судя по объёму финансирования, строительство в основном ведётся в столице. Отечественное программное обеспечение составляет примерно треть (33,5%) от общего объёма закупок, что является недостаточной величиной для обеспечения независимого от зарубежных технических решений.

Таблица 4

Затраты на внедрение и использование цифровых технологий в 2021 г. по регионам, тыс. рублей

Table 4

Costs for the implementation and use of digital technologies in 2021 by region, thousand rubles

Территория	Всего	Внутренние затраты	В том числе:			Внешние затраты
			на приобретение машин и оборудования	на приобретение ПО	из них на приобретение российского ПО	
РФ	3516	2625,7	973,9	475,8	159,8	890,1
ЦФО	2505	1823,4	683,6	361,5	116,9	681,8
Московская область	101,0	76,6	29,6	12,4	5,1	24,3
Москва	2285	1649,8	618,4	337,6	107,6	635,2
СЗФО	318,4	248,2	91,7	32,5	8,8	70,2
Санкт-Петербург	246,6	193,0	72,1	26,4	6,3	53,6
ЮФО	80,9	65,5	27,1	10,8	3,0	15,3
СКФО	18,5	15,2	6,5	1,5	0,8	3,3
ПФО	231,0	184,8	67,8	23,5	10,0	46,2
УФО	143,2	110,7	41,0	19,7	7,5	32,5
СФО	135,5	108,1	36,0	16,9	7,6	27,4
ДФО	83,0	69,7	20,3	9,4	5,1	13,3

Источник: Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 15.07.2023).

Долю же отечественных машин и оборудования, не представленных в структуре расходов на цифровые технологии (табл. 4), можно оценить косвенным путём— через поиск доли отечественных персональных компьютеров, поступивших в отчетном году. Таковая статистика Росстатом представляется: в 2021 г. среди обследованных

организаций имелось в наличии 17,2 млн персональных компьютеров всех видов. Из них— 1,6 млн были отечественного происхождения (9%). То есть, доля технических средств российского производства почти в 4 раза меньше доли российского программного обеспечения в его общем объёме.

Выводы

В плане оценки влияния развития цифровых технологий на повседневную жизнь граждан имеет значение повсеместное распространение широкополосного доступа к сети Интернет вне зависимости от географического, экономического и иных факторов. Поэтому необходимо максимально развить региональную оптоволоконную и спутниковую сеть для достижения 100%-го охвата Сетью всех регионов страны, включая отдалённые территории, что снизит отрицательное влияние фактора географической удалённости и увеличит возможности социально-экономического взаимодействия всех уголков страны.

В условиях увеличения санкционного давления стран коллективного Запада целесообразно наращивание вложений на разработку и внедрение российского программного обеспечения, чтобы в итоге снизить долю иностранного ПО в общем объёме его использования. Причём это касается не только органов государственной власти или госкорпораций, но и всех направлений отечественного бизнеса. Повышение уровня использования отечественного ПО не только снизит санкционные риски, но и позволит увеличить конкурентоспособность экономики в глобальном масштабе. Стоит отметить, что важным фактором развития является и снижение региональной дифференциации по общему объёму вложений в цифровые технологии, которая в значительной мере наблюдается в настоящее время.

В целом текущие итоги цифровой трансформации в России на основании анализа основных статистических показателей можно признать удовлетворительными. Повышение доступности цифровых услуг

(в том числе государственных), интернет-торговли и других онлайн-сервисов, расширение возможностей широкополосного доступа к Сети даже в отдалённых регионах и повсеместное распространение цифровых навыков свидетельствуют о возможности достижения национальных целей развития РФ в направлении построения цифровой экономики.

Одним из негативных факторов развития является значительная территориальная дифференциация в развитии сети Интернет. Причём к регионам-аутсайдерам, как ни странно, относятся области Европейской части России. Этот фактор тормозит достижение поставленных задач по цифровой трансформации экономики страны. Концентрация основной части расходов на цифровые технологии в столичном регионе (около 2/3 расходов организаций на оборудование и программное обеспечение) не способствует равномерному государственному развитию.

Особенную озабоченность в условиях санкционного кризиса вызывает высокая зависимость от импорта оборудования (90%) и программного обеспечения (67%). Так как основную часть поставок обеспечивают недружественные страны (прямым или косвенным образом через лицензирование производства оборудования в «третьих» странах), то это несёт риски для дальнейшего построения цифровой экономики. Лишь кардинальное изменение в политике регионального распределения средств и увеличение доли отечественных продуктов в потреблении оборудования и ПО будет способствовать снижению рисков дальнейшего развития и роста конкурентоспособности отечественной экономики в мировом масштабе.

Литература и Интернет-источники

1. **Келеш, Ю. В.** Реализация стратегических приоритетов цифровой трансформации региональной экономики / Ю. В. Келеш, Е. А. Бессонова // Вестник НГИЭИ.— 2021.— № 5(120).— С. 111–125. EDN: AXXRPH
2. **Сабина, А. Л.** Цифровая трансформация региональной экономики как стратегический потенциал ее развития / А. Л. Сабина, С. А. Измалкова, И. В. Сычева // Экономический анализ: теория и практика.— 2019.— Т. 18.— № 6(489).— С. 999–1013. EDN: WXAOKL
3. **Черных, В. В.** Цифровая трансформация экономических систем—фактор стратегического развития территорий / В. В. Черных, А. П. Суворова, Р. И. Баженов // Вестник НГИЭИ.— 2019.— № 12(103).— С. 105–120. EDN: YIWAIC
4. **Апенько, С. Н.** Организация удалённых рабочих мест на предприятиях в период пандемии: результаты эмпирического исследования / С. Н. Апенько, А. А. Малышев // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика.— 2021.— Т. 9.— № 4(55).— С. 51–61. EDN: ZWZPLU
5. **Пряжникова, О. Н.** Рост объемов удаленной работы в период пандемии COVID-19: последствия и перспективы / О. Н. Пряжникова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология.— 2021.— № 3.— С. 116–125. EDN: UQWUGT
6. **Томакова, Р. А.** Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году / Р. А. Томакова, В. И. Томаков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.— 2022.— Т. 12.— № 1.— С. 150–166. EDN: JPUJHX
7. **Давыдов, С. Г.** Цифровые компетенции россиян и работа на самоизоляции во время пандемии COVID-19 / С. Г. Давыдов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.— 2021.— № 2(162).— С. 403–422. EDN: KRRVDS
8. **Левченко, Т. А.** Основные тенденции цифровизации российского бизнеса в современных условиях / Т. А. Левченко // Азимут научных исследований: экономика и управление.— 2021.— Т. 10.— № 3(36).— С. 229–232. EDN: RRRKBP
9. **Джалал, М. А. К.** Региональное развитие цифровой экономики с применением стратегирования / М. А. К. Джалал, Л. М. Борщ // Теория и практика экономики и предпринимательства: Труды XX Международной научно-практической конференции (Симферополь-Гурзуф, 20–22 апреля 2023 г.) / под ред. Н. В. Апатовой.— Симферополь : Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2023.— С. 29–31. EDN: VFUMGO
10. **Новоселов, А. С.** Региональное стратегическое планирование в условиях цифровизации государственного управления / А. С. Новоселов, А. В. Фалеев // Региональная экономика. Юг России.— 2022.— Т. 10.— № 1.— С. 39–47. EDN: TIVMZG
11. **Кабанова, Е. Е.** Цифровизация государственных и муниципальных услуг / Е. Е. Кабанова, А. М. Ламсков // Самоуправление.— 2023.— № 1(134).— С. 446–449. EDN: FEERMM
12. **Бабичев, А. О.** Перспективы регионального экономического развития в условиях цифровизации / А. О. Бабичев // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент.— 2022.— Т. 12.— № 4.— С. 281–294. EDN: XMFKGP
13. **Ваганова, О. В.** Ключевые аспекты цифровой трансформации регионов РФ / О. В. Ваганова, Л. А. Коньшина // Современные проблемы социально-экономических систем в условиях глобализации: Сборник научных трудов XV Международной научно-практической конференции (Белгород, 21 октября 2021 г.) / науч. ред. Е. Н. Камышанченко, Ю. Л. Растопчина, А. А. Швецова.— Белгород : Эпицентр, 2021.— С. 209–213. EDN: WGNPGP
14. **Золотарева, О. А.** О мониторинге социально-экономических последствий цифровой трансформации / О. А. Золотарева, Л. А. Давлетшина // Научные труды Вольного экономического общества России.— 2021.— Т. 228.— № 2.— С. 380–404. EDN: FQTZBT

Сведения об авторе:

Кабанова Елена Евгеньевна, к.соц.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; РИНЦ AuthorID: 762683.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-48-59

IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE LIFE OF RUSSIAN POPULATION

Elena E. Kabanova

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)

E-mail: elekabanova@fa.ru

For citation:

Kabanova E.E. Impact of digital transformation on the life of Russian population. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 48-59. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-48-59 (in Russ.)

Abstract. *In the modern world, following the latest technological trends determines competitiveness of the economy in the domestic and foreign markets. Timely introduction of the most advanced innovative methods at all levels – in production, communications, logistics, management – is the main factor in increasing efficiency. And digital technologies are indispensable in building a competitive economy, both at the regional and state levels. Analysis of data from Rosstat and the Higher School of Economics in the present study has led to the conclusion that currently in Russia there is an acceleration of digital transformation processes, including at the regional scale. The pandemic restrictions of 2020–2021 have had a positive impact on the spread of digitalization tools and skills in the domestic economy. However, it should be noted that the corporate and government wish to maximize the use of digital tools and improve the quality and convenience of their use has a much longer history. And the restrictions have only accelerated the process of digital transformation in the country that started long ago. One of the negative factors of these processes is, on the one hand, the hypertrophied concentration of expenses for the introduction of digital technologies in Moscow, and, on the other hand, the currently very insufficient share of domestic equipment and software used. This creates high sanctions risks for a further movement towards building digital economy in the country. The methodological basis for the current work is mathematical and statistical methods, analysis, synthesis, as well as graphical and tabular methods of presenting data. The main sources of research are indicators of the digital economy provided by the Higher School of Economics as well as statistical data from Rosstat, including those in the regional context.*

Keywords: *population, differentiation of regions, digitalization, e-commerce, regions of Russia, trends, electronic public services, sanctions, pandemic.*

References and Internet sources

1. Kelesh Yu. V., Bessonova E.A. Realizatsiya strategicheskikh prioritetov tsifrovoj transformatsii regionalnoj ekonomiki [Implementation of strategic priorities of digital transformation of the regional economy]. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI]*. 2021. No. 5(120). P. 111-125. (in Russ.)

2. Sabinina A.L., Izmalkova S.A., Sicheva I.V. Tsifrovaya transformatsiya regionalnoj ekonomiki kak strategicheskij potentsial yeyo razvitiya [Digital transformation of the regional economy as a strategic potential for its development]. *Ekonomicheskii analiz, teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2019. Vol. 18. No. 6(489). P. 999–1013. (in Russ.)
3. Chernykh V.V., Suvorova A.P., Bazhenov R.I. Tsifrovaya transformatsiya ekonomicheskikh sistem faktor strategicheskogo razvitiya territorii [The digital transformation of economic systems – factor in the strategic development of the territories]. *Vestnik NGIEI [Bulletin NGIEI]*. 2019. No. 12(103). P. 105–120. (in Russ.)
4. Apenko S.N., Malyshev A.A. Organizatsiya udalennykh rabochikh mest na predpriyatiyakh v period pandemii: rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Organization of remote workplaces at enterprises during the pandemic: results of an empirical study]. *Aktualnyje napravleniya nauchnykh issledovanij 21 veka: teoriya i praktika [Actual Directions of Scientific Research of the 21st Century: Theory and Practice]*. 2021. Vol. 9. No. 4(55). P. 51–61. (in Russ.)
5. Pryazhnikova O.N. Rost ob”yomov udalenoj raboty v period pandemii COVID-19: posledstviya i perspektivy [The proliferation of remote work during the COVID-19 pandemic: consequences and prospects]. *Sotsialnyje i gumanitarnyje nauki. Otechestvennaya i zarubejnaya literatura. Seriya 11: Sotsiologiya [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]*. 2021. No. 3. P. 116–125. (in Russ.)
6. Tomakova R.A., Tomakov V.I. Rossiiskij rynek truda v sfere informatsionnykh tehnologij v 2021 godu [Russian labor market in the field of information technology in 2021]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedjment [Proceedings of the South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management]*. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 150–166. (in Russ.)
7. Davydov S.G. Tsifrovyye kompetentsii rossiyan i rabota na samoizolyatsii vo vremya pandemii COVID-19 [Digital competencies of Russians and work on self-isolation during the COVID-19 pandemic]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskije i sotsialnyje peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2021. No. 2(162). P. 403–422. (in Russ.)
8. Levchenko T.A. Osnovnyje tendentsii tsifrovizatsii rossiiskogo biznesa v sovremennykh usloviyakh [The main trends in the digitalization of Russian business in modern conditions]. *Azimut nauchnykh issledovanij: ekonomika i upravlenije [Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration]*. 2021. Vol. 10. No. 3(36). P. 229–232. (in Russ.)
9. Djalal M.A. K., Borsch L.M. Regionalnoje razvitije tsifrovoj ekonomiki s primenenijem strategirovaniya [Regional development of the digital economy with the use of strategizing]. *Teoriya i praktika ekonomiki i predprinimatelstva: Trudi 20 Mejdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Theory and Practice of Economics and Entrepreneurship. Proceedings of the XX International Scientific and Practical Conference]*. Simferopol. Krymskij federalnyj universitet im. V.I. Vernadskogo [V.I. Vernadsky Crimean Federal University]. 2023. P. 29–31. (in Russ.)
10. Novoselov A.S., Faleev A.V. Regionalnoje strategicheskoe planirovanije v usloviyakh tsifrovizatsii gosudarstvennogo upravleniya [Regional strategic planning in conditions of digitalization of public administration]. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia]*. 2022. Vol. 10. No. 1. P. 39–47. (in Russ.)
11. Kabanova E.E., Lamskov A.M. Tsifrovizatsiya gosudarstvennykh i munitsipal’nykh uslug [Digitalization of state and municipal services]. *Samoupravlenije [Self-Management]*. 2023. No. 1(134). P. 446–449. (in Russ.)
12. Babichev A.O. Perspektivy regionalnogo ekonomicheskogo razvitiya v usloviyakh tsifrovizatsii [Prospects for regional economic development in the context of digitalization]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedjment [Proceedings of the South-West State University. Series: Economy. Sociology. Management]*. 2022. Vol. 12. No. 4. P. 281–294. (in Russ.)

13. Vaganova O. V., Konshina L. A. Klyuchevyje aspekty tsifrovoj transformatsii regionov RF [Key aspects of the digital transformation of the regions of the Russian Federation]. *Sovremennyye problemy sotsialno-ekonomicheskikh sistem v usloviyah globalizatsii: Sbornik nauchnykh trudov 15 Mejdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii [Modern Problems of Socio-Economic Systems in the Context of Globalization. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference]*. Belgorod. 2021. P. 209–213. (in Russ.)
14. Zolotareva O. A., Davletshina L. A. O monitoringe sotsialno-ekonomicheskikh posledstvij tsifrovoj transformatsii [On monitoring socio-economic impact of digital transformation]. *Nauchnyje trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obschestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]*. 2021. Vol. 228. No. 2. P. 380–404. (in Russ.)

Information about the author:

Kabanova Elena Evgenievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; Elibrary AuthorID: 762683.

Статья поступила в редакцию 17.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70
EDN: PGQAQF

СТОЛИЧНЫЙ КАРШЕРИНГ: ОТНОШЕНИЕ МОСКВИЧЕЙ К НОВЫМ МОДЕЛЯМ ПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ*

Борковская Е. И.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

E-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru

Для цитирования:

Борковская Е. И. Столичный каршеринг: отношение москвичей к новым моделям потребления транспортных услуг // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 60-70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70; EDN: PGQAQF

Аннотация. Проблемой крупных городов, снижающих комфортность проживания, являются автомобильные пробки. Борясь с ними, власти мегаполисов накладывают ограничения на собственников автомобилей — организуют платные парковки, запрещают проезд на выделенных полосах и другое. Одним из решений описанной проблемы становится каршеринг — сервис поминутной аренды автомобиля, который позволяет жителям мегаполисов оставаться мобильными и пользоваться машиной только тогда, когда в этом есть необходимость, сокращая при этом затраты на её содержание. В статье представлены результаты авторских социологических исследований, проведённых в 2019 и 2021 гг. методом массового опроса и фокусированных групповых интервью с целью изучения отношения москвичей к различным формам совместного потребления, в том числе в транспортной сфере. Согласно полученным данным, абсолютное большинство респондентов хорошо представляют, что такое каршеринг, количество тех, кто имеет личный опыт его использования растёт. К числу пользователей каршеринга присоединяются и те, кто владеет личным автомобилем, поскольку имеется ряд ситуаций, в которых каршеринг открывает для них спектр дополнительных преимуществ. На основании комбинации регулярно используемых респондентами видов транспорта произведена типологизация транспортных стратегий, включающая 5 моделей: «закоренелый автовладелец-автомобилист», «комбинированный автовладелец-автомобилист», «активный каршеринг-юзер», «ситуативный каршеринг-юзер», «общественник». Основные драйверы использования каршеринга имеют экономический характер (экономия на приобретении и обслуживании автомобиля, бесплатность парковки), опасения вызывают потенциально возможные расходы при нанесении вреда автомобилю и техническое состояние арендованной машины.

Ключевые слова: качество жизни, транспортная обеспеченность, столичные жители, экономика совместного потребления, экономика совместного пользования, каршеринг.

© Борковская Е. И., 2024.

* Автор выражает признательность проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, д.э.н. О. А. Александровой за помощь при проведении исследования и подготовке данной статьи.

Введение

Москва — один из десяти городов мира, имеющих наиболее загруженную дорожную систему. Количество машин в Москве напрямую влияет на вызывающие раздражение у столичных жителей «пробки». Эксперты указывают, что одновременно на дороги Москвы выезжает более 800 тыс. машин, при том, что для ликвидации проблемы транспортных заторов количество автомобильного транспорта не должно превышать отметки в 400 тыс. автомобилей¹. Стратегия Министерства транспорта РФ обозначает уменьшение количества личного автотранспорта как одну из приоритетных целей до 2035 года. В качестве одного из способов сокращения количества личного автотранспорта выступает развитие различных форм аренды легковых автомобилей. Одна из таких форм реализуется Правительством Москвы в рамках программы «Развитие транспортной системы»²: в одной из подпрограмм говорится об организации работы компаний, целью которых будет предоставление краткосрочной аренды автомобилей, именуемой как каршеринг.

Сервис кратковременной поминутной аренды автомобиля или каршеринг (от car — машина, share — делиться) — один из развивающихся сегментов экономики совместного потребления. Ежегодный прирост мирового рынка каршеринга составляет 34%, и, по мнению аналитиков, в 2024 г. он составит около 16,5 млрд долларов США³. По итогам 2018 г. Москва вышла на второе место в мире по количеству каршеринговых автомобилей, а уже в 2022 г. стала мировым лидером по объёму автопарка каршерин-

га, который превысил 30 тыс. единиц⁴. При этом рост числа фирм, предоставляющих услуги поминутной аренды автомобилей, прекратился — на рынке остались крупные игроки, работающие над улучшениями действующих сервисов. В 2022 г. число пользователей каршеринга превысило миллион человек⁵.

По данным международной финансовой корпорации JP Morgan, Москва является одной из самых перспективных и динамичных площадок для развития данного сервиса в рамках транспортного сектора экономики совместного потребления⁶. Столица стала первым городом в России, развивающим каршеринг, в том числе, как один из способов решения проблемы перегруженности автомобильных дорог, и по сей день остаётся лидером по его развитию. Этот столичный опыт полезен для других крупных городов России, жители которых также страдают от перегруженности транспортной инфраструктуры. В статье представлена информация, позволяющая, опираясь на мнение жителей Москвы, судить о ключевых драйверах и барьерах развития каршеринга и своевременно принимать необходимые управленческие решения⁷.

⁴ Единый транспортный портал: Как изменился московский сервис краткосрочной аренды автомобилей в 2022 году? — URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/113249 (дата обращения: 12.04.2023).

⁵ Каршеринг. Итоги 2022 года от Дептранса Москвы. — URL: <https://truesharing.ru/tp/35100/?ysclid=lhkrqglz54l53170757> (дата обращения: 02.03.2023).

⁶ Посыпкина А., Баленко Е., Балашова А. Как рынок каршеринга в Москве оказался самым быстрорастущим. — URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/09/2018/5bab94a69a79474169e307c1 (дата обращения: 15.12.2023).

⁷ Представленные в статье результаты получены в ходе авторского комплексного исследования с применением количественного и качественного социологических методов: анкетного опроса (2019 г., N=250, метод простого случайного отбора) и фокус-групповых интервью (2019 г., N=6 (по 6–7 в группе, отбор методом кома); 2021 г., N=7 (по 6–7 в группе, отбор методом снежного кома). Целевой аудиторией исследования выступали жители Москвы — реальные и потенциальные пользователи различных сегментов экономики совместного потребления, в том числе в транспортной сфере; в возрасте от 18 до 35 лет, поскольку именно молодёжь является социально-демографической группой, в большей степени готовой воспринять арендный образ жизни, а также модель совместного потребления, и, соответственно, рассматривается как ядро целевой аудитории. Фокус-групповые интервью были сначала (в 2019 г.) проведены только с молодёжью, а затем

¹ Владимиров С. Н. Транспортные заторы в условиях мегаполиса // Известия МГТУ. — 2014. — № 1(19). — С. 81.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2017 года № 1596 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы». — URL: <http://static.government.ru/media/files/KY4QkQAqxHEujYNUq7XoyYVvBghc9YbO.pdf> (дата обращения: 22.03.2023).

³ Состояние и перспективы развития рынка интеллектуальной городской мобильности в России и мире (аналитический отчёт). — URL: <http://aggf.ru> (дата обращения: 12.12.2023).

Результаты исследования

Транспортный вопрос занимает существенное место в жизни каждого жителя Москвы. Расширение границ мегаполиса делает город ещё более обширным и густонаселённым. Это отражается на загруженности дорог, количестве людей в общественном транспорте и требует от властей действий по урегулированию данного вопроса. Тем более, что транспортная загруженность Москвы неизменно продолжает расти: активный прирост количества машин, начавшийся с середины 1990-х гг., продолжается по сей день, несмотря на все попытки разгрузить транспортный поток. По данным Департамента транспорта Москвы, даже несмотря на пандемию COVID-19 с вызванным ею локдауном, сокращением социальных взаимодействий, переходом многих компаний на удалённый режим работы, затруднениями в логистике продаж, за 2020 г. число автомобилей в столице и Московской области выросло более чем на 150 тыс. машин⁸. Статистика говорит о том, что ежегодно столичные органы регистрируют порядка 350–500 тыс. единиц автотранспорта⁹.

По многим признакам новая социально-экономическая модель — экономика совместного потребления (sharing economy), серьёзно меняет отношение к собственности и потреблению во всем мире [1–4]¹⁰. Важнейшим фактором её развития стало повсеместное распространение цифровых технологий [5–7]. Проникновение экономики совместного пользования в сферу транспорта — один из главных векторов развития данной модели. Каршеринг представ-

ляет собой сервис кратковременной аренды (чаще поминутной, существуют также почасовые и посуточные тарифы), дающей возможность пользоваться машиной только тогда, когда в этом есть необходимость, сокращая при этом затраты на содержание автомобиля. Автомобили различных каршеринговых компаний имеют брендированную и характерную окраску кузова. Машины располагаются в различных районах города, пользователю же необходимо пройти регистрацию в мобильном приложении конкретного оператора и выбрать тот автомобиль, который находится ближе или устраивает по заданным пользователем параметрам, а затем забронировать его. Далее остаётся добраться до забронированного автомобиля, осмотреть его на предмет дефектов, зафиксировать выявленные недостатки и начать поездку [8]. По окончании поездки водитель оставляет транспортное средство в зоне, входящей в доступные для завершения аренды, завершая тем самым свой сеанс. Некоторые операторы дают возможность и даже рекомендуют зафиксировать внешний вид транспортного средства и правильность его парковки. Важно отметить, что в любой момент поездки водитель имеет возможность связаться с технической поддержкой сервиса и обратиться к ним за помощью. Можно сказать, что каршеринг — это промежуточная модель транспорта между личным и общественным, так как конкретную поездку пользователь совершает индивидуально (или со «своими» пассажирами), но при этом одним автомобилем пользуются несколько человек, что позволяет максимизировать его полезность. Из привычных транспортных форм наиболее близким к каршерингу является такси, в сравнении с которым каршеринг существенно выигрывает по стоимости.

Для жителей Москвы это новый вид транспорта, который столичные власти с 2012 г. развивают как одну из альтернатив личному автомобилю. Существенное развитие каршеринга ожидалось в 2013 г., в период внедрения платных парковок в центре Москвы. Однако серьёзный импульс он получил в 2015 г., когда столичные вла-

(в 2021 г.) по отдельности с тремя возрастными группами: молодёжью, москвичами средних лет и старше 50 лет.

⁸ Лапушкина О. Власти назвали общее количество машин в Москве. — URL: <https://www.autonews.ru/news/61c853cb9a794703b66ac3d4?from> (дата обращения: 14.12.2023).

⁹ Транспорт. Информационно-статистический бюллетень «Основные показатели транспортной деятельности в России» // Росстат. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Publ_TR_2021.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

¹⁰ Мониторинг мнений (ВЦИОМ): июль-август 2022 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 4. — С. 298–311.

сти предоставили каршеринговым операторам льготы в отношении стоимости аренды (оплату аренды производит оператор, а не конечный пользователь автомобиля). О популярности каршеринга можно судить, прежде всего, по количеству пользователей, которых в столице, согласно данным совместного исследования Департамента транспорта города Москвы и сервиса Трушеринг, сегодня более миллиона. Показательна и динамика среднего времени использования автомобиля каршеринга: если на старте проекта машины брали чаще всего менее 60 минут, то теперь (вероятнее всего, из-за выгодных пакетных тарифов) длительность одной поездки в среднем достигает 78 минут. Правда, лишь 60 минут пользователи тратят непосредственно на сами поездки, остальное время уходит на ожидание и другое. Показатель количества поездок также растёт год от года: если в 2015 г. их было 4 тыс., то в 2021 г. — уже 43 млн а по итогам 2022 г. — 48 млн (порядка 132 поездок в сутки, в среднем 6 поездок на один автомобиль; за один день пользователи самых крупных столичных сервисов берут автомобиль в аренду 122,5 тыс. раз). Таким образом, за 7 лет существования московского каршеринга число поездок в сутки увеличилось в 72 раза¹¹. Такие показатели — результат серьёзной работы московских властей по формированию рынка каршеринга, которую можно разделить на 3 направления: создание условий для развития бизнеса (выделение субсидий, парковочных льгот, совместная популяризация услуги); регулирование требований к качеству услуги (создание списка требований к арендуемым автомобилям, стандартизация сервиса) и мониторинг работы сервиса (сбор и обработка статистики и телематики); работа с брендом (создание и продвижение общего бренда московского каршеринга).

От статистики перейдём к данным авторского исследования. В 2019 г. хорошо знали, что такое каршеринг, 72% опрошенных молодых москвичей, 23% респондентов о нём только кое-что слышали; совершенно ниче-

го не знали и никогда не сталкивались с каршерингом всего 5%. Очевидно, что с ростом популярности сервиса доля неосведомлённых о нем станет исчезающе мала. («Всё больше замечаю на улицах каршеринговые машины, невольно возникает желание хотя бы узнать «что за зверь»¹²; «Когда постоянно видишь эти машины в потоке движения, то начинаешь привыкать к ним, как к такси и автобусам, даже если до конца не понимаешь, как функционирует эта аренда»).

Что касается собственного опыта использования каршеринга, то ответы респондентов распределились следующим образом (рис. 1). Более 1/3 опрошенных никогда не пользовались сервисом и не планируют этого делать. Доля же тех, кто планирует воспользоваться каршерингом в будущем, пользуется им постоянно или использовал несколько раз, составляет 2/3 выборки. Доля тех, кто отвергает использование сервиса после получения личного опыта очень мала.

Среди респондентов 45% имеют собственный автомобиль, использование которого делает аренду машины, казалось бы, нецелесообразной, но некоторые автовладельцы прибегали к услугам каршеринга по тем или иным причинам. Согласно данным, представленным в табл. 1, каждый десятый респондент, имея автомобиль, все же несколько раз воспользовался услугами сервиса. Возможно, это было связано с неудобством использования своего автомобиля в конкретной ситуации, а может быть, и с желанием попробовать автомобили разных марок и моделей. Ещё 5% автовладельцев тем не менее регулярно прибегают к услугам краткосрочной аренды. Так бывает в случаях, когда в семье имеется только один автомобиль.

Высказывания участников фокус-групп говорят о том, что москвичи, не готовые к его использованию сегодня, могут стать клиентами каршерингового сервиса завтра — в случае, если удастся преодолеть порог недоверия: «Очень долгое время был владельцем авто, вообще не мог представить себе жизни без этого атрибута, забыл о существовании общественного транспорта. В про-

¹¹ Каршеринг в Москве. — URL: Исследования Яндекс-Каршеринг в Москве (yandex.ru) (дата обращения: 15.12.2023).

¹² Здесь и далее курсивом даны выдержки из высказываний участников фокус-групповых интервью.

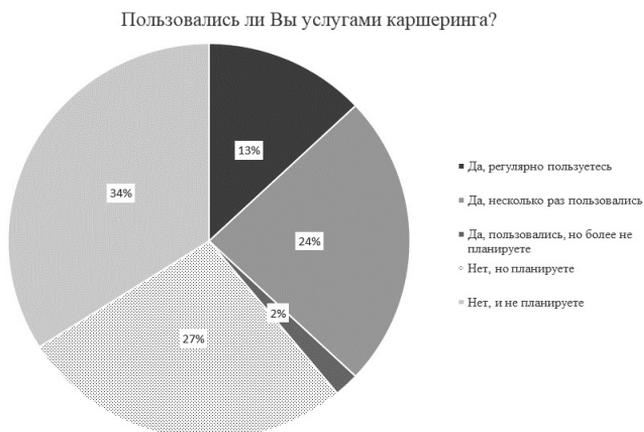

Рис. 1. Распределение респондентов по критерию пользования услугами каршеринга

Fig. 1. Distribution of respondents according to the usage of carsharing

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Таблица 1

Опыт использования каршеринга в зависимости от наличия личного автомобиля, %

Table 1

Experience of using carsharing depending on the availability of a personal car, %

Вопрос и варианты ответа		Есть ли у Вас автомобиль?	
		Да	Нет
Пользовались ли Вы услугами каршеринга?	Да, регулярно пользуюсь	5,2	7,7
	Да, несколько раз пользовался	13,3	11,2
	Да, пользовался, но более не планирую	0,9	0,9
	Нет, но планирую	11,6	15,5
	Нет, и не планирую	16,3	17,6
Всего		47,2	52,8

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

шлом году прямо перед началом пандемии продал автомобиль, ещё не подозревая, что нас всех ждёт. Просидев на изоляции почти полгода, я начал свыкаться с мыслью о жизни без автомобиля, открыл для себя каршеринг. Распробовал его, долгое время ощущая себя, так сказать, таксистом на брендированных машинах, а потом окончательно свыкся с мыслью о жизни без авто, оценив своё текущее положение. Если бы автомобиль был нужен мне каждый день, как это было ранее, то никакой каршеринг не поможет сэкономить и решить проблему на 100%. А для периодических поездок это самое то!».

Иногда мотив использования каршеринга может появиться в связи с изменениями

в иной сфере жизнедеятельности, тогда для перехода к «арендной» стратегии нужна информация о возможностях сервиса: «С недавнего времени работаю в центре, раньше никогда не работала там. Поняла, ощутила на себе, что ситуация с парковками аховая. Если мои парковочные привилегии вдруг закончатся, то рассматриваю вариант переехать на каршеринг, так как ежедневно тратиться на парковку в центре не готова». Таким образом, как минимум, нейтральное отношение к такому сервису, плюс его популяризация и личный интерес могут сформировать регулярного пользователя каршеринга.

В рамках анкетного опроса респондентам предложили оценить, является ли кар-

шеринг хорошей альтернативой личному автомобилю. И 60% опрошенных сочли, что является. В то же время, в ходе фокус-групповых интервью респонденты отмечали неоднозначность своего отношения к каршерингу: «Сам сервис очень крутой. Пользовался, пользуюсь, и буду пользоваться пока не куплю личный автомобиль. Но сказать, что каршеринг полностью заменит личное авто, не могу». «Я не рассматриваю исключительно свой автомобиль в Москве. Если будет удобнее и быстрее добраться на каршеринге, то это полностью решает вопрос. Для Москвы это однозначное решение. А вот, если выехать за её пределы — уже не всё так однозначно».

Для осуществления предложенного выбора важным оказывается то, какую модель поведения человек реализует сейчас: пользуется ли автомобилем регулярно, время от времени или является только пассажиром. Анализ информации, полученной в ходе фокус-групповых интервью, позволил выделить несколько типов стратегий.

1. «Закоренелый автовладелец-автомобилист» — человек, пользующийся личным автомобилем и не представляющий иных альтернатив (водитель каршеринга или пассажир); эту категорию можно разделить на два сегмента: семейные автомобилисты (чаще всего с детьми, которые являются главной причиной использования личного автомобиля) и несемейные автомобилисты (здесь главными факторами выступают привычка, статус, стремление к комфорту и подобное): «У меня есть автомобиль, активно им пользуюсь и, пожалуй, ничем другим — ни такси, ни метро, ни другими видами. Толпы людей меня лично пугают больше, чем пробки». «У меня есть личный автомобиль, он мне очень нужен, и отказываться от него я не планирую, даже не могу себе этого представить. У меня довольно часто случаются дальние поездки, много вещей в машине (аппаратура и т.д.) Плюс моя семья живёт не в Москве, и когда я оказываюсь там (как оказался из-за пандемии), это сильно сужает мои возможности использования каршеринга. Наверное, поэтому я даже не регистрировался в этих сервисах.

Хотя на этот счёт были мысли по 3-м причинам. Первая — это центр с платными парковками — поездка на своём автомобиле туда крайне нерентабельна. Вторая — когда надо доехать куда-то в одну сторону или довести что-то. Третья — попробовать разные автомобили (это больше баловство)». «Автомобиль есть. В будни вожу детей в школу/садик и доезжаю до метро, в выходные дни используем автомобиль для передвижения до мест досуга. Был период, когда продали один автомобиль и до покупки другого активно пользовались каршерингом, но вынужден признать, что с тремя детьми это, конечно, проблематично. А также возникли проблемы по части зон завершения аренды».

2. «Комбинированный автовладелец-автомобилист» — человек, владеющий личным автомобилем, но использующий в некоторых ситуациях каршеринг и общественный транспорт: «Несмотря на то, что владею личным авто, причислила бы себя к активным пользователям каршеринга. Привожу машину в сервис — обратно на каршеринге, утром сильные пробки — до метро на каршеринге, на досуговое мероприятие в одну сторону могу на каршеринге. Или после детских активностей в центре, куда не поедешь на собственном авто: если дети устали, то можем взять каршеринг». «Для местных разездов по городу, особенно связанных с транспортировкой детей, использую личный автомобиль, который для этих нужд с маленькими детьми является единственным удобным вариантом. А вот для дороги до работы пересела на общественный транспорт, считаю, что он стал комфортный. До каршеринга дело не дошло. Много слышу, вызывает интерес, но немного отталкивают процедура регистрации и приёмки машины». «Мой сын, ему 37 лет, несмотря на наличие личного хорошего автомобиля и даже наличие водителя, периодически, я бы даже сказала часто, пользуется каршерингом в удобных для того ситуациях и рекомендует его мне».

3. «Активный каршеринг-юзер» — продвинутый пользователь каршеринга, пользующийся разными сервисами и опциями

(проездной, подписка и так далее): «Активно пользуюсь каршерингом и иногда, когда каршеринг неудобен или маршрут очень загружен, — метро. Иногда такси, редко. Для меня как для девушки, которой трудно было справляться в одиночку с обслуживанием авто, каршеринг — чудо, так как он позволяет мне ездить на машине, не задумываясь о заправках, техническом обслуживании авто и прочих заморочках».

4. «Ситуативный каршеринг» — преимущественно пассажир общественного транспорта, который время от времени использует каршеринг или присоединяется к пользователям каршеринга, которые являются его друзьями или членами семьи: «У меня есть права, но автомобилистом я не являюсь, так как на сегодняшний день в мегаполисе (в Москве) личный автомобиль особо не требуется — от него, на мой взгляд, больше проблем, чем преимуществ: сейчас довольно дорогое топливо, которое активно сжигается в пробках, проблемы с парковками, как платными (дороговизна), так и с бесплатными (недостаточное количество). Поэтому я чаще всего использую метро (для регулярных поездок) или такси и каршеринг (для нерегулярных поездок)». «Пользуюсь в основном общественным транспортом. Иногда использую каршеринг, но чаще — в путешествиях. В Москве для досуга — такси, чтобы позволить себе что-то отпраздновать, отдохнуть и не заморачиваться. Для выезда за город — семейный автомобиль». «У меня нет прав, но для общего досуга с друзьями мы очень часто используем каршеринг. Планы на получение прав есть, а на приобретения авто — нет. Каршеринг закрывает круг моих потребностей, которые связаны с авто».

5. «Общественник» — в основном пассажир общественного транспорта, который при необходимости воспользоваться автомобилем прибегает к услугам такси, о каршеринге знает мало: «Пользуюсь услугами общественного транспорта и такси. Прав не имею и, если честно, не вижу пока смысла их получать, так как доступные мне комбинации общественного транспорта, их стоимость и доступность меня устраивают. Точ-

нее, когда я думаю о содержании личного авто, то прихожу к выводу, что доступные мне виды общественного транспорта пока вполне достаточны для меня». «Не имею прав и пока, на сегодняшний день, не стремлюсь к их получению и приобретению авто в ближайшее время. До пандемии пользовалась различными вариантами общественного транспорта. А сейчас, когда приближается выход в офис, я пока не знаю, как я вернусь к этому варианту, но мысль о личном транспорте пока не возникает».

Среди участников фокус-групп были и такие, которых трудно отнести к какой-то одной группе, поскольку их мультистратегия содержит характерные черты нескольких групп: «Являюсь пользователем всего — общественного транспорта, каршеринга, такси, иногда семейного автомобиля. Мечтаю о личном авто, поскольку очень активно провожу выходные. Последние изменения в тарифах каршеринга стали не очень выгодными для поездок за город, это внесло лепту в мою мечту о личном авто. Но в целом я осознаю, что это, скорее, рациональное семейное приобретение, чем индивидуальное. Я считаю владение авто хлопотным делом. Но это так же, как, например, с семьёй или домашним животным — завести и поддерживать тоже хлопотно, но это даёт определённые бенефиты. В случае с автомобилем это круглосуточная мобильность, которая именно для меня нередко актуальна». Таким образом, одна часть стратегий не предполагает включения каршеринга в «рацион» используемых транспортных услуг, другая — наоборот, в потенциале включает каршеринг в транспортную среду индивида, при этом главным фактором является осознание потребности в транспортной услуге именно такого рода.

Существует ряд других драйверов, способных повлиять на выбор жителей мегаполиса в пользу каршеринга в их транспортной стратегии (рис. 2). Более всего молодых москвичей привлекает отсутствие необходимости заботиться о техническом состоянии автомобиля, далее следует преимущество в экономии средств по сравнению с расходами на содержание личной автомашины (расходы на страховку, топливо). Но список

факторов, демотивирующих к использованию каршеринга, особенно регулярному, больше (рис. 3). В тройке лидирующих негативных факторов: отсутствие возможности

найти автомобиль поблизости, вероятность столкнуться с сокрытой технической неисправностью и ограниченная территория завершения аренды автомобиля.

Какие преимущества Вы видите у каршеринга?

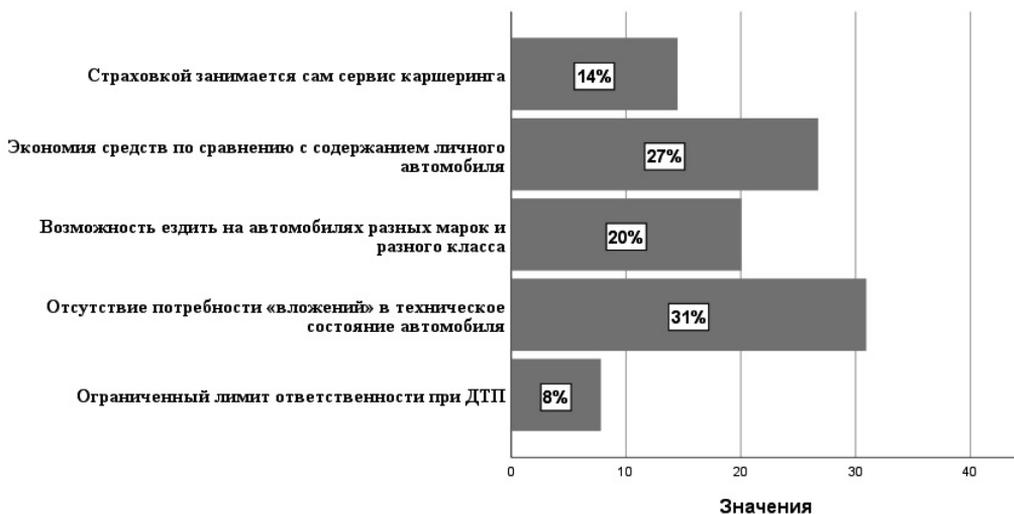

Рис. 2. Распределение ответов респондентов о преимуществах каршеринга

Fig. 2. Distribution of responses about the benefits provided by car sharing

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Какие недостатки Вы видите у каршеринга?

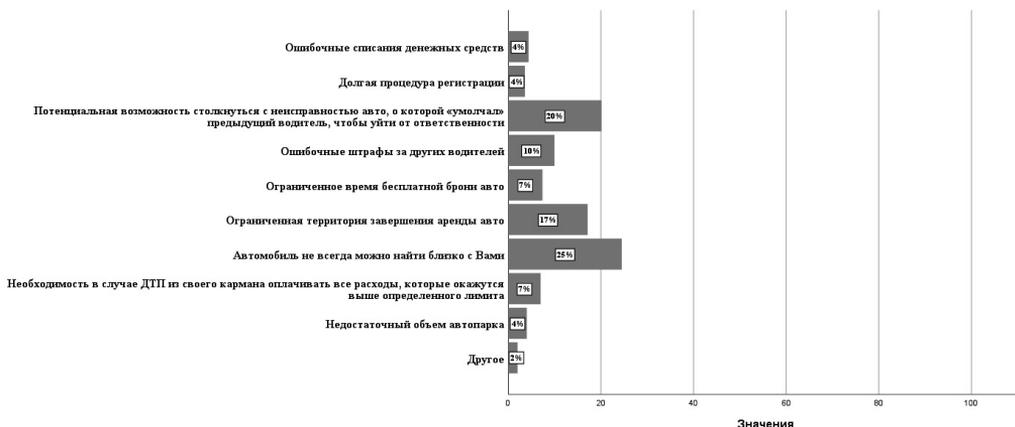

Рис. 3. Распределение ответов между недостатками, которые имеет каршеринг

Fig. 3. Distribution of responses by disadvantages of carsharing

Источник: составлено по результатам авторского исследования.

Столичные власти активно работают над совершенствованием каршеринга. Так, столичный автопарк каршеринга является самым большим в мире (порядка 30 тыс. автомобилей), причём у ключевых операторов в Москве можно арендовать даже электро-мобили, фургоны и автомобили премиум-класса. Более того, теперь арендовать машины могут люди с инвалидностью: в автопарке столичного каршеринга появились автомобили с ручным рулевым управлением. Некоторые операторы начали создавать возможности для перевозки домашних животных, оборудуя машины эконо- и комфорт-класса специальными гамаками¹³. Применительно к критериям безопасности, касающимся технических характеристик автомобиля, предоставляемого в аренду, то в 2019 г. были введены требования, среди которых: ограничения по габаритам и возрасту (не более 4-х лет), наличие полиса ОСАГО, требования к цветографической окраске (указание на бренд каршеринговой компании), экологический класс автомобиля (не ниже Евро-4), необходимость передачи данных в Региональную навигационно-информационную систему Москвы.

Выводы

Сервис краткосрочной аренды автомобилей уже прошёл существенный путь развития в рамках столичного региона, приняты комплексные меры, которые позволили каршерингу из малопонятного для горожан явления стать заметной альтернативой личному автотранспорту, тем самым снизив транспортную и экологическую нагрузку на город. Перспективы развития каршеринга оцениваются экспертами позитивно, особенно в силу ситуации, сложившейся на российском автомобильном рынке после ухода с него в 2022 г. многих западных брендов, что отразилось на стоимости покупки и обслуживания автомобилей. И действи-

тельно, покупать машины стали меньше: например, Ассоциация европейского бизнеса указывает, что продажи легковых автомобилей и лёгкого коммерческого транспорта в России в марте 2023 г. сократились на 11%. По итогам трёх месяцев 2023 г. российский авторынок суммарно сократился на 44,7%¹⁴. В случае, когда горожанин не может купить автомобиль, он пересаживается на общественный транспорт, такси или же каршеринг. Ещё одним серьёзным аргументом в пользу каршеринга может стать статистика снижения в 2022 г. на 12% дорожно-транспортных отношений с участием арендованных автомобилей. Аварийность удалось снизить за счёт оценки стиля вождения, на основе которой операторами формируется рейтинг пользователя, штрафов и ограничений доступа к каршерингу за опасную езду¹⁵.

Как следует из проведённого исследования, уровень информированности столичных жителей в отношении данного сегмента экономики совместного потребления высок, отношение большинства к этому сервису положительное, многие москвичи уже имеют опыт использования каршеринга, в том числе и те, у кого есть личный автомобиль. Это позволяет говорить о том, что такая форма совместного потребления имеет ряд очевидных для жителей мегаполиса преимуществ. Дальнейшему развитию каршеринга будет способствовать устранение тех рисков, которые сегодня вызывают опасения у потенциальных пользователей и в силу этого являются барьерами для развития данного элемента городской транспортной инфраструктуры.

¹³ Теперь люди с инвалидностью в Москве могут арендовать машины с ручным рулевым управлением. – URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/114179?ysclid=lhjn07h1h6459560323; Российский каршеринг начали оборудовать гамаками для перевозки собак. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17175601?ysclid=lh9bzgyfhi702266260> (дата обращения: 20.04.2023).

¹⁴ Чупров А.. Российский авторынок в марте 2023 года снизился на 11%. – URL: <https://www.autostat.ru/news/54299/?ysclid=lh9c4im8v1725932766> (дата обращения: 30.04.2023).

¹⁵ В 2022 г. ДТП с участием автомобилей каршеринга стало меньше на 12%. – URL: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/113452?ysclid=lh49cczru1566793071 (дата обращения: 15.04.2023).

Литература и Интернет-источники

1. **Botsman, R.** What's Mine Is Yours / R. Botsman. — New York : HarperCollins, 2010. — 434 p.
2. **Schor, J.B.** Collaborating and Connecting: The emergence of the sharing economy / J.B. Schor, C.J. Fitzmaurice. — URL: https://www.bc.edu/content/dam/files/schools/cas_sites/sociology/pdf/SchorElgarHandbook.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
3. **Scaraboto, D.** Selling, Sharing, and Everything in Between: The Hybrid. Economies of Collaborative Networks / D. Scaraboto // Journal of Consumer Research. — 2015. — Vol. 42. — Iss. 1. — P. 152–176. DOI: 10.1093/jcr/ucv00
4. **Белоконов, С. Ю.** Социальные эффекты совместного потребления (sharing economy): сетевые экономические и политические сообщества / С. Ю. Белоконов, А. А. Хоконов, М. З. Шогенов // Власть. — 2019. — № 6. — С. 115–123. DOI:10.31171/vlast.v27i6.6837; EDN: JADFZD
5. **Беляева, Ю. В.** Трансформация потребительского поведения в России под воздействием развития информационных технологий и цифровизации общества / Ю. В. Беляева // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 3. — С. 216–218. DOI: 10.23672/SAE.2020.2020.58107; EDN: VMKALN
6. **Маркеева, А. В.** Экономика участия (sharing economy): проблемы и перспективы развития / А. В. Маркеева // Инновации. — 2017. — № 8(226). — С. 73–80. EDN: ZXJQDX
7. **Студеникин, Н. В.** Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России / Н. В. Студеникин // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2018. — № 1. — С. 32–36. EDN: YWZIQQ
8. **Улицкая, Н. М.** Каршеринг: история возникновения, тенденции развития и особенности в современной России / Н. М. Улицкая, Т. А. Медведева // Национальные и международные финансово-экономические проблемы автомобильного транспорта: сборник научных трудов. — Москва : МАДИ, 2017. — С. 123–130. EDN: ZIOBHJ

Сведения об авторе:

Борковская Екатерина Игоревна, аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru; РИНЦ AuthorID: 1197428.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70

CARSHARING IN CAPITAL CITY: THE ATTITUDE OF MUSCOVITES TO NEW MODELS OF CONSUMPTION OF TRANSPORT SERVICES

Ekaterina I. Borkovskaya

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

E-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru

For citation:

Borkovskaya E.I. Carsharing in capital city: the attitude of Muscovites to new models of consumption of transport services. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 60-70. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-60-70 (in Russ.)

Abstract. *One of the important characteristics of the quality of life of population is transport provision. The problem of large cities that reduce the comfort of living is traffic jams. Struggling with them, the authorities of megacities impose restrictions on car owners—they organize paid parking, prohibit driving on allocated lanes, etc. One of the solutions to the described problem is the carsharing service of a minute-by-minute car rental, which allows residents of megacities to remain mobile and use the*

car only when it is necessary, while reducing the cost of its maintenance. The article presents results of the author's sociological research conducted in 2019 and 2021 by the method of mass survey and focused group interviews in order to study the attitude of Muscovites to various forms of collaborated consumption, including the transport sector. According to the obtained data, the absolute majority of respondents have a good understanding of what carsharing is, the number of people who have personal experience of using carsharing is growing. Muscovites, who own private cars, also join the list of service users, since there is a number of situations in which carsharing opens up a range of additional economic and operational advantages for them. Based on the combinations of transport modes, regularly used by the respondents, a typologization of transport strategies was carried out. It includes 5 models: «inveterate car owner-motorist», «combined car owner-motorist», «active carsharing user», «situational-carsharing user», «social activist». The main drivers of carsharing usage are economic reasons (savings on the purchase and maintenance of a car, free parking, etc.), there are concerns about the potential costs in case of damage to the car and the technical condition of the rented car.

Keywords: quality of life, transport provision, megapolis, metropolitan residents, economy of shared consumption, sharing economy, carsharing.

References and Internet sources

1. Botsman R. *What's Mine Is Yours*. Harper Collins. New York. 2010. 434 p.
2. Schor J.B., Fitzmaurice C.J. Collaborating and Connecting: The Emergence of the Sharing Economy. Available at: https://www.bc.edu/content/dam/files/schools/cas_sites/sociology/pdf/SchorElgarHandbook.pdf (Accessed 1 March 2023).
3. Scaraboto D. Selling, sharing, and everything in between: The hybrid. *Economies of collaborative networks*. *Journal of Consumer Research*. 2015. Vol. 42. Iss. 1. P. 152–176. DOI: 10.1093/jcr/ucv004
4. Belokonev S. Yu., Khokonov A. A., Shogenov M. Z. Sotsial'nyje efekty sovместnogo potrebleniya (sharing economy) [Social effects of joint consumption (sharing economy): network economic and political communities]. *Vlast'* [*The Authority*]. 2019. No. 6. P. 115–123. (in Russ.)
5. Beliaeva Yu. V. Transformatsiya potrebitel'skogo povedeniya v Rossii pod vozdeystviem razvitiya informatsionnykh tekhnologij i tsifrovizatsii [Transformation of consumer behavior in Russia under influence of development of information technologies and digitalization of society]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [*Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*]. No. 3. P. 216–218. (in Russ.)
6. Markeeva A. V. *Ekonomika uchastiya (sharing economy): problemy i perspektivy razvitiya* [Sharing economy: problems and development prospects]. *Innovatsii* [*Innovations*]. 2017. No. 2. P. 73–80. (in Russ.)
7. Studenikin N. V. Vliyaniye tsifrovyykh tekhnologiy na sotsial'nyye uslugi: mirovoy opyt i perspektivy v Rossii [Influence of digital technologies on social services: world experience and prospects in Russia]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki* [*News of Tula State University. Humanities*]. 2018. No. 1. P. 32–36. (in Russ.)
8. Ulitskaya N. M., Medvedeva T. A. *Karshering: istoriya vozniknoveniya, tendentsii razvitiya i osobennosti v sovremennoj Rossii* [Carshering: history of origin, development trends and features in modern Russia]. *Natsional'nyje i mezhdunarodnyje finansovo-ekonomicheskiye problemy avtomobil'nogo transporta: [National and International Financial and Economic Problems of Road Transport]*. Moscow. 2017. P. 123–130. (in Russ.)

Information about the author:

Borkovskaya Ekaterina Igorevna, Postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: katrin_borkovskaya@mail.ru; Elibrary AuthorID: 1197428.

Статья поступила в редакцию 05.09.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-71-81
EDN: LGBQAR

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ И КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВОЗДЕЙСТВУЮЩИХ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ

Федотов А. А.

Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

E-mail: fedotov.arr@gmail.com

Для цитирования:

Федотов А. А. Систематизация и корреляционный анализ факторов, воздействующих на уровень преступности // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 71-81. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-71-81; EDN: LGBQAR

Аннотация. В статье представлены результаты исследования факторов преступности в России, проведённого в рамках изучения характеристик человеческого потенциала. В первой части работы описаны теоретические аспекты: проведено разграничение понятий факторов и причин преступности, выделены существенные различия между данными категориями. Так, фактор в большей степени отражает внешнюю по отношению к человеку силу, в то время как причина кроется в нём самом и в его психологии. Описаны основные факторы, воздействующие на уровень преступности: социально-экономические (бедность, безработица, уровень дифференциации доходов), демографические (возраст, пол, социальный статус, образование и место проживания), психологические (личность преступника, обстановка в семье и социальная среда), политические (законодательство и уголовный кодекс, политическая обстановка и безопасность, эффективность правоохранительной системы), культурные (традиции, обычаи, верования, язык) и другие (национальные, региональные, религиозные). Во второй части приведены результаты корреляционного анализа связей между социально-экономическими факторами и уровнем преступности в регионах страны по данным официальной статистики за 10 лет с 2011 по 2020 год. Результаты анализа подтвердили воздействие на преступность таких факторов, как уровень жизни населения, в особенности безработицы и уровня доходов, а также выявили взаимосвязь с уровнем охвата высшим образованием, потребления алкоголя. Неоднородность значений коэффициентов корреляции в региональном разрезе объясняется высокой степенью синтетичности общего показателя преступности, агрегирующего все возможные виды правонарушений, а также комплексом региональных особенностей, включая эффективность правоохранительной системы. Результаты работы могут быть использованы в дальнейших исследованиях с целью кластеризации регионов и анализа выявленных факторов по отдельным видам преступлений.

Ключевые слова: преступность, факторы преступности, причины преступности, человеческий потенциал, качество жизни, регион, корреляция, анализ.

Уровень преступности является важнейшей социально-экономической категорией, отражающей одновременно и состояние человеческого потенциала населения, и качество его жизни. Вопрос о причинах преступности занимает умы учёных не одно столетие. Например, Платон считал, что преступления происходят из-за неправильного воспитания человека и из-за того, что мало кто способен понимать и ценить добро [1]. В статье представлены результаты исследования факторов преступности. В первой (теоретической) части работы описаны основные группы факторов, воздействующих на уровень преступности. Во второй части — результаты корреляционного анализа связей между уровнем преступности и различными социально-экономическими факторами.

Факторы, воздействующие на уровень преступности

Значения широко употребляемых понятий факторов и причин схожи, однако в социальных науках они различаются. Фактор в большей степени связан с объективными условиями, внешними по отношению к человеку. Причина, в свою очередь, более сопряжена с психологическими особенностями людей. Фактор в отличие от причины воздействует на социальные явления опосредованно, через сознание и психику человека. Таким образом, можно сказать, что факторы создают причины, которые приводят к последствиям¹. Рассмотрим основные группы факторов, воздействующих на уровень преступности.

Социально-экономические факторы. Социально-экономические факторы оказывают сильное воздействие на уровень преступности: несправедливое распределение доходов, низкий уровень жизни, безработица и другие социально-экономические проблемы могут стать стимулом для совершения преступлений. Многие исследования показывают, что бедность и низкий

уровень доходов ведут к повышению уровня преступности. Люди, живущие в бедных регионах, где отсутствуют перспективы на лучшую жизнь, становятся более склонными к нарушению закона, чем те, кто живёт в более благополучных. Люди, оставшиеся без работы, часто оказываются лишёнными средств к существованию, что заставляет их искать иные способы получения дохода [2].

Демографические факторы. Демографические факторы включают в себя такие показатели, как возраст, пол, социальный статус, образование и место проживания. Возраст является одним из самых основных демографических факторов, влияющих на уровень преступности. Статистика показывает, что молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет в большей мере склонны к преступной деятельности, чем люди старшего возраста. Это объясняется особенностями психологического и социального развития молодых людей, а также проблемами адаптации к обществу. Пол также является фактором, влияющим на уровень преступности. Статистика показывает, что мужчины более склонны к преступной деятельности, чем женщины.

Ещё одним фактором является образование. Уровень преступности меньше у людей с более высоким уровнем образования. Образование способствует развитию критического мышления и социальной ответственности, что даёт людям возможность понимать последствия своих действий. В любом случае, образование увеличивает степень социализации человека, что само по себе снижает риск совершения таким человеком преступлений.

Кроме того, на уровень преступности может влиять и место проживания. Некоторые регионы и города имеют более высокий уровень преступности из-за таких факторов, как высокая безработица, бедность и негативное воздействие культуры уличной жизни. Люди, проживающие в таких районах, могут быть более склонны к преступной деятельности из-за отсутствия других возможностей для выживания и продвижения в жизни [3; 4].

¹ Причины преступности // ПАНХиГС: [сайт]. — URL: https://online-edu.ranepa.ru/pluginfile.php/31828/mod_resource/content/16/2020-02_CRM_05-08-09_text.pdf (дата обращения: 23.08.2023).

Психологические факторы. Одним из основных психологических факторов, влияющих на уровень преступности, является личность преступника. Каждый человек имеет свой уникальный комплекс личностных особенностей, который определяет его поведение и взаимоотношения с окружающим миром. У преступников часто выявляются негативные личностные качества, такие как агрессивность, эгоизм и неуравновешенность, которые могут способствовать выходу на преступную деятельность [5].

Также на уровень преступности могут влиять семейные факторы, такие как неполнота семьи или конфликтные отношения в ней, отсутствие родительской заботы и внимания к ребёнку, насилие в семье. Все эти факторы могут стать причиной неблагоприятного психологического состояния ребёнка, вызвать у него чувство отчуждения и негативное отношение к социуму, что в дальнейшем может привести к нарушению закона [6; 7].

Важную роль в формировании поведения человека играет также социальная среда. Например, жизнь в неблагополучных регионах, где процент преступности высок, может влиять на формирование у человека негативных установок и предрасположенности к нарушениям закона. Кроме того, влиянию социальной среды может подвергаться и процесс адаптации к обществу, который для некоторых людей может оказаться чрезвычайно трудным [8; 9].

Политические факторы. Политические факторы также оказывают значительное влияние на уровень преступности в обществе. Некоторые из них могут содействовать снижению уровня преступности, тогда как другие, наоборот, могут его увеличивать. Важнейшим политическим фактором, связанным с уровнем преступности, является эффективность правовой системы и её способность обеспечивать исполнение законов. Если правовая система функционирует безупречно, то это может значительно снизить уровень преступности. Однако, если правовая система неэффективна, то это может привести к тому, что люди будут чувствовать свободу от юридической ответ-

ственности и, следовательно, будут более склонны совершать преступления [10; 11].

Также следует учитывать влияние политических конфликтов и социальных напряжений на уровень преступности. Если в стране существует политическая нестабильность, то это может привести к увеличению количества преступлений. Кроме того, сам учёт и определение каких-либо актов как преступных обусловлены текущим законодательством, и изменения в уголовном кодексе ведут к изменению статистически учтённого уровня преступности. Так, например, сильный спад преступности в 2002 г. в России был во многом обусловлен новой редакцией Уголовно-процессуального кодекса: в соответствии с ней, такие правонарушения, как воровство с причинением ущерба в размере менее чем 5 МРОТ, стали рассматриваться не как уголовные, а как административные [12].

Культурные факторы. Культурные факторы оказывают воздействие на уровень преступности в обществе, т.к. они влияют на ценности, нормы и поведение людей. Под культурными факторами понимаются традиции, обычаи, верования и другие аспекты культуры. Исследования показывают, что в многонациональных обществах с большим культурным разнообразием уровень преступности выше, чем в монокультурных обществах. Это связано с тем, что в многонациональных обществах происходит столкновение культур, что может привести к конфликтам и нарушениям закона. Ещё одним культурным фактором, влияющим на уровень преступности, является степень одобрения насилия в обществе.

Также культурные факторы могут влиять на уровень преступности через формирование криминальной субкультуры, поддерживающей привлекательность преступной деятельности. В такой субкультуре может формироваться культ незаконного заработка денег и отрицание законности, что может стимулировать людей к преступной деятельности [13; 14]. Нечто подобное мы наблюдали в отечественном кинематографе рубежа 2000-х годов. В странах и регионах, где религия играет значительную роль

в общественной жизни, уровень преступности может быть ниже, т.к. люди часто следуют строгим моральным и этическим принципам [15; 16].

Результаты корреляционного анализа

С целью уточнить и расширить воздействующие факторы конкретно для нашей страны был проведён корреляционный анализ связей между уровнем преступности в регионах России и различными социально-экономическими и демографическими показателями, данные по которым есть в официальных статистических сборниках в региональном разрезе. Исследование проводилось по данным сборников Рос-

стата «Регионы России»², «Здравоохранение в России»³ и сайта Генеральной прокуратуры⁴ за 10 лет (2011–2020 гг.) с учётом временных лагов в 1–3 года, а также в целом по всему массиву. Результаты расчётов коэффициентов корреляции представлены в табл. 1.

² Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат.—URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 23.08.2023).

³ Здравоохранение в России // Росстат.—URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218> (дата обращения: 23.08.2023).

⁴ Показатели преступности в России // Генеральная прокуратура Российской Федерации.—URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 23.08.2023).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между уровнем преступности и показателями качества жизни и человеческого потенциала в регионах России при исследовании год-в-год за 2011–2020 гг.

Table 1

Correlation coefficients between crime rates and indicators of quality of life and human potential in Russian regions in a year-on-year study for the period from 2011 to 2020

Регионы	Качество жизни			Человеческий потенциал		
	Уровень безработицы	Уровень бедности	Доходы	Уровень алкоголизма и наркомании	Уровень культуры	Соотношение М/Ж
Белгородская область	-0,03	0,27	0,27	0,40	-0,51	0,48
Брянская область	0,83	-0,67	-0,67	0,79	-0,13	0,89
Владимирская область	0,65	0,92	0,92	0,49	0,31	0,75
Воронежская область	-0,40	-0,43	-0,43	0,42	0,25	-0,50
Ивановская область	0,59	0,63	0,63	-0,05	0,16	0,55
Калужская область	-0,39	0,31	0,31	-0,06	0,07	-0,41
Костромская область	0,41	0,05	0,05	-0,53	-0,28	-0,14
Курская область	0,88	-0,18	-0,18	0,12	-0,56	0,38
Липецкая область	0,79	0,66	0,66	0,20	-0,36	0,43
Московская область	-0,08	0,44	0,44	0,95	-0,43	0,90
Орловская область	0,14	-0,27	-0,27	0,86	0,00	0,79
Рязанская область	-0,17	-0,07	-0,07	-0,35	0,12	-0,61
Смоленская область	0,60	-0,23	-0,23	0,05	-0,37	0,70
Тамбовская область	0,10	0,73	0,73	-0,58	-0,05	0,70
Тверская область	0,44	0,43	0,43	-0,29	-0,55	0,61
Тульская область	0,53	0,52	0,52	-0,75	-0,28	-0,02
Ярославская область	0,29	0,30	0,30	0,04	0,13	-0,01
г. Москва	-0,21	0,90	0,90	0,93	0,25	0,81
Республика Карелия	0,50	0,52	0,52	0,10	-0,19	-0,06
Республика Коми	-0,16	0,07	0,07	0,61	0,41	0,02

Ненецкий АО	0,25	0,56	0,56	-0,80	н.д.	-0,08
Архангельская область без АО	-0,13	0,33	0,33	0,41	-0,39	0,61
Вологодская область	0,79	0,49	0,49	0,69	0,22	-0,16
Калининградская область	0,21	-0,28	-0,28	0,48	0,48	0,60
Ленинградская область	0,12	0,22	0,22	-0,50	-0,25	0,65
Мурманская область	0,59	0,80	0,80	0,20	0,14	0,52
Новгородская область	-0,12	-0,47	-0,47	0,69	0,27	0,35
Псковская область	0,74	0,23	0,23	0,36	-0,62	0,57
г. Санкт-Петербург	0,34	0,51	0,51	0,39	-0,61	0,47
Республика Адыгея	0,18	0,69	0,69	0,05	0,10	0,10
Республика Калмыкия	0,90	0,75	0,75	0,61	-0,29	-0,04
Республика Крым	0,91	0,79	0,79	0,24	-0,35	0,03
Краснодарский край	0,27	0,26	0,26	-0,06	-0,18	0,10
Астраханская область	0,83	-0,55	-0,55	0,79	0,38	0,37
Волгоградская область	-0,27	0,02	0,02	-0,71	0,09	-0,44
Ростовская область	-0,44	0,25	0,25	-0,70	-0,25	-0,65
г. Севастополь	0,98	0,93	0,93	0,67	-0,30	0,61
Республика Дагестан	-0,60	0,17	0,17	0,20	0,45	0,14
Республика Ингушетия	0,85	-0,77	-0,77	0,46	-0,54	0,76
Кабардино-Балкарская Республика	-0,48	-0,76	-0,76	0,69	-0,53	0,68
Карачаево-Черкесская Республика	0,09	0,55	0,55	-0,87	-0,50	-0,79
Республика Сев. Осетия – Алания	0,77	0,49	0,49	-0,45	-0,07	-0,51
Чеченская Республика	0,68	0,07	0,07	0,47	-0,56	0,79
Ставропольский край	0,54	0,22	0,22	0,03	-0,49	0,15
Республика Башкортостан	0,65	0,57	0,57	0,10	0,10	0,59
Республика Марий Эл	0,84	0,51	0,51	0,24	-0,26	0,65
Республика Мордовия	-0,41	-0,01	-0,01	0,52	-0,07	-0,07
Республика Татарстан	0,59	0,23	0,23	-0,17	-0,61	0,41
Удмуртская Республика	0,39	0,11	0,11	0,14	-0,35	0,27
Чувашская Республика	0,81	0,15	0,15	0,74	0,07	0,81
Пермский край	0,76	-0,55	-0,55	0,92	0,23	0,58
Кировская область	-0,19	0,19	0,19	0,17	0,42	0,13
Нижегородская область	0,95	0,86	0,86	-0,23	-0,36	0,64
Оренбургская область	0,59	0,19	0,19	0,26	-0,25	0,34
Пензенская область	0,42	0,07	0,07	-0,27	-0,57	0,35
Самарская область	0,13	0,34	0,34	0,94	-0,43	0,26
Саратовская область	0,29	0,04	0,04	-0,62	-0,34	-0,19
Ульяновская область	0,75	-0,21	-0,21	0,79	0,71	0,75
Курганская область	0,37	-0,31	-0,31	0,79	0,39	0,74
Свердловская область	0,88	0,09	0,09	0,87	0,02	0,74
Ханты-Мансийский АО-Югра	0,92	0,40	0,40	0,98	0,41	-0,98
Ямало-Ненецкий АО	0,94	0,80	0,80	0,90	н.д.	-0,66

Тюменская область без АО	0,66	-0,71	-0,71	0,93	-0,48	0,92
Челябинская область	0,20	-0,44	-0,44	0,10	0,28	0,65
Республика Алтай	0,17	-0,17	-0,17	0,10	-0,29	0,47
Республика Тыва	-0,22	0,71	0,71	-0,39	0,12	-0,77
Республика Хакасия	-0,20	0,17	0,17	0,44	0,33	-0,18
Алтайский край	0,84	0,18	0,18	0,74	0,06	-0,66
Красноярский край	0,68	0,15	0,15	0,89	0,31	0,54
Иркутская область	0,52	-0,02	-0,02	0,95	0,33	-0,67
Кемеровская область-Кузбасс	0,66	-0,37	-0,37	0,96	0,29	0,96
Новосибирская область	0,17	0,22	0,22	0,07	-0,34	0,39
Омская область	-0,12	-0,30	-0,30	0,59	0,46	0,16
Томская область	0,52	0,44	0,44	0,49	-0,02	-0,66
Республика Бурятия	-0,23	-0,38	-0,38	-0,33	0,71	0,59
Республика Саха (Якутия)	0,67	0,29	0,29	-0,67	-0,15	-0,35
Забайкальский край	0,61	-0,61	-0,61	0,96	0,17	0,55
Камчатский край	-0,85	-0,44	-0,44	-0,86	0,54	0,29
Приморский край	0,89	0,70	0,70	0,91	0,68	-0,79
Хабаровский край	0,67	0,56	0,56	0,88	0,61	-0,64
Амурская область	-0,47	-0,17	-0,17	-0,61	0,33	-0,18
Магаданская область	-0,65	0,47	0,47	0,70	0,15	-0,42
Сахалинская область	0,27	0,24	0,24	0,85	-0,10	0,68
Еврейская АО	-0,60	0,35	0,35	0,10	-0,15	-0,04
Чукотский АО	-0,30	0,00	0,00	-0,17	н.д.	0,11
Российская Федерация	0,72	-0,04	-0,80	0,76	-0,13	0,89
Медиана	0,41	0,22	-0,49	0,26	-0,04	0,35

Источник: рассчитано автором по данным официальных сборников Росстата и сайта Генпрокуратуры РФ.

По результатам исследования была подтверждена зависимость между показателями уровня жизни населения и уровнем преступности. Так, коэффициент корреляции по стране с уровнем безработицы за все годы составил 0,72. Положительная корреляция обнаружена в 62 регионе из 85, участвующих в расчёте, медианное значение составило 0,41. Наиболее тесная корреляционная связь выявлена в регионах: Севастополь (0,98), Нижегородская область (0,95), Ямало-Ненецкий АО (0,94), Ханты-Мансийский АО-Югра (0,92), Республика Крым (0,91), Республика Калмыкия (0,90), Приморский край (0,89), Свердловская область (0,88), Курская область (0,88), Республика Ингушетия (0,85), Республика Марий Эл

(0,84), Алтайский край (0,84). Этот результат подтверждает сильную взаимосвязь между безработицей и преступностью и отражает основной мотив преступлений (экономический). Так, в 2021 г. 64% осужденных были безработными, а наиболее частые преступления — это кража и мошенничество, на долю которых пришлось больше половины всех преступлений (54%).

Результаты анализа с показателем среднедушевых доходов оказались также красноречивыми. Коэффициент корреляции по стране в целом составил $-0,8$, медианное значение $-0,49$, сохраняющиеся на высоком уровне и при временных лагах: медианное значение коэффициента корреляции усиливается от $-0,33$ и $-0,42$, при лагах в -2

и -1 год, соответственно, до $-0,52$ и $-0,56$, при лагах в $+1$ и $+2$ года, соответственно. Это может говорить о том, что причиной преступности в значительной части является уровень доходов населения — чем он выше, тем ниже преступность (и наоборот). Самые высокие по модулю коэффициенты корреляции в регионах: Республика Ингушетия ($-0,77$), Кабардино-Балкарская Республика ($-0,76$), Тюменская область без АО ($-0,71$), Брянская область ($-0,67$), Забайкальский край ($-0,61$), Пермский край ($-0,55$).

Из трёх показателей уровня жизни только корреляция с уровнем бедности не показала результатов. Коэффициент в целом по стране составил $-0,04$, медианный по регионам $0,22$, разброс по регионам большой. Это можно объяснить тем, что данный показатель объединяет в себе разные группы по уровню доходов, включая тех, кто действительно живёт за чертой бедности, и тех, чьи доходы не учитываются статистикой. Таким образом, учитываются группы с противоположным воздействием на уровень преступности.

Корреляционная взаимосвязь уровня преступности с таким негативным показателем человеческого потенциала, как уровень алкоголизма и наркомании, оказалась неоднородной в региональном разрезе, однако внушительно сильной в целом по стране (значение коэффициента корреляции составило $0,76$; значение медианы $0,26$). В отдельных регионах (прежде всего, Сибирского и Уральского федеральных округов) это значение очень высокое [17]. В целом положительная корреляционная связь была обнаружена в 61 регионе страны, самые большие значения были выявлены в регионах: Ханты-Мансийский АО-Югра ($0,98$), Забайкальский край ($0,96$), Кемеровская область ($0,96$), Московская область ($0,95$), Иркутская область ($0,95$), Самарская область ($0,94$), Москва ($0,93$), Тюменская область без АО ($0,93$), Пермский край ($0,92$), Приморский край ($0,91$). Значимой корреляционной связи не было обнаружено с показателем человеческого потенциала, выражающим его культурный аспект, — числом посещений музеев и театров, — и с показателем соотношения

мужчин и женщин; последний показатель, кроме всего прочего, имеет очень малую степень разброса значений по регионам.

В таблицу не вошли результаты корреляционного анализа с показателем распространения высшего образования: коэффициент корреляции по стране за 2021 г. составил $-0,42$. При этом коэффициент корреляции с показателем «Доля занятых со средним профессиональным образованием» оказался положительным и в 2021 г. составил $0,34$. Статистика за 2021 г. сообщает, что среди всех преступников доля лиц со средним общим и профессиональным образованием составила 72% , а доля лиц с высшим образованием — всего 7% . Таким образом результаты подтверждают гипотезу о том, что чем выше степень распространения высшего образования в обществе, тем ниже в нём уровень преступности.

Заключение

Следуя логике отличия причин преступности от факторов, согласно которой факторы воздействуют не явно, а косвенно, через причины (то есть через психологические характеристики самого человека), становится понятным, насколько данная категория (уровень преступности) является латентной и сложной для исследования, учитывая, что вслед за изменениями в уголовном кодексе меняется и сама регистрация преступлений.

По итогам корреляционного анализа для страны в целом и большинства регионов была обнаружена заметная корреляционная связь между уровнем преступности и показателями уровня жизни, распространением алкоголизма, охватом населения высшим образованием. Подтвердился экономический мотив преступлений. Самые значимые факторы, воздействующие на уровень преступности в стране, — это безработица и доходы населения, а самые частые преступления — это кражи и мошенничество.

Причиной того, что коэффициент корреляции в региональном разрезе оказался зачастую неоднородным, по мнению автора, является сам исследуемый показатель пре-

ступности, который, с одной стороны, объединяет в себе большое количество разнообразных преступлений, включая кражи, хулиганство, экономические преступления и убийства. Вероятно, данные частные категории уровня преступности необходимо анализировать по отдельности. Кроме того, в России велика степень латентной преступности. По разным данным в официальную статистику попадает лишь 15–20% от всех совершённых преступлений: многие преступления не выявляются правоохранительными органами, а половина пострадавших от преступности не регистрируют заяв-

ления в полиции. Существуют и иные причины региональной дифференциации: эффективность работы правоохранительных органов, активность преступных группировок, особенности территориальной единицы, особенности культуры и традиции региона, структура преступлений и различные его виды. Поэтому перспектива дальнейших исследований заключается в кластеризации регионов и дальнейшем изучении групп регионов со схожими характеристиками исследуемых факторов, воздействующих на уровень преступности, отдельно по различным видам преступлений.

Литература и Интернет-источники

1. **Захария, В. А.** Концепция уголовного наказания в философии Платона / В. А. Захария, В. П. Позднякова // *Материалы конференции «Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт»* (Омск, 11–13 июня 2021 г.). — Омск, 2021. — С. 78–85. EDN: RUJIMX
2. **Назаров, С. А.** Социально-экономические причины, условия и факторы детерминации преступности в экономической сфере в современной России / С. А. Назаров // *Russian Economic Bulletin*. — 2020. — № 2. — С. 267–277. EDN: PPKYZX
3. **Гусева, М. В.** Исследование основных факторов, влияющих на уровень преступности в России / М. В. Гусева // *Российские регионы в фокусе перемен: сборник докладов со специальных мероприятий XII Международной конференции* (Екатеринбург, 16–18 ноября 2017 г.). — Екатеринбург : Издательство УМЦ УПИ, 2018. — С. 585–596. EDN: QQVNPI
4. **Лелеков, В. А.** Демографические процессы и преступность / В. А. Лелеков, А. Д. Бородин // *Вестник Воронежского Института ФСИН России*. — 2019. — № 4. — С. 214–218. EDN: TCATJX
5. **Антонян, Ю. М.** Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. — 364 с. EDN: QVVHKJ
6. **Черных, И. А.** Семейные конфликты как причина подростковой преступности / И. А. Черных // *Аллея науки*. — № 4(67). — С. 1028–1032. EDN: VWUZET
7. **Akers, R.** *Criminological theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed / R. Akers. — Los Angeles : Roxbury publishing company. 1997. — P. 83–84.
8. **Спиридонова, Е. В.** Причины преступности / Е. В. Спиридонова // *Криминологический журнал*. — 2019. — № 3. — С. 27–29. EDN: RJAUQX
9. **Sutherland, E. H.** *Principles of Criminology* / E. H. Sutherland, D. R. Cressey. — Chicago : Lippincott. 1960. — 646 p.
10. **Курочкин, С. А.** Социальная эффективность правовых норм: современные подходы / С. А. Курочкин // *Социальная ценность права в современном обществе. Материалы шестого Всероссийского симпозиума* (Екатеринбург, 2021 г.). — Екатеринбург : 2021. — С. 81–87. EDN: ACIZZF
11. **Шнарбаев, Б. К.** Вопросы эффективности борьбы с преступностью / Б. К. Шнарбаев // *Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения)* / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. — Саратов, 2019. — С. 398–402. EDN: JMSLRJ

12. **Абрамян, С. И.** Поиск факторов, влияющих на уровень преступности / С. И. Абрамян, А. А. Федотов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2019. — № 10(128). — С. 1–10. EDN: UCYDPG
13. **Долгова, И. В.** Роль культуры в противодействии преступности / И. В. Долгова, А. А. Жамборов // Вестник Академии права и управления. — 2021. — № 2(63). — С. 41–46 EDN: KHSXKG
14. **Галаев, А. Р.** Порочность культуры и преступность / А. Р. Галаев // Мировая наука. — 2020. — № 2(35). — С. 48–51. EDN: NBHESJ
15. **Петровский, А. В.** Национально-религиозные и государственно-традиционные нормативные системы предупреждения преступного поведения: компаративистский анализ / А. В. Петровский // Теория и практика общественного развития. — 2021. — № 10(164). — С. 113–118. EDN: JMMZGQ
16. **Newburn, T.** Criminology. Third edition / T. Newburn. — London : Routledge, 2017. — 1143 p.
17. **Кривоногов, В. П.** Алкоголь и демография народов севера / В. П. Кривоногов // Северные архивы и экспедиции. — 2017. — № 4. — С. 25–29. EDN: YKXKSR

Сведения об авторе:

Федотов Артём Александрович, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000-0003-4185-4013; РИНЦ AuthorID: 965063.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-71-81

SYSTEMATIZATION AND CORRELATION ANALYSIS OF FACTORS AFFECTING CRIME LEVEL

Artem A. Fedotov

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: fedotov.arr@gmail.com

For citation:

Fedotov A. A. Systematization and correlation analysis of factors affecting crime level. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 71-81. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-71-81 (in Russ.)

Abstract. *The article presents the results of a study of crime factors in Russia, conducted within investigation of the characteristics of human potential. The first part of the work describes the theoretical aspects. A distinction is made between the concepts of factors and causes of crime, and the essential differences between these categories are highlighted. Thus, factor largely reflects a force external to a person, while reason lies in himself and in his psychology. The main factors influencing the crime rate are described: socio-economic (poverty, unemployment, level of income differentiation), demographic (age, gender, social status, education and place of residence), psychological (personality of criminal, situation in family and social environment), political (legislation and criminal code, political situation and security, effectiveness of law enforcement structures), cultural (traditions, customs, beliefs, language) and others (national, regional, religious). The second part presents results of the correlation analysis of the connections between the socio-economic factors and crime rate in the regions of the country based on the official statistics for 10 years from 2011 to 2020. The results of the analysis confirmed the impact on crime of such factors as the standard of living of the population, especially unemployment and income levels, and also revealed a relationship with indicators of the*

spread of higher education and alcohol consumption. In general, the economic motive for committing crimes was confirmed. The heterogeneity of the values of the correlation coefficients in the regional context is explained by the high degree of syntheticity of the general crime indicator, which aggregates all possible types of offenses, as well as a complex of regional features, including effectiveness of the law enforcement system. The results of the work can be used in further research for the purpose of clustering regions and analyzing the identified factors by certain types of crimes.

Keywords: crime, crime factors, causes of crime, human potential, quality of life, region, correlation, analysis.

References and Internet sources

1. Zakharia V.A., Pozdnyakova V.P. Kontseptsiya ugolovnogo nakazaniya v filosofii Platona [The concept of criminal punishment in the philosophy of Plato]. Materialy konferentsii «Razvitie politicheskikh institutov i protsessov: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt» [Proceedings of the conference *Development of Political Institutions and Processes: Foreign and Domestic Experience*. Omsk. June 11–15, 2021]. Omsk. 2021. P. 78–85 (in Russ.)
2. Nazarov S.A. Sotsial'no-ekonomicheskiye prichiny, usloviya i faktory determinatsii prestupnosti v ekonomicheskoy sfere v sovremennoy Rossii [Socio-economic reasons, conditions and factors for determining crime in the economic sphere in modern Russia]. *Russian Economic Bulletin*. 2020. NO. 2. P. 267–277. (in Russ.)
3. Guseva M.V. Issledovaniye osnovnykh faktorov, vliyayushchih na uroven' prestupnosti v Rossii [Study of the main factors affecting the level of crime in Russia]. Rossiyskiye regiony v fokuse peremen [Russian Regions in the Focus of Changes]. Proceedings of the XII international conference. Ekaterinburg, 16–18 November 2017. Ural'skij federal'nyj universitet [Ural Federal University]. Ekaterinburg. 2015. P. 585–596. (in Russ.)
4. Lelekov V.A., Borodin A.D. Demograficheskije protsessy i prestupnost' [Demographic processes and crime]. Vestnik Voronezhskogo Instituta FSIN Rossii [Bulletin of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. No. 4. 2019. P. 214–218. (in Russ.)
5. Antonyan Yu. M., Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Lichnost' prestupnika [The Identity of Offender]. St. Petersburg. Yuridicheskij centr Press [Law Center Press]. 2004. 364 p. (in Russ.)
6. Chernykh I.A. Semejnyje konflikty kak prichina podrostkovoj prestupnosti [Family conflicts as a cause of teenage crime]. Alleya nauki [Science Alley]. No. 4(67). P. 1028–1032. (in Russ.)
7. Akers R. *Criminological Theories: Introduction and Evaluation*. 2nd ed. Los Angeles. Roxbury publishing company. 1997. P. 83–84.
8. Spiridonova E.V. Prichiny prestupnosti [Causes of crime]. Kriminologicheskij zhurnal [Criminological Journal]. 2019. No. 3. P. 27–29. (in Russ.)
9. Sutherland E.H., Cressey D.R. *Principles of Criminology*. Chicago. Lippincott. 1960. 646 p.
10. Kurochkin S.A. Sotsial'naya effektivnost' pravovykh norm: sovremennyye podhody [Social Effectiveness of Legal Norms: Modern Approaches]. Sotsial'naya tsennost' prava v sovremennom obshchestve [Social Value of Law in Modern Society]. Proceedings of the VI All-Russian Symposium. Ekaterinburg. 2021. P. 81–87. (in Russ.)
11. Shnarbaev B.K. Voprosy effektivnosti bor'by s prestupnost'yu [Issues of the effectiveness of the fight against crime]. Ugolovno-pravovoje vozdeystviye i jego rol' v preduprezhdenii prestupnosti [Criminal Law Impact and Its Role in Crime Prevention]. Proceedings of the IV Saratov Criminal Law Readings. Ed. N.A. Lopashenko. Saratov. 2019. P. 398–402. (in Russ.)
12. Abramyan S.I. Poisk faktorov, vliyayushchih na uroven' prestupnosti [Search for factors influencing the crime rate]. Upravleniye ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal]. 2019. No. 10(128). P. 1–10 (in Russ.)

13. Dolgova I. V., Zhamborov A. A. Rol' kul'tury v protivodejstvii prestupnosti [The role of culture in combating crime]. Vestnik Akademii prava i upravleniya [Bulletin of the Academy of Law and Management]. 2021. No. 2(63). P. 41–46 (in Russ.)
14. Galaev A. R. Porochnost' kul'tury i prestupnost' [The depravity of culture and crime]. Mirovaya nauka [World Science]. 2020. No. 2(35). P. 48–51. (in Russ.)
15. Petrovsky A. V. Natsional'no-religioznyje i gosudarstvenno-traditsionnyje normativnyje sistemy preduprezhdeniya prestupnogo povedeniya: komparativistskij analiz [National-religious and state-traditional normative systems for the prevention of criminal behavior: a comparative analysis]. Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]. 2021. No. 10(164). P. 113–118. (in Russ.)
16. Newburn T. Criminology. Third edition. London. Routledge. 2017. 1143 p.
17. Krivonogov V. P. Alkohol' i demografiya narodov severa [Alcohol and demography of the peoples of the North]. Severnyje arhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]. 2017. No. 4. P. 25–29. (in Russ.)

Information about the author:

Fedotov Artem Aleksandrovich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: fedotov.arr@gmail.com; ORCID: 0000–0003–4185–4013; Elibrary AuthorID: 965063.

Статья поступила в редакцию 15.09.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-82-94
EDN: LJNPYB

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИВЕРСИФИКАЦИЯ: АНАЛИЗ РЕГИОНОВ РОССИИ

Рожина Е. А., Васильева Р. И.*

Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)

* E-mail: vasilyeva.ri@uiiec.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в соответствии с планом НИР лаборатории моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения РАН на 2024 год.

Для цитирования:

Рожина Е. А., Васильева Р. И. Этническое разнообразие и экономическая диверсификация: анализ регионов России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 82-94. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-82-94; EDN: LJNPYB

Аннотация Экономическая диверсификация является одним из эффективных инструментов, позволяющих нивелировать последствия внешних шоков для национальной экономики. Этнические меньшинства потенциально могут способствовать диверсификации экономики и экономической устойчивости национального хозяйства. Имея свои религию и традиции, которые накладывают отпечаток на особенности производства, многие этнические группы заняты преимущественно традиционными видами экономической деятельности. Их развитие потенциально могло бы закрыть некоторые потребности российского рынка. Однако данный аспект остаётся слабо изученным в научной литературе, поэтому цель исследования — оценить, как многообразие представленных в стране этнических групп влияет на экономическую диверсификацию российских регионов. Для анализа были использованы панельные данные по 83 регионам России за период с 2000 по 2020 годы. Этническое разнообразие измеряется с помощью индекса этнической фракционализации, количества официальных языков и основных религий. В качестве показателя экономической диверсификации используется декомпозиционный индекс Тейла. Учитывая высокую гетероскедастичность региональных данных, используется метод квантильной регрессии с фиксированными эффектами. Результаты исследования свидетельствуют об отсутствии значимого эффекта индекса этнического разнообразия на диверсификацию экономики. Однако в регионах, где больше представителей различных конфессий, экономическая деятельность более диверсифицирована. Полученные результаты могут быть использованы для разработки стратегических механизмов государственного регулирования в области поддержки этнических групп и снижению концентрации экономики России.

Ключевые слова этнические меньшинства, этнолингвистическая фракционализация, основные религии, диверсификация экономики, квантильная регрессия.

В научной литературе подчёркивается важность внедрения эффективных стратегий экономической диверсификации как инструмента снижения внешних рисков для национальной экономики за счет формирования доходов из разных источников и стимулирования экономического роста. Политика диверсификации имеет особо важное значение для ресурсозависимых стран, поскольку позволяет обеспечить устойчивый экономический рост в условиях нестабильности цен на сырьё. Некоторые исследователи выделяют макроэкономические и институциональные факторы как основные детерминанты экономической диверсификации [1–3]. Однако развитие добывающей и обрабатывающей промышленности чаще ассоциируется с ростом экономической концентрации, нежели диверсификации. Проживающие на территории государства этнические группы могут вносить свой вклад в производство страны, хотя это воздействие не всегда ясно [4]. Количественная оценка влияния этнической гетерогенности на национальную экономику чаще приводится в зарубежных исследованиях, чем отечественных. Некоторые авторы приходят к выводу, что этническая разрозненность может приводить к стагнации экономики, в то время как их интеграция в общее пространство может стимулировать экономическое развитие [5]. Отмечается, что этническая поляризация негативно сказывается на экономических показателях из-за большей вероятности возникновения гражданских конфликтов [6].

В России проживает свыше 146 млн человек¹, включая представителей 194 национальностей², говорящих на 277 языках и диалектах. Разнообразный этнический и религиозный состав населения России может влиять на формирование различных стратегий хозяйственной деятельности, зависящих от образа жизни каждой этнической группы, тем самым оказывая влияние на экономику страны в целом. Несмотря на

обилие природных ресурсов, российская экономика ориентирована на добывающее и промышленное производство, в то время как традиционные виды занятости коренных народов развиваются медленно из-за ограниченного выпуска товаров, высоких транзакционных издержек и отсутствия современных предприятий и технологий³. Поддержка этнических групп, проживающих на территории РФ, и их экономического производства может удовлетворить внутренний спрос на некоторые категории товаров, включая продукцию сельскохозяйственного комплекса, текстильной, кожной и меховой промышленности и т.д., что способно усилить диверсификацию региональных экономик.

Целью представленного исследования является оценка влияния этнического многообразия на экономическую диверсификацию в регионах России. Основная гипотеза исследования предполагает, что большее разнообразие этносов способствует диверсификации экономики. Высокий интерес к данной теме и недостаточная освещённость в эмпирических исследованиях является основной мотивацией научной работы. Эконометрическое моделирование выполнено методом квантильной регрессии с фиксированными эффектами. На основании полученных результатов сформулированы рекомендации относительно поддержки этнических групп с целью развития экономики и повышения уровня диверсификации.

Аспекты экономической диверсификации и этнического разнообразия в эмпирических исследованиях

Множество исследований подчёркивают значимость экономической диверсификации. Например, Ж.К. Бертелеми демонстрирует, что экономическая диверсификация тесно связана с внутриотрасле-

¹ Росстат. – URL: <https://showdata.gks.ru/report/278928/> (дата обращения: 17.01.2023).

² Всероссийская перепись населения 2020 года. – URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 17.01.2023).

³ Вопросы взаимоотношений коренных малочисленных народов с промышленными компаниями // Федеральное Собрание Российской Федерации. Совет Федерации. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f298c2efb01.pdf>. (дата обращения: 17.01.2023).

вой торговлей [1]. Результаты исследования В.Г. Зарецкой, проведённого на примере России, Казахстана, Украины и Белоруссии, выявили, что более высокие значения ВРП на душу населения характерны для регионов с низкой экономической диверсификацией [7]. В исследованиях по Саудовской Аравии была доказана важность экономической диверсификации как инструмента для улучшения управления внешними рисками [2; 8]. При этом наличие более крупного частного сектора способствует ускоренному уменьшению зависимости от природных ресурсов [9]. А. Есанов, исследуя страны, где ведётся добыча полезных ископаемых, утверждает, что изобилие природных ресурсов создает лучшие условия для диверсификации экономики [3]. Тем не менее, существуют государства, которые, несмотря на наличие обширных природных ресурсов, способны добиться разнообразия в экономике благодаря эффективному их использованию. Например, экономика Чили диверсифицирована, при этом наиболее развитыми отраслями являются сельское хозяйство, рыболовство и лёгкая промышленность [10].

В то же время в научном сообществе продолжают дискуссии о воздействии этнических групп на экономику страны. Некоторые авторы указывают на отрицательное воздействие этнического разнообразия на социально-экономическое развитие. В исследованиях, анализирующих экономическое развитие африканских стран, исследователи приходят к выводу, что существует отрицательное воздействие на экономические показатели из-за слишком большого многообразия этнических групп, населяющих одну и ту же территорию внутри государства [11]. К аналогичным выводам пришли А. Алесина и другие [4]. Также исследователи подтверждают, что религиозное разнообразие не оказывает существенного воздействия на экономическое развитие. Это подтверждается исследованиями по Китаю [12] и Великобритании [13]. По мнению авторов, этническая (или религиозная) диспропорция негативно сказывается на экономическом развитии путём сни-

жения инвестиций и увеличения государственных расходов [14]. Анализируя общества, подверженные этнической диверсификации, исследователи говорят о том, что такие общества страдают от неэффективного государственного управления, что влечёт за собой ухудшение экономических показателей и замедление роста экономики [15, 16]. П. Колиер в ходе исследования выявил, что в демократических обществах этническое разнообразие не оказывает влияния на выбор правительства в отличие от авторитарных режимов, где имеющееся этническое разнообразие замедляет темпы экономического роста [17]. Дж. Блудорн подтвердил, что демократия играет положительную роль в смягчении отрицательных последствий увеличения этнического разнообразия [18]. Л. Лимонов и М. Несена не обнаружили значимой связи между этническим разнообразием в регионах России и экономическим ростом [19]. Некоторые отмечают положительное влияние этнического разнообразия на социально-экономические показатели [4, 20]. При этом М. Несена выявила положительную связь между производительностью труда и культурной однородностью населения [21]. В процессе анализа предприятий в американских округах С. Бордо выявил, что разнообразие этнических групп способствует увеличению числа малых и средних фирм, так как представители этих предприятий обладают глубокими знаниями местных традиций и особенностей, что позволяет им получить больше выгоды от этнического разнообразия. [22]. Исследование А. Буфетовой и других эмпирически доказывает положительное влияние этнокультурного разнообразия на экономическое развитие России [23].

Учитывая противоречия в результатах эмпирических исследований по теме культурного многообразия, вопрос об их влиянии на экономику страны остаётся открытым. Данное исследование направлено на то, чтобы заполнить пробел по этому вопросу и оценить, как этнокультурная неоднородность регионов России сказывается на диверсификации экономики.

Данные и методология

Для исследования используются панельные данные по 83 регионам России за период с 2000 по 2020 годы⁴. Зависимой переменной является мера экономической диверсификации, измеряемая с использованием декомпозиционного индекса Тейла, рассчитанного Р. Васильевой и другими [24]. На рис. 1 представлена карта распределения регионов по уровню экономической диверсификации.

Распределение индекса Тейла демонстрирует, что в России имеется тенденция к диверсификации региональных эко-

номик. Важно отметить, что экономическая активность в таких регионах, как автономные округа Ненецкий, Ямало-Ненецкий (ЯНАО) и Ханты-Мансийский—Югра (ХМАО), Республика Саха (Якутия), Камчатский край и другие сосредоточена в основном на добыче природных ресурсов, в то время как в Республике Бурятия наблюдается низкий показатель индекса (0,278), что свидетельствует о высокой степени разнообразия экономической деятельности. В ряде регионов с высокой экономической концентрацией проживают многочисленные этнические группы, что требует анализа возможности развития традиционных видов деятельности для диверсификации экономики.

⁴ В выборку не включены регионы, вошедшие в состав РФ в 2014 г. и позже.

Рис. 1. Экономическая диверсификация регионов России (декомпозиция индекса Тейла)

Fig. 1. Economic diversification of Russian regions (decomposition of Theil index)

Источник: расчеты авторов по данным исследования.

Степень этнического разнообразия выражена индексом этнической фракционализации, рассчитанным на основе данных Росстата за 2002, 2010 и 2020⁵ гг. [25]. С по-

мощью этого показателя с высокой степенью точности можно сделать прогноз о непосредственном воздействии этнической принадлежности на экономические показатели [26]. Индекс колеблется в диапазоне от «0» (преобладает этническая однородность) до «1» (присутствует этническая неоднородность):

⁵ Всероссийская перепись населения 2002 г. – URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>; Всероссийская перепись населения 2010 г. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Всероссийская перепись населения 2020 года. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul (дата обращения: 17.12.2022).

$$ELF = 1 - \sum_{i=1}^N s_i^2, \quad (1)$$

где s_i^2 — доля i -той этнической группы в регионе от общей численности населения региона, N — количество групп, представленных в регионе.

Индекс этнолингвистической фракционализации для российских регионов представлен на рис. 2. Минимальное значение (0,067) отмечается в Вологодской области. Этнические меньшинства составляют 3% от общей численности населения региона, а 97% приходится на русскоязычное население. Республика Дагестан является наиболее неоднородным субъектом по этническому составу. Схожее распределение на-

В модели учитываются данные о численности главных религиозных конфессий и официальных языков в регионе, полученные из переписи населения. В России существуют такие религиозные верования, как Айыы в Якутии, буддизм тибетской школы Гелуг в Калмыкии, шаманизм и анимизм в ЯНАО, марийская традиционная религия в Республике Марий-Эл и другие. Наличие отличных от православия религий характерно для республик, которые могут устанавливать свой государственный язык. К примеру, в Республике Дагестан 14 официальных языков. Учитывая то, что перепись населения проводится редко, а русский язык имеет статус официального, эти

Рис. 2. Этническое разнообразие регионов России (индекс этнической фракционализации)

Fig. 2. Ethnic diversity among Russian regions (ethnic fractionalization index)

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

селения наблюдается в республиках Саха (Якутия), Башкортостан, Марий-Эл и Карачаево-Черкесская. Территории с высокой этнической разнообразностью — это Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Субъекты Центральной России, Еврейская АО, Алтайский край, а также республики Чеченская и Ингушетия (где преобладает одна этническая группа) считаются наиболее этнически однородными.

показатели могут в меньшей степени отражать этническую специфику (в отличие от количества основных религий), что мы учитываем при интерпретации результатов.

На основе анализа научной литературы в модель добавлены независимые переменные⁶ в качестве контрольных факторов. Эти переменные включают в себя ВРП в реальном выражении на душу населения, уро-

⁶ Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 09.12.2022).

вень безработицы, индекс потребительских цен, открытость экономики, объем добычи полезных ископаемых и открытость региональной экономики [2; 4; 8; 15].

Учитывая высокую дифференциацию российских регионов по исследуемым показателям, анализ осуществляется с применением метода квантильной регрессии [27]. Деление на квантильные группы осуществляется на основе уровня экономической диверсификации. Первый квантиль объединяет регионы с высокой степенью экономической диверсификации, в то время как в девятый квантиль попали регионы с более высокой концентрацией экономики.

Методология также учитывает фиксированные эффекты в пространстве (location) и во времени (scale), которые позволяют снизить характерную для региональной выборки проблему гетероскедастичности. Для устранения возможных проблем, связанных с мультиколлинеарностью, были построены две модели, в которых использовались отдельно индекс этнолингвистической фракционализации и количество официальных языков и основных религий.

Эконометрическая модель выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} Q_{\tau}(THL_{it}|X_{it}) = & (a_i + \delta_i q(\tau)) + \beta_1(\tau)CPI_i + \\ & \beta_2(\tau)SME_{it} + \beta_3(\tau)IPI_{it} + \beta_4(\tau)TO_{it} + \\ & \beta_5(\tau)GRP_{it} + \beta_6(\tau)UNM_{it} + \beta_7(\tau)NRS_{it} + \\ & \beta_8(\tau)FDI_{it} + \beta_9(\tau)ETH_{it} + \varepsilon_i(\tau), \end{aligned} \quad (2)$$

где THL — это индекс экономической диверсификации; CPI — индекс потребительских цен (%); SME — оборот розничной торговли малого и среднего предпринимательства (МСП), логарифм; IPI — индекс промышленного производства (%); TO — открытость региональной экономики (%); GRP — ВВП на душу населения в постоянных ценах (2007 г.), логарифм; UNM — уровень безработицы (%); NRS — доля добычи полезных ископаемых в ВВП (%); FDI — прямые иностранные инвестиции, логарифм; ETH — показатели этнического разнообразия (индекс этнолингвистической

фракционализации (ELF), количество официальных языков (LANG), количество религий (RLG)); τ — квантиль распределения; α — константа, $\delta q(\tau)$ — фиксированные эффекты; $\varepsilon(\tau)$ — ошибка, i — индекс региона ($i=0, \dots, 83$); t — индекс периода ($t=2000, \dots, 2020$).

Результаты исследования

Согласно данным, представленным в табл. 1, индекс этнолингвистической фракционализации не оказывает существенного воздействия на экономическую диверсификацию, что согласуется с мнением авторов [19]. При этом фиксированный эффект во времени (scale) отрицателен и значим на 10% уровне, свидетельствует о том, что увеличение этнического разнообразия на протяжении исследуемого периода способствует экономической диверсификации в целом по России. Несмотря на то, что коэффициенты при индексе этнолингвистической фракционализации не значимы, начиная с 50% квантиля знак коэффициента становится отрицательным, т.е. наличие этнических групп в регионах с более концентрированной экономикой (например, ХМАО, Калмыкия, Коми, Саха (Якутия) и другие) потенциально могут способствовать экономической диверсификации. Результаты в табл. 2, напротив, демонстрируют, что увеличение количества основных религий способствует экономической диверсификации в регионах, входящих в средние и высокие квантили (30–90%). Отрицательный знак коэффициента указывает на снижение концентрации экономики. При этом фиксированные эффекты в пространстве и масштабе также значимы и отрицательны, то есть этническое разнообразие, выраженное в большем количестве религий и верований, вносит вклад в увеличение видов экономической деятельности.

Этнические меньшинства часто активно интегрируются в региональные экономики за счет осуществления традиционных видов экономической деятельности в форме малых и средних предприятий. Оценки моделей показывают, что этот сектор положи-

Таблица 1
Результаты оценки квантильной регрессии с индексом этнической фракционализации

Table 1

Results of quantiles via moments regression with ethnolinguistic fractionalization index

Показатель	Location	Scale	Q10	Q20	Q30	Q40	Q50	Q60	Q70	Q80	Q90
ELF	-0.001	-0.031*	0.048	0.032	0.020	0.006	-0.004	-0.013	-0.025	-0.034	-0.049
	(-0.05)	(-2.24)	-1.47	-1.14	-0.76	-0.26	(-0.17)	(-0.55)	(-0.96)	(-1.24)	(-1.56)
CPI	0.003	0.003	-0.001	0.000	0.001	0.002	0.003	0.004	0.005	0.0056	0.0068
	-0.69	-1.02	(-0.19)	-0.04	-0.27	-0.54	-0.75	-0.9	-1.05	-1.14	-1.21
SME	-0.067***	-0.017***	-0.039***	-0.048***	-0.055***	-0.063***	-0.068***	-0.074***	-0.080***	-0.085***	-0.094***
	(-8.62)	(-3.83)	(-3.70)	(-5.20)	(-6.56)	(-7.93)	(-8.80)	(-9.27)	(-9.49)	(-9.44)	(-9.05)
IPI	0.001	-0.000	0.001	0.001	0.001	0.001	0.001	0.000	0.000	0.000	0.000
	(-0.99)	(-0.88)	(-1.31)	(-1.30)	(-1.23)	(-1.10)	(-0.94)	(-0.77)	(-0.55)	(-0.38)	(-0.15)
TO	-0.0038	0.0058	-0.0131	-0.0101	-0.008	-0.005	-0.0033	-0.002	0.0006	0.002	0.005
	(-0.60)	(-1.57)	(-1.49)	(-1.33)	(-1.12)	(-0.81)	(-0.51)	(-0.23)	(-0.09)	(-0.32)	(-0.62)
GRP	0.318***	0.078***	0.193***	0.233***	0.265***	0.299***	0.325***	0.349***	0.378***	0.402***	0.440***
	(-18.18)	(-7.74)	(-8.10)	(-11.11)	(-13.65)	(-16.53)	(-18.42)	(-19.29)	(-19.82)	(-19.79)	(-18.84)
UNM	0.062***	-0.000	0.062***	0.062***	0.062***	0.062***	0.062***	0.061***	0.061***	0.061***	0.061***
	(-6.20)	(-0.07)	(-4.56)	(-5.24)	(-5.77)	(-6.14)	(-6.2)	(-6.06)	(-5.69)	(-5.28)	(-4.60)
NRS	-0.001	-0.001***	0.001	0.001	0.000	-0.000	-0.001	-0.001*	-0.002**	-0.002**	-0.003***
	(-1.30)	(-3.57)	(-1.46)	(-0.80)	(-0.08)	(-0.78)	(-1.49)	(-2.07)	(-2.65)	(-3.03)	(-3.40)
FDI	0.001	-0.005***	0.010**	0.007*	0.005	0.003	0.001	-0.001	-0.003	-0.004	-0.008
	(-0.51)	(-3.29)	(-2.59)	(-2.17)	(-1.65)	(-0.96)	(-0.33)	(-0.24)	(-0.87)	(-1.32)	(-1.85)
Const	-1.132	-0.657	-0.083	-0.416	-0.692	-0.971	-1.194	-1.392	-1.633	-1.838	-2.157
	(-0.62)	(-0.62)	(-0.03)	(-0.19)	(-0.35)	(-0.52)	(-0.65)	(-0.74)	(-0.82)	(-0.86)	(-0.88)

В скобках указаны стандартные ошибки; уровни значимости: *** — p-value <1%, ** — p-value <5%, * — p-value <10%.

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

тельно влияет на диверсификацию экономики в регионах с этническим разнообразием, таких как республики Саха (Якутия) и Калмыкия, ХМАО и другие. Результаты демонстрируют, что этническое разнообразие наряду с развитием малых и средних предприятий способствует диверсификации экономики, в то время как С. Бордо доказал, что этническое разнообразие способствует развитию МСП [22]. Стоит отметить, что в первый и второй квантили включены регионы, где преобладает одна религиозная конфессия среди населения. В таких случа-

ях количество основных религий не оказывает существенного влияния на эти регионы (республики Чеченская и Хакасия, области Калининградская, Курская, Пензенская и другие).

Количество официальных языков имеет существенное воздействие на индекс Гейла, и в данном случае положительный коэффициент указывает на увеличение экономической концентрации. Единый язык облегчает коммуникацию, что способствует развитию производства и экономических отношений как на территории регио-

Таблица 2

Результаты оценки квантильной регрессии с показателями количества официальных языков и основных религий

Table 2

Results of quantiles via moments regression with the number of official languages and major religions

Показатель	Location	Scale	Q10	Q20	Q30	Q40	Q50	Q60	Q70	Q80	Q90
LANG	0.018***	0.004*	0.010'	0.013***	0.015**	0.017**	0.018***	0.019**	0.021***	0.022***	0.024***
	(-6.04)	(-2.54)	(-2.44)	(-3.51)	(-4.61)	(-5.61)	(-6.20)	(-6.57)	(-6.78)	(-6.75)	(-6.47)
RLG	-0.037***	-0.025***	0.0042	-0.0093	-0.021"	-0.032***	-0.039***	-0.047***	-0.055***	-0.064***	-0.076***
	(-5.96)	(-6.81)	(-0.47)	(-1.20)	(-3.04)	(-4.97)	(-6.36)	(-7.40)	(-8.41)	(-9.01)	(-9.41)
CPI	0.002	0.002	-0.002	-0.001	0.000	0.001	0.002	0.003	0.003	0.004	0.005
	(-0.42)	(-0.87)	(-0.29)	(-0.12)	(-0.08)	(-0.31)	(-0.47)	(-0.61)	(-0.75)	(-0.85)	(-0.94)
SME	-0.059***	-0.016***	-0.033"	-0.042***	-0.049**	-0.056**	-0.061***	-0.065***	-0.071***	-0.076***	-0.084**
	(-7.46)	(-3.34)	(-2.88)	(-4.22)	(-5.60)	(-6.89)	(-7.67)	(-8.15)	(-8.45)	(-8.44)	(-8.13)
IPI	0.001	0.000	0.001	0.001	0.001	0.001	0.001	0.000	0.000	0.000	0.000
	(-1.06)	(-0.98)	(-1.38)	(-1.37)	(-1.50)	(-1.16)	(-1.01)	(-0.83)	(-0.6)	(-0.39)	(-0.12)
TO	0.00	0.01	-0.01	-0.01	0.00	0.00	0.00	0.01	0.01	0.01	0.01
	(-0.47)	(-1.94)	(-0.97)	(-0.64)	(-0.23)	(-0.23)	(-0.58)	(-0.91)	(-1.25)	(-1.50)	(-1.74)
GRP	0.309***	0.073***	0.188***	0.228***	0.263**	0.294**	0.316**	0.337**	0.363**	0.387**	0.423**
	(-17.75)	(-7.12)	(-7.48)	(-10.38)	(-13.32)	(-16.26)	(-18.19)	(-19.05)	(-19.63)	(-19.51)	(-18.72)
UNM	0.049***	-0.006	0.059***	0.056***	0.053**	0.051**	0.049**	0.047**	0.045**	0.043**	0.041**
	(-4.74)	(-0.90)	(-3.85)	(-4.29)	(-4.62)	(-4.76)	(-4.71)	(-4.52)	(-4.14)	(-3.69)	(-3.02)
NRS	-0.001	-0.001***	0.001	0.001	0.000	0.000	-0.001	-0.001'	-0.002**	-0.002**	-0.003**
	(-1.31)	(-3.96)	(-1.75)	(-1.03)	(-0.16)	(-0.81)	(-1.54)	(-2.18)	(-2.86)	(-3.35)	(-3.82)
FDI	0.002	-0.004"	0.009'	0.007'	0.005	0.003	0.002	0.001	-0.001	-0.002	-0.004
	(-0.80)	(-2.59)	(-2.29)	(-2.01)	(-1.61)	(-1.09)	(-0.66)	(-0.22)	(-0.30)	(-0.73)	(-1.22)
Const	-1.497	-0.650	-0.424	-0.777	-1.085	-1.364	-1.560	-1.745	-1.973	-2.190	-2.511
	(-0.85)	(-0.63)	(-0.17)	(-0.36)	(-0.56)	(-0.76)	(-0.89)	(-0.99)	(-1.07)	(-1.10)	(-1.10)

В скобках указаны стандартные ошибки; уровни значимости: *** — p-value <1%, ** — p-value <5%, * — p-value <10%.

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

на, так и между ними. Наличие разных языков может быть препятствием для экономического партнерства, ввиду чего этнические меньшинства будут сконцентрированы на определённом виде деятельности, что не способствует как экономической диверсификации, так и экономическому развитию в целом. Полученные результаты частично противоречат выводам зарубежных учёных, которые утверждали, что в регионах со значительной этнической фракционализацией наблюдаются более низкие экономические показатели. Мы объясняем это спецификой

России и невозможностью сравнения российских субъектов с иными государствами.

В некоторых субъектах РФ с выраженной этнической неоднородностью наблюдается более высокий уровень экономического развития, однако это приводит к низкой экономической диверсификации. В регионах с преобладающей нефтегазодобывающей промышленностью, к деятельности в которой активно привлекается местное население, снизилось производство товаров рыбного и охотничьего промысла и меховой промышленности. Тем не менее, финансо-

вые ресурсы, полученные от добычи полезных ископаемых, могут быть использованы для диверсификации экономики и подъема «удрученных» отраслей, что демонстрируют коэффициенты для показателя добычи полезных ископаемых (60%–90% квантили) и доказывают утверждение А. Есанова [3].

В то же время республики Карачаево-Черкесская и Дагестан демонстрируют низкие показатели ВРП на душу населения, однако имеют диверсифицированные экономики наряду с высоким этническим разнообразием. В республиках преобладают малые и средние предприятия преимущественно в традиционных видах деятельности. Недостаток промышленности и инвестиций в регионы существенно сказывается на низких показателях экономического развития. Несмотря на то, что такие регионы получают значительную поддержку со стороны правительства, основным драйвером извлечения выгод из экономической диверсификации может являться разработка специфических для субъектов программ развития, повышение их привлекательности и налаживание внутрирегиональной экономической интеграции.

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что большее число религиозных верований способствует экономической диверсификации через реализацию традиционных видов деятельности малыми и средними предприятиями. Субсидирование предпринимательской активности со стороны государства, привлечение частных и государственных инвестиций позволит развить традиционное производство

и усилить интеграцию отдельных этнических групп в общее экономическое пространство. Высокая концентрация региональных экономик на добывающей и обрабатывающей промышленности является препятствием для диверсификации экономики, однако эффективное перераспределение финансовых ресурсов и развитие традиционных видов деятельности позволит повысить диверсификацию и удовлетворить потребности российского рынка, а также повысить уровень занятости и доходов населения. Русский язык изучается во всех регионах страны в приоритетном (перед родными языками) порядке и негативный эффект от количества официальных языков подтверждает важность обязательного изучения русского языка и культурной интеграции народов в общее пространство.

Развитие данного авторского подхода может способствовать разработке и реализации государственных программ по поддержке этнических меньшинств, а также развитию малого и среднего предпринимательства. Вместе с этим, представленная методология исследования может быть использована социологами и экономистами для изучения влияния этнического разнообразия на экономические процессы. В дальнейшем исследования в этой области могут стать основой для разработки рекомендаций по улучшению экономической ситуации в регионах с высоким этническим разнообразием и низкими показателями экономического развития и диверсификации.

Литература и Интернет-источники

1. **Berthélemy, J. C.** Commerce international et diversification économique / J. C. Berthélemy // *Revue d'économie politique*. — 2005. — Vol. 115 — No. 5. — P. 591–611. DOI: 10.3917/redp.155.0591
2. **Albassam, B. A.** Economic diversification in Saudi Arabia: Myth or reality? / B. A. Albassam // *Resources Policy*. — 2015. — Vol. 44. — P. 112–117. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.005
3. **Esanov, A.** Economic diversification: dynamics, determinants and policy implications / A. Esanov // *Revenue Watch Institute*. — 2012. — Vol. 8. — P. 1–26.
4. **Gören, E.** How ethnic diversity affects economic growth / E. Gören // *World Development*. — 2014. — Vol. 59. — P. 275–297.
5. **Alesina, A.** Ethnic diversity and economic performance / A. Alesina, E. La Ferrara // *Journal of economic literature*. — 2005. — Vol. 43. — No. 3. — P. 762–800.

6. **Montalvo, J. G.** Ethnic diversity and economic development / J. G. Montalvo, M. Reynal-Querol // Journal of Development Economics.— 2005.— Vol. 76.— No. 2.— P. 293–323.
7. **Zaretskaya, V. G.** Economic diversification in the post-soviet states / V. G. Zaretskaya // Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020: Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA).— Milan, 2018.— P. 2667–2672.
8. **Jolo, A. M.** Driving Factors of Economic Diversification in Resource-Rich Countries via Panel Data Evidence / A. M. Jolo, I. Ari, M. Koç // Sustainability.— 2022.— Vol. 14.— No. 5.— P. 2797. DOI: 10.3390/su14052797
9. **Muhamad, G. M.** How to reduce the degree of dependency on natural resources? / G. M. Muhamad, A. Heshmati, N. T. Khayyat // Resources Policy.— 2022.— Vol. 72.— P. 102047. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102047
10. **Lebdioui, A. A.** Economic Diversification and Development in Resource-dependent Economies: Lessons from Chile and Malaysia / A. A. Lebdioui.— Cambridge : University of Cambridge, 2019.— 361 p.
11. **Easterly, W.** Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions / W. Easterly, R. Levine // The Quarterly Journal of Economics.— 1997.— Vol. 112.— No. 4.— P. 1203–1250. DOI: 10.1162/003355300555466
12. **Dincer, O. C.** Ethnic diversity and economic growth in China / O. C. Dincer, F. Wang // Journal of Economic Policy Reform.— 2011.— Vol. 14.— No. 1.— P. 1–10. DOI: 10.1080/17487870.2011.523985
13. **Churchill, S. A.** Income and Ethnic Fractionalisation: Evidence from British Microdata / S. A. Churchill // Economic Issues.— 2019.— Vol. 24.— No. 1.— P. 21–34.
14. **Montalvo, J. G.** Ethnic diversity and economic development / J. G. Montalvo, M. Reynal-Querol // Journal of Development Economics.— 2005.— Vol. 76.— No. 2.— P. 293–323. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2004.01.002
15. **La Porta, R.** The quality of government / R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, R. Vishny. The quality of government // The Journal of Law, Economics, and Organization.— 1999.— Vol. 15.— No. 1.— P. 222–279. DOI: 10.1093/jleo/15.1.222
16. **Collier, P.** Ethnic Diversity: an Economic Analysis / P. Collier // Economic Policy.— 2001.— Vol. 32.— No. 16.— P. 128–166.
17. **Collier, P.** Ethnicity, politics and economic performance / P. Collier // Economics & Politics.— 2000.— Vol. 12.— No. 3.— P. 225–245. DOI: 10.1111/1468-0343.00076
18. **Bluedorn, J. C.** Can democracy help? Growth and ethnic divisions / J. C. Bluedorn // Economics Letters.— 2001.— Vol. 70.— No. 1.— P. 121–126. DOI: 10.1016/S0165-1765(00)00345-1
19. **Limonov, L.** Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? / L. Limonov, M. Nesena // Area Development and Policy.— 2016.— Vol. 1.— No. 1.— P. 63–93. DOI: 10.1080/23792949.2016.1164016
20. **Dinku, Y.** Ethnic Diversity and Local Economies / Y. Dinku, D. Regasa // South African Journal of Economics.— 2021.— Vol. 89.— No. 3.— P. 348–367. DOI: 10.1111/saje.12286
21. **Несена, М. В.** Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели / М. В. Несена // Общественные науки и современность.— 2015.— № 5.— С. 72–85. EDN: UTEWXL
22. **Boudreaux, C. J.** Ethnic diversity and small business venturing / C. J. Boudreaux // Small Business Economics.— 2020.— Vol. 54.— No. 1.— P. 25–41. DOI: 10.1007/s11187-018-0087-4
23. **Bufetova, A. N.** Cultural heterogeneity and economic development in Russia / A. N. Bufetova, A. A. Khrzhanovskaya, E. A. Kolomak // Journal of Siberian Federal University.— 2020.— Vol. 13.— No. 4.— P. 453–463. DOI: 10.17516/1997-1370-0582
24. **Васильева, Р. И.** Показатели экономической и экспортной диверсификации в регионах Российской Федерации за 2000–2021 гг.: база данных / Р. И. Васильева, В. А. Войтенков, Е. А. Рожина, А. Р. Уразбаева.— Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2023621916 от 09.06.2023. EDN: TXGZRD

25. **Alesina, A.** Fractionalization. / A. Alesina, A. Devleeschauwer, W. Easterly, S. Kurlat, R. Wacziarg // Journal of Economic Growth. — 2003. — Vol. 8. — P. 155–194. DOI: 10.1023/A:1024471506938
26. **Gören, E.** How ethnic diversity affects economic development / E. Gören // ZenTra Working Paper in Transnational Studies. — 2013. — No. 14. — URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2254008 (дата обращения: 17.12.2022). DOI: 10.2139/ssrn.2254008
27. **Machado, J. A.** Quantiles via Moments / J. A. Machado, J. C. Santos Silva // Journal of Econometrics. — 2019. — Vol. 213. — No. 1. — P. 145–173. DOI: 10.1016/j.jeconom.2019.04.009

Сведения об авторах:

Рожина Екатерина Андреевна, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: rozhina.ea@uiec.ru; ORCID: 0000-0003-4543-6265; РИНЦ AuthorID: 1173297.

Васильева Рогнеда Ивановна, младший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: vasilyeva.ri@uiec.ru; ORCID: 0000-0001-5539-3145; РИНЦ AuthorID: 1106362.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-82-94

ETHNIC DIVERSITY AND ECONOMIC DIVERSIFICATION: THE CASE OF RUSSIAN REGIONS

Ekaterina A. Rozhina, Rogneda I. Vasilyeva*

*Institute of Economics of the Ural Branch RAS
(29 Moskovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

**E-mail: vasilyeva.ri@uiec.ru*

Funding:

The study was carried out within the framework of the research plan of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories of the Institute of Economics of the Ural Branch RAS for 2024.

For citation:

Rozhina E. A., Vasilyeva R. I. Ethnic diversity and economic diversification: the case of Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 82-94. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-82-94 (in Russ.)

Abstract. *Scientific researchers highlight the dependency of Russian economy on hydrocarbon industry that imposes higher risks for macroeconomic instability in the country during the global commodity prices volatility and geopolitical turmoil. Economic diversification is one of the most effective tools that can offset the effects of external shocks on the national economy. Ethnic minorities can potentially contribute to the economic diversification and sustainability of the national economy. They have their own religions and traditions, which make impact on production features and employment; many ethnic groups are mainly engaged in traditional economic activities. Their development can potentially cover some of the needs of the Russian market. However, this issue remains understudied. Therefore, the aim of the study is to assess the impact of ethnic diversity on the economic diversification of the Russian regions. For analysis we use panel data for 83 Russian regions over the period of 2000–2020. Ethnic diversity is represented by ethnic fractionalization index, number of major religions and official languages, while the decomposition of the Theil index represents the measure of the economic diversification. Considering high heterogeneity of regional data, we implement quantile regression*

approach with fixed effects. The empirical evidence shows the absence of significant impact of the ethnic diversity on economic diversification. However, in the regions, where more religions are represented, the degree of economic diversification is higher. The results obtained expand the existing literature on the issue in the context of the Russian regions that can be used in development of strategic mechanisms for the state regulation in the field of support for ethnic minorities and reduction of the economic concentration in Russia.

Keywords: ethnic minorities, ethnic fractionalization, major religions, economic diversification, quantile regression.

References and Internet sources

- Berthélemy J. C. Commerce international et diversification économique. *Revue d'économie politique*. 2005. Vol. 115. No. 5. P. 591–611. DOI: 10.3917/redp.155.0591
- Albassam B. A. Economic diversification in Saudi Arabia: Myth or reality? *Resources Policy*. 2015. Vol. 44. P. 112–117. DOI: 10.1016/j.resourpol.2015.02.005
- Esanov A. Economic diversification: dynamics, determinants and policy implications. *Revenue Watch Institute*. 2012. Vol. 8. P. 1–26.
- Gören E. How ethnic diversity affects economic growth. *World Development*. 2014. Vol. 59. P. 275–297.
- Alesina A., La Ferrara E. Ethnic diversity and economic performance. *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. 43. No. 3. P. 762–800.
- Montalvo J. G., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and economic development. *Journal of Development Economics*. 2005. Vol. 76. No. 2. P. 293–323.
- Zaretskaya V. G. Economic diversification in the post-Soviet states. *Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020*. Proceedings of the 31st International Business Information Management Association Conference (IBIMA). 2018. P. 2667–2672.
- Jolo A. M., Ari I., Koç M., Driving factors of economic diversification in resource-rich countries via panel data evidence. *Sustainability*. 2022. Vol. 14. No. 5. P. 2797. DOI: 10.3390/su14052797
- Muhamad G. M., Heshmati A., Khayyat N. T., How to reduce the degree of dependency on natural resources? *Resources Policy*. 2022. Vol. 72. P. 102047. DOI: 10.1016/j.resourpol.2021.102047
- Lebdioui A. A. *Economic Diversification and Development in Resource-dependent Economies: Lessons from Chile and Malaysia*. Cambridge University. 2019. 361 p.
- Easterly W., Levine R. Africa's growth tragedy: policies and ethnic divisions. *The Quarterly Journal of Economics*. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1203–1250. DOI: 10.1162/003355300555466
- Dincer O. C., Wang, F. Ethnic diversity and economic growth in China. *Journal of Economic Policy Reform*. 2011. Vol. 14. No. 1. P. 1–10. DOI: 10.1080/17487870.2011.523985
- Churchill S. A. Income and ethnic fractionalisation: Evidence from British microdata. *Economic Issues*. 2019. Vol. 24. No. 1. P. 21–34.
- Montalvo J. G. Reynal-Querol M. Ethnic diversity and economic development. *Journal of Development Economics*. 2005. Vol. 76. No. 2. P. 293–323. DOI: 10.1016/j.jdevec0.2004.01.002
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. The quality of government. *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 1999. Vol. 15. No. 1. P. 222–279. DOI: 10.1093/jleo/15.1.222
- Collier P. Ethnic diversity: an economic analysis. *Economic Policy*. 2001. Vol. 32. No. 16. P. 128–166.
- Collier P. Ethnicity, politics and economic performance. *Economics & Politics*. 2000. Vol. 12. No. 3. P. 225–245. DOI: 10.1111/1468-0343.00076
- Bluedorn J. C. Can democracy help? Growth and ethnic divisions. *Economics Letters*. 2001. Vol. 70. No. 1. P. 121–126. DOI: 10.1016/S0165-1765(00)00345-1
- Limonov L., Nesena M. Regional cultural diversity in Russia: does it matter for regional economic performance? *Area Development and Policy*. 2016. Vol. 1. No. 1. P. 63–93. DOI: 10.1080/23792949.2016.1164016

20. Dinku Y., Regasa D. Ethnic diversity and local economies. *South African Journal of Economics*. 2021. Vol. 89. No. 3. P. 348–367. DOI: 10.1111/saje.12286
21. Nesena M. V. Vliyanije kul'turnogo raznoobraziya regionov Rossii na ekonomicheskije pokazateli. [Impact of cultural diversity of Russian regions on economic performance]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. [Social Sciences and Contemporary World]. 2015. No. 5. P. 72–85. (in Russ.)
22. Boudreaux C. J. Ethnic diversity and small business venturing. *Small Business Economics*. 2020. Vol. 54. No. 1. P. 25–41. DOI: 10.1007/s11187–018–0087–4
23. Bufetova A. N., Khrzhanovskaya A. A., Kolomak E. A. Cultural heterogeneity and economic development in Russia. *Journal of Siberian Federal University*. 2020. Vol. 13. No. 4. P. 453–463. DOI: 10.17516/1997–1370–0582
24. Vasilyeva R. I., Vojtenkov V. A., Rozhina E. A., Urazbaeva A. R. Pokazateli ekonomicheskoy i eksportnoj diversifikatsii v regionah Rossijskoj Federatsii za 2000–2021gg. [Indicators of the economic and export diversification in the Russian Federation regions for 2000–2021]. *Svidetel'stvo o gosudarstvennoj registratsii bazy dannyh № 2023621916*. 2023. [Certificate of the state registration of the database № 2023621916]. 2023. (in Russ.)
25. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W. et al. Fractionalization. *Journal of Economic Growth*. 2003. Vol. 8. P. 155–194. DOI: 10.1023/A:1024471506938
26. Gören E., How ethnic diversity affects economic Development. *ZenTra Working Paper in Transnational Studies*. 2013. No. 14. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2254008. (Accessed: 17 December 2022). DOI: 10.2139/ssrn.225400828
27. Machado J. A., Silva J. S. Quantiles via moments. *Journal of Econometrics*. 2019. Vol. 213. No. 1. P. 145–173.

Information about the authors:

Rozhina Ekaterina Andreevna, Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: rozhina.ea@uiec.ru; ORCID: 0000–0003–4543–6265; Elibrary AuthorID: 1173297.

Vasilyeva Rogneda Ivanovna, Junior Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch RAS, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: vasilyeva.ri@uiec.ru; ORCID: 0000–0001–5539–3145; Elibrary AuthorID: 1106362.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-95-108
EDN: BNUABY

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Гущо Ю. П.

ООО «НаноРельеф Дисплей», IT кластер Сколково, Московский инновационный кластер
(117574, Россия, Москва, Новоясеневский проспект, 14–2–442)

E-mail: yguscho@gmail.com

Для цитирования:

Гущо Ю. П. Демографические характеристики населения России // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 95-108. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-95-108; EDN: BNUABY

Аннотация. В статье обсуждаются результаты численной оценки демографических характеристик женщин и мужчин РФ на примере статистических материалов РФ 2019 г. с помощью разработанного автором с сотрудниками цифрового двойника для населения. В статье показаны возможности предложенной методики для оценки достижения предельных значений продолжительности жизни и прогноза демографических характеристик на базе статистических данных. Использован программно-аппаратный комплекс со встроенным цифровым двойником для населения РФ на основе тридцатипрехлетних статистических исследований влияния суммарного индекса человеческого развития на продолжительность жизни, работоспособность, старение и другие демографические характеристики. Ожидаемая предельная (видовая) продолжительность жизни населения РФ с демографическими характеристиками, относящимися к 2019 г., для мужчин стремится к 79 годам, для женщин к 122 годам. Для текущих демографических характеристик скорость старения населения от времени жизни для различных суммарных индексов человеческого развития имеет, по крайней мере, один максимум. Показана возможность численного расчёта продолжительности жизни в зависимости от изменения среднего веса мужчин и женщин. Показана возможность управления биологическим возрастом человека в зависимости от его суммарного индекса человеческого развития. Программно-аппаратный комплекс может быть полезен для общественных и государственных организаций, статистических управлений, медицинских организациях различных профилей, страховых компаний, компаний по подбору кадров, пенсионных фондов, венчурных финансовых фондов, частных финансовых фондов, банков и финансовых организаций.

Ключевые слова: население, цифровой двойник, биологический возраст, продолжительность жизни, работоспособность, скорость старения, образ и качество жизни, ресурс здоровья.

Введение

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что темпы увеличения продолжительности жизни существенно различаются для разных групп населения в одной и той же стране в зависимости от личного образа жизни, национальных стандартов и социальных условий¹. Это приводит к потере точности оценки рисков страховых операций и достоверности решений государственных структур, т.к. дополнительный год ожидаемой продолжительности жизни в пенсионном возрасте добавляет несколько процентов к приведённой стоимости пенсионных обязательств. Поскольку оценка продолжительности жизни важна для расчёта рисков государственных и частных структур, в последнее время (с 1992 г.) было предложено большое количество эмпирических моделей [5–8]. Эти модели основаны на анализе и аппроксимации исторических данных об изменении кривых вероятности выживания населения с помощью цифровых двойников. Дальнейшая экстраполяция результатов позволяет с определённой точностью прогнозировать продолжительность жизни следующих поколений. Обзор цифровых моделей для аппроксимации демографических характеристик населения приведён в литературе [9].

Упомянутые исследования основаны на представлении о населении страны как о «чёрном ящике». Его входными параметрами являются статистический образ жизни и другие параметры, такие как средний рост, вес, возраст, ожидаемая продолжительность жизни и другие. Его единственным выходным параметром служит кривая вероятности выживания населения и набор характерных её параметров от времени и статистического (усредненного) образа жизни населения. Этот стандартный методологический подход применяется и в данной работе, но он дополнен, по предложению Н. М. Рима-

шевской, учётом влияния образа жизни и социальных условий на кривые вероятности выживания населения [10; 11].

Аналитическое описание и цифровое моделирование тех или иных физических, демографических и иных процессов принято называть цифровыми двойниками (AI HR БИОМАРКЕР) [12], которые разработаны для населения, компании, семьи и личности². В статье приведены результаты исследования населения мужчин и женщин РФ, полученные с помощью разработанных нами цифровых двойников на базе статистики РФ 2019 года³.

Индекс человеческого развития

Индекс человеческого развития (ИЧР), используемый ООН, представляет собой суммарный показатель средних достижений в ключевых аспектах человеческого развития: долгая и здоровая жизнь, наличие образования и достойный уровень жизни. ИЧР представляет собой среднее геометрическое нормированных индексов для каждого из трёх измерений⁴. Как показали, в том числе, многолетние исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, оценка ИЧР только по трём параметрам недостаточна для характеристики человеческого потенциала. Поэтому в настоящей работе использован индекс человеческого развития R_s , включающий 12 составляющих ресурса здоровья: дыхания R_{s_b} , использования воды R_{s_w} , по-

² Впервые цифровой двойник (в терминологии – AI HR БИОМАРКЕР) нами был применён на АвтоВАЗе, который спонсировал круговую экспедицию по оценке влияния образа жизни на ресурс здоровья и работоспособность. В результате была создана программа по оценке работоспособности сотрудников предприятия, которая была использована на АвтоВАЗе в 1999 году. Благодаря проведённому тестированию и применению рекомендаций (в то время на АвтоВАЗе работало 80 тыс. человек) по расчётам прямой годовой эффект составил 3 млрд рублей [13].

³ В настоящее время AI HR БИОМАРКЕР используется, в частности, Ассоциацией разработчиков и пользователей систем искусственного интеллекта в медицине «Национальная база медицинских знаний», а также клиникой д.мед.н. Е.Н. Лаптевой «ЛЕНМЕДЦЕНТР».

⁴ Human Development Index (HDI). Human Development Reports. United Nations Development Programme. Archived from the original on 28 January 2017. Retrieved 15 December 2020. – URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index/#/indicies/HDI> (дата обращения: 01.07.2023).

¹ Статья основана на тридцатитрёхлетних статистических исследованиях в 120 странах по определению аналитических зависимостей влияния образа жизни конкретного человека и всего населения на индекс человеческого развития [1–3]. В период с 1998 по 2017 гг. эти исследования велись в тесном содружестве с Институтом социально-экономических проблем народонаселения РАН [4].

требления пищи R_{sp} , двигательной нагрузки R_{smov} , психологического состояния R_{sp} , очищения R_{sc} , условий жизни R_{sc} , вредных привычек R_{sh} , наследственных болезней R_{hd} , медицинского сервиса R_{sm} , компетентности R_{sk} , труда R_{sl} .

В статье впервые используется разработанная нами численная методика по оценке образа жизни человека. В идеальных условиях (идеальные условия жизни, образования и работы, социальная сфера, семейные отношения, образ жизни) индекс чело-

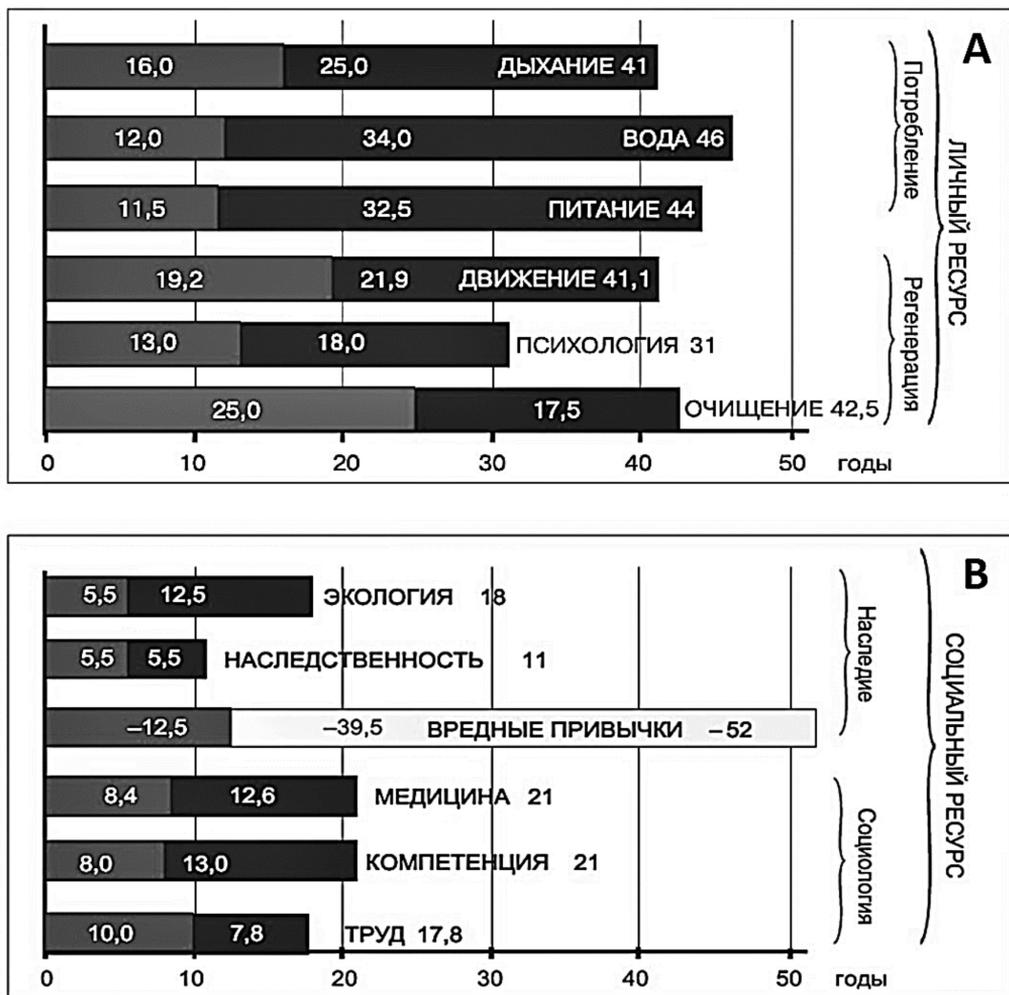

Рис. 1. Предельные и средние значения 12 индексов человеческого развития

А – личный ресурс. В – социальный ресурс. Серым цветом выделены реально используемые доли 12 параметров человеческого развития среднестатистического человека, представленные в годах жизни, чёрным – резерв, который человек не использует, белым – вредные привычки, отнимающие в целом 52 года

Fig. 1. Marginal and average values of the 12 lifestyle indices

А – personal resource. В – social resource. Grey color highlights the actually used shares of 12 lifestyle indices of an average person, represented in years of life, black – reserve, which a person does not use, white – bad habits, which take away 52 years in total

Источник: расчёты автора.

веческого развития R_s стремится к цифре 334,4 лет. Указанное предельное значение R_s получено с помощью моделирования и последующей экстраполяции демографических характеристик [1–3; 5–8]. Прилагая усилия (в виде образа жизни, оцениваемого с помощью R_s в годах жизни) к «чёрному ящику», представляющему собой конкретное население, можно получить на выходе вероятность выживания (уровень ресурса здоровья) для среднестатистического индивидуума.

В настоящем исследовании сделана попытка оценить, каков реальный вклад индекса человеческого развития R_s по 12 направлениям образа жизни в её продолжительность. Как итог, можно видеть на рис. 1, серые полосы, которые отображают реальные среднестатистические результаты использования индекса человеческого развития R_s , они составляют 1/3 от их возможных идеальных значений. Другими словами, резерв долголетия человечеством не используется на 70%. Пользуясь рис. 1., можно сосчитать, что максимальный личный ресурс здоровья $R_{sp}=245,6$. Максимальный социальный ресурс здоровья $R_{ss}=88,8$. Индекс человеческого развития $R_s=R_{sp}+R_{ss}$. Максимум $R_s=334,4$ [2]. С помощью возможных параметров образа жизни можно определить ряд предельно возможных значений демографических параметров для конкретного населения, таких как видовая продолжительность жизни, предельно возможный период активного долголетия и других.

Перечисленные 12 параметров человеческого развития R_s достаточно полно характеризуют HR-параметры конкретного человека. Все составляющие R_s зависят как от образа жизни конкретного человека, так и от статистически среднего образа жизни населения в целом. Другими словами, личность и население нельзя рассматривать отдельно⁵.

Демографический портрет населения РФ

В настоящее время подавляющая часть финансирования медицинских исследований направляется на совершенствование методов диагностики и лечения заболеваний, а не на поиск профилактических мер, которые могли бы быть идти на снижение риска заболевания задолго до того, как проявятся какие-либо из обычно наблюдаемых симптомов заболевания. До сих пор существуют проблемы, присущие попыткам оценить или предсказать будущее здоровье человека. Такие прогнозы неточны, поскольку они основаны на данных, полученных из относительно небольших выборок исследований.

Известны различные цифровые двойники населения для определения некоторых индексов человеческого развития и, в первую очередь, биологического возраста, использующие высоко инвазивные, низко инвазивные и неинвазивные методы. Разработанные нами цифровые двойники для страны, предприятия и личности, а также суммарного индекса человеческого развития направлены на создание практической системы прогнозирования индекса человеческого развития с использованием методов многомерного статистического анализа, которые способны обеспечить количественные прогнозы без использования инвазивных методов.

Исходными данными для цифрового двойника населения служат: кривая выживания (рис. 2), заданная в табличном или графическом виде, а также десятки других параметров: средний рост, средний вес, ожидаемая продолжительность жизни T_r , характеристики десяти нормальных болезней старения и другие. Как показали наши многолетние исследования, максимально точная аналитическая аппроксимация кривой выживания существенно повышает точность прогноза предельно возможных демографических параметров.

Обнаруженные в ходе многолетних исследований характерные демографические параметры для указанных исходных дан-

⁵ Компания ООО «НаноРельеф Дисплей» разработала цифровой двойник для расчёта суммарного индекса человеческого развития R_s , как для населения, так и для человека.

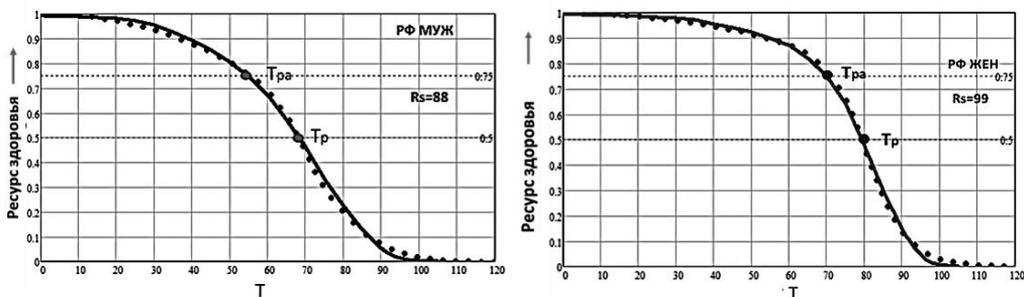

Рис. 2. Графики статистических кривых ресурса здоровья мужчин и женщин РФ от времени жизни и аппроксимация этих графиков теоретической кривой

Сплошная линия — статистические кривые ресурса здоровья, пунктирные линии — аппроксимация теоретическими кривыми. Т — текущий возраст. Мужчины: $R_s=88$ лет, $T_{ра}=56$ лет, $T_p=68$ лет, $A=37,26$ лет, $H_t=178$ см, $W_t=73$ кг. Женщины: $R_s=99$ лет, $T_{ра}=70$ лет, $T_p=78$ лет, $A=42,41$ лет, $H_t=166$ см, $W_t=69$ кг.

Fig. 2. Graphs of statistical health resource curves for male and female in

RF and approximation of these graphs to the theoretical curve

Solid line — statistical health resource curves, dashed lines — approximation by theoretical curves.

T — current age. Men: $R_s=88$ years, $T_{ра}=56$ years, $T_p=68$ years, $A=37.26$ years, $H_t=178$ cm, $W_t=73$ kg. Women: $R_s=99$ years, $T_{ра}=70$ years, $T_p=78$ years, $A=42.41$ years, $H_t=166$ cm, $W_t=69$ kg.

Источник: данные Росстата за 2019 г., аппроксимация автора.

ных в зависимости от различных значений индекса человеческого развития R_s позволили создать аппаратно-программный продукт для расчёта демографических характеристик в заданном диапазоне параметра R_s . Правильность такого подхода подтверждается исследованием, описанном в [8], в котором путём моделирования и прогнозирования уровня смертности показано, что различные условия жизни в разных штатах США приводят к различным прогнозам продолжительности жизни.

Ниже представлены результаты численного расчёта демографических характеристик женщин и мужчин РФ (рис. 3). При заданных параметрах с помощью программы цифрового двойника статистическая кривая выживания аппроксимируется аналитической зависимостью. Это в свою очередь даёт возможность определить индекс человеческого развития R_s именно для данной страны, соответствующий T_p , и затем все остальные демографические характеристики. Меняя в цифровом двойнике для населения параметр R_s , можно построить когорту кривых ресурса здоровья от времени жизни. Назовём эту когорту демографическим

портретом населения страны, т.к. можно заложить изменение значений параметра R_s от минимума до максимума с любой периодичностью. На рис. 3 показаны демографические портреты для мужчин и женщин РФ, основанные на статистических данных 2019 года.

Ожидаемой продолжительностью жизни населения страны T_p называют возможную продолжительность жизни среднестатистического жителя страны при ресурсе здоровья, равном 0,5. Параметр $T_{рм}$ называют видовым пределом продолжительности жизни при ресурсе здоровья, равном 0,5 и при идеально возможном образе жизни (рис. 2 и 3). Хордой активного долголетия $T_{ра}$ называют возможную продолжительность жизни среднестатистического жителя страны при ресурсе здоровья, равном 0.75. Область под кривой выживания между ресурсом здоровья от 1 до 0.75 называют зоной активного долголетия (рис. 2 и 3). Прежде всего следует обратить внимание, что форма исходных кривых выживания существенно влияет на характер и предельные демографические характеристики мужчин или женщин. На рис. 4 построены зависи-

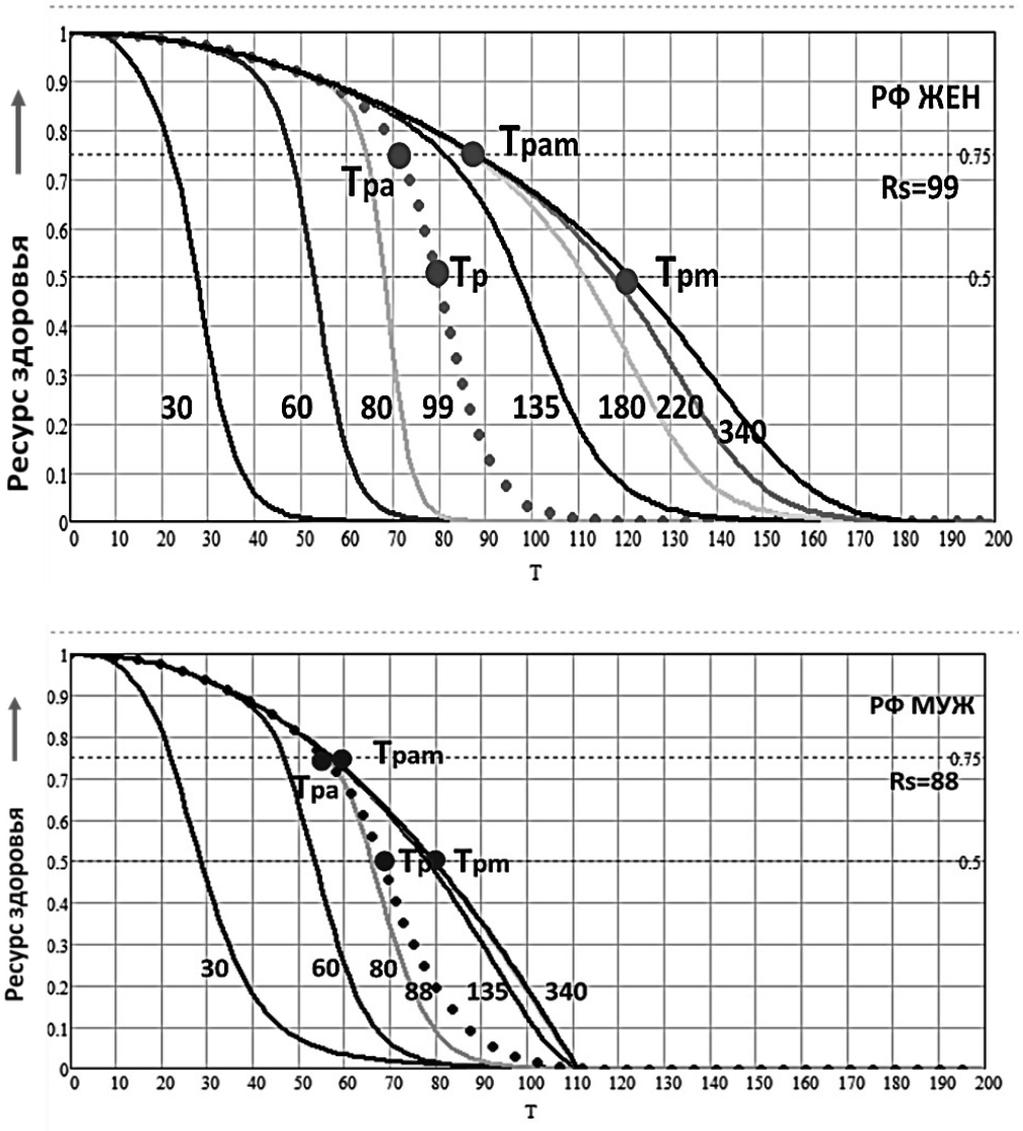

Рис. 3. Зависимость ресурса здоровья мужчин и женщин РФ от времени жизни Т
 Пунктиром выделена текущая кривая ресурса здоровья. Для мужчин $T_{pm}=56$ лет, $T_{рm}=79$ лет. Для женщин $T_{pm}=87$ лет $T_{рm}=122$ лет. Значения индекса человеческого развития R_s меняются от 30 до 340

Fig. 3. Dependence of health resource of male and female populations of the Russian Federation on time of life.

The dotted line shows the current health resource curve. For men $T_{pm}=56$ years, $T_{рm}=79$ years. For women $T_{pm}=87$ years $T_{рm}=122$ years. The values of the human development index R_s vary from 30 to 340

Источник: расчёты автора.

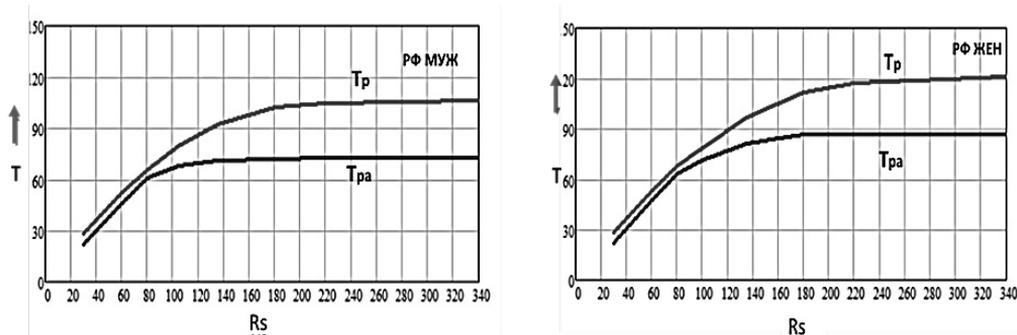

Рис. 4. Зависимость ожидаемой продолжительности жизни T_r и хорды активного долголетия $T_{ра}$ от суммарного индекса человеческого развития R_s для мужчин и женщин РФ

Fig. 4. Dependence of life expectancy T_r and active longevity chord $T_{ра}$ on total lifestyle index R_s for Russian male and female

Источник: расчёты автора по данным Росстата 2019 года.

мости ожидаемой продолжительности жизни T_r и хорды активного долголетия $T_{ра}$ от суммарного индекса человеческого развития R_s мужчин и женщин РФ.

Из графиков на рис. 3 и 4 можно определить предельные значения хорды активного долголетия $T_{рам}$ и видовой предел продолжительности жизни $T_{рм}$. Для мужчин РФ хорда активного долголетия ограничена 56 годами, а предельная ожидаемая продолжительность жизни 79 годами ($T_{рам}=56$ лет, $T_{рм}=79$ лет). Для женщин РФ хорда активного долголетия больше на 31 лет, а предельная ожидаемая продолжительность жизни больше на 43 года, чем у мужчин ($T_{рам}=87$ лет, $T_{рм}=122$ года). При рассмотрении мужского демографического портрета населения РФ бросается в глаза резкое падение ресурса здоровья мужского населения в возрасте от 15 до 40 лет. Демографический портрет, подобный рассмотренному здесь портрету для мужчин РФ, встречается очень редко в современном мире. Так же выглядит портрет после обработки статистики 2019 г., например, для коренных народов США.

Хорда активного долголетия $T_{ра}$ для женщин не меняется после достижения суммарного индекса человеческого развития R_s примерно в 180 лет, а для мужчин

в 120 лет. Однако ожидаемая продолжительность жизни для мужчин и женщин T_r , хотя и с замедлением, но продолжает расти до достижения максимального значения суммарного индекса человеческого развития.

Скорость старения мужчин и женщин РФ

Скорость старения, выраженная в процентах падения вероятности выживания в год, как по максимуму, так и по абсолютной величине различна для разных значений суммарного индекса человеческого развития R_s (рис. 5). Для каждого демографического портрета есть значение R_s , при котором скорость старения принимает максимальное значение. При таких значениях соответствующая кривая ресурса здоровья от времени резко переходит из зоны активного долголетия в зону патологии.

Единственный способ избежать высоких скоростей старения — это поменять образ жизни так, чтобы оказаться на более высокой кривой ресурса здоровья. Это не просто сделать для всего населения, однако для личности «перемещение» с одной кривой вероятности выживания на другую более реально. Если известна картина демографического портрета в целом, то необходи-

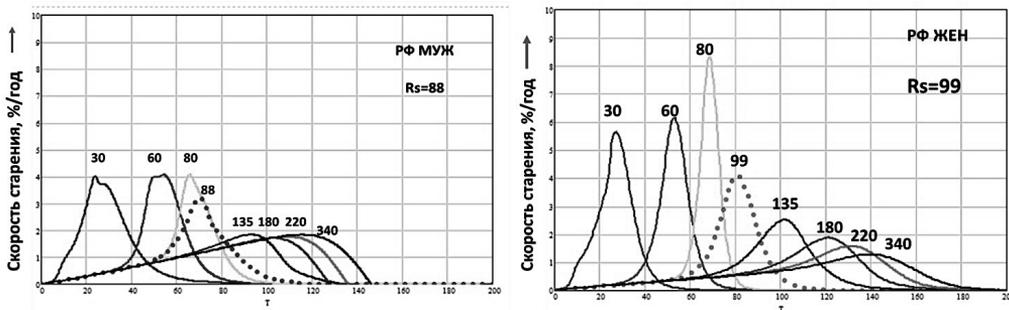

Рис. 5. Скорости старения для мужчин и женщин РФ

Пунктиром обозначены текущие кривые скорости старения. Значения индекса человеческого развития Rs меняются от 30 до 340

Fig. 5. Ageing rates for male and female populations in the Russian Federation

The dotted line represents the current aging rate curves. Lifestyle index Rs values vary from 30 to 340

Источник: расчёты автора по данным Росстата 2019 года.

мы знания об управлении хотя бы двумя-тремя из 12 параметров человеческого развития и возможности для изменения образа жизни, чтобы перейти на такую кривую ресурса здоровья, где меньше скорость старения (рис. 3 и 5). С этих позиций при проектировании цифрового двойника или соответствующего ему биомаркера для расчёта, например, оптимального значения биологического возраста, или других HR-параметров для личности, следует руководствоваться демографическим портретом населения, к которому индивидум принадлежит. На портретах скорости старения представлены не только текущие кривые ресурса здоровья, но также и смежные, по которым можно ориентироваться об изменении скорости старения в зависимости от изменения образа жизни индивидуума.

Биологические часы населения

Биологический возраст человека, принадлежащего к социальной группе, отличается от его паспортного возраста на величину, обусловленную отличием среднего образа жизни всех членов социальной группы от образа жизни конкретного члена этого социума при одном и том же значении времени жизни. Чем больше ресурс здоровья для данного возраста конкретного человека по отношению к ресурсу здоровья средне-

го члена населения, тем меньше у него биологический возраст. Зависимость ресурса здоровья от времени меняется из года в год, что связано с различными демографическими процессами, зависящими от изменений природных условий, государственных решений на различных уровнях и др. Все эти явления и решения отражаются на изменении суммарного индекса человеческого развития Rs. Поэтому целесообразно расширить определение «биологического возраста» конкретного жителя до понятия «биологический возраст» всего населения. С помощью разработанного нами цифрового двойника для населения страны можно оценить среднестатистический «биологический возраст» населения страны.

В связи с этим представляется актуальным мониторинг суммарного индекса человеческого развития Rs и соответственно изменения такого интегрального параметра как «биологический возраст» населения. На рис. 6 графически представлено изменение ожидаемого «биологического возраста» мужчин и женщин РФ по отношению к текущему «паспортному возрасту». Чем больше индекс человеческого развития Rs, тем меньше «биологический возраст». Пунктирная линия, отображающая усреднённый «паспортный возраст», делит график «биологического возраста» (сплошная линия) на две зоны. В верхней зоне «биоло-

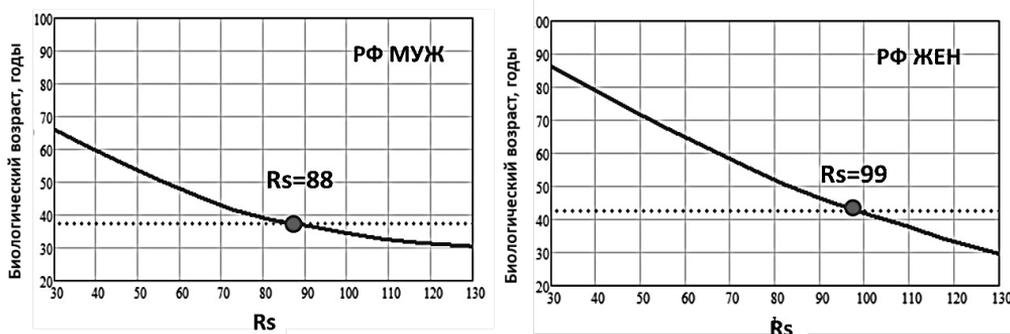

Рис. 6. Изменение ожидаемого «биологического возраста» мужчин и женщин РФ
Пунктиром отмечен «паспортный возраст»: для мужчин (37 лет) при $R_s=88$ и женщин (42 года) при $R_s=99$

Fig. 6. Changes in expected «biological age» of Russian male and female
Dotted line indicates «passport age»: for male population (37 years) at $R_s=88$ and female population (42 years) at $R_s=99$

Источник: расчёты автора по данным Росстата 2019 года.

гический возраст» меньше «паспортного», а в нижней — больше. Таким образом, для населения «паспортный возраст» совпадает с «биологическим возрастом» для текущего значения кривой ресурса здоровья и соответствующего ему суммарного индекса человеческого развития R_s .

Если на государственном или корпоративном уровне принимаются решения, которые приводят к увеличению суммарного индекса человеческого развития R_s , то можно оценить, насколько такие решения уменьшат «биологический возраст» населения или сотрудников компании. Безусловно, уменьшение «биологического возраста» увеличит среднюю работоспособность страны и/или компании.

Портреты работоспособности мужчин и женщин РФ

Работоспособность — это способность человека выполнить работу с требуемым качеством в течение заданного времени и условий в зависимости от его компетентности и ресурса здоровья, определяемых личным образом жизни [14]. Понятно, что по аналогии можно оценить работоспособность компании и всей страны.

Работоспособность специалиста меняется в течение жизни, т.к. меняется ресурс здоровья и уровень компетентности. Уровень компетентности в течение жизни обычно возрастает благодаря обучению, занимаемым должностям и приобретению опыта, а ресурс здоровья падает. Поэтому зависимость работоспособности от уровня жизни имеет максимум. На рис. 7 показаны рассчитанные зависимости работоспособности для женщин и мужчин РФ от времени жизни для значений R_s от 30 до 180 лет.

Расчет работоспособности выполнен в предположении, что известно время обучения, наличие дипломов (от магистра до профессора), стаж работы, занимаемые должности, периодические переаттестации и уровень ресурса здоровья. Поскольку ресурс здоровья женщин выше мужчин (рис 3.), то средняя работоспособность женщин ($R_s = 99$) имеет более высокий максимум (0,63) по сравнению с мужчинами (0,58) при $R_s = 88$ (рис. 7). Анализ данных рис. 7 показывает, что для мужчин работоспособность составляет 0,52 и лежит в диапазоне возрастов от 28 до 62 лет (в течение 34 лет). Для женщин соответственно 0,57 в диапазоне от 36 до 72 лет (в течение 36 лет).

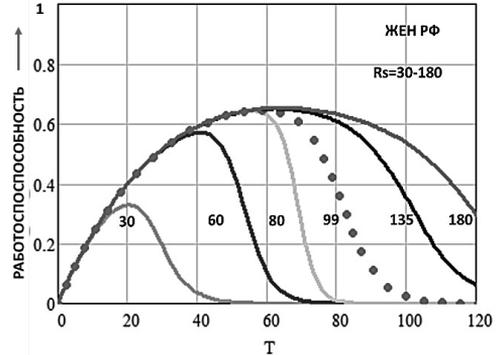
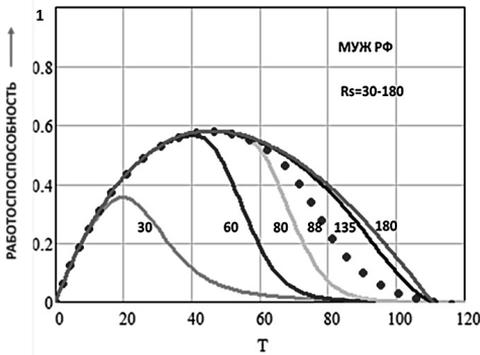

Рис. 7. Портреты работоспособности мужчин и женщин РФ от времени жизни

Пунктиром выделены текущие средние кривые работоспособности для мужчин и женщин. Максимум работоспособности для мужчин равен 0.58, а для женщин 0.63. Значения индекса человеческого развития R_s меняются от 30 до 180

Fig. 7. Portraits of the lifetime dependence of the Russian Federation population's workability

The dotted line indicates the current average workability curves for males and females. The maximum workability for men is 0.58 and for women is 0.63. The values of the lifestyle index R_s vary from 30 to 180

Источник: расчёты автора по данным Росстата 2019 года.

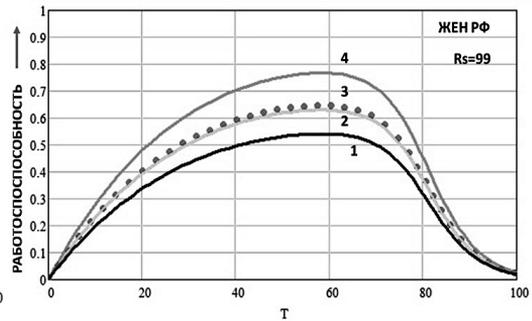
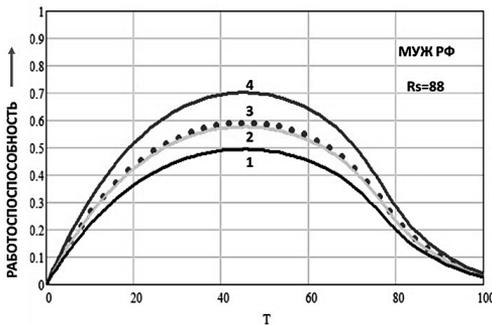

Рис. 8. Портреты зависимости работоспособности для женщин и мужчин РФ от времени жизни и уровня образования

Пунктиром выделены текущие кривые работоспособности мужчин и женщин РФ: 1 — образование школьное начальное, 2 — образование школьное законченное, 3 — колледж, 4 — бакалавр и выше

Fig. 8. Portraits of the dependence of the workability of the RF female and male populations on time of life and educational attainment

The dotted line indicates the current workability curves of the RF male and female populations: 1 — primary school education, 2 — completed school education, 3 — college, 4 — bachelor's degree and above

Источник: расчёты автора по данным Росстата 2019 года.

Что касается квалификации сотрудников, то с помощью цифрового двойника, можно оценить влияние уровня образования на работоспособность. Это даёт дополнительные возможности для целенаправленного планирования работы предприятия и государственных усилий. На рис. 8 показано влияние уровня образования на ра-

ботоспособность мужчин и женщин. Максимальная работоспособность женщин, равная 0,78, рассчитана в предположении, что время обучения равно 22 годам, общий стаж работы составляет 16 лет, стаж по специальности 10 лет. Минимальная работоспособность женщин РФ равна 0,53, что составляет 68% от максимума (0,78). Таким образом,

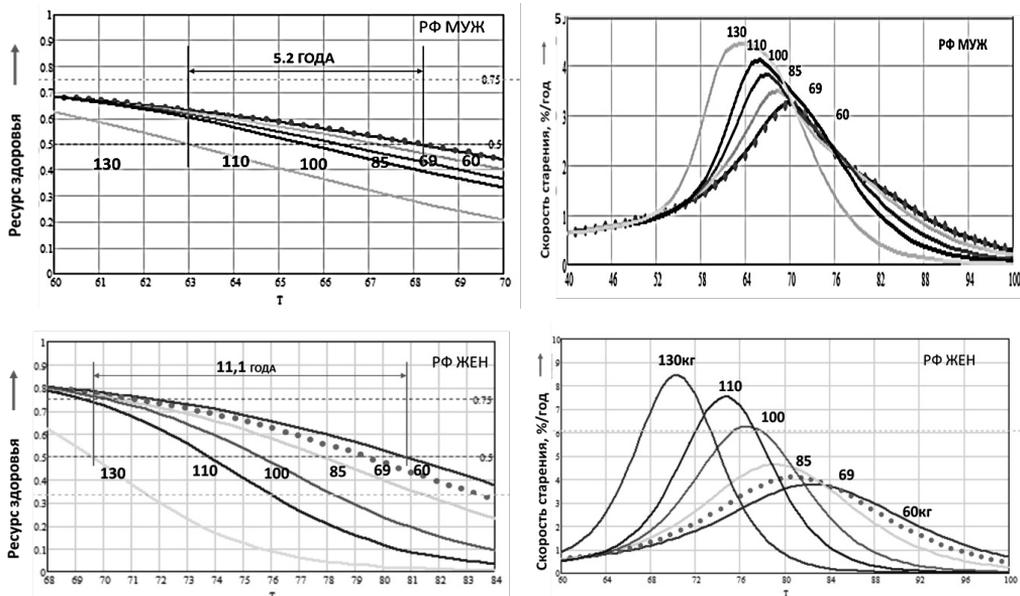

Рис. 9. Диапазоны изменения продолжительности жизни и скорости старения при изменении веса от 60 до 120 кг для женщин и мужчин РФ
 Fig. 9. Ranges of change in life expectancy and rate of ageing with the changes in weight from 60 to 120 kg for the RF female and male populations

Источник: расчёты автора.

все виды приобретённой компетенции увеличивают работоспособность на 32% Минимальная работоспособность мужчин равна 0,49, что составляет 70% от максимума (0.70). Таким образом, в среднем все виды приобретённой компетенции увеличивают работоспособность мужчин РФ на 30%.

Влияние избыточного веса на продолжительность жизни и скорость старения населения РФ

Избыточный вес согласно данным ООН, имеют около 40% мужчин и около половины женщин в мире. Вес взрослого американца при неизменном росте в 1960–2019 гг. увеличился для мужчин с 75 кг до 88 кг, а для женщин — с 63 кг до 75 кг. В США избыточный вес для мужчин в 2019 г. составлял 21,5 кг, а для женщин — 17,1 кг. При таком избыточном весе потери в годах жизни для женщин США составляют 2,5 года, для мужчин — 2,7 года. Воспользуемся цифровым двойником, чтобы оценить, как изменения

среднего веса мужчин и женщин РФ влияют на их продолжительность жизни и скорость старения. На рис. 9 показаны диапазоны изменения продолжительности жизни и скорости старения при изменении веса от 60 до 120 кг для женщин и мужчин РФ.

Как следует из графиков, для мужчин продолжительность жизни с уменьшением веса увеличивается на 5,2 года, а скорость старения падает по максимуму с 4,5% до 3,3% в год. Для женщин РФ продолжительность жизни с уменьшением веса в этом же диапазоне увеличивается на 11,1 года, а скорость старения с уменьшением веса падает по максимуму с 8,5% до 3,8% в год.

Заключение

В статье рассмотрены только средние по стране демографические характеристики населения России. Предложенную методику можно распространить для каждого субъекта РФ с целью создания демографического атласа, содержащего параметры скорости

старения, работоспособности, оценки суммарного индекса человеческого развития и другое. Выполнение такой работы позволит администрации субъекта РФ принимать более конструктивные решения, направленные на улучшение демографических характеристик, включая продолжительность жизни, работоспособность, снижение скорости старения, уменьшение оттока населения и другое. Для каждого субъекта РФ можно сделать AI HR БИОМАРКЕР для оценки HR-параметров его жителей, с возможностью анонимной персональной коррекции в положительную сторону образа жизни

и биологического возраста. Такую же работу можно провести, например, для всех национальностей и других сообществ людей, проживающих в различных субъектах РФ, а также для крупных и средних компаний.

Использование AI HR БИОМАРКЕРА для личности представляет собой скрытую пропаганду здорового образа жизни. По нашим оценкам, такая пропаганда увеличит ожидаемую продолжительность жизни на 5–7%. При этом улучшается качество жизни, повышается работоспособность и снижается биологический возраст.

Литература и Интернет-источники

1. **Guscho, Yury.** The price of life / Yury Guscho. — Moscow, 2011. — 428 с. — URL: https://www.amazon.com/s?i=stripbooks&rh=p_27%3AYury+Gushcho&s=relevancerank&text=Yury+Gushcho&ref=dp_byline_sr_book_1 (дата обращения: 10.07.2023).
2. **Гуццо, Ю. П.** 12 ключей от сейфа долголетия, второе издание / Ю. П. Гуццо. — Москва, 2020. — 420 с. — URL: <https://order.yuryguscho.ru/buy/310002> (дата обращения: 10.07.2023).
3. **Гуццо, Ю. П.** Как стать счастливым гольфистом / Ю. П. Гуццо. — Москва, 2021. — 392 с. — URL: <https://order.yuryguscho.ru/buy/474823> (дата обращения: 10.07.2023).
4. **Римашевская, Н. М.** Человек и реформы: секреты выживания / Н. М. Римашевская // — Москва : ИСЭПН РАН, 2003. — 392 с.
5. **Börger, M.** A combined analysis of hedge effectiveness and capital efficiency in longevity hedging / M. Börger, A. Freimann, J. Ruß // Insurance: Mathematics and Economics — 2021. — Vol. 99. — P. 309–326. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.03.023
6. **Li, J. S.** — H. Recent declines in life expectancy: Implication on longevity risk hedging / J. S-H Li, Y. Liu // Insurance: Mathematics and Economics — 2021. — Vol. 99(C). — P. 376–394. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.03.028
7. **Li, H.** Forecasting mortality with international linkages. A global vector-autoregression approach / H. Li, Y. Shi // Insurance Mathematics and Economics — 2021. — Vol. 100. — P. 59–75. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.04.006
8. **Li, H.** Assessing mortality inequality in the U.S.: What can be said about the future? / H. Li, R. J. Hyndman // Insurance: Mathematics and Economics — 2021. — Vol. 99. — P. 152–162. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.03.014
9. **Majer, I. M.** Modeling and forecasting health expectancy: theoretical framework and application / I. M. Majer, R. Stevens, W. J. Nusselder, J. P. Mackenbach, P. H. M. van Baal // Demography. — 2013. — No. 50(2). — P. 673–697. DOI: 10.1007/s13524-012-0156-2
10. **Гуццо, Ю. П.** Статистическая геронтология и управление работоспособностью / Ю. П. Гуццо, М. А. Гуццо // Медицина и физическая культура: наука и практика. — 2019. — Т. 1. — № 3. — С. 34–40. DOI: 10.20310/2658-7688-2019-1-3-34-40; EDN: SUCHLZ
11. **Супрун, А. П.** Программа онлайн оптимизации работоспособности сотрудников компаний, спортсменов и пациентов медицинских центров / А. П. Супрун, Ю. П. Гуццо, М. А. Гуццо, В. В. Кузнецов // Медицина и физическая культура: наука и практика. — 2019. — Т. 1. — № 4. — С. 31–36. DOI: 10.20310/2658-7688-2019-1-4-31-36; EDN: QKDNEХ
12. **Медведев, А. В.** Цифровые двойники территорий для поддержки принятия решений в сфере регионального социально-экономического развития / А. В. Медведев // Современные наукоемкие технологии. — 2020. — № 6 (часть 1). — С. 61–66. DOI: 10.17513/snt.38072; EDN: XFGUXI

13. **Арциков, В. Г.** История АвтоВАЗа в лицах / В. Г. Арциков. — Тольятти : Издательский дом Семь Вёрст, Тольятти, 2021. — С. 74–76.
14. **Рак, К.** Laboring Work and Healthy Aging / К. Pak, Т. А. Dorien, М. Kooij // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. — 2021. — P. 2837–2838. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9

Сведения об авторе:

Гущо Юрий Петрович, д.тех.н., проф., генеральный директор ООО «НаноРельеф Дисплей», IT кластер Сколково, Московский инновационный кластер, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yguscho@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3408-4690; РИНЦ AuthorID: 917448.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-95-108

DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN POPULATION

Yury P. Gushcho

*NanoRelief Display LLC, Skolkovo IT cluster, Moscow innovation cluster
(14-2-442, Novoyasenevsky prospect, Moscow, Russia, 117574)*

E-mail: yguscho@gmail.com

For citation:

Gushcho Yu. P. Demographic characteristics of the Russian population. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 95-108. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-95-108 (in Russ.)

Abstract. *The article deals with the results of numerical estimation of demographic characteristics of the Russian female and male populations using the example of the RF 2019 statistical materials with the help of the digital twin for population developed by the author with his colleagues. It demonstrates the capabilities of the digital twin to estimate the attainment of life expectancy limits and predict the demographic characteristics of any population based on previous statistical data of that population. There was used a hardware-software package with embedded the digital twin for the Russian population on the basis of thirty-three years of statistical research into the effects of the total lifestyle index on longevity, workability, ageing and other population characteristics. The life expectancy of the Russian Federation population with the demographic characteristics for 2019 tends to 79 years for men and 122 years for women, with a maximum possible total lifestyle index. For the current demographic characteristics of the population, the rate of population aging from time for different total lifestyle indices has at least one maximum. The possibility of numerical calculation of life expectancy as a function of changes in the average weight of the male and female population is shown. The possibility of controlling the biological age of a population member depending on his total lifestyle index is shown. Developed hardware-software complex based on digital twin for population estimation of demographic characteristics of populations can be used to calculate and predict the demographic characteristics of any population on the basis of previous statistical data of this population. Hardware-software complex can be useful for public and state organizations, statistical agencies, medical organizations of different profiles, insurance companies, staff recruitment companies, pension funds, venture capital funds, private finance funds, private banks and capital management organizations.*

Keywords: *population, digital twin, biological age, life expectancy, workability, aging rate, lifestyle, health resource, quality of life.*

References and Internet sources

1. Guscho Yu. *The Price of Life*. Moscow. 2011. 428 p. Available at: https://www.amazon.com/s?i=str-iphbooks&rh=p_27%3AYury+Gushcho&s=relevancerank&text=Yury+Gushcho&ref=dp_byline_sr_book_1. (Accessed: 10 July 2023)
2. Gushcho Yu. P. 12 kluchey ot seifa dolgoletiya [*Twelve Keys to the Safe Longevity*]. Moscow. 2020. 420 p. Available at: <https://order.yuryguscho.ru/buy/310002> (in Russ.). (Accessed: 10 July 2023) (in Russ.)
3. Gushcho Yu. P. Kak stat' schastlivym golfistom [*How to Be a Happy Golfer*]. Moscow. 2021. 392 p. Available at: <https://order.yuryguscho.ru/buy/474823>. (Accessed: 10 July 2023) (in Russ.)
4. Rimashevskaya N. M. Chelovek i reformy: sekrety vyzhivaniya [*Person and Reforms: The Secrets of Survival*]. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 2003. 392 p. (in Russ.)
5. Börger M., Freimann A., Ruß J. A combined analysis of hedge effectiveness and capital efficiency in longevity hedging. *Insurance: Mathematics and Economics*. 2021. Vol. 99. P. 309–326. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.05.023.
6. Li J. S.—H., Liu Y. Recent declines in life expectancy: Implication on longevity risk hedging. *Insurance: Mathematics and Economics*. 2021. Vol. 99 (C). P. 376–394. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.03.028
7. Li H., Shi Y. Forecasting mortality with international linkages. A global vector-autoregression approach. *Insurance Mathematics and Economics*. 2021. Vol. 100. P. 59–75. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.04.006
8. Li H., Hyndman R. G. Assessing mortality inequality in the U.S.: What can be said about the future? *Insurance: Mathematics and Economics*. 2021. Vol. 99. P. 152–162. DOI: 10.1016/j.insmatheco.2021.03.014
9. Majer I. M., Stevens R., Nusselder W. J., Mackenbach J. P., van Baal P. H. M. Modeling and forecasting health expectancy: theoretical framework and application. *Demography*. 2013. No. 50(2). P. 673–697. DOI: 10.1007/s13524-012-0156-2
10. Gushcho Yu. P., Gushcho M. A. Statisticheskaya gerontologiya i upravleniye rabotosposobnostyu [Statistical gerontology and workability management]. *Meditsina i fizicheskaya kultura: nauka i praktika [Medicine and Physical Education: Science and Practice]*. 2019. Vol. 1. No. 3. P. 34–40. DOI: 10.20310/2658-7688-2019-1-3-34-40 (in Russ.)
11. Suprun A. P., Gushcho Yu. P., Gushcho M. A., Kusnetzov V. V. Programma online optimisatsii rabotosposobnosti sotrudnikov kompaniy [Online workability optimisation programme for company employees, athletes and health centre patients] *Meditsina i fizicheskaya kultura: nauka i praktika [Medicine and Physical Education: Science and Practice]*. 2019. Vol. 1. No. 4. P. 31–36. DOI: 10.20310/2658-7688-2019-1-4-31-36 (in Russ.)
12. Medvedev A. V. Tsfrovyye dvoyniki territoriy dlya podderzki priniatiya resheniy v sfere regionalnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Digital twins of territories to support decision-making in regional socio-economic development]. *Zhurnal Sovremennyye naukoemykiye tekhnologii [Journal of Modern High Technologies]*. 2020. No. 6 (part 1). P. 61–66. (in Russ.)
13. Artsikov V. G. Istoriya AvtoVAZa v litsakh [*The History of AvtoVAZ in Persons*]. Izdatel'skiy dom Sem' Vyorst. [Publishing House Seven Verst]. Togliatti. 2021. P. 74–76. (in Russ.)
14. Pak K., Dorien T. A., Kooij M. *Laboring Work and Healthy Aging. Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. 2021. P. 2837–2838. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9

Information about the author:

Gushcho Yury, Doctor of Technical Sciences, Professor, General Director of NanoRelief Display LLC, Skolkovo IT cluster, Moscow Innovation Cluster, Moscow, Russia
Contact information: e-mail: yguscho@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3408-4690; Elibrary AuthorID: 917448.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122
EDN: BWCQYS

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ В 2005–2022 ГОДАХ

Пастухова Е. Я.*, Логунов Т. А.

Кемеровский государственный университет
(650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6)

*E-mail: peau.13@yandex.ru

Для цитирования:

Пастухова Е. Я., Логунов Т. А. Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005–2022 годах // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 109–122. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122; EDN: BWCQYS

Аннотация. Динамика важных демографических и экономических процессов в регионах Сибирского федерального округа (СФО) развивается по более неблагоприятному сценарию по сравнению с общероссийскими трендами. Для большинства субъектов СФО характерна длительная естественная убыль населения, сокращение численности и доли граждан трудоспособного возраста, рост демографической нагрузки. В индустриально развитых регионах СФО демографическая нагрузка возрастает за счёт граждан старше трудоспособного возраста, для национальных республик юга Сибири — за счёт детей, подростков. Высокий уровень смертности населения СФО обуславливает более низкую ожидаемую продолжительность жизни, особенно мужчин. Важную роль в динамике изучаемых процессов играет природно-ресурсный и индустриальный профиль развития Красноярского края, Иркутской, Кемеровской, Омской, Томской областей, Республики Хакасия. Существенная часть жителей проживает в неблагоприятных экологических условиях, имеет более низкий уровень жизни, более высокие масштабы бедности по сравнению со средними показателями в РФ. С помощью корреляционно-регрессионного анализа выявлена значимая и умеренная взаимосвязь демографических факторов и экономического развития субъектов СФО. Уровень занятости отрицательно коррелирует с ростом демографической нагрузки и смертностью от внешних причин. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) положительно связана с занятостью населения, с уровнем валового регионального продукта (ВРП). Демографическая нагрузка, смертность от внешних причин, ОПЖ оказались более значимыми для уровня занятости населения, умеренно или слабо значимыми для среднедушевого ВРП. Предложена типология субъектов СФО по уровню экономического развития и особенностям демографической ситуации. Выделены три типа регионов: наиболее проблемные и слаборазвитые регионы; менее проблемные; территории с показателями развития, близкими к средним значениям по России. Практическое значение типологии определяется возможностью её использования для корректировки задач демографического и экономического развития субъектов СФО.

Ключевые слова: естественная убыль населения, возрастная структура, старение населения, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, уровень занятости, ВРП.

Введение

Представители социально-экономических наук изучают различные аспекты взаимосвязи демографических факторов и экономического развития стран, отдельных территорий [1]. Исследуется и обратная связь — влияние экономических факторов на демографическую ситуацию. Состояние и динамика демографических процессов существенным образом влияют на экономику, рынок труда, на производство товаров и услуг, уровень доходов, потребительское поведение населения и так далее. Целью настоящего исследования является обоснование связи между демографическими факторами и экономическим развитием территорий Сибирского федерального округа (СФО), разработка типологии регионов СФО по уровню экономического развития и особенностям демографической ситуации.

Исследование данной темы на примере регионов СФО обусловлено наличием демографических и экономических проблем, с одной стороны, типичных для многих российских субъектов, с другой — обладающих региональной спецификой. Это естественная и миграционная убыль населения, сокращение численности и доли граждан трудоспособного возраста, старение рабочей силы, рост демографической нагрузки. В Красноярском и Алтайском краях, в Иркутской, Кемеровской, Омской, Томской областях нагрузка на трудоспособное население формируется в основном за счет граждан пенсионного возраста. В республиках Тыва и Алтай основную тяжесть даёт нагрузка детскими возрастами.

В большинстве регионов СФО выше, чем в среднем по России, показатели смертности общей и по отдельным классам причин (от инфекционных заболеваний, туберкулёза, ВИЧ-инфекции, от внешних причин, от новообразований, от заболеваний органов дыхания и пищеварения) [2]. Высокий уровень смертности населения СФО обуславливает более низкую ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ). За период 2005–2022 гг. ОПЖ мужчин исследуемых терри-

торий была на 2,0–2,8 года ниже по сравнению с ОПЖ мужчин в среднем по России. Аналогичные различия в ОПЖ женщин составили 1,5–1,9 года.

Важную роль в динамике процессов воспроизводства населения играет природно-ресурсный, для ряда исследуемых регионов — индустриальный профиль развития [3]. Негативное влияние обусловлено более низким уровнем жизни жителей СФО по сравнению с уровнем жизни в среднем в России [4]. Многие сибирские регионы (республики Тыва, Алтай, Хакасия, Алтайский край) имеют более высокие масштабы бедности, чем в целом по России [5]. В промышленных регионах Сибири (Красноярский край, Республика Хакасия, Иркутская и Омская области, Кемеровская область — Кузбасс) значимая часть граждан проживает в неблагоприятных экологических условиях. Трудоспособное население, занятое в добывающих отраслях экономики, часто работает во вредных, опасных условиях труда [6], что способствует повышению профессиональной заболеваемости и снижению ОПЖ. В 2022 г. по основным классам причин смертности зафиксированы две разнонаправленные тенденции. Это снижение смертности от всех причин и рост смертности от внешних причин. Это обуславливает научную и практическую значимость разработки типологии регионов СФО по уровню экономического развития и особенностям демографической ситуации.

Данные и методы

Эмпирической основой исследования являются данные Росстата в региональном разрезе, представленные на официальном сайте в разделах «Регионы России. Социально-экономические показатели»¹, «Демография. Информация в разрезе субъектов РФ»². Для анализа динамики процессов воспроизводства населения были использо-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 10.06.2023).

² Демография. Информация в разрезе субъектов РФ. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 10.06.2023).

ваны статистические показатели за 2005–2022 гг. На основе анализа научной литературы было подобрано 12 демографических показателей, характеризующих воспроизводство населения. С помощью корреляционного анализа из 12 были отобраны 5 переменных с уровнем значимости $p < 0,05$, характеризующие взаимосвязь экономических и демографических детерминант (доля населения трудоспособного возраста, демографическая нагрузка, ОПЖ мужчин и женщин, смертность от внешних причин). Корреляционная взаимосвязь между отсеянными демографическими показателями (коэффициенты общей рождаемости и смертности, стандартизованной смертности мужчин и женщин, доля лиц младше и старше трудоспособного возраста в структуре населения региона) и экономическими индикаторами была слабой.

Для оценки экономического развития регионов СФО были отобраны следующие индикаторы. Соотношение среднедушевого валового регионального продукта (ВРП) и аналогичного показателя в среднем по РФ; региональный уровень занятости населения от 15 лет и старше; соотношение среднедушевого регионального объема инвестиций в основной капитал и аналогичного среднероссийского показателя. По результатам корреляционного анализа показатель «объем инвестиций в основной капитал» был исключён, так как связь этого параметра с демографическими факторами была незначимой. В работе применялись общенаучные (сравнительный анализ, синтез) и статистические методы. Корреляционно-регрессионный анализ использовался для выявления связи демографических показателей и экономических параметров, характеризующих развитие региона. Расчёт коэффициентов корреляции и уравнений регрессии проведён на базе пакета программ IBM SPSS Statistics.

Результаты исследования

Устойчивая естественная убыль населения (депопуляция) является одной из приоритетных демографических проблем в ре-

гионах СФО. Наиболее высокие показатели естественной убыли наблюдались в 2000–2006 гг. и в пандемийных 2020–2021 годах. 2012–2016 гг. были для республик Тыва и Алтай, Красноярского края, Томской области периодом естественного прироста населения, ставшего результатом реализации новых мер общероссийской демографической политики и благоприятными изменениями возрастной структуры населения [7]. Однако период естественного прироста был непродолжительным. В СФО с 2017 г. возобновилась депопуляция. Основные причины депопуляции — это снижение рождаемости за счёт значительного уменьшения количества женщин в активном репродуктивном возрасте (20–39 лет); рост смертности за счёт увеличения доли людей старше 60 лет, на которых приходится большинство умерших [8, с. 49].

Динамика естественного прироста, убыли населения в субъектах СФО представлена в табл. 1. В течение 2005–2022 гг. наиболее значимая естественная убыль наблюдалась в Алтайском крае, в областях Омской, Новосибирской и Кемеровской области–Кузбассе. В Алтайском крае, в Кемеровской области–Кузбассе низкая рождаемость, повышенные показатели смертности сочетаются с высокой долей граждан старше трудоспособного возраста. В Омском регионе преобладают два компонента депопуляции: более высокая смертность по сравнению со среднероссийской и повышенная доля населения старших возрастов. В Новосибирской области население более молодое, но в 2005–2010 гг., далее в 2018–2021 гг. смертность в этом регионе превышала аналогичный показатель в среднем по России. Среди территорий СФО низкие значения естественной убыли наблюдались в Республике Хакасия, Красноярском крае благодаря повышенному коэффициенту общей и суммарной рождаемости. Основная причина более низкой естественной убыли в Томской области — это пониженные показатели смертности по сравнению со среднероссийскими.

В 2005–2022 гг. только в республиках Тыва и Алтай, в которых не завершён пер-

Таблица 1
Динамика естественного прироста, убыли (–) населения в регионах СФО

Table 1

Dynamics of natural increase, decline (–) of population in the SFD regions

Территория	2005	2010	2015	2019	2021	2022
Республика Алтай	1,6	8,3	7,9	3,5	0,2	1,5
Республика Тыва	5,4	15,2	13,5	10,3	10,9	9,3
Республика Хакасия	-6,0	1,2	1,3	-2,1	-6,1	-4,0
Алтайский край	-6,4	-2,3	-1,5	-4,9	-10,8	-7,2
Красноярский край	-4,9	0,1	1,7	-1,7	-6,5	-4,2
Иркутская область	-5,1	0,8	1,7	-1,4	-6,6	-3,7
Кемеровская область–Кузбасс	-8,0	-3,0	-2,0	-5,2	-9,9	-7,2
Новосибирская область	-5,5	-0,7	1,1	-2,0	-6,8	-4,2
Омская область	-5,1	-0,7	1,0	-2,8	-8,6	-5,2
Томская область	-3,8	0,4	2,1	-1,4	-6,6	-3,9
СФО*	-5,1	-0,1	1,2	-2,5	-7,4	-4,8
РФ	-5,9	-1,7	0,3	-2,2	-7,2	-4,1

*Данные по СФО за 2005, 2010, 2015 гг. приведены с учётом численности населения Республики Бурятия, Забайкальского края до вступления в силу Указа Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632.

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт].— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.07.2023).

вый демографический переход, наблюдался естественный прирост населения. Причины положительного прироста—это высокий суммарный коэффициент рождаемости (СКР). В 2005–2022 гг. в Республике Тыва СКР изменялся в пределах от 2,15 до 3,39 детей на одну женщину. В Республике Алтай аналогичный показатель составил 2,05–2,68 детей. В среднем по СФО за этот же период СКР был равен 1,37–1,90 детей на одну женщину репродуктивного возраста. В территориях СФО максимальное значение СКР 1,90 детей было в 2015 г. В 2022 г. данный показатель снизился до 1,47 детей. В 2006–2015 гг., благодаря повышенным показателям рождаемости, увеличилась доля детей, подростков в общей численности населения. В 2021 г. в среднем по СФО доля лиц младше трудоспособного возраста составила 20%. В 2021 г. самый высокий удельный вес детей и подростков был в республиках Тыва (34%) и Алтай (27%). Самая низкая доля лиц младших возрастов наблюдалась в Алтайском крае, Томской области и Кемеровской области–Кузбассе (по 19%).

Большинство российских, в том числе сибирских регионов, относятся к числу демографически старых. Если доля населения в возрасте 65 лет и старше оценивается в 7% и выше, то в соответствии с оценочной шкалой, используемой ООН, страна (регион) относятся к демографически старым [9]. В большинстве сибирских регионов и в целом в РФ процесс демографического старения усиливается [10]. В 2021 г. по сравнению с 2010 г. общая численность населения СФО сократилась на 1,7%. Но численность и доля людей в возрасте 65+ увеличилась на 27%. На конец 2021 г. в СФО доля граждан 65+ составила 15%, это на 3,4 процентных пункта больше, чем в 2010 г. (табл. 2).

Продолжающееся демографическое старение населения при прочих равных условиях будет способствовать росту заболеваемости, увеличению числа умерших и уменьшению числа родившихся, что, в свою очередь, будет усиливать депопуляцию [11, с. 180]. Российская статистика в возрастной структуре населения выделяет долю граждан старше трудоспособного возраста. В 2022 г. к ним относились мужчины 62 лет и старше, женщины 57 лет и старше. В ис-

Таблица 2

Общая численность населения регионов СФО, в том числе 65 лет и старше, тыс. человек

Table 2

Total population of the SFD regions including aged 65 and over, thousand people

Показатель	2010	2015	2019	2020	2021	2021 в % к 2010
Общая численность населения СФО	17174	17259	17118	17004	16889	98,3
В том числе в возрасте 65 лет и старше	1989	2168	2453	2509	2534	127,4
Доля населения 65 лет и старше в СФО, %	11,6	12,6	14,3	14,8	15,0	+ 3,4 п.п.

Источник: Численность населения РФ по полу и возрасту // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 14.07.2023).

следуемый период численность и доля этих лиц также увеличивалась. В СФО в 2005–2020 гг. доля людей старше трудоспособного возраста возросла с 18,7% до 24,1%. В 2020 г. наиболее высокий удельный вес граждан старших возрастов был в Алтайском крае (27,1%), в Омской (25,1%) и Новосибирской (24,6%) областях, Кемеровской области–Кузбассе (25,4%). В 2021–2022 гг. в условиях пандемии COVID-19 доля лиц старше трудоспособного возраста снизилась до 22,9% в среднем по СФО.

Повышение доли пожилых в возрастной структуре регионов работает на рост демографической нагрузки на трудоспособное население, численность которого сокращалась до 2018 года. Повышение пенсионного возраста снизило демографическую нагрузку граждан старших возрастов с 448 до 425 на 1000 трудоспособных. В 2021 г. самое неблагоприятное соотношение трудоспособных и нетрудоспособных граждан старших возрастов было в Алтайском крае (469 на 1000 трудоспособных), в областях Кемеровской–Кузбассе (430), Омской (427) и Новосибирской (409), в Республике Хакасия (398), в Иркутской области (394).

Сокращение численности и доли граждан трудоспособного возраста является вызовом для экономического развития. В среднем по СФО в 2022 г. по сравнению с 2005 г. доля населения трудоспособного возраста снизилась на 8%. Более интенсивно доля трудоспособных сокращалась в Алтайском крае и Омской области (на 8,7%), Республике Хакасия (на 8,4%). Под воздействием данного фактора снижается численность рабочей силы, а в её структуре увеличива-

ется доля людей 40 лет и старше. В 2022 г. в среднем по СФО доля рабочей силы 40 лет и старше составила 52%, а в 2005 г. этот показатель был равен 49%.

Особенностью большинства сибирских регионов является дисбаланс полов, численность женщин превышает численность мужчин. На конец 2021 г. в СФО на 1000 мужчин приходилось 1153 женщины (женщин больше на 15,3%). Самый высокий женский перевес зафиксирован в областях Кемеровской–Кузбассе (женщин больше на 17,4%) и Омской (на 16,2%), в Алтайском крае (на 16,5%), в Иркутской области (15,7%). Несколько более благоприятное соотношение мужчин и женщин в республиках Тыва (женщин больше на 8,4%) и Алтай (на 10,3%). Основная причина гендерного дисбаланса—более высокие показатели смертности трудоспособных мужчин. Динамика гендерных различий в смертности свидетельствует о том, что её причины не могут быть чисто биологическими, а во многом зависят от психосоциальных факторов и образа жизни [12]. Мужчины реже обращаются к врачам, имеют менее здоровый рацион, чаще склонны к рискованному поведению. Особый вклад в гендерный разрыв в ОПЖ вносят курение и потребление алкоголя мужчинами [13].

Мужчины трудоспособного возраста регионов СФО существенно чаще женщин умирают от инфекционных болезней (туберкулеза, ВИЧ-инфекции, гепатита С и других), от заболеваний системы кровообращения, органов дыхания, пищеварения, от внешних причин (убийства, самоубийства, смерти, обусловленные алко-

Таблица 3
Динамика ожидаемой продолжительности жизни в регионах СФО и РФ, лет

Table 3

Dynamics of life expectancy in the SFD regions and the Russian Federation, years

СФО, РФ	2005	2010	2015	2019	2020	2021	2022
ОПЖ по всему населению в СФО	62,7	67,1	69,3	71,1	69,6	68,3	70,5
ОПЖ мужчин в СФО	56,2	61,1	63,6	65,7	64,3	63,4	64,8
ОПЖ женщин в СФО	70,1	73,4	75,0	76,3	74,8	73,0	76,1
Гендерные различия в ОПЖ в СФО	-13,9	-12,3	-11,4	-10,6	-10,5	-9,4	-11,3
ОПЖ по всему населению в РФ	65,4	68,9	71,4	73,3	71,5	70,1	72,7
ОПЖ мужчин в РФ	58,9	63,1	65,9	68,2	66,6	65,5	67,6
ОПЖ женщин в РФ	72,5	74,9	76,7	78,2	76,4	74,5	77,8
Гендерные различия в ОПЖ в РФ	-13,6	-11,8	-10,8	-10,0	-9,8	-9,0	-10,2

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат: [сайт].— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 05.07.2023).

голем, транспортные несчастные случаи и другое). В 2022 г. в регионах СФО смертность по следующим классам причин была значительно выше среднероссийских показателей. По туберкулезу выше в 2,1 раза, по органам дыхания — в 1,28 раза, по внешним причинам — в 1,27 раза. В 2022 г. наиболее высокая смертность от внешних причин была в республиках Тыва (выше среднероссийской в 2,32 раза) и Алтай (выше в 1,73 раза). Повышенная смертность мужчин трудоспособных возрастов сокращает их ожидаемую продолжительность жизни (ОПЖ). Динамика мужской и женской ОПЖ в СФО, в России представлена в табл. 3.

С 2005 по 2019 г. ОПЖ российских мужчин и женщин устойчиво повышалась. Позитивная динамика данного показателя была прервана пандемией COVID-19. В 2022 г. тренд на повышение ОПЖ восстановился. Однако существенные различия в мужской и женской ОПЖ продолжают оставаться одной из демографических проблем для сибирских регионов и для России в целом.

За период 2005–2021 гг. доля сибирских регионов в наиболее значимых общероссийских показателях, характеризующих экономическое развитие, сокращалась. Доля населения СФО снизилась с 13,8% в 2005 г. до 11,7% в 2021 г. от общей численности населения России. Совокупный валовой региональный продукт (ВРП) террито-

рий СФО сократился с 10,9% до 9,3% по отношению к ВВП в текущих ценах за соответствующий год. Доля СФО в общероссийских инвестициях в основной капитал опустилась с 11,6% до 9,9%. В 2022 г. среднедушевые денежные доходы (СДД) населения исследуемых территорий составили 76,3% от уровня СДД в среднем по РФ. Все это свидетельствует об отставании регионов Сибирского федерального округа в экономическом развитии.

В соответствии с типологией регионов по уровню экономического развития, предложенной Н.В. Зубаревич [14, с. 161], к относительно экономически благополучным территориям в составе СФО относятся Красноярский край, Иркутская и Томская области. В течение исследуемого периода среднедушевой ВРП в данных регионах составлял 85–145% к среднему значению по РФ. Субъекты со средним уровнем развития — это Новосибирская, Омская области, Кемеровская область–Кузбасс, Республика Хакасия, Алтайский край (за последние годы этот регион балансировал на среднем или достаточно низком уровне экономического развития). Экономически слаборазвитые регионы — это республики Тыва и Алтай, в которых душевой ВРП составлял 32–39% к среднему по РФ.

Для оценки взаимосвязи демографических факторов и экономического развития был проведен корреляционный анализ по

Таблица 4

Корреляционная связь демографических индикаторов и среднедушевого ВРП, уровня занятости населения в регионах СФО

Table 4

Correlation between demographic indicators and average per capita GRP, employment rate of the population in the SFD regions

Демографические показатели	Среднедушевой ВРП в % к среднему по РФ			Уровень занятости населения от 15 лет и старше		
	2010	2019	2022	2010	2019	2022
Доля населения трудоспособного возраста, x_1	0,784	0,795	0,558	0,582	0,825	0,643
Коэффициент демографической нагрузки, x_2	-0,778	-0,767	-0,719	-0,622	-0,809	-0,571
ОПЖ мужчин, x_3	0,544	0,566	0,638	0,589	0,737	0,911
ОПЖ женщин, x_4	0,483	0,536	0,488	0,687	0,676	0,755
Смертность от внешних причин, x_5	-0,640	-0,425	-0,476	-0,754	-0,621	-0,821

Источник: расчёты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата, N = 13.

данным за 2010, 2019 и 2022 годы. В табл. 4 представлены коэффициенты корреляции Спирмена, которые на уровне статистической значимости $p < 0,05$ свидетельствуют о наличии умеренной или значимой связи между демографическими и экономическими индикаторами.

Корреляционный анализ позволил выявить наличие положительной связи между среднедушевым ВРП и удельным весом трудоспособных граждан, а также ОПЖ женщин и особенно мужчин. В 2010–2019 гг. взаимосвязь среднедушевого ВРП и доли трудоспособного населения была высокой. В 2022 г. связь стала умеренной из-за снижения доли людей трудоспособного возраста. В исследуемые годы была зафиксирована умеренная положительная взаимосвязь ОПЖ мужчин, женщин и среднедушевого ВРП.

Демографическая нагрузка на трудоспособное население, смертность от внешних причин отрицательно взаимосвязаны с душевым ВРП в СФО. Демографическая нагрузка оказывает значимое влияние, смертность от внешних причин — умеренное. В СФО в последнее десятилетие (за исключением 2022 г.) смертность от внешних причин сокращалась. Между уровнем занятости населения и долей трудоспособного населения, ОПЖ мужчин, женщин установлена

положительная связь. В 2022 г. повысилась значимость положительной взаимосвязи уровня занятости и ОПЖ мужчин, женщин. В этот год ОПЖ населения во многом восстановилась после негативного влияния пандемии COVID-19.

Зафиксирована отрицательная корреляционная связь уровня занятости и смертности от внешних причин, демографической нагрузки на трудоспособное население. Взаимосвязь между показателями воспроизводства населения и уровня занятости устойчива. В 2019 г. несколько усилилось влияние численности граждан трудоспособных возрастов на уровень занятости по причине повышения пенсионного возраста. В 2022 г. демографическая нагрузка ослабла по причине сокращения доли населения старших нетрудоспособных возрастов (повышение пенсионного возраста, влияние пандемии COVID-19 на рост смертности).

Далее на основе регрессионного анализа определялось влияние демографических факторов на уровень занятости и уровень среднедушевого ВРП. Были рассмотрены разные модели регрессии. В данном исследовании остановились на множественной линейной регрессии [15]. Демографические показатели, входящие в модель, проверялись на мультиколлинеарность. Для каждого регрессионного уравнения был рас-

Таблица 5

Характеристики регрессионных моделей зависимости демографических показателей и уровня занятости

Table 5

Characteristics of regression models of the relationship between demographic indicators and employment rate

Независимые переменные (демографические показатели)	Уровень занятости населения, Y_1 , коэффициент регрессии – 2019	Уровень занятости населения, Y_1 , коэффициент регрессии – 2022
Коэффициент детерминации R^2	0,905	0,716
Доля населения трудоспособного возраста, x_1	Слабое положительное влияние	Слабое положительное влияние
Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население, x_2	-0,762 (Sig. 0,000)	-0,612 (Sig. 0,004)
Ожидаемая продолжительность жизни, x_3	0,617 (Sig. 0,004)	0,676 (Sig. 0,003)
Смертность от внешних причин, x_5	-0,723 (Sig. 0,001)	-0,856 (Sig. 0,001)

Источник: расчёты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата, N = 13.

считан коэффициент детерминации R^2 . Из десяти построенных моделей были отобраны четыре с наиболее оптимальными коэффициентами детерминации (табл. 5, 6). Для выявления причинно-следственных связей между демографическими и экономическими показателями были рассчитаны уравнения множественной регрессии. Независимыми переменными являлись демографические индикаторы (x_1, x_2, x_3, x_5). Зависимые переменные — это уровень занятости населения (Y_1), среднедушевой ВРП в процентах к среднему по РФ (Y_2).

В 2019 г. показатели демографической нагрузки и смертности от внешних причин являлись наиболее значимыми факторами снижения для уровня занятости населения. В 2022 г. влияние внешней смертности несколько усилилось, демографической нагрузки ослабло, так как сократилась доля людей старших возрастных групп. Положительное значимое влияние ОПЖ на уровень занятости населения было устойчивым в 2019 и 2022 годах. Выявленная зависимость позволяет сделать вывод, что при увеличении ОПЖ, сокращении смертности от внешних причин, снижении демографической нагрузки уровень занятости населения от 15 лет и старше имеет тенденцию к росту.

ВРП — обобщающий показатель экономической деятельности региона, его ди-

намика характеризует темпы экономического развития. Большинство отобранных демографических переменных оказывают умеренное положительное (доля трудоспособного населения, ОПЖ) или сильное отрицательное (демографическая нагрузка в 2019 г.) влияние на уровень ВРП (табл. 6). Для 2019 и 2022 гг. актуально слабое отрицательное влияние смертности от внешних причин, для 2022 г. — слабое отрицательное влияние демографической нагрузки на уровень ВРП. При увеличении доли населения трудоспособных возрастов, при росте ОПЖ уровень ВРП имеет умеренно положительную тенденцию к росту.

С целью выявления однородных по исследуемым параметрам территорий СФО была разработана типология регионов на основе данных за 2021–2022 гг. о среднедушевом уровне ВРП по отношению к среднему значению по РФ, демографической нагрузки на трудоспособное население, росте уровня смертности от внешних причин. Дополнительно учитывались различия в занятости, в том числе по видам экономической деятельности, уровне урбанизации. В результате было выделено три типа регионов.

К первому типу были отнесены «наиболее проблемные, экономически слаборазвитые регионы» (республики Алтай и Тыва) и «субъект с достаточно низким уровнем экономического развития» (Алтайский

Таблица 6

Характеристики регрессионных моделей зависимости демографических показателей и среднедушевого ВРП

Table 6

Characteristics of regression models of the relationship between demographic indicators and per capita gross regional product

Независимые переменные (демографические показатели)	Душевой ВРП в % к среднему по РФ, Y_1 , коэффициент регрессии – 2019	Душевой ВРП в % к среднему по РФ, Y_2 , коэффициент регрессии – 2022
Коэффициент детерминации R^2	0,695	0,689
Доля населения трудоспособного возраста, x_1	0,542 (Sig. 0,005)	0,521 (Sig. 0,024)
Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население, x_2	-0,766 (Sig. 0,004)	Слабое отрицательное влияние
Ожидаемая продолжительность жизни, x_3	0,523 (Sig. 0,024)	0,402 (Sig. 0,027)
Смертность от внешних причин, x_5	Слабое отрицательное влияние	Слабое отрицательное влияние

Источник: расчёты сделаны авторами на основе данных региональной статистики Росстата, N = 13.

край). Эти территории отличаются повышенной долей занятых в сельском хозяйстве, бюджетной сфере, минимальным соотношением душевого ВРП к среднему аналогичному значению по РФ (32–44%), низким уровнем урбанизации (31–55%). Для национальных республик актуальна высокая демографическая нагрузка детьми, для Алтайского края более типична нагрузка гражданами старше трудоспособного возраста. В 2022 г. в этих регионах рост смертности от внешних причин был максимальным по сравнению с другими территориями СФО и составил 114–123%.

Второй тип, «менее проблемные территории»: Кемеровская-Кузбасс, Омская и Томская области, Республика Хакасия. В Омской области преобладает обрабатывающая промышленность. В Кемеровской-Кузбассе и Томской областях, Республике Хакасия значимая доля населения занята в добывающей промышленности, уровень урбанизации составляет 70–86%. В 2022 г. уровень экономического развития регионов второго типа снизился из-за санкционного и экономического кризиса. Среднедушевой ВРП этих территорий по отношению к среднероссийскому показателю составил 56–82%. Демографическая нагрузка формируется в большей степени людьми старших возрастов. Рост смертности от внешних причин за последний год – 106–114%.

Третий тип «со среднероссийским уровнем развития» (Красноярский край, Иркутская и Новосибирская области). Экономические и демографические показатели близки или несколько выше аналогичных средних значений в РФ. Красноярский край, Иркутская область – это регионы с экспортной экономикой, специализирующиеся на добыче углеводородов. В Новосибирской области преобладает обрабатывающая промышленность и сервисная экономика, доля городских жителей составила 78–80%. Уровень душевого ВРП равен 85–125%, вклад в демографическую нагрузку детей снижается, пожилых граждан возрастает. В 2022 г. рост смертности от внешних причин составил 102–105%.

Практическое значение предложенной типологии определяется возможностью её использования в целях корректировки задач демографического и экономического развития субъектов Сибирского федерального округа.

Заключение

Проведённый анализ позволил обосновать связь между демографическими факторами и экономическим развитием территорий Сибирского федерального округа. Выявлено, что для уровня занятости наиболее значимыми факторами снижения яв-

лялись демографическая нагрузка и смертность от внешних причин. В 2022 г. влияние внешней смертности несколько усилилось, демографической нагрузки ослабло, т.к. сократилась доля людей старших возрастных групп. Положительная связь ОПЖ и уровня занятости населения была достаточно устойчивой. Выявленная зависимость позволяет сделать вывод, что при увеличении ОПЖ, сокращении смертности от внешних причин, снижении демографической нагрузки уровень занятости населения имеет тенденцию к росту. Взаимосвязь коэффициента демографической нагрузки и уровня ВРП была умеренно отрицательной в 2019 г., слабо отрицательной в 2022 году.

Регионы СФО, существенно различаются по многим экономическим, демографическим параметрам развития. Предложенная типология исследуемых территорий по уровню экономического развития и особенностям демографической ситуации позволила выделить следующие типы: 1) наиболее проблемные, слабо развитые (Республика Алтай, Республика Тыва, Алтайский край), с достаточно низким уровнем экономического развития, низким уровнем урбанизации. Демографическая нагрузка на 7–8% выше аналогичного значения по РФ, высокий рост смертности от внешних причин в 2022 г.; 2) менее проблемные регионы с неустойчивым, но близким к среднероссийскому уровню ВРП, индустриально

развитые, с высокой долей занятых в обрабатывающей (Омская область) или добывающей промышленности (Кемеровская-Кузбасс и Томская области, Республика Хакасия). Демографическая нагрузка в этих субъектах СФО на 3–5% выше среднего аналогичного значения по России, рост смертности от внешних причин—106–114% в 2022 г.; 3) регионы с показателями развития, близкими к средним значениям по России. Это территории с экспортной экономикой, специализирующиеся на добыче углеводородов (Красноярский край, Иркутская область) или сервисной экономикой (Новосибирская область). Демографическая нагрузка в этих субъектах несколько ниже или близка к среднему аналогичному значению по России.

Различия исследуемых территорий по уровню экономического развития и особенностям демографической ситуации предполагают дифференцированный подход к разработке и реализации региональной политики. Однако региональные программы достаточно часто направлены на реализацию мер федерального уровня, не всегда учитывают особенности социально-экономического развития территорий. Предложенная типология субъектов СФО может быть использована с целью корректировки задач демографического и экономического развития исследуемых регионов.

Литература и Интернет-источники

1. **Heady, D.D.** The effect of population growth on economic growth: A meta-regression analysis of the macroeconomic literature / D.D. Heady, A. Hodge // *Population and Development Review*.— 2009.— No. 35.— P. 221–248. DOI: 10.1111/j.1728–4457.2009.00274.x
2. **Соболева, С.В.** Здоровье населения Сибири: риски и их измерители / С.В. Соболева, Н.Е. Смирнова, О.В. Чудаева // *Регион: Экономика и Социология*.— 2010.— № 2.— С. 223–241. EDN: MSRMQT
3. **Morozova, E.** Demographic Problems as Hindrance for Sustainable Development of a Mining Region (the Case of Kemerovo Region) / E. Morozova, E. Pastukhova, T. Logunov // *E3S Web of Conferences: 5* (Кемерово, 19–21 октября 2020 г.).— Kemerovo, 2020.— P. 04044. DOI: 10.1051/e3sconf/202017404044; EDN: ZTYNVU

4. **Рыбаковский, Л. Л.** Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего Востока в общероссийских координатах (1959–2015 гг.) / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова, В. И. Савинков // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01; EDN: YISCNZ
5. **Пастухова, Е. Я.** Уровень, динамика, факторы абсолютной и относительной бедности: региональный аспект / Е. Я. Пастухова, А. В. Мухачёва, О. П. Кочнева // Вопросы управления. — 2021. — № 3(70). — С. 80–92. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-80-92; EDN: VKYAJP
6. **Чуранова, А. Н.** Смертность населения трудоспособного возраста в промышленных регионах Сибири / А. Н. Чуранова, Т. Ю. Горчакова // Медицина труда и промышленная экология. — 2020. — Т. 60. — № 11. — С. 888–891. DOI: 10.31089/1026-9428-2020-60-11-888-891; EDN VKZIKC
7. **Рыбаковский, О. Л.** Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 4–17. — DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1; EDN: ZARKPP
8. **Соболева, С. В.** Демографические проблемы Сибири в контексте пространственного развития / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // ЭКО. — 2020. — № 8(554). — С. 48–65. — DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2020-8-48-65; EDN: UOVEUV
9. **Доброхлеб, В. Г.** Демографическое старение в аспекте гендерных проблем современной России / В. Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 2. — С. 5–13. — DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1; EDN: ZYNURF
10. **Черешнев, В. А.** Выявление региональных особенностей старения населения России / В. А. Черешнев, Е. В. Чистова // Экономический анализ: теория и практика. — 2017. — Т. 16. — № 12(471). — С. 2206–2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206; EDN: ZXQUOL
11. **Соболева, С. В.** Изменения численности и половозрастной структуры населения Сибирского федерального округа и его регионов в 1989–2017 гг.: оценка последствий и риски / С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова, О. В. Чудаева // Регион: Экономика и Социология. — 2019. — № 2(102). — С. 151–184. DOI: 10.15372/REG20190207; EDN: OTOUGS
12. **Van Oyen, H.** Gender differences in healthy life years within the EU: an exploration of the «health-survival» paradox / H. Van Oyen, W. Nusselder, C. Jagger // International Journal Public Health. — 2013. — No. 58. — P. 143–155. DOI: 10.1007/s00038-012-0361-1
13. **Ибрагимова, А. А.** Гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни населения Татарстана / А. А. Ибрагимова // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 47–57. — DOI: 10.19181/population.2021.24.4.4; EDN: AQCTGA
14. **Зубаревич, Н. В.** Возможности и ограничения количественной оценки факторов экономического развития российских регионов / Н. В. Зубаревич // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2020. — № 2(46). — С. 158–167. DOI: 10.31737/2221-2264-2020-46-2-8; EDN: DUITFM
15. **Беданов, М. К.** Взаимовлияние ожидаемой продолжительности жизни и ВВП в странах мира / М. К. Беданов, Е. В. Моргунов, С. В. Чернявский // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 4–15. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.1; EDN: CZVKHC

Сведения об авторах:

Пастухова Елена Яковлевна, к.э.н., доцент Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Контактная информация: e-mail: peau.13@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5518-1783; РИНЦ AuthorID: 405114.

Логунов Тимур Александрович, к.филол.н., зав. кафедрой Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия.

Контактная информация: e-mail: tlogunov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4923-1048; РИНЦ AuthorID: 662254

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122

DEMOGRAPHIC FACTOR IN THE ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE REGIONS OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT IN 2005–2022

Elena Ya. Pastukhova*, Timur A. Logunov

Kemerovo State University
(6 Krasnaya st., Kemerovo, Russia, 650000)

*E-mail: peau.13@yandex.ru

For citation:

Pastukhova E. Ya., Logunov T.A. Demographic factor in the economic development of the regions of the Siberian Federal District in 2005–2022. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 109-122. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122 (in Russ.)

Abstract. *Dynamics of important demographic and economic processes in the regions of the Siberian Federal District (SFD) is developing according to a more unfavorable scenario compared to the all-Russian trends. Most of the SFD territories are characterized by a long-term natural population decline, decrease in the number and proportion of working-age population and rising demographic burden. Increase of the demographic burden in the industrial regions of the SFD is due to the number of people over working age, while in the national republics of South Siberia, it is due to larger numbers of children and adolescents. High mortality rate of the SFD population has a negative impact on life expectancy, especially for men. An important role in the dynamics of the processes under study belongs to the natural resource and industrial character of the development of Krasnoyarsk Krai, Irkutsk, Kemerovo, Omsk, Tomsk oblasts and the Republic of Khakassia. A significant part of the Siberian population lives in unfavorable environmental conditions, they have lower living standards and higher poverty rates as compared to the national average. The authors used correlation and regression analyses to reveal a significant and moderate correlation between demographic factors and economic development of the SFD regions. Employment showed a negative correlation with the increase in demographic burden and mortality from external factors. Life expectancy has a positive correlation with population employment and gross regional product (GRP) level. Demographic burden, mortality caused by external factors, and life expectancy proved to be more significant for population employment rate, and moderately or weakly relevant for average per capita GRP. The authors propose a typology of the SFD regions based on their level of economic development and specifics of the demographic situation. The typology includes three types: first, the most problematic and less developed regions; second, less problematic ones; and third, the regions whose development indicators are close to the Russian average. The suggested typology is practically relevant as it can be used in adjusting the objectives of demographic and economic development of the regions in the Siberian Federal District.*

Keywords: *natural population decline, age structure, ageing of the population, mortality, life expectancy, employment rate, GRP.*

References and Internet sources

1. Heady D.D., Hodge A. The effect of population growth on economic growth: A meta-regression analysis of the macroeconomic literature. *Population and Development Review*. 2009. No. 35. P. 221–248. doi: 10.1111/j.1728-4457.2009.00274.x
2. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Zdorov'ye naseleniya Sibiri: riski i ikh izmeriteli [Health risks and how to measure them]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2010. No. 2. P. 151–184. (in Russ.)
3. Morozova E., Pastukhova E., Logunov T. Demographic problems as hindrance for sustainable development of a mining region (the Case of Kemerovo Region). *E3S Web of Conferences*: 5. (Kemerovo, 19–21 October 2020). Kemerovo. 2020. P. 04044. DOI: 10.1051/e3sconf/202017404044
4. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I., Savinkov V.I. Prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v obshcherossiyskikh koordinatakh (1959–2015 gg.) [Life expectancy of the population of Siberia and the Far East and its dynamics in Russian national coordinates (1959–2015)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01 (in Russ.)
5. Pastukhova E. Ya., Mukhachyova A.V., Kochneva O.P. Uroven', dinamika, faktory absolyutnoy i otnositel'noy bednosti: regional'nyy aspect [Rates, dynamics, and factors of absolute and relative poverty: regional aspect]. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*. 2021. No. 3. P. 80–92. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-80-92 (in Russ.)
6. Churanova A.N., Gorchakova T. Yu. Smertnost' naseleniya trudosposobnogo vozrasta v promyshlennykh regionakh Sibiri [The mortality rate of the working age population in the industrial regions of Siberia]. *Meditcina truda i promyshlennaya ekologiya [Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology]*. 2020. Vol. 60. No. 11. P. 888–891. DOI: 10.51089/1026-9428-2020-60-11-888-891 (in Russ.)
7. Rybakovsky O.L. Depopulyatsiya v regionakh Rossii: itogi za 1992–2022 gg. i komponenty [Depopulation in the regions of Russia: results for 1992–2022 and components]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 4–17. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.1 (in Russ.)
8. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Demograficheskiye problemy Sibiri v kontekste prostranstvennogo razvitiya [Demographic problems of Siberia in the context of spatial development]. *EKO [ECO]*. 2020. No. 8. P. 48–65. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-8-48-65 (in Russ.)
9. Dobrokhleb V.G. Demograficheskoye starenie v aspekte gendernykh problem sovremennoy Rossii [Demographic aging in the aspect of gender problems in modern Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 5–13. DOI: 10.19181/population.2020.23.2.1 (in Russ.)
10. Chereshev V.A., Chistova E.V. Vyyavleniye regional'nykh osobennostey starenia naseleniya Rossii [Determination of regional aspects of population aging in Russia]. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika [Economic Analysis: Theory and Practice]*. 2017. Vol. 16. No. 12. P. 2202–2223 (in Russ.)
11. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudayeva O.V. Izmeneniya chislennosti i polovozrastnoy struktury naseleniya Sibirskogo federal'nogo okruga i yego regionov v 1989–2017 gg.: otsenka posledstviy i riski [Changes in the size and sex-age structure of the population in the Siberian federal district and its regions from 1989 to 2017: impact assessment and risks]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology]. 2019. No. 2 (102). P. 151–184. DOI: 10.15372/REG20190207 (in Russ.)
12. Van Oyen H., Nusselder W., Jagger C. Gender differences in healthy life years within the EU: an exploration of the «health–survival» paradox. *International Journal Public Health*. 2013. No. 58. P. 143–155. DOI: 10.1007/s00038-012-0361-1

13. Ibragimova A.A. Gendernyye razlichiya v ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya Tatarstana [Gender differences in life expectancy of the population of Tatarstan]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 47–57. DOI: 10.19181/population.2021.24.4 (in Russ.)
14. Zubarevich N.V. Vozmozhnosti i ogranicheniya kolichestvennoy otsenki faktorov ekonomicheskogo razvitiya rossiyskikh regionov [Opportunities and limitations of quantitative assessment of factors of the Russian regions' economic development]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2020. No. 2(46). P. 158–167. DOI 10.31737/2221–2264–2020–46–2–8 (in Russ.)
15. Bedanokov M.K., Morgunov E.V., Chernyavsky S.V. Vzaimovliyaniye ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni i VVP v stranakh mira [The interaction between life expectancy and gross domestic product by countries]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 4–15. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.1 (in Russ.)

Information about the authors:

Pastukhova Elena Yakovlevna. Candidate of Economics, Associate Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Contact information: e-mail: peau.13@yandex.ru; ORCID: 0000–0001–5518–1783; Elibrary AuthorID: 405114.

Logunov Timur Aleksandrovich, Candidate of Philology, Head of Department, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.

Contact information: e-mail: tlogunov@mail.ru; ORCID: 0000–0003–4923–1048; Elibrary AuthorID: 662254.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135
EDN: FFACHY

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ

Никулкина И. В.^{1,2*}, Романова Е. В.²

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

²Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
(677000, Россия, Якутск, ул. Белинского, 58)

*E-mail: inga123456@yandex.ru.

Финансирование:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках международного научного проекта 20-510-71001 Арктика т «Осмысление, привязанность к месту и расширение взаимосвязей как источники обеспечения устойчивости в Арктике: российский северо-восточный вектор».

Для цитирования:

Никулкина И. В., Романова Е. В. Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 123-135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135; EDN: FFACHY

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы демографического развития арктических регионов России за период 2010–2021 гг. с позиции концепции резильентности. Поиск новых подходов к повышению устойчивости экономик арктических регионов требует более глубокого изучения влияния демографического фактора на социально-экономические системы. Проведенный анализ позволил выявить основные тенденции, особенности и закономерности демографического развития Арктической зоны (АЗ) России, в том числе в пилотном регионе — АЗ Республики Саха (Якутия). Демографические процессы в АЗ РФ характеризуются нестабильностью развития, депопуляцией населения, увеличением нагрузки на трудоспособное население. В 2020 г. в АЗ РФ наблюдается смена естественного прироста населения на убыль, увеличение естественной убыли населения к 2021 году. В АЗ Республики Саха (Якутия) сохраняется естественный прирост населения, но происходит его сокращение. Это может подорвать жизнеспособность, устойчивость экономик арктических регионов России. Также высказывается точка зрения, что современные реалии требуют смены вектора реализации преференциального режима АЗ РФ. Существует необходимость выйти за рамки режима «только для бизнеса» и предусмотреть преференции для населения в Арктике с целью его закрепления и привлечения. Сделан вывод, что перспективы демографического развития в Арктике будут зависеть от проактивной государственной политики в АЗ России с системными мерами по созданию условий для жизнедеятельности населения. Развитие человеческого потенциала в Арктике является решающим условием в повышении устойчивости экономик арктических регионов России. Требуется создание комплекса взаимосвязанных мер: системные — стимулирование развитие человеческого потенциала, инвестиций и инноваций; территориальные — создание системы поддержки геостратегических территорий, опорных населенных пунктов российской Арктики, комплекс налоговых стимулов для развития МСП в Арктике, в том числе традиционных форм занятости коренных и малочисленных народов.

Ключевые слова: демографическое развитие, Арктическая зона России, численность населения, Якутия, миграционная убыль, демографические пирамиды, резильентность, жизнеспособность.

Введение

Стратегическое значение Арктики и происходящие в ней процессы в условиях глобальных изменений требуют глубокого анализа, осмысления и выработки новых подходов к развитию экономик арктических регионов и повышению их устойчивости, отвечающих реалиям времени и условиям шоковых изменений, где демографическое развитие и повышение качества жизни населения является ключевым приоритетом, в том числе в освоении Арктики и в реализации транспортных возможностей СМП.

Потребность в выработке новых подходов к повышению устойчивости экономик арктических регионов заметно повысила интерес к концепции резильентности (жизнеспособности) экономических систем¹. Понятие «resilience» давно используется в различных областях науки (особенно популярно у западных ученых) и является устоявшимся термином. Концепция резильентности (жизнеспособности) в современном прочтении востребована и развивается в разных научных сферах. Если судить по количеству научных публикаций европейских авторов, наиболее популярным направлением за последние годы является климатическая, городская, региональная резильентность/экономическая резильентность региона, а в отечественных исследованиях — это региональная и экономическая резильентность.

Для российской действительности резильентность является относительно новым понятием и дискуссионным в силу неоднозначного его понимания и даже транслитерации. В настоящей статье и в более ранних публикациях авторов используется понятие «резильентность» в его основном значении «жизнеспособность», что обусловлено необходимостью использовать общий подход в терминологии при работе в международной междисциплинар-

ной команде. Для настоящего исследования под жизнеспособностью (резильентностью/resilience) понимается «способность системы устоять под воздействием шока», быть «устойчивой системой к шокам» (слово «устойчивость» по тексту используется именно в этом значении — как более понятное для русскоязычных читателей), «способность той или иной системы возвращаться к исходному состоянию, способность преодолевать шоки и адаптироваться к новым условиям». Следует отметить, что «resilience/резильентность» необходимо отличать от «sustainability/устойчивое развитие», под которым понимается сбалансированное развитие экономической, социальной и экологической подсистем на основе компромисса между деятельностью человека и силами природы². В настоящем исследовании применительно к экономическим сообществам под жизнеспособностью понимается «способность систем поглощать, абсорбировать шоки, восстанавливаться (возвращаться в состояние динамического равновесия) и адаптироваться к ним (трансформироваться для роста), используя свой потенциал и ключевые ресурсы [1].

С позиции концепции резильентности (жизнеспособности) авторами исследуются особенности, тенденции и проблемы демографического развития Арктической зоны (АЗ) России, в том числе на конкретном пилотном регионе проекта — на примере АЗ Якутии, с целью дальнейшей объективной оценки свойств и степени резильентности экономических систем арктических поселений к экономическим шокам³.

В настоящем исследовании и в более ранних публикациях авторов ключевыми показателями при оценке резильентности социально-экономических систем арктических поселений являются базовые стати-

¹ Статья является продолжением исследования и цикла публикаций в рамках международного научного проекта по изучению жизнеспособности арктических поселений к экономическим шокам (РФФИ 20–510–71001 Арктика_т «Осмысление, привязанность к месту и расширение взаимосвязей как источники обеспечения устойчивости в Арктике: российский северо-восточный вектор»).

² Чернова О.А. Резильентность регионов России в условиях восстановительного роста: скачок вперед или отскок назад? // Journal of Applied Economic Research. — 2023. — Т. 22. — № 2. — С. 381–405.

³ Результаты исследования в дальнейшем будут использованы при формировании методологии оценки резильентности экономических систем арктических поселений Северо-Востока России к экономическим шокам. Более подробно будет изложено в следующих публикациях авторов.

стические показатели «численность» и «миграция населения». Более того, в исследовании факторов резильентности численность населения выступает как основной результативный показатель. Понимание демографических процессов в Арктике позволит выявить (1) определяющие факторы резильентности, способные обеспечить устойчивость, выдержать «удар» и восстановиться после шока, (2) объективно дать оценку резильентности арктических поселений в меняющихся условиях и (3) выработать механизмы адаптации (в том числе комплекс превентивных мер).

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей, закономерностей и проблем демографического развития АЗ РФ, позволяющих в дальнейшем объективно оценить резильентность экономических систем арктических поселений к экономическим шокам. В настоящее время вопросы демографического развития АЗ РФ и её демографического потенциала широко освещены в научной литературе [2–7]. Так, демографическая устойчивость и её измерение представлена в исследовании В.В. Фаузера, Т.С. Лыткиной, А.В. Смирнова. Авторы обосновано считают, что «демографическая устойчивость северных регионов достигается, когда имеет место расширенное воспроизводство населения, трудоспособная часть населения является достаточной для обеспечения отраслей народного хозяйства ресурсами труда, количество вступающих в трудовую деятельность превосходит выбывающие человеческие ресурсы, половозрастные пропорции оптимальны, идет постоянное сокращение разницы в ожидаемой продолжительности жизни между полами, городом и селом, отдельными этносами, отрицательный миграционный баланс территории складывается в результате того, что количество выбывающих лиц старше трудоспособного возраста и потерявших трудоспособность превышает прибывающие миграционные потоки из лиц трудоспособного возраста» [7].

Многие исследователи подробно и обосновано выделяют особенности и проблемы демографического развития АЗ РФ [7–12].

При этом ряд учёных справедливо отмечает, что предпринимаемые государством меры недостаточны для решения проблем демографии и качества жизни населения в Арктике [12–14]. Например, тема демографического развития арктических зон Северо-Востока России широко представлена в исследованиях С.А. Сукнёвой. В исследовании выделяются особенности и проблемы демографического развития арктических районов Республики Саха (Якутия) — «низкая заселенность; население преимущественно сельское с высокой долей представителей коренных малочисленных народов Севера; нисходящая динамика числа жителей определяется миграционной убылью и понижением естественного прироста населения» [14], «относительно высокий уровень рождаемости сохраняется за счет более высоких репродуктивных установок населения сельской местности, где проживают преимущественно коренные народы Севера», а также автор отмечает специфические локальные проблемы — «именно в арктических районах Якутии отмечаются самые высокие уровни внебрачной рождаемости и безбрачия коренного населения» [11]. К Арктической зоне Северо-Востока России относятся также и Чукотский АО. Исследователи Ю.А. Авдеев, З.И. Сидоркина, В.Л. Ушакова подробно рассматривают тенденции демографического развития АЗ Чукотки, особенности формирования демографического потенциала за счет естественного воспроизводства и миграционного движения у коренного и пришлого населения [3]. Современные негативные тенденции демографических процессов усугубляются под воздействием различных шоков и пагубно влияют на социально-экономическое развитие арктических регионов, на устойчивость систем арктических поселений, на предпринимательскую и инвестиционную активность в АЗ РФ.

Представители научно-экспертного сообщества и органов государственной власти в своих выступлениях на различных научных мероприятиях и в публикациях, посвященных Арктике, регулярно обсуждают широкий круг проблем демографии и качества

жизни населения в АЗ РФ. При этом, как показывает практика, несмотря на многочисленные исследования и широкую освещённость, данная тема не теряет своей актуальности, только набирает обороты по своей востребованности в изучении в силу нерешаемых и нарастающих проблем.

Таким образом, актуальность демографических проблем, с одной стороны, а также поиск новых подходов к повышению устойчивости экономик арктических регионов, расширение теории и практики концепции резильентности, с другой стороны, открывают важное направление дальнейших исследований. Для повышения жизнеспособности арктических поселений и выработки механизмов адаптации к шокам важно понимать как демографические процессы влияют на социально-экономические системы арктических поселений и её устойчивость.

Методы

В исследовании особенностей и закономерностей развития народонаселения АЗ РФ и Республики Саха (Якутия) были применены, как традиционные статистические методы анализа, так и специфические. Из числа традиционных статистических методов анализа был применён расчёт следующих показателей: темпа прироста/убыли населения, структуры населения, естественного и миграционного движения населения⁴. В исследовании также использовался специфический демографический метод, который позволяет построить половозрастную пирамиду населения, предоставляющую обширное поле для анализа и дающую информацию об эволюции воспроизводства населения и его типе.

Методологические подходы в исследовании трансформации возрастной структуры населения формировались на протяжении XX и XXI веков. Один из первых исследователей, предложивших классификацию типов возрастной структуры населения, явился шведский демограф А. Г. Сундберг, который

ввёл в научный оборот понятие прогрессивного, стационарного и регрессивного типов возрастной структуры населения⁵. Для каждого типа половозрастной структуры характерны свои особенности воспроизводства населения: при прогрессивной возрастной структуре население увеличивается, при стационарной — не меняет своей численности, а при регрессивной — сокращается.

Результаты

Наиболее многочисленными регионами АЗ РФ являются Мурманская область, Архангельская область и Ямало-Ненецкий АО, составляющие соответственно 28%, 25% и 21% от общей численности населения Арктики России (табл. 1). Малонаселёнными регионами Арктики выступают Ненецкий АО, Чукотский АО и Республика Саха (Якутия)⁶. Практически по всем регионам Арктики, за исключением Ненецкого и Ямало-Ненецкого АО, наблюдается сокращение численности населения, причём общая численность населения АЗ РФ за период 2010–2021 гг. сократилась на 5,4%, в том числе по Республике Саха (Якутия) — на 8,7%⁷. Значительное сокращение численности населения наблюдается в республиках Карелия и Коми⁸.

Следует выделить особенности в тенденциях сокращения численности населения в Республике Саха (Якутия) (далее — Якутия) и в целом по АЗ РФ. Так, резкое сокращение численности населения по АЗ РФ наблюдается в период 2019–2021 гг., а в Якутии — в период 2011–2014 гг. (рис. 1). Среди муниципальных районов АЗ Якутии следует выделить четыре района с наибольшими показателями численности населения: Верхоянский, Булунский, Среднеколымский и Усть-Янский, но и в этих районах наблюдается сокращение численности населения.

⁵ Медков В. М. Демография: учебное пособие. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. — 448 с.

⁶ Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. — Москва: Росстат, 2021. — 193 с.

⁷ Численность и структура населения Российской Федерации по полу и возрасту (статистический бюллетень). — Москва: Росстат, 2021. — 443 с.

⁸ Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 02.03.2023).

⁴ Методологические пояснения // Росстат. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 02.03.2023).

Таблица 1

Показатели динамики и структуры населения Арктической зоны РФ

Table 1

Indicators of population dynamics and structure in the Arctic zone of the Russian Federation

Регион	Человек		Темп прироста/убыли населения, %	Структура, %	
	2010	2021		2010	2021
Мурманская область	799765	732864	-8,4	28,9	28
Ненецкий АО	42115	44389	5,4	1,5	1,7
Чукотский АО	50526	49527	-2	1,8	1,9
Ямало- Ненецкий АО	524141	547010	4,4	19	20,9
Республика Карелия	131875	111254	-15,6	4,8	4,3
Республика Коми	191300	152573	-20,2	6,9	5,8
Республика Саха (Якутия)	74218	67798	-8,7	2,7	2,6
Красноярский край	245277	245191	-0,04	8,9	9,4
Архангельская область	704099	662668	-5,9	25,5	25,4
Арктическая зона РФ	2763316	2613274	-5,4	100	100

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

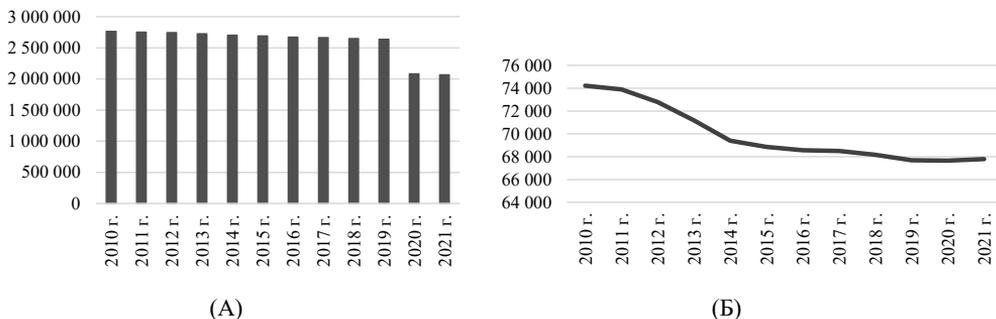

Рис. 1. Динамика численности населения АЗ РФ (А) и АЗ Якутии (Б), человек

Fig. 1. Dynamics of the population indicator of the Arctic zone of Russia (A) and of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) (B), persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Тенденции изменения численности населения обуславливаются процессами естественного и миграционного движения населения. Соотношение естественного и миграционного прироста/убыли населения характеризует их роль в формировании населения, показывая степень влияния на данный процесс в разные периоды времени. В естественном движении населения Арктики России следует отметить прирост населения в период 2010–2019 гг., причём пик естественного прироста населения наблюдается в 2012–2015 годах. Однако в 2020–2021 гг. в целом по АЗ РФ наблюдается естественная убыль населения, т.е. показате-

ли смертности превышают показатели рождаемости среди населения (рис. 2).

Среди основных компонентов прироста/убыли населения именно миграционная составляющая оказала определяющее влияние на формирование численности населения АЗ. В миграционном движении наблюдается миграционная убыль населения. Пик оттока населения приходится на 2013 г., который характеризуется показателем коэффициента миграционного движения –13,3 промилле. В период 2017–2021 гг. показатели миграционной убыли уменьшаются до уровня 0,94 промилле. При сопоставлении величин естественного и миграционно-

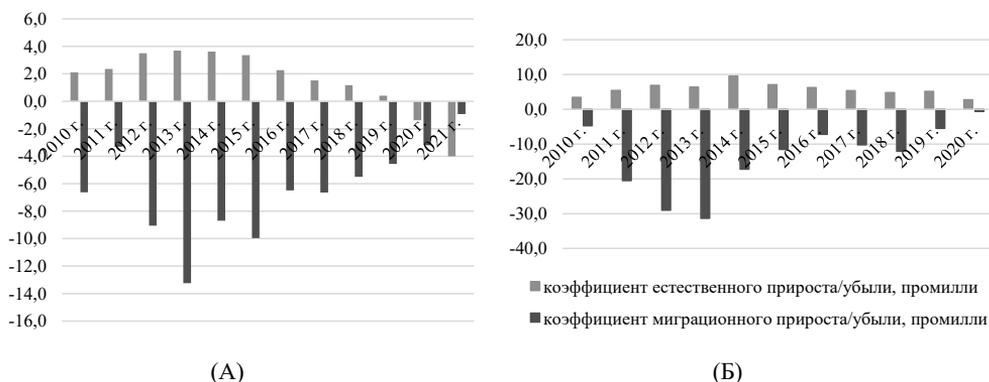

Рис. 2. Коэффициенты естественного и миграционного прироста/убыли населения АЗ РФ (А) и Якутии (Б)

Fig. 2. Indicators of the coefficient of natural and migration increase/decrease in the population of the Arctic zone of the Russian Federation (A) and the Republic of Sakha (Yakutia) (B)

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

го прироста/убыли населения можно проследить изменение влияния данных компонентов на общее изменение численности населения, которое обусловлено сменой естественного прироста на убыль и, несмотря на снижение показателей, миграционную убыль населения за пределы АЗ. Поэтому значительное снижение численности населения в период 2020–2021 гг. обусловлено совместным влиянием естественной и миграционной убыли населения АЗ России.

В АЗ Якутии сохраняется естественный прирост населения и наибольший показатель естественного прироста приходится на 2014 г., при этом его темпы замедляются к 2021 г. Следует отметить, что за анализируемый период уровень естественного прироста значительно превышает показатели в среднем по российской Арктике. Процесс миграции населения характеризуется миграционным оттоком населения: пик миграционного оттока приходится на 2013–2014 гг., но к 2021 г. темпы миграционной убыли значительно уменьшились.

Таким образом, демографический процесс миграции населения АЗ Республики Саха (Якутия) в целом идентичен общей тенденции миграционной убыли населения Арктики России. При этом в естественном движении населения наблюдается сохранение естественного прироста, однако темпы

естественного прироста населения замедляются. Данные тенденции находят своё отражение в динамике численности населения в период 2011–2014 гг., когда наблюдался наибольший миграционный отток населения, основной причиной которого являлось стремление населения, большую часть которого составляют жители сельской местности, переехать в столицу Якутии и другие города, где более комфортные условия для проживания.

Сложившиеся тенденции развития демографических процессов, определяющих народонаселение российской Арктики и в том числе Республики Саха (Якутия) отражаются в половозрастной структуре населения. Половозрастная пирамида населения в 2021 г. АЗ РФ имеет форму регрессивного типа, характеризующее суженное воспроизводство населения, то есть доля взрослого населения выше доли детей (рис. 3). Как было отмечено выше, пик естественного прироста населения Арктической зоны России наблюдался в 2012–2014 гг., поэтому доля детей в возрасте 5–9 лет является наибольшей среди детей. В целом основание пирамиды по численности населения в возрасте 0–29 лет свидетельствует об относительно устойчивом процессе рождаемости среди населения в период с 90-х годов до 2021 года. Однако в структуре населения на-

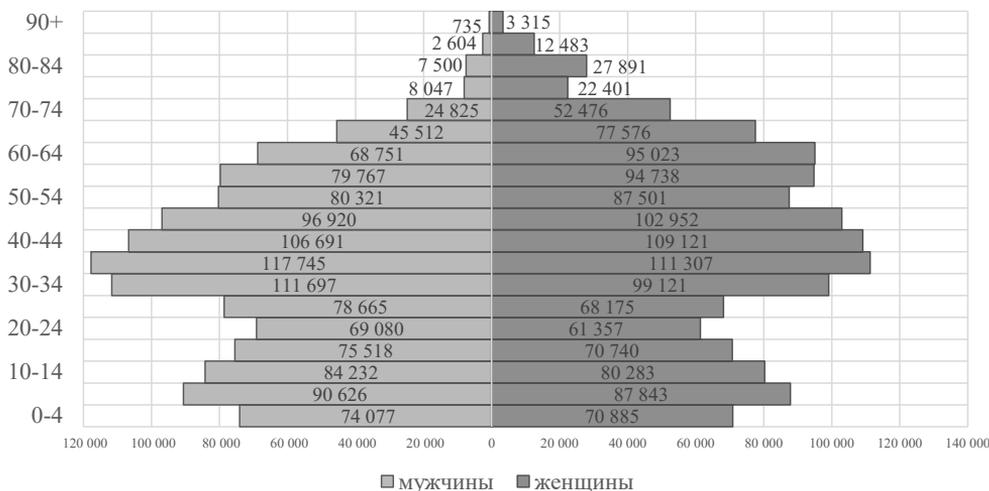

Рис. 3. Половозрастная пирамида населения АЗ РФ в 2021 г.*, человек

Fig. 3. Age and sex pyramid of the population of the Arctic zone of Russia in 2021, persons

*за исключением населения 10 сельских поселений Эвенкийского района (данные отсутствуют).

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

блюдается резкое увеличение доли населения от 30 лет и старше и наибольшие показатели приходятся на население в возрасте 30–39 лет как мужчин, так и женщин. Это обусловлено более высокими показателями рождаемости в 80-х годах прошлого века. Поэтому преобладание численности населения трудоспособного возраста в структуре населения позволяет судить о регрессивном типе народонаселения АЗ России. Соотношение мужчин и женщин составляло 48% и 52% соответственно. Следует также отметить, что доля мужчин в общей численности населения преобладает лишь в возрасте до 40 лет, свыше 40 лет — преобладает доля женщин.

В форме половозрастной пирамиды населения АЗ РФ можно чётко наблюдать проявление «демографической ямы» и ее влияние в 1990-х гг.: резкое сокращение численности родившихся мальчиков и девочек приходится на 1992–2001 годы. Затем численность родившихся увеличивается до 2017 г., когда мы наблюдаем снова сокращение численности родившихся детей. Таким образом, в сформировавшейся структуре населения АЗ России прослеживаются

негативные тенденции, проявление которых возможно наблюдать через 20–25 лет, когда трудоспособное население достигнет пенсионного возраста. Следствием подобной структуры населения будет рост нагрузки на трудоспособное население, когда численность населения пенсионного возраста будет превышать численность населения в трудоспособном возрасте.

В отличие от регрессионного типа воспроизводства населения по всей российской Арктике АЗ Якутии характеризуется иным типом воспроизводства, который можно охарактеризовать как стационарно-прогрессивный. Об этом свидетельствует более широкое основание половозрастной пирамиды: доля молодого поколения больше доли пожилого населения (рис. 4).

При этом снижение уровня естественного прироста населения за последние 4 года нашло своё отражение в половозрастной пирамиде по категории детей от 0 до 4 лет: доля детей данного возраста меньше, чем доли детей в возрасте от 5 лет и старше. Также следует отметить различие в типе воспроизводства для мужчин и женщин АЗ Якутии. Левая сторона половозраст-

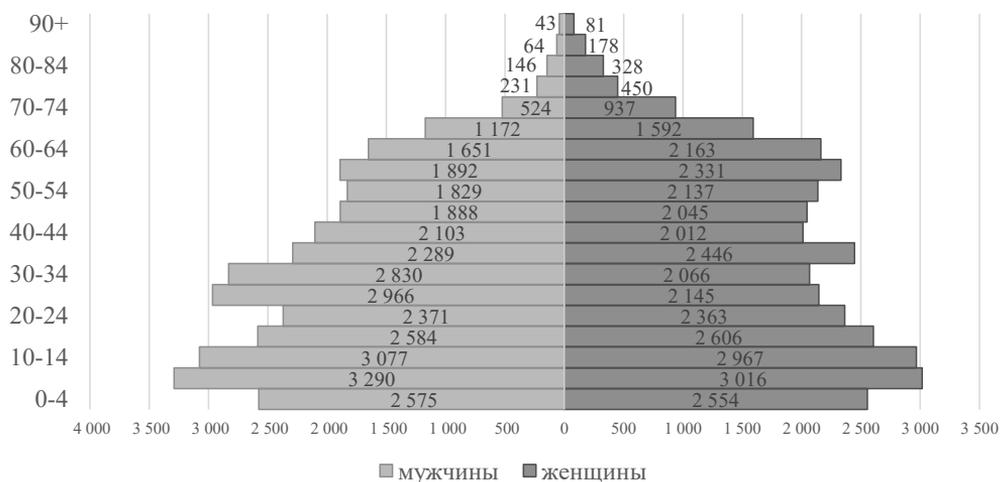

Рис. 4. Половозрастная пирамида населения АЗ Якутии в 2021 г., человек

Fig. 4. Age and sex pyramid of the population of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2021, persons

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

ной структуры, где отражается численность мужчин по возрастным группам, близка в прогрессивному типу воспроизводства (за исключением категории мужчин 15–24 лет и мальчиков 0–4 лет, по которым наблюдается «демографический провал»), а правая сторона, где отображается численность женщин по возрастным группам, близка к стационарному типу (за исключением категории женщин 35–39 лет и девочек 5–14 лет). Соотношение мужчин и женщин составило 49% и 51% соответственно, причём соотношение в пользу мужчин наблюдалось в возрасте от 0 до 44 лет, в возрасте старше 45 лет преобладает доля женщин. Отметим, что превышение численности мужчин над численностью женщин в возрасте 25–34 года обусловлено численностью военных в Булунском районе.

В отличие от половозрастной структуры населения АЗ России в структуре населения Арктической зоны республики преобладает население моложе и трудоспособного возраста, что в дальнейшем при достижении через 20–25 лет пенсионного возраста лиц трудоспособного возраста не приведет к увеличению, а наоборот, к снижению нагрузки на трудоспособное население.

Заключение

Демографические процессы в арктических регионах являются определяющими в формировании человеческого потенциала в Арктической зоне РФ. Развитие человеческого потенциала в Арктике является решающим условием в укреплении, повышении устойчивости экономик арктических регионов России. Анализ динамики и структуры населения АЗ РФ и в том числе АЗ Якутии выявил следующие особенности и проблемы.

Численность населения АЗ РФ и Республики Саха (Якутия) сокращается, причём сокращение численности населения в целом по России и в частности по Якутии наблюдается в разные периоды времени: по Арктической зоне России—2019–2021 гг., по Арктической зоне Якутии—2011–2014 годы. За анализируемый период в АЗ РФ в 2020 г. наблюдается смена естественного прироста населения на убыль и увеличение естественной убыли населения. В Арктической зоне Якутии сохраняется естественный прирост, но наблюдается его сокращение. В целом по арктическим зонам России и Якутии наблюдается миграционная убыль

населения, но к 2021 г. сокращаются темпы убыли населения.

Половозрастная структура населения по Арктической зоне Якутии отличается от половозрастной структуры населения в целом по АЗ РФ: (1) для российской Арктики характерен регрессионный тип воспроизводства населения с большим процентом людей среднего и пожилого возраста, малой долей детей и молодёжи (в будущем приведет к увеличению нагрузки на трудоспособное население); для АЗ Якутии характерен стационарно-прогрессивный тип воспроизводства со значительной долей детей и молодёжи, низкой долей населения старших поколений (в будущем приведет к снижению нагрузки на трудоспособное население). Соотношение мужчин и женщин в АЗ Якутии более благоприятно для воспроизводства населения (49% мужчин и 51% женщин), причём в периоде фертильного возраста женщин (15–49 лет) наблюдается превышение численности мужчин над численностью женщин. В целом по АЗ РФ соотношение мужчин и женщин чуть менее благоприятно для воспроизводства (48% мужчин и 52% женщин), а превышение численности женщин наблюдается с 40 лет, т.е. в период завершения фертильного возраста женщин.

Перспективы демографического развития в Арктике будут зависеть от проактивной государственной политики в АЗ РФ по приоритетному направлению — создание условий для привлечения и закрепления населения в Арктике. Государственная политика в АЗ РФ должна быть нацелена не только на привлечение инвестиций и создание благоприятствующих условий для бизнеса, но и на повышение качества жизни населения. Развитие человеческого потенциала в Арктике является решающим условием в обеспечении жизнеспособности / устойчивости экономик арктических регионов России [15; 16].

С 2020 г. в АЗ РФ действуют беспрецедентные меры поддержки для субъектов предпринимательства — функционируют несколько преференциальных режимов для бизнеса. Считаем, что «арктическое» население также нуждается в мерах государственной поддержки — в получении «своего» преференциального режима, направленного на создание достойных условий жизнедеятельности населения (решающего не только проблемы оттока населения, но и проблемы релокации). Устойчивость социально-экономических систем арктических поселений Северо-Востока России к различного рода шокам в значительной степени зависит от уровня развития человеческого потенциала (в том числе демографического потенциала), а также от развития традиционной системы хозяйствования как основы жизнеспособности поселения. В современных реалиях без комплексной, системной государственной поддержки и стимулирования большинство арктических территорий малоперспективны для успешного развития малого предпринимательства. Для «арктического» Северо-Востока требуется создание целостного комплекса взаимосвязанных мер (точечными стимулами «арктические» проблемы не решить): 1) системные: стимулирование развития человеческого потенциала, инвестиций и инноваций; 2) территориальные: трансформация преференционных режимов — «донастройка» налоговых механизмов АЗ РФ; создание системы господдержки геостратегических территорий и опорных населенных пунктов российской Арктики; комплекса налоговых стимулов для развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Арктике, в том числе традиционных форм занятости коренных и малочисленных народов.

Литература и Интернет-источники

1. **Nikulkina, I. V.** Resilience of arctic communities: socio-economic aspect / I. V. Nikulkina, O. V. Gordyachkova, S. A. Sukneva [и др.] // International Journal of Criminology and Sociology. — 2020. — Vol. 9. — P. 3066–3081. DOI: 10.6000/1929–4409.2020.09.373
2. **Смиреникова, Е. В.** Реализация демографического потенциала территорий Российской Арктики в контексте инновационного развития: механизм, факторы, инструменты регулирования / Е. В. Смиреникова, О. В. Губина, Л. В. Воронина [и др.] ; отв. ред. А. Г. Шеломенцев. — Архангельск, 2022. — 294 с. EDN: JNOLJU
3. **Авдеев, Ю. А.** Тенденции демографического развития в районах российской восточной Арктики / Ю. А. Авдеев, З. И. Сидоркина, В. Л. Ушакова // Народонаселение. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 130–144. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12; EDN: LFGSPU
4. **Смиреникова, Е. В.** Оценка демографического потенциала арктических регионов Российской Федерации в контексте инновационного развития / Е. В. Смиреникова, Л. В. Воронина, А. В. Уханова // Арктика: экология и экономика. — 2021. — Т. 11. — № 1. — С. 19–29. DOI: 10.25283/2223–4594–2021–1–19–29; EDN: UUPPNE
5. **Сукнёва, С. А.** Пространственная организация социально-экономических систем северных регионов ресурсного типа: монография / С. А. Сукнёва, А. С. Барашкова, П. В. Гуляев [и др.] ; под общ. ред. П. В. Гуляева. — Якутск : Издательский дом СВФУ, 2021. EDN: KJPCJU
6. **Фаузер, В. В.** Миграции населения российской Арктики: модели, маршруты, результаты / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов // Арктика: экология и экономика. — 2020. — № 4 (40). — С. 4–18. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–4–4–18; EDN: JDXHAO
7. **Фаузер, В. В.** Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер // Арктика: экология и экономика. — 2022. — Т. 12. — № 1. — С. 111–122. DOI: 10.25283/2223–4594–2022–1–111–122; EDN: GTLYGM
8. **Барсуков, В. Н.** Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» / В. Н. Барсуков, О. Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 1. — С. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2; EDN: GDIMRG
9. **Смирнов, А. В.** Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения / А. В. Смирнов // Арктика и Север. — 2020. — № 40. — С. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2020.40.270; EDN: WFISVB
10. **Zamyatina, N.** Migration Cycles, Social Capital and Networks. A New Way to Look at Arctic Mobility / N. Zamyatina, A. Yashunsky // New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions / ed. M. Laruelle. — London and New York : Routledge, 2017. — P. 59–84. DOI: 10.4324/9781315640471
11. **Сукнёва, С. А.** Арктическая зона Северо-Востока России: проблемы демографического развития / С. А. Сукнёва // Региональная экономика: теория и практика. — 2013. — № 25(304). — С. 13–16. EDN: QCLHET
12. **Потравная, Е. В.** Особенности восприятия миграционных процессов в Арктике: взгляд поколений / Е. В. Потравная, С. В. Тишков // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 116–127. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.10; EDN: ZAVVEF
13. **Воронина, Л. В.** Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие территорий Арктической зоны Российской Федерации / Л. В. Воронина, А. Г. Шеломенцев, Е. В. Смиреникова, А. В. Уханова // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2019. — № 3(65). — С. 122–132. DOI: 10.25702/KSC.2220–802X.2019.65.3.122–132; EDN: YUPMUK
14. **Sukneva, S. A.** Tax mechanisms of economic development and the improvement of migration situation in the Russian Arctic / S. A. Sukneva, I. V. Nikulkina // International Journal of Economics and Financial Issues. — 2017. — Vol. 7. — No. 1. — P. 144–153. EDN: XGPYIX
15. **Никулкина, И. В.** Факторы резильентности арктических поселений на примере Арктической зоны Республики (Саха) Якутия / И. В. Никулкина, Е. В. Романова, Ж. Герарди // Эконо-

мика, предпринимательство и право.— 2021.— Т. 11.— № 12.— С. 3073–3086. DOI: 10.18334/err.11.12.114056; EDN: VHEEVQ

16. **Никулкина, И. В.** Резильентность социально-экономических систем: методологический аспект / И. В. Никулкина, О. В. Гордяхцова, Т. Ю. Калаврий, Ж. П. Вандерлинден // Вопросы инновационной экономики.— 2022.— Т. 12.— № 1.— С. 659–668. DOI: 10.18334/vine.12.1.114087; EDN: KCGHXU

Сведения об авторах:

Никулкина Инга Владимировна, д.э.н., проф. Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; проф. Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: inga123456@yandex.ru.; ORCID: 0000-0002-2889-1197; РИНЦ AuthorID: 644435.

Романова Елена Валерьевна, к.э.н., доцент Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: evroma@bk.ru; ORCID: 0000-0003-3827-3680; РИНЦ AuthorID: 621328.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE ARCTIC REGIONS IN THE CONTEXT OF RESILIENCE CONCEPT

Inga V. Nikulkina^{1,2*}, Elena V. Romanova²

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
(125993, Russia, Moscow, Leningradsky prospect, 49)*

²*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
(677000, Russia, Yakutsk, 677000, 58 Belinsky str.)*

**E-mail: inga123456@yandex.ru.*

Funding:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of the international scientific project 20-510-71001 Arktika_t «Sense making, place attachment, and extended networks, as sources of resilience in the Arctic: the Russian Northeast vector».

For citation:

Nikulkina I.V., Romanova E.V. Demographic development of the Arctic regions in the context of resilience concept. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135 (in Russ.)

Abstract. *The article deals with the demographic development of the Arctic regions of Russia for the period 2010–2021 from the perspective of the concept of resilience. The search for new approaches to improving the sustainability of the economy of the Arctic regions requires a deeper study of the influence of the demographic factor on socio-economic systems. The analysis allowed the authors to identify the main trends, features and patterns of demographic development of the Arctic zone of Russia, including in the pilot region — the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia). In the study the authors identify negative trends in demographic processes that adversely affect development of the socio-economic systems of the Arctic regions. Scientists express the opinion that the present realities require a change in the vector of implementation of the preferential regime of the Arctic zone of the Russian Federation. There is a need to go beyond a «business-only» regime and provide preferences*

for the population in the Arctic in order to retain and attract them. The authors conclude that the prospects for demographic development in the Arctic will depend on a proactive state policy in the Arctic zone of the Russian Federation with systematic measures to create conditions for living and vital activity of the population in the Arctic.

Keywords: demographic development, Arctic zone of Russia, population, Yakutia, migration decline, demographic pyramids, resilience.

References and Internet sources

1. Nikulkina I.V., Gordyachkova O.V., Sukneva S.A., Romanova E.V., Gherardi J., Wardekker A., Antonova M.E. Resilience of arctic communities: socio-economic aspect. *International Journal of Criminology and Sociology*. 2020. Vol. 9. P. 3066–3081. DOI: 10.6000/1929–4409.2020.09.373
2. Smirennikova E.V., Gubina O.V., Voronina L.V., et al. Realizatsiya demograficheskogo potentsiala territoriy Rossiyskoy Arktiki v kontekste innovatsionnogo razvitiya: mekhanizm, faktory, instrumenty regulirovaniya [Implementation of the Demographic Potential of the Russian Arctic Territories in the Context of Innovation Development: Mechanisms, Factors, Regulation Tools]. Ed. A.G. Shelomentsev. Arkhangel'sk. 2022. 294 p. (in Russ.)
3. Avdeev Yu. A., Sidorkina Z.I., Ushakova V.L. Tendentsii demograficheskogo razvitiya v rayonakh rossiyskoy vostochnoy Arktiki [Demographic development trends in the Russian Eastern Arctic]. *Narodonaselenie [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 130–144. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.12 (in Russ.)
4. Smirennikova E.V., Voronina L.V., Ukhanova A.V. Otsenka demograficheskogo potentsiala arkticheskikh regionov Rossiyskoy Federatsii v kontekste innovatsionnogo razvitiya [Assessment of the demographic potential of the Arctic regions of the Russian Federation in the context of innovative development]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 19–29. DOI: 10.25283/2223–4594–2021–1–19–29 (in Russ.)
5. Suknova S.A., Barashkova A.S., Gulyayev P.V., et al. Prostranstvennaya organizatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem severnykh regionov resursnogo tipa [Spatial Organization of the Socio-Economic Systems of the Northern Regions of Resource Type]. Ed. P.V. Gulyaev. Yakutsk. 2021. (in Russ.)
6. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Migratsii naseleniya rossiyskoy Arktiki: modeli, marshruty, rezul'taty [Migration of the Russian Arctic population: models, routes, results]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2020. No. 4(40). P. 4–18. DOI: 10.25283/2223–4594–2020–4–4–18 (in Russ.)
7. Fauzer V.V., Smirnov A.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Vyzovy i protivorechiya v razvitiy Severa i Arktiki: demograficheskoye izmereniye [Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension]. *Arktika: ekologiya i ekonomika [Arctic: Ecology and Economy]*. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 111–122. DOI: 10.25283/2223–4594–2022–1–111–122 (in Russ.)
8. Barsukov V.N., Kalachikova O.N. Evolyutsiya demograficheskogo i sotsial'nogo konstruirovaniya vozrasta «starosti» [The evolution of demographic and social construction of the «old age»] *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2020. Vol. 13. NO. 1. P. 34–55. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.2 (in Russ.)
9. Smirnov A.V. Naseleniye mirovoy Arktiki: dinamika chislennosti i tsentry rasseleniya [The Arctic population: Dynamics and centers of the settlement system]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2020. No. 40. P. 270–290. DOI: 10.37482/issn2221–2698.2020.40.270 (in Russ.)
10. Zamyatina N., Yashunsky A. Migration cycles, social capital and networks. A new way to look at Arctic mobility. *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. Ed. M. Laruelle. London-New York. Routledge. 2017. P. 59–84. DOI: 10.4324/9781315640471
11. Suknova S.A. Arkticheskaya zona Severo-Vostoka Rossii: problemy demograficheskogo razvitiya [Arctic zone of the North-East Russia: problems of demographic development]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economy: Theory and Practice]*. 2015. No. 25 (304). P. 13–16. (in Russ.)

12. Potravnaya E. V., Tishkov S. V. Osobennosti vospriyatiya migratsionnykh protsessov v Arktike: vzglyad pokoleniy [Specifics of the perception of migration processes in the Arctic: the view of generations]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 116–127. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.10 (in Russ.)
13. Voronina L. V., Shelomentsev A. G., Smirennikova E. V., Ukhanova A. V. Vliyaniye migratsionnykh protsessov na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye territoriy Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii [Influence of migration processes on socio-economic development of the territories of the Russian Arctic]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [North and Market: Formation of Economic Order]*. 2019. No. 3(65). P. 122–132. DOI: 10.25702/KSC.2220–802KH.2019.65.3.122–132 (in Russ.)
14. Sukhneva S. A., Nikulkina I. V. Tax mechanisms of economic development and the improvement of migration situation in the Russian Arctic. *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 144–153.
15. Nikulkina I. V., Romanova E. V., Gerardi Zh. Faktory rezil'yentnosti arkticheskikh poseleniy na primere Arkticheskoy zony Respubliki Sakha (Yakutiya) [Factors of Arctic settlements resilience on the example of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, Entrepreneurship and Law]*. 2021. Vol. 11. No. 12. P. 3073–3086. DOI: 10.18334/epp.11.12.114056 (in Russ.)
16. Nikulkina I. V., Gordyachkova O. V., Kalavriy T. Yu., Vanderlinden J. P. Rezil'yentnost' sotsial'no-ekonomicheskikh sistem: metodologicheskiy aspekt [Socio-economic systems resilience: methodological aspect]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Russian Journal of Innovation Economics]*. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 659–668. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114087 (in Russ.)

Information about the authors:

Nikulkina Inga Vladimirovna, Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.
Contact information: e-mail: inga123456@yandex.ru.; ORCID: 0000–0002–2889–1197; Elibrary AuthorID: 644435.

Romanova Elena Valerievna, Candidate of Economics, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.
Contact information: e-mail: evroma@bk.ru; ORCID: 0000–0003–3827–3680; Elibrary AuthorID: 621328.

Статья поступила в редакцию 03.08.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152
EDN: CQTIQX

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК МОЛОДЁЖИ В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ

Симакова А.В.*, Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О.

*Петрозаводский государственный университет
(185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 31)*

*E-mail: simakova@petsu.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-78-10148 «Мотивационные драйверы в динамике потоков человеческих ресурсов в российской Арктике: тенденции, вызовы, перспективы» – URL: <https://www.rscf.ru/project/22-78-10148/>.

Для цитирования:

Симакова А.В., Хотеева Е.А., Степуть И.С., Аверьянов А.О. Региональный аспект миграционных установок молодёжи в российской Арктике // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 136-152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152; EDN: CQTIQX

Аннотация. В условиях нового этапа освоения Арктической зоны России (АЗ РФ) отдельное внимание уделяется проблематике демографического потенциала территорий. Циркулирование миграционных потоков в АЗ РФ вносит свои коррективы в воспроизводство населения, особенно среди мобильной социальной группы молодёжи. Целью статьи является выявление миграционных установок молодёжи, факторов, способствующих формированию этих намерений через переход к активным действиям, а также выявление желания остаться в АЗ РФ у приехавшей молодёжи. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении миграционных установок местной и приехавшей молодёжи в возрасте 16–35 лет, а также в его описательном социологическом типе. Информационную базу исследования составили данные социологического опроса молодёжи всех субъектов АЗ РФ (N=8583). Миграционные настроения местной и приехавшей в АЗ РФ молодёжи активны и специфичны в отдельных регионах. В АЗ РФ среди местной молодёжи планирует остаться только треть. В формировании миграционных намерений, подкреплённых действиями, играют роль социальные связи, поиск благополучных экологических и климатических условий, возможностей получения образования, а также личные причины. Молодёжь приезжает в АЗ РФ в основном с целью трудоустройства и заработка, а в регионы, имеющие образовательные центры – на учёбу и также работу. В большей степени закрепляемость прибывшей молодёжи временна и сменяема. Авторами выявлены основные направления развития территорий АЗ РФ в контексте удержания и закрепления молодёжи, в которых учтены результаты опроса о причинах миграции.

Ключевые слова: входящая миграция молодёжи, исходящая миграция молодёжи, факторы миграции, Арктическая зона России, молодёжь.

Введение

Хозяйственное освоение Арктики долгое время является предметом социально-экономических исследований. Однако, в силу снижения демографического потенциала арктических территорий, фокус исследовательского внимания закономерно стал смещаться к теме «человека в Арктике», призванное с позиции индивида обратить внимание на сложность и уникальность жизни в арктическом макрорегионе. Уникальность арктических территорий, помимо объективных и регулярно упоминаемых природно-климатических условий, заключается также и в том, что эти места одновременно притягивают и выталкивают людей, более интенсивно, чем другие территории.

За последние 10 лет в Арктической зоне (АЗ) РФ численность молодёжи в возрасте 14–34 лет сократилась на 15,3% или на 120 тыс. человек¹, а в арктических территориях республик Карелия и Коми достигло 30%. В данном исследовании уделено внимание межрегиональной миграции, поскольку этот тип вносит существенный вклад в перераспределении населения АЗ РФ. Коэффициент межрегионального миграционного прироста молодёжи на 1000 человек населения в 2015 г. в сравнении с 2021 г. во всех арктических регионах² был отрицательным, но в 2021 г. ситуация стабилизировалась. Устойчиво отрицательный миграционный прирост молодёжи характерен для территорий Республики Коми и Архангельской области. Во всех субъектах АЗ РФ миграционный прирост молодёжи отрицателен в возрастах 15–19 лет и обусловлен отъездом для получения образования. Более подробно краткая характеристика миграции молодёжи и её структурных составляющих в арктическом пространстве страны представлена в предшествующих публикациях авторов [1; 2]. Возвратность образо-

вательных мигрантов вносит вклад в положительный миграционный прирост в возрастах 20–24 лет. Стабилизацию миграционного оттока молодёжи из АЗ РФ, наблюдаемую последние несколько лет, не следует оценивать однозначно оптимистично. Во многом объёмы миграции снижает исчерпание демографического ресурса арктических территорий: поколение, ранее привлечённое для освоения Севера, уехало, а в настоящее время активизировалась миграция третьего поколения, но в меньших объёмах [3].

Как на федеральном, так и на региональном уровне государственного управления ставятся задачи по привлечению квалифицированных кадров и молодёжи в АЗ РФ, в том числе в рамках адресных программ для педагогов и работников здравоохранения. Крупные работодатели АЗ РФ активно реализуют собственные программы привлечения кадров, в этой части работает социальный институт рекрутинга. Реализуемые программы, как правило, приводят к результатам посредством предложения материальных и социальных стимулов для переехавших. Такой подход является экономически обоснованным и необходимым, но в то же время рискованным, поскольку вкладываемые ресурсы обеспечивают временный эффект: молодёжь остаётся лишь на время, после чего необходимо новое вложение средств с целью привлечения населения.

Таким образом, миграционные потоки молодёжи в АЗ РФ циркулируют: молодые люди уезжают и приезжают. Научная проблема, на решение которой направлено исследование, с одной стороны, состоит в том, что миграционные установки молодёжи в их активной фазе (с переходом к конкретным действиям для их реализации) изучены недостаточно. С другой стороны, проблема кроется в узкой представленности данной социальной группы в ранее проводимых эмпирических исследованиях: комплексно изучение всех территорий АЗ РФ и когорт молодёжи от 16 до 35 лет в едином пространстве социальной действительности не проводилось. Цель исследования —

¹ Сокращение численности молодёжи в 2021 г. по сравнению с 2012 г. по расчётам авторов на основе данных «Базы данных показателей муниципальных образований» Росстата.

² Расчёт коэффициента миграционного прироста молодёжи по межрегиональной миграции не проводился для Ненецкого АО и Чукотского АО в виду ограниченности данных по половозрастной миграции.

изучение миграционных установок молодёжи АЗ РФ в фазе перехода к активному миграционному поведению, а также выявление причин миграции у приехавшей молодёжи и их потенциальной закрепляемости на арктических территориях. В соответствии с целью в статье решаются задачи: 1) выявление миграционных установок местной молодёжи из АЗ РФ с определением территориальной направленности вектора этих намерений; 2) определение факторов, оказывающих влияние на формирование миграционных установок местной (арктической) молодёжи; 3) анализ и сопоставление причин миграции молодёжи «в» и «из» АЗ РФ.

Обзор исследуемой проблемы

В последние годы растёт число работ, посвящённых миграции населения в АЗ РФ с позиции изучения её количественных и качественных аспектов. Вначале обратимся к исследованиям, освещающим проблематику миграции населения в АЗ РФ в основном с использованием методов статистического анализа. Н.В. Мкртчян и его коллеги показали, что в АЗ РФ межрегиональная миграция играет особую роль в сравнении с другими северными районами, обуславливая динамику численности населения и изменение его состава. Возрастные аспекты миграции, по сравнению с остальными северными территориями, связаны с активным оттоком студенческой молодёжи (за исключением арктических городов-образовательных центров и Сургута) и лиц, достигших пенсионного возраста 55–59 лет, покидающих территории в поисках благоприятных климатических условий [4]. О.М. Ковалева статистически доказала неоднородность арктических территорий и общие тенденции миграции населения: «стягивание населения в крупные монопрофильные города, обезлюдение межгородских территорий и относительная стабильность староосвоенных территорий» [5].

В.В. Фаузер и А.В. Смирнов обосновали половозрастные модели миграционных процессов арктических городов. Первая

модель прослеживается в развитых и крупных промышленных центрах, где миграционный пик приходится на возрастную группу 15–29 лет (Архангельск, Мурманск, Северодвинск, Апатиты). Вторая модель характерна для сырьевых городов, где спрос на трудовые ресурсы привлекает в основном мужское население (Новый Уренгой). Для городов третьей модели характерен миграционный отток населения в возрастных группах 20–34 и 50–64 лет [6]. Наиболее предпочитаемые направления миграций — столицы Москва и Санкт-Петербург, а региональные центры и крупные города играют роль хабов в перераспределении населения.

Коллектив авторов под руководством А.Г. Шеломенцева обобщил факторы, влияющие на миграцию в АЗ РФ. Авторы показали общее и особенное для каждого региона, а значимость и набор факторов дифференцировали по отдельным территориям³. Например, в Архангельской области и Республике Карелия влияние социально-экономических факторов более выражено, а для остальных регионов более значимы возрастная структура населения и уровень оплаты труда [7; 8].

Другой пул исследований направлен на изучение миграционных потоков с применением социологических методов. Н.Ю. Замятина и А.Д. Яшунский полагают, что миграцию молодёжи необходимо изучать «не изолированно, но как элемент единой семейной траектории, включающей приезд на Север родителей или даже бабушек-дедушек современных мигрантов» [9], рассматривая миграцию шире в контексте формирования социального капитала мигрантов. Ценным, на наш взгляд, является послы авторов о том, что Север выступает не только как место притяжения молодёжи, но и своего рода точкой роста — «социальной системой страны», которая снабжает российские регионы «качественным человеческим капиталом: в них возвращаются люди с опы-

³ Предложенные авторами факторы: «семейные причины; уровень и перспективы социально-экономического развития региона; жилищно-бытовые условия; здоровье и суровый климат; работа и оплата труда; уровень преступности; образование; экологическая ситуация».

том, уверенные в себе; приезжает хорошо образованная, повидавшая мир молодёжь» [10], то есть наблюдается «обратный эффект» обогащения человеческого капитала неарктических территорий. Необходимо отметить, что проводимые авторами исследования территориально ограничены восточной частью АЗ РФ (преимущественно территориями Красноярского края).

О. В. Васильева и Е. Г. Маклашова, исследуя идентичность и жизненные позиции молодёжи арктических районов Якутии, выявили, что «арктичность» накладывает отпечаток на формирование жизненных стратегий молодёжи. Специфика миграции заключается в том, что миграционные настроения более выражены у женщин, также отличаются намерения по этническому срезу — представители КМНС чаще придерживаются стратегии «остаться» [11].

Проблематика миграции молодёжи для регионов европейской части АЗ РФ отражена в исследованиях Е. В. Недосеки и Е. Н. Шаровой, которые выявили, что несмотря на высокую эмоциональную привязанность к Мурманской области, у молодёжи активны миграционные настроения, причём чем моложе, тем активнее. Авторы пришли к выводу, что запросы молодёжи, их высокие притязания в материальной, профессиональной и образовательной сфере вступают в противоречие с реальным положением дел в регионе [12]. Исследование, проведённое учёными САФУ имени М. В. Ломоносова, показало, что миграционные настроения молодёжи Мурманска и Архангельска сильны. Однако, к арктическим территориям больше привязана та молодёжь, которая обучается по специальностям «арктической» направленности [13], то есть предопределившая свой арктический вектор построения карьеры уже на этапе выбора профессии.

Учёные из Кольского научного центра РАН подошли к изучению объекта миграции с другой стороны — через биографический анализ опыта переехавшей в АЗ РФ молодёжи, а в качестве значимого выталкивающего фактора приехавших обозначили неудовлетворённость условиями

жизни [14]. Представители Петрозаводского государственного университета обосновали некомпенсируемость потоков образовательной миграции молодёжи в виду ограниченных возможностей системы профессионального образования АЗ РФ [15], определяющую вынужденность миграции молодёжи.

Учёными уже рассмотрены некоторые особенности миграционных настроений молодёжи и факторы их формирования в отдельно взятых регионах. Но проблема миграции молодёжи остается недостаточно раскрытой в контексте изучения перехода миграционных установок к активным действиям по переезду. В данной статье авторами сделана попытка восполнить этот пробел.

Методология и материалы исследования

Теоретико-методологической основой исследования является теория социального действия, теория социальной мобильности, модель притягивающих и выталкивающих факторов Э. С. Ли, интерпретация подхода к социальным установкам Дж. Мида, предложенная С. А. Кузнецовой [16]. Также за основу взята трехстадийность миграционных процессов Л. Л. Рыбаковского и Т. И. Заславской, отражающая последовательную цепочку миграционных событий — предпосылка, миграция, приживаемость [17]; сетевая (синтетическая) теория миграции, предложенная Д. Массеем и применённая к АЗ РФ Н. Ю. Замятиной [18].

Исследование миграционных настроений и планов осуществлено на основе данных опроса молодёжи 16–35 лет, проведённое в ноябре 2022 г. во всех районах и городах АЗ РФ. Опрос проводился с использованием онлайн-анкетирования. Анкета распространялась по доступным каналам информирования: группы в социальных сетях, непосредственное обращение в образовательные организации, органы власти, к работодателям, «сарафанное радио» и так далее. Выборочная совокупность сформирована отдельно по каждому региону пропорционально структуре молодёжи по муници-

Таблица 1

Количественное распределение выборочной совокупности исследования по арктическим территориям субъектов АЗ РФ и возрастным группам, человек

Table 1

Quantitative distribution of the sample of the study by the Arctic territories of the Russian Arctic zone and age groups, people

Возрастная группа	Мурманская область	Республика Карелия	Архангельская область	Ненецкий АО	Республика Коми	Ямало-Ненецкий АО	Республика Саха (Якутия)	Красноярский край	Чукотский АО	АЗ РФ
16–18 лет	502	90	404	90	65	364	43	234	111	1903
19–23 лет	470	66	558	89	60	356	29	342	91	2061
24–29 лет	358	49	465	28	38	423	45	494	43	1943
30–35 лет	543	71	704	27	41	509	35	691	55	2676
Всего	1873	276	2131	234	204	1652	152	1761	300	8583
Охват в% от генеральной совокупности	1	1,2	1,5	0,2	0,8	1,3	0,7	2,5	2	1,2

Источник: данные опроса молодёжи, 2022 год.

пальным образованиям и половозрастному признаку (табл. 1)⁴. Для анализа миграционных настроений отобраны две группы респондентов: молодёжь, родившаяся и проживающая в АЗ РФ более 5 лет, и молодые люди, приехавшие в АЗ РФ менее 5 лет назад⁵, которые интересуют нас как отдельная группа для выявления их потенциальной закрепляемости.

⁴ Всего выборка составила 8583 респондента. Тип выборки – комбинированная, квотная на последнем этапе стихийная. Предельная ошибка выборки по каждому субъекту АЗ РФ составляет 5%, что показывает высокую достоверную вероятность проведённого исследования. Результаты опроса откорректированы в соответствии с их долей в генеральной совокупности с применением весовых коэффициентов из-за смещения выборки по полу в сторону преобладания женского населения. В более населённых субъектах в выборку вошло более тысячи человек, а в менее населённых – достигнуто необходимое минимальное количество в силу удалённости территорий и более низкого отклика респондентов.

⁵ При проведении опроса требование охватить только коренную молодёжь АЗ РФ отсутствовало в силу цикличности потоков населения и необходимости охвата всех категорий молодёжи, проживающей постоянно или временно в АЗ РФ. В базе данных опроса соотношение анкет местной и приехавшей молодёжи составляет 88% и 12% соответственно. Выборка репрезентирует местную молодёжь по полу, возрасту и арктическому региону.

Миграция из АЗ РФ: установки местной молодёжи

Миграционные намерения молодёжи всех регионов АЗ РФ активны: большая часть молодёжи выражает желание уехать из арктического населённого пункта, в котором в данный момент проживает. Молодые люди Архангельской области и Ямало-Ненецкого АО в меньшей степени, в сравнении с остальными, настроены на переезд: хотят остаться в регионах 35,8% и 36,6% соответственно, а наиболее активны миграционные намерения у молодёжи Красноярского края и Чукотского АО, где только каждый пятый никуда не хочет уезжать.

Вопрос о потенциальной направленности миграционных установок показал различия по арктическим регионам. Каждый третий молодой человек Мурманской области, Республики Карелия, Ненецкого и Чукотского АО, а также каждый четвёртый из Архангельской области и Красноярского края, нацелены на переезд в Москву или Санкт-Петербург (табл. 2).

Таблица 2

Миграционные установки молодёжи арктических территорий АЗ РФ и их потенциальная направленность, в % от ответивших по региону*

Table 2

Migration attitudes of young people in the Russian Arctic zone and their potential orientation, in % of respondents by region

Субъект АЗ РФ	Распределение ответов респондентов на вопрос «Хотели бы Вы переехать жить в другое место?»					
	Да, в Москву или Санкт-Петербург	Да, в другой регион России	Да, в другой населённый пункт моего региона	Да, в другую страну	Никуда не хочу уезжать	Всего по региону
Мурманская область	31,1	26,0	4,1	11,1	27,6	100
Республика Карелия	30,9	16,5	14,0	9,9	28,8	100
Архангельская область	23,6	23,4	5,1	12	35,8	100
Ненецкий АО	31,8	24,2	7,1	7,1	29,8	100
Республика Коми	20,2	30,1	11,5	11,5	26,8	100
Ямало-Ненецкий АО	16,5	29,5	8,5	8,9	36,6	100
Республика Саха (Якутия)	14,0	20,9	20,2	16,3	28,7	100
Красноярский край	26,5	32,7	8,0	9,9	22,8	100
Чукотский АО	31,7	31,7	8,7	5,7	22,2	100
В целом по АЗ РФ	25,1	26,9	6,9	10,6	30,5	100

* Хи-квадрат Пирсона, асимптотическая значимость (2-сторонняя) = 0,000.

Источник: составлено авторами по результатам опроса молодёжи, 2022 год.

Для арктических территорий европейской части АЗ РФ выбор такого направления ожидаем в силу близости и развитости транспортного сообщения со столицами. Уровень доходов в этой части АЗ РФ не конкурирует со столичным, а также с разнообразием и возможностями организации жизни: «Живём на Севере и ничего не видим, втрюдорога платим за всё, что есть у нас, хотя в других регионах те же цены. Если убрать нашу северную надбавку, то мы нищие совсем»⁶. Для регионов восточной части АЗ РФ важную роль играют «налаженные институциональные связи между городами», а также случаи приобретения жилья первым-вторым поколением мигрантов на «материке» [8]: «В этом городе никогда не будет цивилизации, как в любом другом городе

на материке»⁷, «многие родственники уехали на материк»⁸. В сознании и установках населения восточной части АЗ РФ укоренился социальный конструкт «материка», обозначающий проживание на территориях, удалённых и оторванных от основной зоны расселения. Поэтому для переехавших в эту часть АЗ РФ типично мышление «отложенной жизни», пока не будут достигнуты материальные выгоды и личные цели: «после окончания строительства дома перееду на ПМЖ»⁹, «проживание в Норильске как ссылка для меня»¹⁰.

⁷ Женщина 26 лет, проживающая в Норильске (Красноярский край).

⁸ Женщина 35 лет, проживающая в Норильске (Красноярский край).

⁹ Женщина 34 лет, проживающая в Новом Уренгое (Ямало-Ненецкий АО).

¹⁰ Мужчина 35 лет, проживающий в Норильске (Красноярский край).

⁶ Женщина 35 лет, проживающая в Новодвинске (Архангельская область).

Миграционные установки молодёжи Ямало-Ненецкого АО и Республики Саха (Якутия) «выбиваются» из общей картины: они в меньшей степени направлены в мегаполисы, но в большей мере в другие регионы России, преимущественно в южные. Здесь прослеживается социальный феномен «с Севера на Юг», в том числе институционально поддерживаемый программами переселения из суровых условий Крайнего Севера. Среди всех регионов, входящих в АЗ РФ частично, в Республике Саха (Якутия) более выражено желание молодых людей переехать в административный центр, а не из региона.

Установку на переезд в мегаполисы в большей степени высказывают молодые люди в возрасте 16–18 лет (38% респондентов возрастной группы). По достижению более «зрелого» молодого возраста эти намерения угасают, и в возрастной группе 30–35 лет такие интересы высказали всего 16% респондентов. Установки молодых взрослых демонстрируют большую ориентацию на осёдлость в АЗ РФ: 39,1% никуда не хотят уезжать, но среди молодёжи в возрасте 16–18 лет таких только 18,5%. Ожидаемо, что у молодых людей, находящихся в «учебном возрасте», миграционные намерения активнее, т.к. сама система образования АЗ РФ подталкивает к миграции: «в моем городе нет условий для продолжения обучения»¹¹, «мне важна возможность получения высшего образования»¹².

Выявление миграционных установок важно не только на уровне рефлексии, но и с точки зрения того, насколько они подкреплены действиями. Примерно каждый третий, выразивший желание переехать (28% от общего количества респондентов), ничего для этого не предпринимает. Также каждый третий усиливает свои знания и компетенции (30%), которые могут пригодиться на новом месте, ищет подходящую работу (28%) и откладывает деньги (30%).

При анализе миграционных установок важны причины, побудившие их формирование¹³. Проанализируем эти причины для подвыборки респондентов, выразивших твёрдое решение уехать, т.к. они фактически с рациональной и эмоциональной позиции смогли осознать причины и точно указать их в качестве основных, отражающих социально-экономическую и социокультурную специфику АЗ РФ. С целью выявления причин выбытия был применён факторный анализ для выявления переменных, наиболее сильно коррелирующих между собой с использованием SPSS Statistics 23.0. Исходная модель содержала массив данных из 17 переменных, фиксируемых на основании ответов респондентов на вопрос «По каким причинам Вы хотите переехать?»¹⁴.

Предварительная проверка на возможность применения этого анализа показала следующие значения его адекватности: критерий сферичности Бартлетта <0.00, статистика меры адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина—0.710. Методом главных компонент с использованием вращения «varimax» определено минимальное число факторов—главных компонент, вносящих наибольший вклад в дисперсию данных. Выявлено пять факторов, объясняющих 57,3% полной дисперсии переменных. В табл. 3 приведена итоговая корреляционная матрица главных компонент с обо-

¹³ Установку молодёжи к переезду в другие страны (10,6% респондентов от общего количества), оставим за рамками данного исследования, так как внешнеполитическая обстановка в период проведения опроса могла оказать влияние на формирование этих настроений, что требует дополнительного уточнения, не входящее в цели данного исследования.

¹⁴ Наименования переменных: 1) для обеспечения будущего детей; 2) есть пример(ы) успешного переезда моих знакомых; 3) по программе переселения; 4) там больше выбор развлечений и вариантов времяпрепровождения; 5. там выше заработная плата; 6) там есть родственники, друзья; 7) там есть спрос на таких профи как я; 8) там лучше здравоохранение, социальное обслуживание; 9) там лучше климатические условия; 10) там лучше условия для профессиональной реализации; 11) там лучше экологическая обстановка; 12. там можно найти достойную работу; 13) тот город (страна) моей мечты; 14) устраю там личную жизнь (переезжаю ко второй половине); 15) хочу жить отдельно от родителей и быть самостоятельным; 16) хочу получить там качественное образование; 17) хочу там продолжить учёбу.

¹¹ Мужчина 17 лет, проживающий в Мезенском районе (Архангельская область).

¹² Мужчина 17 лет, проживающий в Салехарде (Ямало-Ненецкий АО).

Таблица 3

Корреляционная матрица главных компонент

Table 3

Correlation matrix of principal components

По каким причинам Вы хотите переехать?	Компоненты				
	1	2	3	4	5
Там больше выбор развлечений и вариантов времяпрепровождения	-0,047	0,181	0,269	0,378	-0,361
Там выше заработная плата	0,465	-0,215	-0,153	0,257	0,025
Там есть родственники, друзья	-0,239	0,095	0,117	0,405	0,191
Там лучше климатические условия	-0,074	-0,028	0,612	-0,079	-0,102
Там лучше экологическая обстановка	0,111	-0,136	0,475	-0,031	0,203
Устрою там личную жизнь (переезжаю ко второй половинке)	-0,007	-0,01	-0,005	-0,037	0,813
Хочу жить отдельно от родителей и быть самостоятельным	-0,067	0,397	-0,091	0,14	0,178
Хочу получить там качественное образование	0,162	0,344	-0,039	-0,17	0,027
Хочу там продолжить учёбу	-0,096	0,555	-0,023	-0,016	-0,155
Есть пример(ы) успешного переезда моих знакомых	0,097	-0,093	-0,154	0,603	-0,03
Там лучше условия для профессиональной реализации	0,366	0,071	0,087	-0,182	-0,076
Там можно найти достойную работу	0,411	0,017	0,024	-0,009	0,017

Источник: данные опроса молодёжи, 2022 год.

значением факторных нагрузок — коэффициентов корреляции между переменными и главными компонентами.

Миграционная привлекательность других регионов объясняется такими объективными факторами притяжения, как благоприятные климатические условия и экологическая обстановка (компонент 3). Эти два параметра объединяет инвайронментальный фактор миграции, который характерен для территорий АЗ РФ и вносит серьёзный вклад в принятие решения о переезде, особенно для молодёжи Красноярского края, Мурманской области и Ямало-Ненецкого АО (каждый второй респондент отметил эти причины). Это требует углубления знаний не столько о том, что климат в АЗ РФ суров, а экология страдает от промышленного влияния, а о том, каково их влияние на социальные практики населения и, в целом, приспособление к окружающей среде в специфичных условиях АЗ РФ.

С наибольшей вероятностью покидают АЗ РФ те, у кого среди знакомых есть успешный опыт переезда (компонент 4 особенно значим для молодых людей из Архангельской области, республик Коми и Саха (Якутии)), а также «вслед» за второй половинкой (компонент 5). Обоснование переезда за счёт социальных связей имеет наиболее явную социальную обусловленность из всех факторов. Данные анализа подтверждают сетевую теорию миграции: вклад межличностных связей способствует интенсивности миграции и является, скорее, общим для любой миграции, в том числе, и для АЗ РФ. Успех переезда, как показывают коэффициенты миграции, зависит от заработной платы и возможностей отдыха в новом месте вселения. При этом, «особняком» стоит «личная» причина миграции — за «второй» половинкой, которая практически затмевает влияние других факторов. Значимое влияние образо-

вательной миграции (компонент 2) также объясняется социальными причинами, т.к. учебная миграция сочетается со стремлением молодёжи к сепарации и самостоятельности, желанию отделиться от родителей и начать «новую», «самостоятельную» жизнь. Особенно значимость этого фактора проявляется в выборах этих вариантов ответа молодых людей из Чукотского АО и Карелии. И, наконец, находят отражение среди причин миграции и сугубо экономические, связанные с работой и заработной платой (компонент 1). Особенно на более высокий уровень оплаты труда, чем в месте проживания, ориентируется молодёжь из регионов европейской части АЗ РФ. При этом отметим, что не показали значимой взаимосвязи такие «точки» притяжения, как более высокое качество здравоохранения и социального обслуживания, «обеспечение будущего детей» и «наличие спроса на специалистов», которые были исключены из анализа.

Согласно сетевой гипотезе, миграции, обусловленные социальными взаимосвязями, имеют высокую динамику и наиболее слабо поддаются регулированию. На социальные связи при переезде в большей степени ориентируется молодёжь из регионов восточной части АЗ РФ. Следовательно, повышение привлекательности АЗ РФ и потенциальное снижение интенсивности оттока мигрантов находится в поле создания условий комфортной жизни социальных групп: семей в целом, профессиональных сообществ, этнических общностей и так далее. Для этого интересен подход к решению вопроса по принципу «от обратного»: почему молодёжь переезжает в АЗ РФ?

Миграция в АЗ РФ: причины переезда

Миграционные установки приехавшей молодёжи рассмотрим по Мурманской и Архангельской областям, Ямало-Ненецкому АО и Красноярскому краю в силу небольшой представительности опрошенных в остальных регионах (менее 100 человек). По перечисленным субъектам подвыборка составила 910 респондентов.

Переезд в другой регион — серьёзный шаг в выстраивании жизненной траектории. Молодые люди характеризуют свой переезд в АЗ РФ как «личный вызов» и поиск новых возможностей профессиональной реализации и карьерного роста. Основные причины переезда отражают региональную специфику миграционных потоков. В Ямало-Ненецкий АО и Красноярский край молодые люди в основном приезжают на работу (68% и 75% от приехавших по региону респондентов соответственно) (рис. 1), и каждый второй из них по приглашению работодателя. Ведущие компании («Газпром», «Норникель» и другие) привлекают молодые кадры, одновременно содействуя их закреплению в АЗ РФ, путём реализации программ поддержки специалистов. На текущем рабочем месте молодые люди больше всего ценят уровень оплаты труда, стабильность и надёжность работодателя, коллектив. Нельзя не отметить, такую сторону работы в АЗ РФ как выплата «северных», которые служат дополнительным стимулом переезда, однако при возможности сравнения жизни в других регионах, они часто обесцениваются: *«зарплата в другом городе практически не отличается от той, что я и муж получаем здесь, а вот развлечений, друзей меньше и цены в магазинах намного выше. Нет смысла жить в такой дали. Когда-то ехали сюда зарабатывать деньги на квартиру»* (женщина 29 лет, проживающая в Ямальском районе (Ямало-Ненецкий АО)).

Архангельская область — единственный регион АЗ РФ, где есть федеральный университет. Среди опрошенных большинство приехало сюда именно на учёбу (61%), а также каждый четвёртый приехал с целью работы. Миграционные потоки, направленные в область, обеспечивают приток молодёжи только в крупные города — Архангельск, Северодвинск и Новодвинск, как промышленные города, предлагающие рабочие места на производствах.

Миграция молодёжи в Мурманскую область обусловлена трудоустройством (32%) и получением образования (23%), но явно выделяется другая причина — «вслед за второй половинкой» (42%). Эту причину пере-

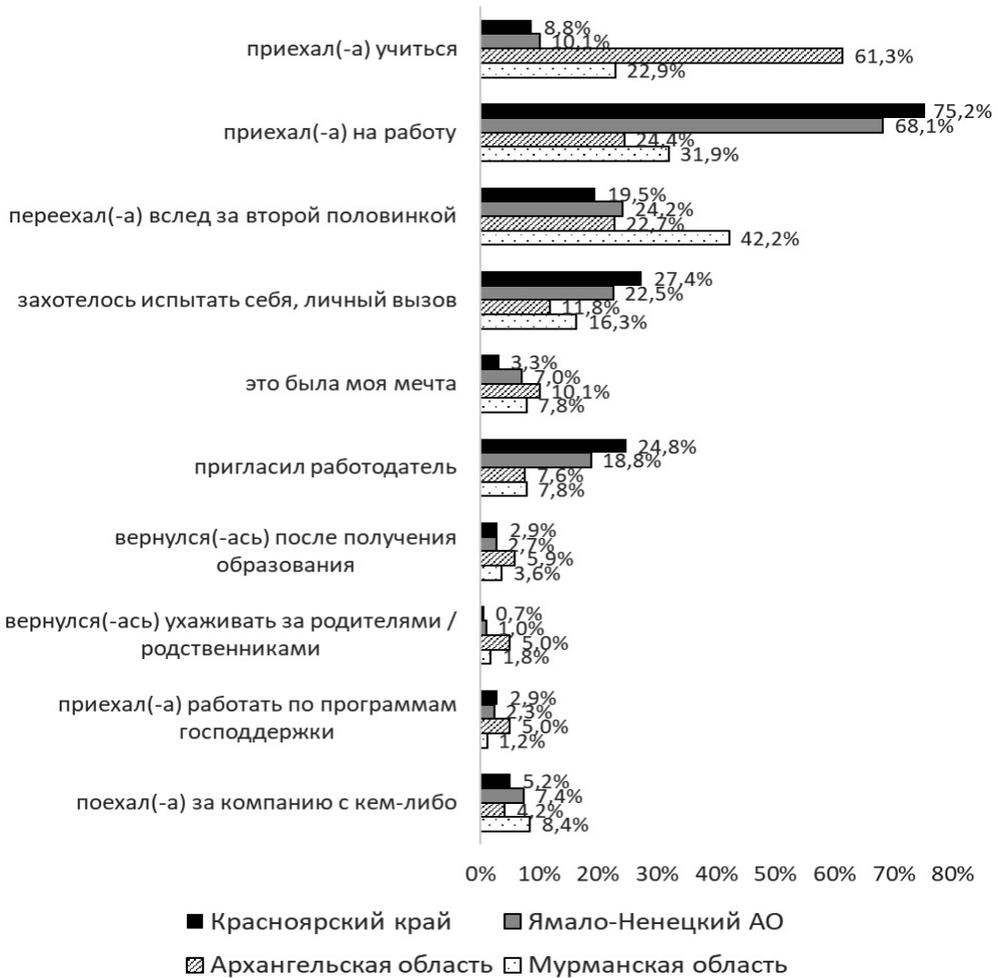

Рис. 1. Причины переезда молодёжи в регионы АЗ РФ, в % от ответивших по региону

Fig. 1. Reasons for young people to move to the regions of the Russian Arctic zone, in% of those who answered by region

Источник: составлено авторами по результатам опроса.

езда чаще называют женщины, переехавшие вслед за мужем, проходящим военную службу, или работающим на предприятии. Регион является базой Северного флота, пять муниципальных образований — закрытые военные территории (ЗАТО), в том числе попавшие в выборку исследования. «Окончание срока контракта военной службы мужа» (женщина, 33 года, проживающая в ЗАТО Заозёрск (Мурманская область) — то,

что служит причиной отъезда в дальнейшем. Если первопричиной переезда мужчин в АЗ РФ является работа (в возрасте от 24 лет), то у женщин она двояка: переезд с целью трудоустройства и построения карьеры или вслед за партнёром с последующим поиском работы и возможностей самореализации ситуационно в зависимости от имеющихся условий и предложений принимающей территории.

Север во все времена своего освоения привлекал романтиков, поэтому отдельно рассмотрим «северное притяжение»: 6% приехавших отметили, что мечтали переехать в АЗ РФ. В то же время этот мотив служит своего рода подкреплением, «акцентированием таких сторон жизни и работы на Севере, как романтика, красота природы, особые межличностные отношения» [19] как компромисс между двумя ценностями — зарабатыванием и вдохновлённостью жизнью в суровых условиях Севера.

Проблематика закрепления молодёжи остро стоит в вопросах управления субъектами АЗ РФ и в полемике научного сообщества. С одной стороны, необходимо удерживать молодёжь, с другой, встаёт вопрос о целесообразности такого вмешательства в естественную «северную мобильность» населения. В большей степени закрепляемость прибывших временна и сменяема: более половины приехавших (66%) высказали намерение задержаться ещё на 5 лет. При том, что у большинства ожидания от переезда оправдались, однако позитивный или негативный окрас этих ожиданий не ясен и требует уточнения глубинным интервью [20]. Все же миграционные настроения приехавших указывают на то, что переезд не ограничится АЗ РФ. Лишь 39% отметили, что никуда не хотят уезжать. У переехавших миграционные установки по достижении желаемых выгод в меньшей степени направлены в мегаполисы, и в большей — в другие города, в основном в южные регионы и Среднюю полосу России.

Дискуссионный вопрос о том, нужно ли удерживать молодёжь в АЗ РФ или акцентировать внимание исключительно на её привлечении остаётся открытым. При регуляции потоков в обоих направлениях нужен комплексный подход. По результатам групповых интервью с обучающейся молодёжью, обобщены ключевые направления развития арктических территорий (рис. 2), ранжированные от базисных до целевого — закрепления молодёжи. Факторы, способствующие оттоку молодёжи из АЗ РФ, ещё раз подчёркивают актуальность поиска и применения не «новых подходов» к за-

креплению, а острую необходимость решения базовых социально-экономических проблем территорий: доступности жилья, развития инфраструктуры, доступности социальных и образовательных услуг, улучшения экологической обстановки и так далее, что еще раз подчеркивает необходимость реализации мероприятий, заложенных в Программе социально-экономического развития АЗ РФ¹⁵.

Сдерживающие причины также указывают на вектор управления ими в сторону усиления: востребованность на рынке труда, возможности построения карьеры, заработка, привязанность к северной природе, её красоте, приспособленность местного населения к северным условиям и др., т.е. условия, которые потенциально могут сдерживать отток молодёжи из АЗ РФ.

Молодёжь понимает риски «большого города» и «цену переезда» в обустройстве своей жизни и выстраивании новых социальных связей. Молодые люди имеют желание и обладают высоким потенциалом к созданию нового — бизнеса и социальных проектов, развивающих территории. Приверженность молодёжи к северной культуре и традициям формирует специфическую северную и арктическую идентичность, требующую отдельного внимания к изучению. Как итог, большая часть молодых людей, выразивших желание уехать, придерживаются позиции «я бы остался, но при условии». Эти условия во многом касаются острой необходимости развития арктических территорий и повышения качества жизни населения.

Заключение

Анализ миграционных установок показал активность настроений как местной, так и приехавшей в АЗ РФ молодёжи. По достижении более старшего возраста, миграционные намерения молодых людей снижа-

¹⁵ Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» // Официальный сайт Правительства РФ.—URL: <http://static.government.ru/media/files/bIT1JDkAw1JWhBgHy1SAZikBRI NmT3pG.pdf> (дата обращения: 29.12.2023).

Рис. 2. Направления развития территорий АЗ РФ, исходя из потребностей местной и приехавшей студенческой молодёжи

Fig. 2. Points of development of the Arctic territories, based on the needs of local and visiting students
Источник: составлено авторами по материалам проведённого исследования.

ются. Молодёжь учебных возрастов в большей степени настроена на переезд в мегаполисы. Активность миграционных настроений различается по арктическим регионам. В меньшей степени настроены на отъезд молодые люди из Архангельской области и Ямало-Ненецкого АО, а наиболее активно настроена молодёжь арктических территорий Красноярского края и Чукотского АО.

В формировании миграционных установок молодёжи, принявших твёрдое решение покинуть территории АЗ РФ, играют роль социальные связи, опыт переезда и достижения успеха в другом регионе знакомыми и друзьями, поиск благополучных экологических и климатических условий, возможностей получения образования, а также личные причины. Выявленные факторы подтверждают сетевую теорию миграции населения для конкретной социальной группы.

Молодёжь приезжает в АЗ РФ в основном с целью трудоустройства и заработка, а в ре-

гионы образовательные центры — на учёбу и работу. В большинстве случаев молодёжь настроена задержаться в АЗ РФ лишь на какое-то время, в основном для достижения материальных, профессиональных и образовательных целей.

Интересно, что причины, по которым молодёжь стремится покинуть арктические территории, во многом являются схожими с теми, по которым молодые люди приезжают в АЗ РФ из других регионов России. Выявленные причины, способствующих миграционному оттоку молодежи, не отразили их уникальности, а в большей мере подчеркнули важность решения базовых социально-экономических проблем арктических территорий России. При этом следует обратить внимание на уникальные условия, сдерживающие миграцию молодёжи из АЗ РФ, среди которых северная идентичность, климатическая привязанность, востребованность на рынке труда, желание создавать новое.

Литература и Интернет-источники

1. **Хотеева, Е. А.** Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами / Е. А. Хотеева, И. С. Степуть // Проблемы развития территории. — 2023. — Т. 27. — № 2. — С. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8; EDN: MOENQF
2. **Степуть, И. С.** Миграционные вызовы стратегическому развитию Арктической зоны России / И. С. Степуть, Е. А. Хотеева, А. В. Симакова // The Newman in Foreign Policy. — 2023. — № 70. — С. 7–10. EDN: LBHQCL
3. **Денисов, Е. А.** Миграционные процессы в городах Российского Севера в 1990–2010 гг. / Е. А. Денисов // Региональные исследования. — 2017. — № 2. — С. 44–55. EDN: ZDRFBD
4. **Мкртчян, Н. В.** Баланс миграции населения российского Севера и Арктики в 2010-е годы и его структурные составляющие / Н. В. Мкртчян // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2021. — Т. 19. — С. 304–325. DOI: 10.47711/2076–318–2021–304–325; EDN: QDDTYD
5. **Ковалева, О. М.** Миграционные тенденции в Арктической зоне России в 2012–2019 годах / О. М. Ковалева // Народонаселение. — 2021. — Т. 21. — № 4. — С. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12. EDN: TVBXXP
6. **Фаузер, В. В.** Российская и Мировая Арктика: население, экономика, расселение / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Т. С. Лыткина, Г. Н. Фаузер; отв. ред. В. В. Фаузер. — Москва : Политическая энциклопедия, 2022. — 215 с. EDN: МНЕОИ
7. **Шеломенцев, А. Г.** Факторы миграции в Арктической зоне Российской Федерации / А. Г. Шеломенцев, Л. В. Воронина, Е. В. Смиренникова, А. В. Уханова // Ars Administrandi (Искусство управления). — 2018. — Т. 10. — № 3. — С. 396–418. DOI: 10.17072/2218–9173–2018–3–396–418; EDN: XZIIIP
8. **Уханова, А. В.** Классификация факторов миграции населения Российской Арктики / А. В. Уханова, Е. В. Смиренникова, Л. В. Воронина // Фундаментальные исследования. — 2021. — № 4. — С. 123–129. DOI: 10.17513/fr.43011; EDN: VXAYWH
9. **Замятина, Н. Ю.** Миграция с Севера: социальные сети и ментальная «близость» / Н. Ю. Замятина, А. Д. Яшунский // Внешнеэкономические факторы пространственного развития. Сборник статей / отв. ред. В. Н. Стрелецкий. — Москва : Эслан, 2015. — С. 147–173. EDN: ZDEFMP
10. **Замятина, Н. Ю.** «Севера» как зона роста для российской провинции / Н. Ю. Замятина, А. Д. Яшунский // Отечественные записки. — 2012. — № 5. — С. 227–239. EDN: QIVKGD
11. **Васильева, О. В.** Молодёжь Арктики: идентичности и жизненные стратегии / О. В. Васильева, Е. Г. Маклашова; отв. ред. В. Б. Игнатьева. — Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. — 177 с.
12. **Недосека, Е. В.** Особенности жизненных стратегий молодежи в условиях Арктики / Е. В. Недосека, Е. Н. Шарова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2020. — № 3. — С. 355–375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611. EDN: TWRKYT
13. **Зайков, К. С.** Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности / К. С. Зайков, И. В., Каторин, А. М. Тамицкий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — Т. 11. — № 3. — С. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15; EDN: XTJZTV
14. **Сулейманова, О. А.** «На Севере жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодежи Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. — 2020. — Т. 11. — № 6–19. — С. 179–189. DOI: 10.37614/2307–5252.2020.6.19.014; EDN: IТЕННА
15. **Степуть, И. С.** Миграционные потоки выпускников школ и вузов в регионах Российской Арктики: объемы, вектора и оценка соразмерности / И. С. Степуть, А. В. Симакова, В. А. Гуртов, Е. А. Хотеева // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2023. — № 1. — С. 80–94. DOI: 10.37614/2220–802X.1.2023.79.005; EDN: EYAJLW
16. **Кузнецова, С. А.** Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований / С. А. Кузнецова // Социальная психология и общество. — 2013. — Т. 4. — № 4. — С. 34–45.

17. **Рыбаковский, Л. Л.** История и теория миграции населения. Кн. 3: Теория трёх стадий миграционного процесса / Л. Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2019. — 218 с.
18. **Замятина, Н. Ю.** Российская Арктика. К новому пониманию процессов освоения / Н. Ю. Замятина, А. Н. Пилясов. — Москва : ЛЕНАНД, 2018. — 400 с.
19. **Агапов, М. Г.** «Север зовёт!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения Российской Арктики / М. Г. Агапов, В. П. Ключева // Сибирские исторические исследования. — 2018. — № 4. — С. 6–24. DOI: 10.17223/2312461X/22/1; EDN: YSXQRV
20. **Хотеева, Е. А.** Мотивы миграции молодежи в Арктическую зону РФ на современном этапе / Е. А. Хотеева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2023. — Т. 16. — № 5. — С. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10; EDN: JFGVXJ

Информация об авторах:

Симакова Анна Васильевна, к.соц.н., старший научный сотрудник, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: simakova@petsu.ru; ORCID: 0000-0002-1990-9826; РИНЦ AuthorID: 984508.

Хотеева Евгения Александровна, ведущий специалист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ehoteeva@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-4153-1142; РИНЦ AuthorID: 839975.

Степуть Ирина Сергеевна, к.э.н., зам. директора, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: stepus@petsu.ru; ORCID: 0000-0001-5070-0273; РИНЦ AuthorID: 867923.

Аверьянов Александр Олегович, ведущий аналитик-программист, Центр бюджетного мониторинга Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; РИНЦ AuthorID: 1109853.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152

REGIONAL ASPECT OF YOUTH MIGRATION ATTITUDES IN THE RUSSIAN ARCTIC

Anna V. Simakova*, **Evgenia A. Khoteeva**,
Irina S. Stepus, **Alexander O. Averianov**

*Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University
(185910, Russia, Petrozavodsk, Lenin Ave. 31)*

**E-mail: simakova@petsu.ru*

Funding:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-78-10148 «Motivational drivers in the dynamics of human resource flows in the Russian Arctic: trends, challenges, prospects». URL: <https://www.rscf.ru/project/22-78-10148/>.

For citation:

Simakova A. V., Khoteeva E. A., Stepus I. S., Averianov A. O. Regional aspect of youth migration attitudes in the Russian Arctic. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 136–152. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-136-152 (in Russ.)

Abstract. *The current stage of development of the Russian Arctic zone (AZ RF) dictates new tasks for development of these territories. In this vein, a special attention is paid to the demographic potential of the Arctic territories. The circulation of migration flows in the AZ RF makes its own adjustments to the reproduction of the population, especially among the mobile social group of young people. The purpose of the article is to identify the migration intentions of young people, the factors that contribute to formation of these intentions through actions, as well as the desire to stay in the Arctic among those young people who arrived. Consideration of the migration intentions of local and arrived youth aged 16–35 years in a descriptive sociological type of research in the Arctic space is the scientific novelty of the study. The information base of the study is the data from a sociological survey of young people from all regions of the AZ RF (N=8583). Migration intentions of the local youth and those who arrived in the AZ RF are active and specific in certain regions. Among the local youth, only one third plans to stay in the Arctic. Social ties, the search for favorable environmental and climatic conditions, educational opportunities and personal reasons play a role in the formation of migration intentions, backed up by actions. Young people come to the AZ RF mainly for the purpose of employment and earnings and to the regions with educational centers—to study and work. To a greater extent, settlement of the newly arrived youth is temporary and replaceable. The authors identified the main problem issues and points of development of the territories of the Russian Arctic in the context of retaining young people with the account of the results of the survey on the causes of migration.*

Keywords: *incoming migration of youth, outgoing migration of youth, migration factors, Arctic zone of Russia, youth.*

References and Internet sources

1. Khoteeva E. A., Stepus I. S. Migratsiya naseleniya v Rossiyskoy Arktike v statisticheskikh otsenkakh i praktike upravleniya regionami [Population migration in the Russian Arctic in statistical estimates and regional management practice]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 110–128. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.8 (in Russ.)
2. Stepus I. S., Khoteeva E. A., Simakova A. V. Migratsionnyye vyzovy strategicheskogo razvitiya Arkticheskoy zony Rossii [Migration challenges to the strategic development of the Russian Arctic zone]. *The Newman in Foreign Policy*. 2023. No. 70. P. 7–10. (in Russ.)
3. Denisov E. A. Migratsionnyye protsessy v gorodakh Rossiyskogo Severa v 1990–2010 gg. [Migration processes in the cities of the Russian North in the 1990–2000s]. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies]. 2017. No. 2. P. 44–55. (in Russ.)
4. Mkrtychyan N. V. Balans migratsii naseleniya rossiyskogo Severa i Arktiki v 2010-ye gody i yego strukturnyye sostavlyayushchiye [Population migration balance of the Russian North and the Arctic in the 2010s and its structural components]. *Nauchnyy trudy. Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the RAS]. 2021. No. 19. P. 304–325. DOI: 10.47711/2076–318–2021–304–325 (in Russ.)
5. Kovaleva O. M. Migratsionnyye tendentsii v Arkticheskoy zone Rossii v 2012–2019 godakh [Migration trends in the Arctic zone of Russia in 2012–2019]. *Narodonaselenie* [Population]. 2021. Vol. 21. No. 4. P. 147–160. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.12 (in Russ.)
6. Fauser V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauser G. N. Rossiyskaya i Mirovaya Arktika – monograficheskoye issledovaniye demografov, sotsiologov i ekonomistov [The Russian and World Arctic – A Monographic Study of Demographers, Sociologists and Economists]. Ed. V. V. Fauser. Moscow. Political Encyclopedia. 2022. 215 p. (in Russ.)
7. Shelomentsev A. G., Voronina L. V., Smirennikova E. V., Uhanova A. V. Faktory migratsii v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii [Migration Factors in the Arctic Zone of the Russian Federation]. *Ars Administrandi*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 396–418. DOI: 10.17072/2218–9173–2018–3–396–418 (in Russ.)

8. Ukhanova A. V., Smirennikova E. V., Voronina L. V. Klassifikatsiya faktorov migratsii naseleniya Rossiyskoy Arktiki [Classification of migration factors of the Russian Arctic population]. Fundamental'nyye issledovaniya [Basic Research]. 2021. No. 4. P. 123–129. DOI: 10.17513/fr.43011 (in Russ.)
9. Zamyatina N. Yu., Yashunsky A. D. Migratsiya s Severa: sotsial'nyye seti i mental'naya «blizost'» [Migration from the North: social networks and mental «proximity»]. Vneshneekonomicheskiye faktory prostranstvennogo razvitiya. Sbornik statey [Foreign Economic Factors of Spatial Development]. Ed. V. N. Streletsky. Moscow. Eslan. 2015. P. 147–173. (in Russ.)
10. Zamyatina N. Yu., Yashunsky A. D. «Severa» kak zona rosta dlya rossiyskoy provintsii [The North as an area of growth for the provinces]. Otechestvennyye zapiski [Domestic Notes]. 2012. No. 5. P. 227–239. (in Russ.)
11. Vasilyeva O. V., Maklashova E. G. Molodezh' Arktiki: Identichnosti i zhiznennyye strategii [Arctic Youth: Identities and Life Strategies]. Ed. V. B. Ignatieva. Yakutsk. 2018. 177 p. (in Russ.)
12. Nedoseka E. V., Sharova E. N. Osobennosti zhiznennykh strategiy molodezhi v usloviyakh Arktiki [Features of Youth's Life Strategies in the Arctic]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020. No. 3. P. 355–375. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1611 (in Russ.)
13. Zaikov K. S., Katorin I. V., Tamitskii A. M. Migratsionnyye ustanovki studentov, obuchayushchikhsya po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya arkticheskoy napravlenosti [Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15 (in Russ.)
14. Suleymanova O. A. «Na Severe zhit'?:» opyt pereyezda i migratsionnyye ustanovki molodezhi Murmanskoy oblasti [«In the North – to live?»: experience of moving and migration attitudes of young people of the Murmansk region]. Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN [Proceedings of the Kola Science Center RAS]. 2020. Vol. 11. No. 6–19. P. 179–189. DOI: 10.37614/2307–5252.2020.6.19.014 (in Russ.)
15. Stepus I. S., Simakova A. V., Gurtov V. A., Khoteeva E. A. Migratsionnyye potoki vypusknikov shkol i vuzov v regionakh Rossiyskoy Arktiki: ob'yemy, vektora i otsenka sorazmernosti [Migration Flows of School and University Graduates in the Russian Arctic Regions: Volume, Vectors, and Proportionality Assessment]. Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka [The North and the Market: Forming the Economic Order]. 2023. No. 1. P. 80–94. DOI: 10.37614/2220–802X.1.2023.79.005 (in Russ.)
16. Kuznetsova S. A. Migratsionnyye ustanovki kak predmet sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Migration attitudes as a subject of socio-psychological research]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]. 2013. Vol. 4. No. 4. P. 34–45. (in Russ.)
17. Rybakovsky L. L. Istoriya i teoriya migratsii naseleniya. Kn. 3: Teoriya trekh stadiy migratsionnogo protsesssa [History and Theory of Population Migration. Book. 3: The Theory of Three Stages of the Migration Process]. Moscow. Econ-Inform. 2019. 218 p. (in Russ.)
18. Zamyatina N. Yu., Pilyasov A. N. Rossiyskaya Arktika. K novomu ponimaniyu protsessov osvoyeniya [Russian Arctic. Towards a New Understanding of Development Processes]. Moscow. LENAND. 2018. 400 p. (in Russ.)
19. Agapov M. G., Klyueva V. P. «Sever zovet!»: motiv «severnoy prityazheniye» v istorii osvoyeniya Rossiyskoy Arktiki [“The North is calling!»: the ‘northern attraction’ motif in the history of the Russian Arctic development]. Sibirskiy istoricheskiye issledovaniya [Siberian Historical Research]. 2018. No. 4. P. 6–24. DOI: 10.17223/2312461X/22/1 (in Russ.)
20. Khoteeva E. A. Motivы migratsii molodezhi v Arkticheskuyu zonu RF na sovremennom etape [Motives of youth migration to the Arctic zone of the Russian Federation at the present stage]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2023. Vol. 16. No. 5. P. 172–187. DOI: 10.15838/esc.2023.5.89.10. (in Russ.)

Information about the authors:

Simakova Anna Vasilievna, Candidate of Sociology, Senior Researcher, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: simakova@petsu.ru; ORCID: 0000-0002-1990-9826; Elibrary AuthorID: 984508.

Khoteeva Evgenia Alexandrovna, Leading Specialist, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: ehoteeva@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-4153-1142; Elibrary AuthorID: 839975.

Stepus Irina Sergeevna, Candidate of Economics, Deputy Director, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: stepus@petsu.ru; ORCID: 0000-0001-5070-0273; Elibrary AuthorID: 867923.

Averianov Alexander Olegovich, Leading software analyst, Budget Monitoring Center of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Elibrary AuthorID: 1109853.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165
EDN: GOLTOF

МИГРАЦИЯ РОССИЯН В МОНГОЛИЮ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бредихин А. В.

*Институт Китая и современной Азии РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119234, Россия, Москва, Ленинские горы, 1/33)*

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

Для цитирования:

Бредихин А. В. Миграция россиян в Монголию: исторический и социологический аспект // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 153–165. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165; EDN: GOLTOF

Аннотация. В системе межгосударственных отношений Российской Федерации и Монголии сложились свои особенности миграционного процесса, связанные с различными событиями XX и XXI веков. Гражданская война в России перешла на территорию Монголии, где «белое» движение смогло на время установить свою власть, а в последствии туда направились представители эмиграции как на постоянное место жительства, так и для дальнейшего убытия в другие страны. Непризнанный статус «шестнадцатой» союзной республики в годы СССР способствовал притоку советских специалистов, формирование соответствующей миграционной волны. Третий рассматриваемый этап, а это период Специальной военной операции 2022–2023 гг., актуализировал вопрос прибытия в Монголию российских релокантов, значительное число которых остаётся работать на удалённом формате в РФ. В рамках исследования автор ставит цель показать основные этапы миграции россиян на территорию Монголии. Последствием метода историзма определяются причины и результаты миграционных волн, приводится статистика. В результатах автор приходит к тому, что миграционные процессы базируются на общем культурно-цивилизационном коде, исторической близости России и Монголии, необходимости развития сотрудничества в рамках различных наднациональных интеграционных объединений, в том числе Шанхайской Организации Сотрудничества и Евразийского Экономического Союза.

Ключевые слова: мигранты, Россия, Монголия, казаки, советские специалисты.

Введение

Основными мотивирующими факторами, которые приводят к миграции населения, стали экономические причины, такие как поиск работы, возможности трудоустройства, улучшение условий труда, ведение бизнеса. Но между тем остаются и продолжают играть свою роль и причины внешнего характера — вооружённые конфликты и стихийные бедствия.

Целью исследования является рассмотрение взаимосвязи различных волн эмиграции россиян на территорию Монголии, обусловленные Гражданской войной 1917–1922 гг., экономическим сотрудничеством советского периода и Специальной военной операцией (СВО) на Украине. В этой связи были поставлены следующие задачи: 1) проанализировать исторические особенности эмиграции россиян на территорию Монголии; 2) выявить место фронтирменов — казаков и монгольских народов в данном процессе; 3) дать оценку последствиям текущей волны эмиграции россиян в Монголию. В современной науке проблема миграции россиян в Монголию актуализирована в связи с аспектами трансграничного сотрудничества и пандемией COVID-19, что представлено в работах Ц.Д. Гончикова, Ч.Б. Урбановой, Б.Ц. Дымчиковой, С. Эрдэнэсүх [1], Б. Нацагдорж [2], И.В. Имидеевой, Н. Болдбаатар Нандинцэцэг, В.А. Медведь [3], И.Г. Актмаов [4] и других. В исследовании использована институциональная методология, позволяющая определить роль миграционных волн в системе российско-монгольского взаимодействия.

Три миграционные волны XX века

Русские поселения на территории нынешней Монголии появились в конце XIX века. Данная тенденция находила поддержку у III и IV Государственной Думы. Формирование диаспоры из числа казаков, старообрядцев, а в последствии и советских специалистов нашло отражение в появлении понятия «местнорусские» [5, с. 117], «семеновцы (цагантанууд)», «орос». Поскольку

ку Монголия соседствует с Россией, её история и культура связаны с такими регионами, как Республика Бурятия, Иркутская область, Республика Тыва и Забайкальский край.

Россия сыграла решающую роль в получении независимости Монголии: китайские войска были изгнаны с монгольской территории с помощью русских, а монгольские власти использовали крах династии Цин, чтобы приблизиться к России. Монголия стала Народной Республикой в 1924 г., и, хотя она никогда официально не входила в состав СССР, её нередко называли шестнадцатой республикой или страной-спутником. На протяжении более двадцати лет Советский Союз был единственным государством, признавшим независимость Монголии. Под советским давлением на другие страны, в том числе на Китай, Монголия постепенно установила дипломатические отношения с другими странами.

Монголия в XX в. пережила три крупные волны эмигрантов, которые прибыли как из Российской Империи, так и позднее. Первая волна прибыла ещё до революции 1917 г. после реформ П.А. Столыпина в связи с японской угрозой на Дальнем Востоке России. Вторая волна пришлась на период 1920–30-х гг. и была напрямую связана с нарастающей коллективизацией в СССР. Третья волна началась в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и продолжалась вплоть до 1990-х годов. Волны отличались своим составом. Первая волна — «белое» движение, казачество. Их сменили коллаборционисты и заключённые, отбывавшие наказание в лагерях Монголии. Приток последних в послевоенное время был обусловлен строительством ключевой магистрали — Улан-Баторской железной дороги, а также промышленной добычей урана в прилегающих регионах. Миграционный поток населения в период до 1990-х гг. состоял из людей из разных республик СССР, с разным уровнем образования и разным социальным опытом.

Казачество являлось одной из крупнейших этносоциальных групп на территории Российской империи. По данным на 1916 г., на территориях Области войска Донского

жило 1,5 млн казаков, Кубанского казачьего войска — 1,3 млн., Оренбургского — 533 тыс., Забайкальского — 264 тыс., Терского — 255 тыс., Уральского — 174 тыс., Амурского — 49 тыс., Семиреченского — 45 тыс., Астраханского — 35 тыс., Уссурийского — 35 тыс. человек. Исходя из этих показателей, можно сделать вывод о том, что казачество являлось обширным и сложным социальным институтом со своей структурой и системой управления, но главным аспектом для страны являлось то, что казаки были преданы царю и государству, на защиту которого они вставали первыми.

Гражданская война в России — это великая трагедия в нашей истории, которая привела к реформации всех сфер как общественной, так и государственной жизни. Большая часть казачества встала на сторону «белого» движения, другая — вступила в союз с их противниками, а третья группа казачества была в ожидании и не принимала никаких решений. Ключевым моментом противостояния выступила принятая советскими властями в 1919 г. «Директива о расказачивании». Массовая эмиграция казаков из России происходила в составе представителей «белых» войск на завершающем этапе Гражданской войны и непосредственно после неё, когда казаки бежали от преследующего их «красного террора» в ряд европейских стран.

Представителям казачества, которые проживали на территории Урала, было труднее, им приходилось уходить с территории страны через «мёртвые» земли пустынь Центральной Азии. При пересечении границы с Монголией, из около 200 тыс. казаков, бежавших от войны, спаслись лишь 50 тысяч. Другая крупная волна эмиграции казачества происходила с территории Забайкалья, Приамурья и Приморья. В ряде доктринальных источников можно заметить, что число эмигрантов варьируется в пределах 500 тыс. казаков. Затем к ним прибавились ещё около 50 тыс. казаков, которые бежали от послевоенных репрессий.

Доподлинно рассмотреть все этапы эмиграции казаков с приведением статистических данных не представляется возмож-

ным, ввиду утраты многих исторических документов, а также их уничтожения, но можно выделить наиболее яркие примеры, чтобы проследить систематичность и количество казаков, бежавших на территорию Монголии. Так в октябре 1920 г. после разгрома белых войск в Забайкалье в Монголию ушла Азиатская конная дивизия барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга, а уже 3 февраля 1921 г. им была занята Урга. Став фактическим правителем Монголии, он превратил её в базу для военных операций против Советской России.

Енисейские казаки, которые отступили из Енисейской губернии в конце 1919 — начале 1920 гг. в Западную Монголию, сосредоточились в Улясугае. Их руководителем стал председатель войскового правительства ЕКВ есаул И.Г. Казанцев, который в октябре 1920 г. бежал из изолятора в Иркутске. В начале 1921 г. под его командованием было уже до полутора сотен казаков, а ближе к лету 1921 г. их количество возросло до полноценной боевой дивизии, что наглядно показывает динамику эмиграции представителей казачества. К началу наступления на Урянхай казачий отряд И.Г. Казанцева насчитывал 450 человек. При этом отряд мог пополниться и за счёт енисейских казаков, ушедших в Монголию.

В Приморье в 1920 г., после фактического раскола белых воинских формирований на «каппелевцев» и «семеновцев», часть казаков — половина Енисейского полка конный дивизион (180 человек), состоявшего из двух конных сотен под командованием Г.К. Бологова, — выбрала сторону Семёнова и ушла в его ставку. Оставшаяся часть Енисейского казачьего полка — пеший дивизион сотника Вербицкого, также насчитывавший около 180 человек, — располагалась в окрестностях Владивостока. Очевидно, что, помимо боеспособных казаков, в этот момент в Приморье находились и члены семей енисейцев [6, с. 115].

В это время полковник Г.К. Бологов решает остаться в России и продолжить вооружённую борьбу. Из казаков Енисейской казачьей дружины он сформировал отряд добровольцев в составе 42 человек. После

ухода основных сил, он со своим отрядом выступил из Ивановки, намереваясь уйти в пограничный Гродековский район, создать там базу и к лету 1923 г. развернуть в Приморье партизанскую борьбу. Однако, не имея возможности продержаться зиму в условиях нехватки продовольствия и фуража Г.К. Бологов в конце 1922 г. уводит отряд в Монголию, а затем и в Китай [7, с. 200]. Бывший атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский в 1940 г. писал: «Часть казаков, во главе с полковником Г.К. Бологовым, вскоре же после эвакуации отправилась в Ниппон и на острова, на джигитовку. Группа эта осела в Шанхае» [8, с. 145]. Г.К. Бологов стал наиболее деятельным членом енисейской казачьей общины Монголии.

После ухода в Китай Сводно-казачий отряд генерала П.И. Блохина с присоединившимися к нему семьями был переименован в Сибирско-Енисейскую беженскую группу, состоявшую из 459 военнослужащих, 18 женщин и 14 детей. Беженцы были размещены в лагерях у городов Гири и Чаньчунь. А.Н. Тялшинский пишет: «Большая же часть казаков поселилась в так называвшейся полосе отчуждения бывшей Китайской Восточной железной дороги и занялась здесь мирным трудом. В 1926 г. в Харбине образована Зарубежная станица. Станица эта входит в Союз казаков на Дальнем Востоке и исполняет все распоряжения Начальника Союза» [8, с. 146].

Миграционная волна «белой» эмиграции

В Монголии было сформировано Временное правительство Монгольского государства в 1921 г. и атамана Г.М. Семёнова избрали Верховным уполномоченным Монголии. По словам С.А. Таскина, «Семёнов пользуется большим почётом у бурят и монголов. На съезде монголов в Чите Г.М. Семёнову поднесён титул «Цинвана» — Светлейшего князя. Кроме того, они подарили Семёнову шюхадца — белую выдру, которая по монгольским преданиям родится один раз в сто лет. Такие подарки делаются самым

высоким людям. Семёнов из выдры пошил шапку, и это очень нравится монголам. Такое уважение к Семёнову я объясняю тем, что во время борьбы с большевиками, которые преследовали монголов и бурят, он оказывал последним покровительство, и они находили у него приют» [9, с. 40]. Так наметилась схема устройства политической власти в Монголии — теократическая монархия, «вторым лицом» которой, командующим вооружёнными силами, должен стать представитель российского «белого» движения (в 1919 г. это был Г.М. Семёнов, а в 1921 г. им стал Р.Ф. Унгерн-Штернберг).

Создание нового государственного образования предполагалось во взаимосвязи с созданием «единого антибольшевистского фронта». Атаман Г.М. Семёнов стремился доказать, что «большевистский пожар» из России рано или поздно охватит Европу и Америку, большевизм в Китае или в Индии взорвёт весь мир. Поэтому независимая Монголия могла бы стать защитой Азии от «большевистской болезни», оплотом стабильности в регионе. Однако призывы атамана не встретили поддержки стран Антанты. Тем не менее, Г.М. Семёнов считал решения Даурской конференции принципиально важными. Прежде всего, он получал теперь возможность комплектовать свои воинские части монголами, так как они «отличаются большой храбростью в боях и совершенно не поддаются большевистскому воздействию». Образовавшись таким образом резервы предполагалось отправить на помощь А.В. Колчаку, на Урал и в Сибирь. Г.М. Семёнову поручалось также контролировать создание собственно монгольской армии, что позволяло существенно укрепить российское военно-политическое влияние в регионе.

Неправомерно утверждать, что создание «Великой Монголии» — всецело заслуга Г.М. Семёнова, хотя ему (а не Р.Ф. Унгерн-Штернберу) принадлежит первенство в формировании монгольской контрреволюционной государственности. В своём исследовании Л. Юзефович приводит суждение казачьего офицера Гордеева: «Семёнов мечтал — в интересах России — образовать

между ней и Китаем особое государство. В его состав должны были войти пограничные области Монголии Барга, Халха и южная часть Забайкальской области. Такое государство, как говорил Семёнов, могло бы играть роль преграды в том случае, когда бы Китай вздумал напасть на Россию ввиду её слабости» [10, с. 32].

По его убеждению, в «монгольском вопросе» Г.М. Семёнов «держал нити всего международного значения Монголии» и являлся «буфером» от «проникновения туда иностранцев». Для укрепления российского военного влияния в Забайкалье следовало «оказывать» местное население и создавать специальные воинские части по национальному признаку: «Самоуправление бурят и тунгусов необходимо организовать по образцу самоуправления казачьего и влить в состав Забайкальского казачьего войска...; части Туземной дивизии комплектовать тунгусами и бурятами» [11, с. 102]. Подобные идеи разделяли многие делегаты состоявшихся в Чите в сентябре и ноябре 1919 г. Национальных бурятских съездов, выразивших «полное доверие» атаману Г.М. Семёнову и, в частности, постановивших провести дополнительную мобилизацию 2 тыс. всадников для Бурятского отряда. Однако, несмотря на поддержку со стороны Г.М. Семёнова, отношение к политике «белого» правительства в Бурятии нельзя было назвать однозначно позитивным.

Советская власть своими жестокими методами против казачества и других представителей «белого» движения лишила нашу страну её лучших защитников и представителей различных элит. В Монголию выехал весь цвет казачьей элиты в лице высокопоставленных офицеров и атаманов. Были эвакуированы различные казачьи училища и России пришлось заново организовывать подготовку военных казачьих кадров. В связи с этим Россия перед началом Великой Отечественной войны оставила свои границы «голыми» и лишилась своих элитных и боеспособных частей, что способствовало началу советскими властями кампании «за советское казачество» в 1936 г. и создания казачьих подразделений в РККА.

Миграционная волна советских специалистов

Монгольская Народная Республика (МНР) оказалась под сильным советским влиянием после 1920-х гг., а уже к 1960-м гг. МНР получала огромные масштабы военной и экономической помощи от СССР. Данный аспект был обусловлен усиливающимся напряжением в отношениях между СССР и Китаем: руководство СССР выбрало МНР для некоего военного плацдарма в Северо-Восточной Азии. Как отмечает Курт Дэмбрэл: «Сотни тысяч советских граждан и граждан стран Варшавского договора жили и работали на территории Монголии... По данным статистики, 2/3 советских специалистов и советников, работавших за рубежом, трудились в Монголии. В течение этого времени сформировался уникальный социальный опыт взаимодействия между советскими специалистами и монголам» [12, с. 19].

При этом надо заметить, что в большей части доктринальных источников, описывающих эмиграцию советских специалистов, она квалифицируется как колониальная. Однако политическая элита советского государства подавало её в контексте реализации тезиса В.И. Ленина об отсталых и угнетённых народах Азии, о «великой цивилизационной миссии советского народа». Советские специалисты — это феномен, который имел зачатки ещё в Российской империи, когда руководство страны высказывалось об интервенции в Монголию, созданию там аграрного и военного плацдарма. Советское правительство отчасти продолжило реализацию данных идей с упором на промышленную сферу.

В связи с этим на территорию Монголии начался значительный приток советских инженеров, геологов, архитекторов и других специалистов, которые создавали в МНР «промышленный плацдарм социализма» в Азии. В подтверждение этого можно привести статистические данные, которые демонстрируют динамику присутствия советских специалистов на территории МНР. Л. Шинкарев пишет: «данные

о динамике роста советских специалистов в стране начиная с 1961 г.— 990 человек, в 1962 г.— 2624 человека, в 1963 г.— 3779 человек» [13, с. 105].

Советские специалисты уже в 1960-х гг. сформировали инфраструктуру в крупных городах МНР: были построены школы, детские сады, больницы, различные магазины. При этом в МНР из СССР и других коммунистических стран экспортировались значительные объемы продуктов питания, бытовой техники, электроники, текстиля, автомобилей, но необходимо отметить, что доступ к этой категории товаров был только у советских эмигрантов и социальной элиты МНР. Как справедливо замечает монгольский историк М. Этхэтгэл: «СССР был своеобразным Западом для Монголии, т.е. западная цивилизация проникала в Монголию в XX в. при помощи СССР»¹. Затем, к началу 1980-х гг. количество специалистов, которые приезжали в МНР из СССР значительно снизилось и это вызвало претензии со стороны руководства Монголии.

Негативная тенденция в советском обществе привела к событиям 1989–1990 гг. и «свержением» социалистического строя. Антисоветский настрой перешёл и на территорию Монголии. Тогда для защиты важных объектов на территории Монголии, советское руководство строило металлические заборы вокруг промышленных, военных и иных значимых объектов. Об этом упоминал советский строитель А. Неверов, который работал в то время в Монголии: «Мы металлическими заборами пытаемся оградить себя от населения той страны, в которой работаем, той страны, которая получает от нашего народа столько помощи, сколько никакая другая... Кстати, ни одна из стран, чьи представители живут и работают здесь, не последовали нашему примеру» [14, с. 23]. К исходу 1993 г. из Монголии убыли практически все граждане бывшего СССР, потому что жить в стране, где враждебно настроены ко всему советскому, было опасно. В данный момент потомков советских специали-

стов, которые эмигрировали в Монголию, почти не осталось.

Релоканты 2022–2023 годов

Начало СВО в 2022 г. способствовало выезду с территории РФ граждан, ставших релокантами в Абхазии, Азербайджане, Армении [15], Грузии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, странах Прибалтики. Местное население, согласно социологическим исследованиям, относится лояльно к прибывшим мигрантам: в Грузии больше 40% опрошенных считает, что приехавшие россияне могут принести пользу, в Армении таких 73%. Появление высококвалифицированных специалистов, рост спроса на услуги, возможности заработка для местных жителей приветствуют жители Таджикистана (55%), Киргизии (42%). В Узбекистане опрошенные указывали, что рады приезду специалистов (46%), однако лишь 23% считают, что это повлияет на технологичность их страны². Часть выехавших граждан выбрали местом своего пребывания иные страны, например Объединённые Арабские Эмираты, Южную Корею, страны Европейского Союза, Юго-Восточной Азии. К числу таких стран относится и Монголия.

Монголия является государством-наблюдателем Шанхайской Организации Сотрудничества и имеет сбалансированную систему взаимодействия с её основными двумя лидерами Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой [16, с. 15]. При этом исторически она имеет глубокие взаимосвязи с нашей страной [17]. На территории страны проживают народы, кровнородственно связанные с постсоветским пространством. По данным переписи населения 2020 г. это казахи— 121 тыс. человек (3,8%), буряты— 44 тыс. (1,4%), тувинцы— 2,4 тысячи (0,1%), кроме того часть халка-монголов, дэрбэтов, дархатов, торгутов, хотогойтов и других народов проживают в российских республике Бурятия и Калмыкия. В 2019–2020 гг. в связи с распространением

¹ Монголын Улсын статистикийн Баримт Эмхэтгэл 1988: статистический сборник Монголии. — Улаанбаатар, 1989.

² Социологи назвали самую дружелюбную к релокантам страну бывшего СССР // РБК.— URL: <https://www.rbc.ru/society/23/06/2023/649442c09a7947507741fed0> (дата обращения: 01.06.2023).

нием COVID-19 в Монголию вернулось порядка 60 тыс. репатриантов, что отразилось на демографическом и трудовом составе населения [4, с. 70].

С правовой точки зрения основой для сотрудничества наших государств является Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве между Российской Федерацией и Монголией, подписанный в Улан-Баторе 3 сентября 2019 года. В документе отображаются различные направления взаимодействия, в том числе в статье 7 Договора в целях безопасности стороны обязуются сотрудничать в области миграции, создают необходимые условия для реализации договорённостей в области правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. В России и Монголии Конституции и другие законы гарантируют права иностранных граждан. В обоих дружественных государствах основополагающий принцип заключается в том, что иностранные граждане имеют те же права и несут те же обязанности, что и граждане своего собственного государства, за исключением случаев, предусмотренных национальным законодательством. Лидеры России и Монголии в своих публичных выступлениях неоднократно отмечали, что, учитывая долгую историю дружбы, сотрудничества и взаимной взаимодополняемости народов, обе страны должны работать над созданием позитивного имиджа в глазах приезжих граждан.

В связи с отменой визового режима с Монголией в 2014 г. произошло значительное увеличение числа граждан, пересекающих границу в обоих направлениях, как со стороны Монголии, так и из России. Данные Главного управления по вопросам миграции МВД России в Республике Бурятия показывают, что после принятия закона, в 2015–2017 гг. пассажиропоток граждан обоих государств почти удвоился. Например, в течение 6 месяцев 2016 г. на международном пограничном пункте пропуска «Вокзал Наушки», международном автомобильном пункте пропуска «Кяхта», двустороннем автомобильном контрольно-пропускном пункте «Монди», аэропорту Улан-

Удэ в обоих направлениях 453 тыс. граждан Монголии пересекли государственную границу РФ и МНР [18, с. 284]. Монголия легко доступна для въезда, через республику Бурятию. Между Россией и Монголией есть прямое железнодорожное сообщение (Иркутск—Улан-Удэ—Улан-Батор) и автомобильное, автобусное. В приграничных регионах России наблюдается высокий уровень миграции, в отличие от приграничных аймаков Монголии. Центрами притяжения мигрантов в Монголии являются в основном города Улан-Батор, Дархан и Эрдэнэт. Улан-Батор—один из самых быстрорастущих городов мира, среднегодовой приток внутренних мигрантов оценивается в 100 тыс. человек [19, с. 43].

Монголия присоединилась к Международной организации по миграции (МОМ) в качестве члена в 2008 году. Деятельность МОМ в стране основана на соглашении о сотрудничестве, подписанном 27 ноября 2010 года. В 2011 г. МОМ открыла отделение в Улан-Баторе и с тех пор вносит свой вклад в усилия правительства Монголии по эффективному управлению миграцией с помощью широкого спектра проектов и программ. В Монголии, по состоянию на середину 2021 г., международные мигранты составляли 21345 человек (около 0,7% всего населения). По данным МОМ, большинство мигрантов приезжают из Китая, Северной Кореи, России и стран Центральной Азии. Эти мигранты в основном переехали в Монголию по причинам, связанным с работой. После 1991 г. увеличилось число мигрантов, прибывающих из Китая и России, чтобы работать, в основном в строительстве или частном бизнесе. Южнокорейцы мигрируют в Монголию для управления малым бизнесом, в основном ресторанами или караоке-барами. Улан-Батор и Пхеньян поддерживают отдельную официальную программу для приглашённых работников, благоприятствуя северокорейцам, приезжающим на работу в Монголию.

С начала СВО Российской Федерации на Украине в 2022 г. монгольское руководство заняло позицию нейтралитета. «На международной арене проводится жёсткая по-

литика осуждения и изоляции России, но наша страна неуклонно следует принципу нейтралитета, не занимая ни одну из сторон, и продолжает успешно развивать добрососедское сотрудничество с двумя нашими вечными соседями — Россией и Китаем. Оно является приоритетом внешней политики Монголии.»³ — заявил министр иностранных дел страны Батмунхийн Батцэцэг. Данный подход не нашёл одобрения у стран Запада и представителей оппозиции. Не остался в стороне бывший президент Цахиагийн Элбэгдорж, призвавший принять в Монголии бурят, тувинцев и калмыков: «Мы, монголы, встретим вас с распростёртыми объятиями и открытым сердцем»⁴.

Согласно соглашению между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии об условиях взаимных поездок граждан и Российской Федерации и граждан Монголии, взаимное пребывание на территории без визы составляет 30 дней. Затем мигрант либо продлевает пребывание на 30 дней, либо получает вид на жительство⁵. «В Монголии существует 56 видов на жительство, таких как работа, учёба, инвестирование, проживание по семейным обстоятельствам»⁶ — отмечает глава монгольского управления иностранного гражданства и натурализации Нэргуйн Ууганбаяр.

В 2022–2023 гг. началась новая волна эмиграции из России в Монголию. Так, источники сообщают, что в период в 2022–2023 гг. в Монголию въехало 22540 российских граждан, из которых 85% покинули страну по состоянию на середину октября⁷.

³ В Улан-Баторе заявили, что антироссийские санкции напрямую повлияли на Монголию // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17730369> (дата обращения: 1.06.2023).

⁴ В Монголии готовы принять представителей национальных меньшинств, несогласных с СВО. — URL: <https://yakutia.info/article/206671> (дата обращения: 1.06.2023).

⁵ Монголия адаптируется к релокантам // Коммерсантъ. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5593815> (дата обращения: 1.06.2023).

⁶ Власти Монголии пообещали выдавать россиянам виды на жительство // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/01/10/2022/6337be319a7947208f0e9afd> (дата обращения: 1.06.2023).

⁷ Тенгис А. Толгойг нь алхаар цохин гэмтээжэ. — URL: <http://dailynews.mn/?p=13119> (дата обращения: 1.06.2023).

Неофициальные сообщения указывают на то, что большинство российских граждан путешествовали в безвизовые страны, такие как Казахстан, Турция, Узбекистан, Грузия, а также в страны Европейского Союза, Таиланд и Южная Корея. Пожалуй, особенность нынешней волны эмиграции в Монголию состоит в том, что туда активно едут жители не столько Центральной России, сколько таких регионов, как республики Бурятия и Тыва, Иркутская область. В ноябре 2022 г. отмечалось, что граждане России составляют самую многочисленную группу мигрантов, находящуюся на территории страны. «По состоянию на 21 ноября 2022 г. в Монголии находились более 22 тыс. иностранцев из 124 стран. Большинство из этих людей, более 6 тыс. человек, являются гражданами Российской Федерации. Они приехали в страну для учёбы, работы и по семейным причинам»⁸ — сообщалось в управлении по делам иностранных граждан.

Данные миграционные тенденции коррелируются с решением Правительства Монголии объявить 2023–2025 гг. «Годами посещения Монголии» и разработать «послековидную» кампанию по привлечению туристов из Российской Федерации. При этом «скорее всего, это временная ситуация. Я не вижу, чтобы Монголия принимала слишком много беженцев. Большинство из них направляются в другие страны, такие как Южная Корея, Турция и Таиланд. Если вдуматься, Монголия на самом деле не является принимающей или экономически дружественной страной для мигрантов»⁹. — указывается в The Diplomat.

Монгольские неправительственные организации уделяют пристальное внимание вопросам, связанным с российскими мигрантами. Например, Монгольская национальная торгово-промышленная палата (MNCCI) провела опрос среди российских мигрантов в Монголии с 10 по 25 ок-

⁸ Граждане РФ составляют самую многочисленную группу иностранцев, находящихся в Монголии // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16401791> (дата обращения: 1.06.2023).

⁹ Russian Citizens Flooding Into Mongolia to Evade Conscription // The Diplomat. — URL: <https://thediplomat.com/2022/10/russian-citizens-flooding-into-mongolia-to-evade-conscription/> (дата обращения: 1.06.2023).

тября 2022 г. и привлекла внимание правительства к этому вопросу¹⁰. В докладе отмечается, что 29% российских мигрантов находились в стране по туризму, 18% искали работу и 12% заявили, что их целью было обучение в стране. Опрос также показал, что 28%, отвечали, что планируют остаться более месяца, 29% планируют прожить в Монголии постоянно, а 34% не уверены в своём плане пребывания. Кроме того, 83% мигрантов выразили готовность продлить свои визы, в то время как около 90% надеялись работать в Монголии. Отвечая на вопрос о насущных проблемах и трудностях, с которыми они столкнулись в Монголии, 31% респондентов указали, что найти работу и получать доход было сложной задачей, поскольку компании платят высокие налоги за трудоустройство иностранного гражданина, в то время как 16% упомянули о трудностях поиска доступного жилья для аренды, учитывая высокие цены на аренду квартиры. Впоследствии 14% указа-

ли на проблемы языкового барьера и 21% — на трудности получения вида на жительство и продления виз¹¹.

Как сообщают СМИ, в период с 1 января по 31 мая 2023 г. в Монголию из России въехало более 60 тыс. россиян. Особенный отток россиян произошёл в период с 22 сентября 2022 г. по 31 ноября 2022 года. На основании статистических данных, опубликованных Федеральной службой безопасности Российской Федерации (табл. 1), выехавшие россияне не ставили своей целью переезд на постоянное место жительства в Монголию. У туризма, как цели визита россиян, с III квартала 2022 г. наблюдается стабильное снижение. Обслуживающий персонал, за исключением I квартала 2023 г. имеет стабильное значение в пределах 3–4 тысяч человек. Абсолютное большинство въезжающих указывают частную цель, что во многом не позволяет определить их реальных намерений пребывания на территории Монголии.

¹⁰ Олзийхутаг Г. ОХУ цэргийн дайчилгаа зарласнаас хойш сар орчмын хугацаанд 22540 орос иргэн Монголд орж ирснээс 85% нь гарч явжээ. — URL: <https://ikon.mn/n/2pbb> (дата обращения: 1.06.2023).

¹¹ Тенгис А. Толгойг нь алхаар цохин гэмтээж. — URL: <http://dailynews.mn/?p=13119> (дата обращения: 1.06.2023).

Таблица 1
Количество россиян, выехавших с территории России на территорию Монголии
в 2022–2023 гг. по данным Федеральной службы безопасности РФ

Table 1

The number of Russians who left Russia for Mongolia in 2022–2023, according
to the Federal Security Service of the Russian Federation

Цель визита	2022 год				2023 год		
	1 квартал	2 квартал	3 квартал	4 квартал	1 квартал	2 квартал	3 квартал
Деловая	231	126	537	206	370	281	279
Туризм	227	130	724	650	402	320	147
Частная	901	28510	60633	45426	41450	51251	59098
Обслуживающий персонал	3432	3592	3571	4017	1848	3189	3238
Переезд на постоянное место жительства	0	1	1	0	0	0	0
Итого	5080	32368	65573	50345	44187	55080	62888

Источник: ЕМИСС. Государственная статистика. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480> (дата обращения: 30.12.2023).

Хэрлэнгийн Булгантуяа, министр пограничным переходам Монголии, в заявлении ТАСС подчеркнула, «что на грани-

цах страны в ближайшие годы планируется открыть десять транспортных терминалов, а шесть региональных аэропортов полу-

чат право принимать международные рейсы. Все это позволит значительно улучшить условия для въезда и передвижения внутри страны»¹². Это говорит о том, что число мигрантов из России в Монголию значительно возрастёт, при этом, для большинства Монголия не будет являться конечным пунктом.

Таким образом, миграция россиян в Монголию в период 2022–2023 гг. составила приблизительно 250 тыс. человек. Часть мигрантов — буряты из Республики Бурятия. Для многих мигрантов Монголия является пересадочным пунктом, и лишь небольшой процент от общей массы берет вид на жительство в Монголии. При этом, 98% из них остаются в Улан-Баторе, а 2%, получив работу, переезжают на постоянное проживание в сельскую местность.

* * *

Исторические миграционные потоки россиян в Монголию были обусловлены

¹² В Монголии в 2023 году планируют привлечь до 250 тыс. туристов из РФ // ТАСС.—URL: <https://tass.ru/obschestvo/17051103/amp> (дата обращения: 1.06.2023).

общим культурно-цивилизационным кодом, сохраняющимся для народов Евразии и формирующим евразийскую цивилизацию, что особенно актуально в рамках политики разворота России на Восток. Особую роль в межгосударственном сотрудничестве играют казачества и монгольские народы, проживающие на территории Российской Федерации, и выступающие в качестве проводников российской «народной дипломатии».

Несмотря на отсутствие серьезных изменений демографического баланса населения в связи с миграционными волнами и проведением ряда «Их Хэлмэгдүүлэлт» — «Великих репрессий», российские мигранты оказали существенное влияние на становление монгольской государственности. Современная миграция россиян в Монголию имеет взаимосвязь со Специальной военной операцией и несёт в себе потенциал развития позитивного отношения к россиянам со стороны коренного населения страны, а в будущем способна стать проводником российской «мягкой силы» в стране.

Литература и Интернет-источники

1. **Гончиков, Ц. Д.** Пространственно-временные аспекты миграции населения в приграничных районах монгольского плато (на примере Бурятии и Монголии) / Ц. Д. Гончиков, Ч. Б. Урбанова, Б. Ц. Дымчикова, С. Эрдэнэсүх // Успехи современного естествознания. — 2019. — № 4. — С. 43–50. EDN: YVJPROR
2. **Нацагдорж, Б.** Причины миграции бурят в Монголию (на примере ацинских цонгол-бурят) / Б. Нацагдорж // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2013. — № 1. — С. 61–75. EDN: TRKESL
3. **Имидеева, И. В.** Трудовая миграция в Монголии в период пандемии COVID-19 / И. В. Имидеева, Н. Болдбаатар, В. А. Медведь // Научное обозрение. Серия 1: экономика и право. — 2020. — № 3. — С. 122–133. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-11; EDN: YTMSBC
4. **Актамов, И. Г.** Миграционные процессы в условиях пандемии: кейс Монголии / И. Г. Актамов, А. В. Винокурова, Ю. Г. Григорьева // Вестник Института социологии. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831; EDN: WRHQXC
5. **Михалев, А. В.** Из Сибири в Монголию, или Русские как меньшинство в условиях социалистической модернизации / А. В. Михалев // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Регионоведение. — 2012. — № 1(8). — С. 117–127. EDN: PARRUZ
6. **Семёнов, Г. М.** О себе: Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семёнов. — Москва : АСТ, 2002. — 380 с.
7. **Филимонов, Б. Б.** Конец Белого приморья / Б. Б. Филимонов // Последние бои на Дальнем Востоке / сост. С. В. Волков. — Москва : Центрполиграф, 2005. — 813 с.
8. **Тарасов, М. Г.** Формирование Енисейской казачьей эмиграции в Китае / М. Г. Тарасов,

- А. В. Дудникова // Вестник Томского государственного университета.— 2014.— № 379.— С. 145–149. EDN: RZJBXJ
9. **Борисов, Б. А.** Дальний Восток / Б. А. Борисов.— Вена : Новая Россия, 1921.— 62 с.
 10. **Юзефович, Л.** Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга) / Л. Юзефович.— Москва, 1993.— 271 с.
 11. **Цветков, В. Ж.** Р. Ф. Унгерн и попытки организации центра антибольшевистского сопротивления в Монголии (1918–1921 годы) / В. Ж. Цветков // Новый исторический вестник.— 2015.— № 4(46).— С. 102–128. EDN: VLJVIT
 12. **Дэмбрэл, К.** Влияние международной среды на развитие Монголии: сравнительный анализ в историческом контексте XX в / К. Дэмбрэл.— Иркутск, 2002.— 121 с.
 13. **Шинкарев, Л. И.** Цеденбал и Филатова: Любовь. Власть. Трагедия / Л. И. Шинкарев.— Москва-Иркутск, 2004.— 526 с.
 14. **Лиштованный, Е. И.** От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии / Е. И. Лиштованный.— Иркутск, 2007.— 195 с.
 15. **Евстратов, А. Г.** Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине / А. Г. Евстратов // Архонт.— 2022.— № 3(30).— С. 85–90. EDN: GOINJE
 16. **Бредихин, А. В.** Перспективы развития Шанхайской Организации Сотрудничества / А. В. Бредихин // Современная Азия: политика, экономика, общество.— 2023.— № 1.— С. 11–16. DOI: 10.48647/ISSA.2023.43.86.001; EDN: WNPVSM
 17. **Бредихин, А. В.** Культурное сотрудничество на пути интеграции Монголии в ШОС / А. В. Бредихин // Вопросы национальных и федеративных отношений.— 2023.— Т. 13.— № 6(101).
 18. **Гармаев, Ю. П.** Проблемы правового просвещения граждан Монголии на территории Российской Федерации в области безопасности дорожного движения / Ю. П. Гармаев, Е. И. Попова, Е. В. Гулина // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки.— 2018.— № 4.— С. 284–290. EDN: YWMQEP
 19. **Galiimaa, N.** Internal migration of Mongols to Ulaanbaatar and the Problem with the City / N. Galiimaa // Мир Большого Алтая.— 2017.— Т. 3.— № 1.— С. 43–51. EDN: YJHIUV

Сведения об авторе:

Бредихин Антон Викторович, к.ист.н., ведущий научный сотрудник Института Китая и современной Азии РАН, старший преподаватель Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; РИНЦ AuthorID: 674311.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165

RUSSIAN MIGRANTS IN MONGOLIA: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL ASPECT

Anton V. Bredikhin

*Institute of China and Modern Asia RAS
(32 Nakhimovsky prospekt, Moscow, Russia, 117218)*

*Lomonosov Moscow State University
(1/33 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119234)*

E-mail: bredikhin90@yandex.ru

For citation:

Bredikhin A.V. Russian migrants in Mongolia: historical and sociological aspect. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 153–165. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-153-165 (in Russ.)

Abstract. Migration processes are associated with the trends of globalization. Their strengthening is due to a number of characteristics connected with various historical and sociological factors, trends and epochs. The system of interstate relations between the Russian Federation and Mongolia has its own peculiarities of the migration process associated with various events of the 20th and 21st centuries, such as the Civil War of 1917–1922, economic cooperation within the framework of the Council of Mutual Economic Assistance, Special Military Operation of the Russian Federation in Ukraine. The Civil War in Russia moved to the territory of Mongolia, where the «white» movement was able to establish its power for a while, and later representatives of emigration went there both for permanent residence and for further departure to other countries. The unrecognized status of the «sixteenth» Union Republic in the years of the USSR contributed to the influx of Soviet specialists, the formation of a corresponding migration wave. The third stage under consideration, the period of the Special Military Operation 2023–2022, actualized the issue of the arrival of Russian relocants to Mongolia, a significant number of whom stay to work remotely in the Russian Federation. In the study the author aims to show the main stages of migration of Russians to the territory of Mongolia. Using the method of historicism he identifies the causes and results of the migration waves, provides statistical data. In the results, the author comes to the conclusion that the migration processes are based on the common cultural and civilizational code, the historical proximity of Russia and Mongolia, the need to develop cooperation within various supranational integration associations, including the Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Economic Union.

Keywords: migrants, Russia, Mongolia, Cossacks, Soviet specialists.

References and Internet sources

1. Gonchikov Ts. D., Urbanova Ch. B., Dymchikova B. Ts., Erdenesukh S. Prostranstvenno-vremennyye aspekty migratsii naseleniya v prigranichnykh rayonakh mongol'skogo plato (na primere Buryatii i Mongolii) [Spatial-time aspects of migration of the Mongolian plato (on the example of Buryatia and Mongolia)]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya [Advances in Current Natural Sciences]*. 2019. No. 4. P. 43–50. (in Russ.)
2. Natsagdorzh B. Prichiny migratsii buryat v Mongoliiyu (na primere atsinskikh tsongol-buryat) [The purpose of Buryat migration in Mongolia: an example of Atsink's tsongol-buryats]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii [BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia]*. 2013. No. 1. P. 61–75. (in Russ.)
3. Imideeva I. V., Boldbaatar N., Mecdved V. A. Trudovaya migratsiya v Mongolii v period pandemii COVID-19 [Labor migration in Mongolia during the COVID-19 pandemic]. *Nauchnoye obozreniye. Seriya 1: ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]*. 2020. No. 3. P. 122–133. DOI: 10.26653/2076–4650–2020–3–11. (in Russ.)
4. Aktamov I. G., Vinokurova A. V., Grigoreva Yu. G. Migratsionnyye protsessy v usloviyakh pandemii: keys Mongolii [Migration processes in the context of the COVID19 pandemic: the case of Mongolia]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2022. No. 3. P. 70–86. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.831. (in Russ.)
5. Mikhalev A. V. Iz Sibiri v Mongoliiyu, ili Russkije kak men'shinstvo v usloviyah sotsialisticheskoy modernizatsii. [From Siberia to Mongolia, or the Russians as a minority under socialist modernization]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Regionovedeniye. [Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Regional Studies]*. 2012. No. 1(8). P. 117–127. (in Russ.)
6. Semyonov G. M. O sebe: Vospominaniya, mysli i vyvody. [About Me: Memories, Thoughts and Conclusions]. Moscow. 2002. 380 p. (in Russ.)
7. Filimonov B. B. Konets Belogo primor'ya. Poslednie boi na Dal'nem Vostoke. [The End of the White Primorye. The Last Battles in the Far East]. Comp. S. V. Volkov. Moscow. 2005. 813 p. (in Russ.)

8. Tarasov M. G., Dudnikova A. V. Formirovaniye Enisejskoj kazach'ej emigratsii v Kitae. [Formation of the Yenisei Cossack emigration in China]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. [Tomsk State University Journal]. 2014. No. 379. P. 145–149. (in Russ.)
9. Borisov B. A. Dal'nij Vostok. [The Far East]. Vienna. 1921. 62 p. (in Russ.)
10. Yuzefovich L. Samoderzhets pustyni (Fenomen sud'by barona R. F. Ungern-Shternberga). [The Autocrat of the Desert (The Phenomenon of the Fate of Baron R. F. Ungern-Sternberg)]. Moscow. 1993. 271 p. (in Russ.)
11. Tsvetkov V. Zz. R. F. Ungern i popytki organizatsii tsentra antibol'shevistskogo soprotivleniya v Mongolii (1918–1921 gody). [Roman F. Ungern and the attempts to organize the center of anti-Bolshevik resistance in Mongolia (1918–1921)]. Novyj istoricheskij vestnik. [The New Historical Bulletin]. 2015. No. 4(46). P. 102–128. (in Russ.)
12. Dembrel K. Vliyanie mezhdunarodnoj sredy na razvitije Mongolii: sravnitel'nyj analiz v istoricheskom kontekste. [Impact of the International Environment on the Development of Mongolia: A Comparative Analysis in the Historic Context of the 21st Century]. Irkutsk. 2002. 121 p. (in Russ.)
13. Shinkarev L. I. Tsendenbal i Filatova: Lyubov'. Vlast'. Tragediya. [Tsendenbal and Filatova: Love. Power. Tragedy]. Moscow-Irkutsk. 2004. 526 p. (in Russ.)
14. Lishtovanny E. I. Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskoy istorii Mongolii. [From the Great Empire to Democracy: Essays on the Political History of Mongolia]. Irkutsk. 2007. 195 p. (in Russ.)
15. Evstratov A. G. Relokatsiya rossiiyan v Armeniyu v svete spetsoperatsii RF na Ukraine. [Relocation of Russians to Armenia in the light of the special operation of the Russian Federation in Ukraine]. Arkhont. [Arkhont]. 2022. No. 3(30). P. 85–90. (in Russ.)
16. Bredikhin A. V. Perspektivy razvitiya Shanhajskoj Organizacii Sotrudnichestva. [Prospects for the development of the Shanghai Cooperation Organization]. Sovremennaya Aziya: politika, ekonomika, obshchestvo. [Modern Asia: Politics, Economics, Society]. 2023. No. 1. P. 11–16. (in Russ.)
17. Bredikhin A. V. Kul'turnoje sotrudnichestvo na puti integratsii Mongolii v ShOS. [Cultural cooperation on the way of Mongolia's integration into the SCO]. Voprosy natsional'nyh i federativnyh otnoshenij. [Issues of National and Federative Relations]. 2023. Vol. 13. No. 6(101). (in Russ.)
18. Garmaev Yu. P., Popova E. I., Gulina E. V. Problemy pravovogo prosveshcheniya grazhdan Mongolii na territorii Rossijskoj Federatsii v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. [Problems of legal education of citizens of Mongolia in the territory of the Russian Federation in the field of road safety]. Uchenyje zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. [Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University]. 2018. No. 4. P. 284–290. (in Russ.)
19. Galijmaa N. Internal migration of Mongols to Ulaanbaatar and the Problem with the City. Mir Bol'shogo Altaya. [World of the Great Altai]. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 43–51.

Information about the author:

Bredikhin Anton Viktorovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of China and Modern Asia RAS, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: bredikhin90@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4097-3854; Elibrary AuthorID: 674311.

Статья поступила в редакцию 12.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-166-177
EDN: ICONHZ

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСТУПНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Восколович Н. А.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1/46)

E-mail: voskolovitch@mail.ru

Для цитирования:

Восколович Н. А. Особенности формирования доступности медицинских услуг в условиях новой экономической реальности // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 166–177. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-166-177; EDN: ICONHZ

Аннотация. Аналитические материалы, выборочные наблюдения и опросы свидетельствуют о значительных проблемах в доступности и качестве медицинской помощи российскому населению, различающемся по условиям проживания, платежеспособности, возрасту и иным признакам. Цель данного исследования — выявить особенности формирования доступности медицинских услуг российского здравоохранения в условиях новой экономической реальности и определить направления её повышения. Эмпирическая база исследования — данные официальной статистики РФ, международных организаций, материалы выборочных наблюдений и опросов, обработанные методами сравнительного анализа, группировок, экспертных оценок. Основные результаты исследования: обоснование в качестве важнейшего инструмента преодоления неравенства в доступности и качестве медицинской помощи проектов социальной направленности федерального и регионального уровней, которые содержат набор дифференцированных мер, адресуемых конкретным группам населения, живущим в различных условиях. Рассмотрено влияние коммерциализации системы здравоохранения на уровень доступности медицинской помощи для городского населения и граждан, проживающих в малых сельских и труднодоступных населённых пунктах; обоснована необходимость социальной поддержки отдельных слоёв населения в связи с расширением сегмента платных медицинских услуг за счёт государственно-частного партнёрства. В ходе исследования значимости федеральных и региональных проектов социальной направленности с ориентацией на запросы конкретных групп населения показана важность взаимодействия и взаимодополнения различных секторов экономики и медицинских организаций в предоставлении телемедицинских консультаций и других услуг, необходимость активизации профессиональной подготовки врачей и медицинского персонала с использованием дистанционных форм обучения и последующей аккредитацией. Показана значимость разработки региональных социальных стандартов как комплекса взаимосогласованных управленческих практик и решений по повышению качества и доступности услуг в социальной сфере.

Ключевые слова: доступность медицинской помощи, проекты социальной направленности, телемедицинские технологии, новая экономическая реальность.

Введение

Потребность населения в услугах здравоохранения в современных условиях продолжает увеличиваться в связи с ростом численности людей старшего возраста, сохранением эпидемиологических и экологических рисков. По данным выборочных наблюдений, российское население в 2022 г. охарактеризовало своё здоровье как очень хорошее и хорошее — 50% (от общего числа опрошенных), как плохое — 7% (20% опрошенных людей старше трудоспособного возраста)¹.

Качество жизни населения во многом зависит как от состояния здоровья, так и от возможностей получения медицинской помощи. За амбулаторно-медицинской помощью обращались 36% опрошенных, но не смогли её получить из-за отсутствия нужных специалистов 44%, не удалось записаться на приём — 15%, из-за больших очередей на приём — 12%, предлагались только платные медицинские услуги — 16%. В результате в 2022 г. лечились самостоятельно 48% опрошенных². Это позволяет определить основную проблему современного российского здравоохранения как необходимость обеспечить доступность качественной медицинской помощи населению, которая влечёт за собой проблемы сокращения неравенства в доступности медицинских услуг, дефицита высококвалифицированных врачей, повышения качества медицинского обслуживания. Компания Philips в исследовании «Индекс здоровья будущего», проведённом в 2018 г., определила высокую значимость и ценность современной системы здравоохранения как доступность медицинской помощи, удовлетворённость ею, эффективность в соотношении затрат и результатов лечения³.

Проблемы доступности медицинской помощи населению критически рассматривались рядом отечественных и зарубежных специалистов. Л. Панова в своей работе отмечала, что базовый пакет медицинских услуг, гарантируемый государством, не соответствует потребностям населения, что ведёт к росту личных расходов на поддержку здоровья и углублению неравенства в доступности услуг здравоохранения, особенно ощущаемому в сельской местности [1]. Исследование, проведённое в Татарстане, привело к выводу о том, что в территориальных программах государственных гарантий в сфере здравоохранения финансирование из региональных бюджетов гораздо меньше утверждённых Правительством РФ, что неизбежно приводит к необходимости роста объема платных медицинских услуг [2]. Ряд авторов обосновывают необходимость совершенствования нормативной базы применения телемедицинских технологий в России [3]. В сельской местности сохраняется низкая эффективность профилактических мероприятий, сложная доступность и невысокое качество медицинской помощи, трудности обеспечения медицинским оборудованием и лекарствами особенно в малочисленных населенных пунктах, удаленных селах и деревнях, где живут в основном пожилые люди [4].

Развитие телемедицины в разных странах имеет особенности: в Бразилии и других развивающихся странах реализуются социальные проекты по улучшению доступности медицинской помощи, в т.ч. посредством телемедицинских технологий [5; 6]. В Португалии, например, опыт применения телемедицинских технологий связан не только с преодолением различий в доступности медицинской помощи городского и сельского населения, но и вследствие стремления сократить время ожидания приёма врача-специалиста [7]. В экономически развитых странах правительства таким образом стремятся снизить расходы на здравоохранение и расширить доступность первичной медико-санитарной по-

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат.—URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 16.06.2023).

² Комплексное наблюдение условий жизни населения 2022 // Росстат.—URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH_2022/index.html (дата обращения: 16.06.2023).

³ Выводы исследования «Индекс здоровья будущего». — URL: <https://portalramn.ru/news/vyvody-issledovaniya->

[indeks-zdorovya-budushchego](https://portalramn.ru/news/vyvody-issledovaniya-) (дата обращения: 19.05.2023).

мощи, в развивающихся странах с низким уровнем жизни—это возможность предоставить хоть какую-нибудь квалифицированную медицинскую помощь в отдалённых поселениях [8].

В качестве барьеров распространения телемедицинских технологий выделяются несколько факторов: финансовые (стартовые, эксплуатационные, стимулирующие расходы), необходимость компьютерной грамотности врачей и пациентов, технической поддержки инфраструктуры, логистики, лицензирование и сертификация медицинского персонала, культурные барьеры в виде готовности врачей к использованию телемедицины и удовлетворённость пациентов, на которую влияют личные предпочтения и опыт [9]. Экономически оправданными и перспективными названы дистанционные медицинские консультации, мониторинг на их основе, встраиваемый в программы ведения пациентов [10]. Трансформация обычных телемедицинских консультаций в непрерывный длительный мониторинг, по мнению И. А. Шадеркина, — это перспективное направление медицины с клинической эффективностью [11]. Доступность и удовлетворённость различных слоёв населения медицинским обслуживанием рассматривается как один из главных элементов социальной защищённости населения [12; 13]. Цель данного исследования — рассмотреть особенности формирования доступности медицинских услуг российского здравоохранения в условиях новой экономической реальности и наметить направления ее дальнейшего повышения.

Организационно-экономические факторы доступности медицинской помощи населению

Общий уровень развития российского здравоохранения можно оценить посредством страновых сопоставлений. Так, по данным международной компании Numbeo, разрабатывающей статистические рейтинги стран мира по уровню медицинского обслуживания, рассчитанные на основе индекса качества системы здраво-

охранения по материалам опроса резидентов соответствующей страны (Health Care Index for Country), дающего оценку качеству медицинского обслуживания, профессионализму врачей и медицинского персонала, стоимости медицинских услуг, Россия находится на 58 месте в мировом рейтинге 2021 г. со значением индекса 58,44⁴ (лидеры рейтинга: Тайвань — индекс равен 86,39; Южная Корея—82,34; Франция—80,99).

На современном этапе доступность медицинских услуг российского здравоохранения во многом определяется соотношением двух его основных сегментов—государственным и коммерческим, при этом быстро увеличивается доля и объём коммерческой медицины. Увеличение сегмента коммерческой медицины в городской местности создает неравные возможности доступа к медицинской помощи для городского и сельского населения. Так, по данным Росстата, за период с 2005 по 2020 гг. количество больших организаций в РФ уменьшилось почти в 2 раза: с 9479 до 5065. В городской местности сокращение числа больничных организаций превысило 30%, тогда как в сельской местности—почти в 4 раза. Частный сегмент больничных организаций в городской местности увеличился в 2,7 раза, в сельской местности сократился на 20%. Динамика сети амбулаторно-поликлинических организаций во многом аналогична динамике сети больничных организаций. За период 2005–2020 гг. число государственных амбулаторно-поликлинических организаций сократилось на 15,3% при небольшом росте числа их посещений в смену, количество фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов) уменьшилось на 29,9%⁵. За этот период число негосударственных амбулаторно-поликлинических организаций возросло в 1,7 раза при одновременном увеличении их мощности в 2,6 раза. Количество частных амбулаторно-поликлинических организаций увеличилось только за 2010–2020 гг. в 2,2 раза при ро-

⁴ Рейтинг стран по уровню медицины.—URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/health-care-index> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Здравоохранение в России. 2021. Стат. Сборник / Росстат.—Москва, 2021.—С. 90.

сте их мощности в 3,2 раза⁶. В амбулаторных подразделениях укомплектованность врачебных должностей составляла в 2021 г. 85,3%, среднего медицинского персонала — 92%⁷. Аудит системы детского здравоохранения, проведенный Счётной палатой в 2022 г., выявил неполную укомплектованность педиатрии, в том числе детских врачей узких специальностей⁸.

Расширение сегмента коммерческой медицины влечет за собой, с одной стороны, возможность получения высококачественных медицинских услуг, а с другой, возникновение ограничений в их финансовой доступности. В 2022 г. объём платных медицинских услуг населению превысил объём 2021 г. на 8%, на 26% объём 2020 г. и составил 1,2 трлн рублей⁹. Средний чек равнялся 8 тыс. рублей, увеличившись на 591 рубль в сравнении с предшествующим годом. Подушевые расходы на медицину выросли практически во всех российских регионах, причем особо ощутимо в Центральном, Южном и Северо-Западном федеральном округах. Особенно быстро рос спрос на анализы и аппаратную диагностику.

В формирование доступности платных медицинских услуг значительные изменения вносят правила, вступающие в силу с 1 сентября 2023 г. по 1 сентября 2026 года¹⁰. Согласно п. 2 новых правил,

платные медицинские услуги будут предоставляться «... на возмездной основе за счёт личных средств граждан, средств работодателей и иных средств на основании договоров, в том числе договоров добровольного медицинского страхования». Договор об оказании платных медицинских услуг оформляется письменно либо может быть заключен дистанционным способом на основании ознакомления потребителя и заказчика с предложенным исполнителем описанием медицинских услуг. Потребителю должна быть предоставлена информация о возможности получения бесплатной медицинской помощи в рамках программы государственных гарантий и территориальной программы государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи. В соответствии с п. 17 новых правил потребитель также должен получить информацию о категориях потребителей, имеющих право на льготы, а также перечень этих льгот.

Платные медицинские услуги становятся тяжелым бременем для отдельных слоёв населения, особенно в сельской местности. Как показывают опросы, часть домохозяйств не располагает средствами для оплаты медицинских услуг. Платные медицинские услуги могут быть доступны при ограничении других расходов для 58,7% городских и 61,2% сельских домохозяйств, не доступны из-за отсутствия средств для 10,8% городских и 13,3% сельских домохозяйств¹¹.

Преодоление территориального неравенства в доступности медицинской помощи

Высокая социальная значимость доступности медицинской помощи для различных групп населения, особенно для проживающих в сельской местности, отдалённых и труднодоступных поселениях, побуждает к поиску путей решения проблемы. Об этом свидетельствуют отдельные проекты, меры по организации медицинского обслуживания, разрабатываемые и реализуемые

⁶ Здравоохранение в России. 2021. Стат. сборник / Росстат. — Москва, 2021. — С. 97.

⁷ Укомплектованность медицинских организаций, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, врачами. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61208> (дата обращения: 23.06.2023).

⁸ Киселева А. Счетная палата выявила нехватку детских врачей узких специальностей. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/30/983042-schetnaya-palata-viyavila-nehvatku-detskih-vrachei> (дата обращения: 23.06.2023).

⁹ Дугузова В. Объем платных медицинских услуг в России в 2022 г. достиг 1,2 трлн рублей. — URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Obem-platnyh-meditsinskih-uslug-v-Rossii-dostig-v-2022-godu-1-2-trln-rublei.html> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 11.05.2023 № 736 «Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг, внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ и признании утратившим силу Постановления Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006». — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=448474> (дата обращения: 14.06.2023).

¹¹ Выборочное федеральное статистическое наблюдение состояния здоровья населения в 2019 году. — URL: <https://kamstat.gks.ru/vnszn> (дата обращения: 14.05.2023).

в российских регионах. Основное направление заложено пилотным проектом по созданию системы долговременного ухода за пожилыми гражданами и инвалидами, в том числе проживающими в сельской местности, с привлечением частных медицинских организаций. Для этого было предусмотрено в 2020–2024 гг. предоставление межбюджетных трансфертов субъектам РФ в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография»¹². Межбюджетные трансферты предоставляются субъектам РФ по результатам конкурсного отбора частных медицинских организаций, которые должны иметь лицензии на проведение отдельных видов медицинской деятельности, участвовать в территориальной программе ОМС данного субъекта РФ, размещаться в городской местности в предполагаемой зоне обслуживания с учётом шаговой доступности к месту проживания пациентов, а в сельской местности в отдалённых поселениях в пределах трёхчасового доезда до места проживания пациента, обеспеченности кадрами врачей и среднего медицинского персонала, наличием медицинской информационной системы для обработки и хранения сведений об оказанной медицинской помощи. Частные медицинские организации, прошедшие конкурсный отбор и принявшие участие в данном проекте, должны получать субсидии от субъектов РФ. Оценка эффективности предоставления межбюджетных трансфертов осуществляется посредством сравнения планового и фактического охвата медико-социальным патронажем лиц в возрасте 65 лет и старше.

Предлагаемая данным проектом технология обслуживания была апробирована в 2019 г. в Челябинской области и в целом получила положительную оценку [14]. Реализация проекта была построена на модели взаимодействия медицинских органи-

заций и комплексных центров социального обслуживания населения для доставки в медицинские организации и скрининг неинфекционных заболеваний сельских граждан старше 65 лет. В 2019 г. проектом было охвачено 1892 человек (5,8% от численности населения муниципальных образований области в возрасте старше 65 лет), из них 75,4% прошли диспансеризацию, 80,9% установлено диспансерное наблюдение. Отмечено повышение уровня удовлетворённости населения доступностью и качеством медицинских услуг, реализация потребности населения в скрининговых обследованиях. Одновременно выявлены проблемы сложной транспортной доступности сельских населённых пунктов, дефицит медицинских специалистов, отсутствие возможностей электронного медицинского документооборота, низкий уровень охвата населения.

Пилотные проекты по повышению доступности медицинской помощи в сельских и отдалённых населённых пунктах посредством телемедицинских консультаций реализуются в нескольких российских регионах, при этом выстраивается взаимодействие между ФАПами и городскими (районными или областными) больницами, располагающимися высококвалифицированными медицинскими кадрами и соответствующим техническим обеспечением [15]. Практика такого взаимодействия нацелена на повышение доступности медицинской помощи, улучшение её качества, проведение профилактических медицинских обследований, уточнение диагностики и схем лечения (табл. 1).

Сокращение неравенства в доступности медицинских услуг — важная проблема, которая имеет несколько аспектов, в том числе финансовый, региональный, территориальный, создающих комплекс экономических, организационных, социальных, технологических и иных задач. Рост расходов на платные медицинские услуги существенным образом негативно влияет на уровень социальной защищённости населения [13].

Прирост продолжительности жизни населения во многом зависит от охвата его

¹² Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1915 «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотного проекта по вовлечению частных медицинских организаций в оказание медико-социальных услуг лицам в возрасте 65 лет и старше, являющимся гражданами Российской Федерации, в том числе проживающим в сельской местности». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73264777/> (дата обращения: 10.06.2023).

Таблица 1

Примеры практики применения телекоммуникационных технологий при оказании медицинской помощи в сельской местности и труднодоступных населённых пунктах

Table 1

Examples of the practice of using telecommunication technologies in the provision of medical care to the population living in rural areas and hard-to-reach settlements

Регион	Название проекта	Основные задачи	Результаты	Выявленные проблемы
Нижегородская область: Шарангский район	Пилотный телемедицинский проект с использованием ФАПов сельского района с низкой плотностью населения	Оценить возможности оказания медицинской помощи с применением телемедицины и взаимодействия ФАПов и центральной районной больницы	1. Увеличение охвата диспансеризацией сельского населения на 20% 2. Повышена выявляемость заболеваний и посредством консультаций врачей центральной районной больницы организовано лечение без повторного выезда в райцентр 3. Посредством мобильного комплекса проведено лечение в режиме стационара на дому 4. Число выездов скорой медицинской помощи уменьшилось на 15%. 5. Социальный эффект – медицинская поддержка пациентов в условиях привычного образа жизни 6. Получена экономия за счёт сокращения числа госпитализаций, вызовов скорой помощи, посещений пациентов на дому	Дефицит врачей, дефицит финансирования, сложность дорожно-транспортного сообщения, низкое качество связи, необходимость обучения медицинского персонала владению телемедицинскими технологиями
Архангельская область: Ненецкий АО	Пилотный проект по развитию телемедицины и консультированию с областным центром	Применение телемедицины и дистанционных консультаций в кардиологии, психиатрии, онкологии, УЗИ онлайн	Повышение доступности медицинской помощи жителям отдаленных труднодоступных населенных пунктов, улучшение качества медицинских услуг	Необходимость обучения медперсонала владению телемедицинскими технологиями, организация видеоконференцсвязи
Свердловская область	Телемедицина на селе	Наладить телемедицинскую связь между ФАПами в сёлах и городской медсанчастью	Повышение доступности медицинской помощи жителям отдаленных труднодоступных населенных пунктов, улучшение качества медицинских услуг	Ограничен перечень медицинских услуг по видеосвязи (либо повторный приём, либо амбулаторное наблюдение)

Источник: составлено по материалам: 1) Леванов В. М., Переслегина И. А., Безрукова В. К., Жидков И. М. Опыт применения телемедицинских технологий на ФАПах сельского района с низкой плотностью населения // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. — 2020. — № 1. — С. 26–35; 2) Сказина И. Возможности телемедицины. Как лечат пациентов, если до них ни на чём не доедешь // Арктика. — 2019. — № 1. — URL: <https://tass.ru/v-strane/6048723> (дата обращения: 08.06.2023); 3) Гушина А. Как за два месяца подключить деревню к больнице в закрытом городе. Кейс проекта «Телемедицина на селе». — URL: <https://66.ru/health/news/220054/> (дата обращения: 08.06.2023).

отдельными услугами здравоохранения и от доли населения, оплачивающего высокие медицинские расходы из собственных средств: «По сравнению с остальными факторами оплата расходов на здравоохранение из собственных средств является одним из наиболее важных и ведёт к росту экономического неблагополучия»¹³. Преодолеть

такую ситуацию в России можно увеличением государственного финансирования здравоохранения, но эта мера долгосрочного характера. Другой подход видится в интеграции части коммерческих услуг телеме-

торинг показателей здравоохранения в отношении ЦУР. — Женева, 2020. — С. 4. — URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332070/9789240011977-rus.pdf?sequence=32&isAllowed=y> (дата обращения: 10.06.2023).

¹³ Мировая статистика здравоохранения 2020. Мони-

дицины в систему ОМС на основе государственно-частного партнерства. Успешной, по нашему мнению, была реализация федерального проекта по оказанию бесплатной медицинской помощи населению государственной корпорацией развития «ВЭБ.РФ» и телемедицинской компанией «Доктор рядом» в 2020 г. в Калужской области¹⁴. Пациенты, имеющие полис ОМС, зарегистрировавшись на портале госуслуг и на сайте сервиса «Доктор рядом», могли получить консультацию у врачей узких специальностей посредством мобильных приложений телефонов, что создавало дополнительные возможности в доступности медицинских услуг жителям отдаленных малых населенных пунктов в условиях пандемии.

Дальнейшее развитие направления в организации медицинского обслуживания через ФАПы сталкивается с несколькими весьма сложными проблемами и, прежде всего, с сокращением количества ФАПов. Как представляется, в отдельных труднодоступных и малых населенных пунктах в качестве альтернативы могут быть использованы отделения Почты России, которые оснащены современными информационно-коммуникационными системами и посредством которых можно проводить телемедицинские консультации в ситуациях, когда другие виды помощи невозможны. В 17 регионах страны отделения Почты России уже подключились к продаже лекарств и доставке их почтальонами¹⁵. По итогам съезда партии «Единая Россия» (2021 г.) планируется на период до 2025 г. модернизация 25 тыс. почтовых отделений на селе, а также в отдаленных и труднодоступных районах, что обеспечит охват 30 млн граждан России¹⁶. По опросам, проведенным

среди сельских жителей, 49% опрошенных выразили намерение воспользоваться дистанционной (по Интернету) консультацией врача, 46% опрошенных пока к этому не готовы и 5% затруднились с ответом¹⁷.

Не менее сложная проблема — кадровый дефицит, на преодоление которого направлены меры приоритетного проекта «Обеспечение здравоохранения квалифицированными специалистами» по развитию системы непрерывного профессионального образования врачей через интерактивные образовательные модули и последующую процедуру аккредитации¹⁸. Вступление с 1 января 2023 г. в действие приказа Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении положения об аккредитации специалистов»¹⁹ и создание Федеральных аккредитационных центров для специалистов с высшим и средним медицинским образованием создаёт условия для непрерывного образования работников системы здравоохранения. Наряду с этим, ставится задача по удержанию и привлечению кадров, заботе о их благополучии, что отмечается 30% лидеров системы здравоохранения²⁰. Назрела необходимость решения ряда вопросов по увеличению объёма подготовки в вузах, закрепления молодых специалистов, регулирования нагрузки и уровня доходов, повышения профессионального престижа и социальной ответственности.

Преодоление расстояния между врачом и пациентом в условиях цифровой трансформации достигается посредством теле-

(дата обращения: 11.06.2023).

¹⁷ Аналитический обзор. Телемедицина: сегодня, завтра. ВЦИОМ. 2020 год. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-v-rossii-segodnya-i-zavtra> (дата обращения: 11.06.2023).

¹⁸ Паспорт приоритетного проекта «Обеспечение здравоохранения квалифицированными специалистами». Утв. Президиумом совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 26.07.2017 г. № 8.

¹⁹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 28.10.2022 № 709н «Об утверждении положения об аккредитации специалистов».

²⁰ Перегрузка системы здравоохранения. — URL: <https://www.philips.com/c-dam/corporate/newscenter/global/future-health-index/report-pages/experience-transformation/2022/ru/philips-future-health-index-2022-rep> (дата обращения: 18.06.2023).

¹⁴ ВЭБ и «Доктор рядом» запустили федеральный проект по бесплатной телемедицинской помощи // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/8115233> (дата обращения: 12.06.2023).

¹⁵ Депутаты фракции «Единая Россия» указали на важность бесперебойной работы почтовых отделений в сёлах и на труднодоступных территориях. — URL: <http://duma.gov.ru/news/50027/> (дата обращения: 12.06.2023).

¹⁶ «Единая Россия»: В 2023 г. модернизируют почти тысячу почтовых отделений в сёлах и труднодоступных населённых пунктах. — URL: <https://er.ru/activity/news/edinaya-rossiya-v-2023-godu-moderniziruyut-pochti-1000-pochtovykh-otdelenij-v-selah-i-trudnodostupnyh-naselennyh-punktah>

медицины, уровень развития которой позволяет характеризовать возможности консультаций со специалистом, получать «второе» мнение, контролировать ход лечения, осуществлять мониторинг состояния хронических больных [12]. Однако уровень развития телемедицины в России пока оставляет желать лучшего по объёму инвестиций в разработку технологий, оборудования, программного обеспечения, обучение врачей и медицинского персонала компьютерной грамотности. Вместе с тем, применение цифровых технологий (таких как большие данные и искусственный интеллект) пока не пользуются доверием со стороны лидеров здравоохранения, что ограничивает использование аналитики при принятии решений. Для улучшения работы с цифровыми данными предпринимаются меры по применению протоколов безопасности, KPI для оценки эффективности, обучение персонала²¹. Другая сторона проблемы — низкая компьютерная грамотность населения, особенно малых городских и сельских поселений, их обеспеченность Интернетом, которые растут довольно медленно.

Представляется важной системообразующей мерой разработка Агентством стратегических инициатив «Регионального социального стандарта» как комплекса современных управленческих практик и решений по повышению качества и доступности услуг в социальной сфере в субъектах РФ²². Внедрение стандарта предполагает согласованное видение социальной сферы в регионе во всем многообразии направлений и видов её деятельности с ориентацией на запросы граждан. Развитие региональной социальной сферы должно выстраиваться на основе межведомственного и межсекторального взаимодействия с использованием современных технологий и оценки качества услуг посредством обратной связи с гражданами. В дальнейшем, по-видимо-

му, региональные социальные стандарты могут стать базовыми элементами проектов социальной направленности.

Основные результаты и выводы

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что важнейшим инструментом преодоления различий в доступности и качестве медицинского обслуживания становятся проекты социальной направленности федерального и регионального уровня, дифференцированные по набору мер в зависимости от условий их реализации и адресной ориентации на конкретные группы населения, различающегося по месту проживания, уровню платежеспособности, возрастным и иным характеристикам.

Развитие российской системы здравоохранения в современной экономической реальности представляется целесообразным в отношении повышения доступности медицинских услуг различным социально-демографическим группам населения посредством: 1) интеграции для отдельных категорий граждан, проживающих в малых сельских и труднодоступных населённых пунктах, части коммерческих услуг телемедицины в систему обязательного страхования на основе государственно-частного партнёрства; 2) более широкого взаимодействия в предоставлении телемедицинских услуг медицинскими организациями со структурами других секторов экономики (в том числе с отделениями Почты России) для сокращения неравенства в доступности медицинской помощи между горожанами и гражданами, проживающими в малых сельских населённых пунктах и в отдалённых труднодоступных регионах с низкой плотностью населения; 3) преодоления кадрового дефицита врачей и медицинского персонала за счёт расширения использования дистанционных интерактивных образовательных модулей и последующей аккредитацией специалистов; 4) дальнейшего развития технологий телемедицины с привлечением соответствующих инвестиций, повышение компьютерной грамотности,

²¹ Перезагрузка системы здравоохранения. — URL: <https://www.philips.com/c-dam/corporate/newscenter/global/future-health-index/report-pages/experience-transformation/2022/ru/philips-future-health-index-2022-rep> (дата обращения: 18.06.2023).

²² Региональный социальный стандарт. — URL: https://asi.ru/social/social_standart/ (дата обращения: 18.06.2023).

сти медицинских работников, а также пользователей-пациентов; 5) усиления взаимодействия системы здравоохранения с другими структурами в рамках региональных

социальных стандартов для разработки и внедрения проектов социальной направленности как инструментов реализации государственной социальной политики.

Литература и Интернет-источники

1. **Панова, Л.** Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте / Л. Панова // Журнал исследований социальной политики.— 2019.—Т. 17.— № 2.—С. 177–190. DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-2-177-190; EDN: XVJNXD
2. **Савельева, Ж.В.** Социальная справедливость в здравоохранении: опыт и оценки россиян / Ж.В. Савельева, Л.М. Мухарьямова, И.В. Кузнецова // Мир России.— 2018.—Т. 27.— № 3.—С. 154–172. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-3-154-179; EDN: RTFQEX
3. **Железнякова, И.А.** Анализ возможностей применения зарубежного опыта оказания телемедицинских услуг в Российской Федерации / И.А. Железнякова, Т.А. Хелисупали, В.В. Омеляновский, С.Н. Тишкина // Медицинские технологии. Оценка и выбор.— 2020.— № 2(40)—С. 26–34. DOI: 10.17116/medtech20204002126; EDN: VLEKXZ
4. **Козырева, П.М.** Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности / П.М. Козырева, Ф.И. Смирнов // Гуманитарий юга России.— 2018.—Т. 7.— № 4.—С. 33–49. EDN: OYUMHW
5. **Тимм, Р.** Внедрение телемониторинга пациентов с сахарным диабетом в сельской местности Бразилии / Р. Тимм, А. Спаренберг, С. Бьюболз, А. Тимм // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.— 2017.— № 1.—С. 11–13. EDN: YPTUWT
6. **Sousa, L.** The Experience of the Telehealth Network of Minas Gerais, Brazil / L. Sousa, M. S. Marcolino, C. Pessoa, D. S. Neves, M. B. M. Alkmim, A. L. Ribeiro // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.— 2016.— № 1.—С. 35–37. EDN: YSHPPP
7. **Сарайва, А.П.** Идеальный профиль пользователя телемедицинских служб—опыт Португалии / А.П. Сарайва, М.К. Соуза, Х. Нуньес // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.— 2017.— № 3.—С. 144–148. EDN: YRUMRN
8. **Смышляев, А.В.** Зарубежный опыт государственного регулирования здравоохранения в сфере применения технологий телемедицины / А.В. Смышляев, Ю.Ю. Мельников, П.В. Артемова // Проблемы экономики и юридической практики.— 2018.— № 4.—С. 207–211. EDN: XYXTPN
9. **Ким, Д.** Перспективы распространения телемедицины: прогностическое моделирование на примере сельских районов США / Д. Ким, Х. Аланази, Т. Даим // Форсайт.— 2015.—Т. 4.— Вып. 9.—С. 29–39.
10. **Шадеркин, И.А.** Дистанционные медицинские консультации пациентов: что изменилось в России за 20 лет / И.А. Шадеркин, В.А. Шадеркина // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.— 2021.— № 2.—С. 7–17. DOI: 10.29188/2712-9217-2021-7-2-7-17; EDN: ROWCZD
11. **Шадеркин, И.А.** Экономические аспекты телемедицины / И.А. Шадеркин // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения.— 2021.— № 3.—С. 65–72. DOI: 10.29188/2712-9217-2021-7-3-65-72; EDN: RUZDZR
12. **Восколович, Н.А.** Управление доступностью и качеством медицинской помощи населению / Н.А. Восколович // Муниципалитет: экономика и управление.— 2018.— № 1.—С. 18–24. EDN: UPSFLU

13. **Восколович, Н. А.** Доступность услуг здравоохранения как основа социальной защищенности населения / Н. А. Восколович // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 87–96. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.8; EDN: KKSBLJ
14. **Москвичева, М. Г.** Результаты реализации пилотного проекта по повышению доступности первичной медико-санитарной помощи лицам старше 65 лет, проживающим в сельской местности / М. Г. Москвичева, М. М. Полинов // Социальные аспекты здоровья населения. — 2021. — Т. 67. — № 2. — С. 5. DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-2-5; EDN: OBVVRF
15. **Леванов, В. М.** Опыт применения телемедицинских технологий на фельдшерско-акушерских пунктах сельского района с низкой плотностью населения / В. М. Леванов, И. А. Переслегина, В. К. Безрукова, И. М. Жидков // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. — 2020. — № 1. — С. 26–35. EDN: KAIEBX

Сведения об авторе:

Восколович Нина Александровна, д.э.н., проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: voskolovitch@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1395-4930; РИНЦ AuthorID: 208630.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-166-177

FEATURES OF THE FORMATION OF MEDICAL SERVICES AVAILABILITY IN THE NEW ECONOMIC REALITY

Nina A. Voskolovich

*Lomonosov Moscow State University
(1/46 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)*

E-mail: voskolovitch@mail.ru

For citation:

Voskolovich N. A. Features of the formation of medical services availability in the new economic reality. *Narodonaselenie* [Population]. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 166–177. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-166-177 (in Russ.)

Abstract. *Analytical materials, sample observations and surveys show significant problems in the availability and quality of medical care for the Russian people, who differ in terms of living conditions, solvency, age and other characteristic. The purpose of this study is to identify the features of the formation of medical services availability in the Russian healthcare system in the new economic reality and to determine the directions for its improvement. The empirical base of the study is the data from official statistics of the Russian Federation, international organizations, outcomes of sample observations and surveys, processed by methods of comparative analysis, groupings, and expert assessments. The main results of the study: substantiation, as the most important tool for overcoming inequality in the availability and quality of medical care, of the projects of social orientation at the federal and regional levels, which contain a set of differentiated measures addressed to specific groups of the population living in different conditions. The impact of the healthcare system commercialization of on the level of accessibility of medical care for the urban population and people living in small rural and hard-to-reach settlements is considered; the need for social support of certain segments of the population in connection with the expansion of the segment of paid medical services through public-private partnership is substantiated. In the course of analytical study of the significance of federal and regional projects of a social orientation with a focus on the needs of specific groups of the population,*

there was shown the expediency of interaction and complementarity of various sectors of the economy and medical organizations in the provision of telemedicine consultations and other services, the need to enhance the professional training of doctors and medical personnel using distance learning forms and subsequent accreditation. The importance of developing regional social standards as a set of mutually agreed management practices and decisions to improve the quality and accessibility of services in the social sphere is shown.

Keywords: availability of medical care, socially oriented projects, telemedicine technologies, new economic reality.

References and Internet sources

1. Panova, L. Dostupnost' meditsinskoj pomoshchi: Rossiya v yevropejskom kontekste [Accessibility of medical care: Russia in the European context]. Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki [Journal of Social Policy Studies]. 2019. No. 17(2). P. 177–190. (in Russ.)
2. Saveleva Zh., Mukharyamava I., Kuznetsova I. Sotsial'naya spravedlivost' v zdavoohranenii: opyt i otsenki rossijan [Social justice in healthcare in the experiences and judgments of Russians]. Mir Rossii [Univers of Russia]. 2018. Vol. 27. No. 3. P. 154–172. (in Russ.)
3. Zheleznyakova I.A., Khelisupali T.A., Omelyanovsky V.V., Tishkina S.N. Analiz vozmozhnostej primeneniya zarubezhnogo opyta okazaniya telemedicinskih uslug v Rossijskoj Federatsii [Application of foreign experience of telemedicine services in the Russian Federation]. Meditsinskije tekhnologii. Otsenka i vybor [Medical Technologies. Assessment and Choice]. 2020. No. 2(40). P. 26–34. (in Russ.)
4. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Problemy meditsinskogo obsluzhivaniya v sel'skoj mestnosti [Problems inherent to healthcare in Russia]. Gumanitarnij yuga Rossii [Humanities of the South of Russia]. 2018. Vol.7. No. 4. P. 33–49. (in Russ.)
5. Timm R., Sparenber A., Bubolz S., Timm A. Vnedrenije telemonitoringa patsientov s saharnym diabetom v sel'skoj mestnosti Brazilii [A diabetic patients remote monitoring system in a rural community of Brazil]. Zhurnal telemeditsiny i elektronnoho zdavoohraneniya [Russian Journal of Telemedicine and E-Health]. 2017. No. 1. P. 11–13. (in Russ.)
6. Sousa L., Marcolino M.S., Pessoa C., Neves D.S., Alkmim M.B. M., Ribeiro A.L. The experience of the telehealth network of Minas Gerais, Brazil. *Russian Journal of Telemedicine and E-Health*. 2016. No. 1. P. 35–37.
7. Saraiva A.P., Sousa M.C. B., Nunes J. Ideal'nyj profil' pol'zovatelya telemeditsinskih sluzhb — opyt Portugalii [The ideal profile of the telemedicine user — experience from Portugal]. Zhurnal telemeditsiny i elektronnoho zdavoohraneniya [Russian Journal of Telemedicine and E-Health]. 2017. No. 3. P. 144–148. (in Russ.)
8. Smyshlyaev A.V., Melnikov Yu. Yu., Artemova P.V. Zarubezhnyj opyt gosudarstvennogo regulirovaniya zdavoohraneniya v sfere primeneniya tekhnologii telemeditsiny [Foreign experience in the state regulation of health sphere using telemedicine technologies]. Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki [Economic Problems and Legal Practice]. 2018. No. 4. P. 207–211. (in Russ.)
9. Kim J., Alanazi H., Daim T. Perspektivy rasprostraneniya telemeditsiny: prognosticheskoje modelirovaniye na primere sel'skih rajonov SShA. [Prospects for telemedicine adoption: Prognostic modeling as exemplified by rural areas of USA]. Forsajt [Foresight]. 2015. Vol. 9. No. 4. P. 29–39. (in Russ.)
10. Shaderkin I.A., Shaderkina V.A. Dstantsionnyje meditsinskije konsul'tatsii patsientov: chto izmenilos' v Rossii za 20 let. [Remote medical consultations for patients: what has changed in Russia in 20 years]. Zhurnal telemeditsiny i elektronnoho zdavoohraneniya [Russian Journal of Telemedicine and E-Health]. 2021. No 2. P. 7–17. (in Russ.)

11. Shaderkin I. A. Ekonomicheskiye aspekty teleditsiny. [Economic aspects of telemedicine]. Zhurnal teleditsiny i elektronnoho zhravoohraneniya [*Russian Journal of Telemedicine and E-Health*]. 2021. No. 3. P. 65–72. (in Russ.)
12. Voskolovich N. A. Upravleniye dostupnost'yu i kachestvom meditsinskoj pomoshchi naseleniyu [Managing accessibility and quality of health care to population]. Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye [*Municipality: Economics and Management*]. 2018. No. 1. P. 18–24. (in Russ.)
13. Voskolovich N. A. Dostupnost' uslug zdravookhraneniya kak osnova sotsial'noy zashchishchennosti naseleniya [Availability of healthcare services as a basis of social protection of the population]. Narodonaselenie [*Population*]. 2021. No. 24(2). P. 87–96. (in Russ.)
14. Moskvicheva M. G., Polinov M. M. Rezul'taty regional'nogo pilotnogo proekta povysheniya dostupnosti pervychnoj mediko-sanitarnoy pomoshchi litsam starshe 65 let, prozhivayushchim v sel'skoj mestnosti [Results of implementation of the pilot project for raising the availability of primary medical care for people over 65 living in rural areas]. Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [*Social Aspects of Population Health*]. 2021. No. 67(2). P. 5. (in Russ.)
15. Levanov V. M., Perslegina I. A., Bezrukova V. K., Zhidkov I. M. Opyt primeneniya teleditsinskih tekhnologiy na fel'dshersko-akusherskih punktah sel'skogo rajona s nizkoj plotnost'yu naseleniya. [Experience in using telemedicine technologies at paramedic and midwifery stations in rural areas with low population density]. Zhurnal teleditsiny i elektronnoho zhravoohraneniya [*Russian Journal of Telemedicine and E-Health*]. 2020. No. 1. P. 34–45. (in Russ.)

Information about the author:

Voskolovich Nina Aleksandrovna, Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: voskolovitch@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1395-4930; РИНЦ AuthorID: 208630.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-178-191
EDN: IDPLRJ

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНИЯ СВЕДЕНИЙ ОБ ОНКОЛОГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЯХ

Шакирова А. Ф.*, Корунова В. О.

*Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Карла Маркса, 23/6)*

*E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru

Финансирование:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Академии наук Республики Татарстан в рамках реализации гранта «Анализ информационной потребности жителей Республики Татарстан в получении актуальных сведений об онкологических заболеваниях и их самосохранительных практик в отношении личного здоровья: междисциплинарный подход» по договору № 15–29-яГ.

Для цитирования:

Шакирова А. Ф., Корунова В. О. Социальные сети как средство получения сведений об онкологических заболеваниях // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 178–191. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-178-191; EDN: IDPLRJ

Аннотация. В современном мире, насыщенном информационными технологиями и ресурсами, особую роль начинает играть их качество и достоверность, полезность для аудитории. Сегодня каждому гражданину, имеющему доступ в интернет, доступна возможность изучения интересующей медицинской информации. Но запросы для поиска могут носить не только ознакомительный характер, например, об имени и квалификации специалиста, о месте расположения медицинской организации и так далее. Часто граждане запрашивают информацию непосредственно для постановки себе диагноза, для самолечения, назначения медицинских препаратов. Масштаб проникновения социальных сетей в жизнь населения даёт возможность комментировать диагноз, общаться в форумах по интересующим заболеваниям, в том числе онкологическим, а также по вопросам их профилактики. Одним из приоритетных направлений национального проекта «Здравоохранение», принятого по итогам заседания Президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г., является снижение показателей смертности от новообразований, в том числе злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения), и для достижения этой цели в том числе разрабатываются методы дополнительного информирования населения об онкологических заболеваниях, мерах их профилактики. Необходимо также учитывать, что от достоверности медицинского информирования зависит правильное использование полученной информации гражданами, следовательно, оно является важным и неотъемлемым условием сохранения и укрепления здоровья населения. В статье изложены результаты применения авторской методики автоматизированного процесса сбора и систематизации данных поисковых запросов в социальных сетях жителей Республики Татарстан при изучении информационных потребностей по теме онкологии. Выявлено, что экспертная информация лишь частично удовлетворяет информационные потребности населения по теме онкологии, соответственно, выдвинутая перед началом исследования гипотеза была подтверждена.

Ключевые слова: злокачественные новообразования, парсинг, междисциплинарный подход, медицинские организации, региональные исследования, поисковые запросы, социальные сети.

Введение

У истоков изучения социальных сетей стоял социолог Р.М. Эмерсон, который рассматривал социальные взаимодействия как на макро-, так и на микроуровне, исходя из того, что их участники обладают различным доступом к значимым ресурсам (финансам, натуральным продуктам, власти, информации), и вследствие этого одни из них зависят от других [1, с. 31]. Современная теория социальных сетей связана с именами математиков Р. Соломонофф и А. Рапопорт [2, с. 107]. Кроме этого, П. Эрдос и А. Реньи посвятили свои труды изучению принципов формирования социальных сетей [3, с. 17], а заслугой Д. Уоттс и С. Строгач является введение понятия «коэффициент кластеризации» («clustering coefficient»), которое характеризует степень близости между неоднородными группами [4, с. 223].

Социологический подход рассматривает социальную сеть в ключе социальной структуры, которая состоит из множества так называемых «агентов» взаимодействия и некоторого множества отношений и связей, которые представляются универсальным средством структурирования социального пространства [1, с. 257]. По форме сетевая коммуникация представляет собой некоторую гибридную совокупность, полученную в результате скрещивания индивидуальной, групповой и массовой коммуникации [2, с. 133]. В общем виде социальная сеть формально определяется как «набор социально релевантных связей, узлов, которые связаны одними или несколькими отношениями» [3, с. 224]. М.С. Мельникова и И.П. Яковлев понимают под социальной сетью особый вид связи между позициями индивидов, объектов или событий, отобраемыми в зависимости от целей построения сети [1, с. 255].

В последние годы среди учёных наблюдается тенденция использования социальных сетей для измерения общественного мнения в различных областях, например, в области здоровья населения (Н. Achrekar, А. Gandhe, R. Lazarus, S. Yu, B. Liu [4], N. Heavilin, B. Gerbert, J.E. Page, J.L. Gibbs

[5]), политики (А.В. Тихонова, А.А. Агурова [6]), коммуникации (Ю.Э. Макаревская, [7], М.С. Мельникова, И.П. Яковлев [1]), потребительского поведения (О.Е. Устинова [8], Е.С. Куликова [9], И.Н. Варачев [10]). Рост интереса учёных к использованию социальных сетей в качестве инструмента, а не предмета изучения общественного мнения обусловлен рядом причин. Во-первых, это большой объём данных, которые доступны бесплатно и показывают обширную картину при изучении тех или иных вопросов. Во-вторых, это возможность более масштабного исследования, не ограниченного лишь одним районом, городом, регионом и так далее. В-третьих, в социальных сетях аудитория ведёт себя более естественно, что позволяет учёным глубже понимать общественное восприятие и точнее прогнозировать тенденции его изменений.

Однако существуют и недостатки использования социальных сетей в качестве инструмента исследования, и в первую очередь они связаны с нехваткой технических знаний и навыков среди социологов, умения работать с огромным количеством данных и так далее. Значительная часть исследователей при изучении социальных сетей применяют традиционные методы исследования, это ручной сбор и обработка информации, что увеличивает трудоёмкость исследования и количество потраченного на него времени, а также может вызывать вопросы к достоверности результатов, учитывая большую объём данных для анализа (А.В. Никольская, А.А. Костригин [11], М.А. Груздева [12]). В связи с этим особенно интересны возможности нейронных сетей в процессе изучения общественного мнения в социальных сетях и их обработки, которые раскрывают в своих трудах, например, Я.А. Ледовая [13], Я.К. Рунков [14], и которые мы опробовали в рамках собственного исследования.

Цель исследования, результаты которого изложены в статье, состоит в изучении в ходе автоматизированного процесса сбора и систематизации данных поисковых запросов в социальных сетях (далее — парсинг) информационных потребностей на-

селения Республики Татарстан (РТ) по теме онкологии и их удовлетворённости соответствующими сведениями от медицинских организаций и органов государственной власти. Выбор обозначенных источников информации определён надёжностью и достоверностью содержащихся в них сведений по вопросам здравоохранения, медицинского консультирования и обслуживания, в том числе по вопросам профилактики и выявления онкологических заболеваний, а также лечения и сопровождения онкобольных. Медицинские организации являются первичным носителем соответствующих компетенций, а органы государственной власти тесно взаимодействуют с ними (регламентируют и контролируют их деятельность, влияют на неё или в ряде случаев, наоборот, зависят от неё) и потому также распространяют экспертную информацию. Экспертная информация — это подтверждённые, надёжные и полезные сведения о заболеваниях, возможностях их профилактики и лечения, которые широкая общественность могла бы, при наличии такой потребности, использовать в эффективном самосохранительном поведении в отношении личного здоровья. В соответствии с выдвинутой гипотезой мы, однако, предполагаем, что информация, которую публикуют представители медицинских организаций и органов государственной власти, лишь частично соответствует потребностям населения.

Данные и методы

В нашем исследовании в качестве инструмента изучения мнений жителей РТ использована социальная сеть «ВКонтакте», входящая, по результатам исследования ВЦИОМ «Медиапотребление и активность в интернете», в топ-5 наиболее популярных в России социальных сетей и мессенджеров¹. Для сбора и обработки данных

мы применили парсинг — принятое в информатике определение последовательно-го синтаксического анализа информации, размещённой на интернет-страницах. Парсер — это программа или скрипт, позволяющая выполнить такой анализ и представить результат в нужном для пользователя виде.

Процесс парсинга включил в себя следующие шаги. Шаг 1: мы определили ключевые слова на русском и татарском языках, которые использовались при поиске информации или написании постов в социальной сети «ВКонтакте», всего было выделено 31 ключевое слово. Шаг 2: добавили в скрипт поиск локации, благодаря которому смогли осуществить поиск информации по РТ в целом, а также в отдельных муниципальных районах и городских округах — таким образом, был составлен список из 1175 групп, где в локации была указана РТ, муниципальный район или городской округ в её составе. Шаг 3: поиск ключевых слов в первой 1000 постов в каждой из групп: на основе полученных данных был сформирован список из 205 групп, в которых встречалось хотя бы одно из ключевых слов, из них 78 — интересующие нас в соответствии с поставленной перед нами целью группы с экспертной информацией, то есть страницы «ВКонтакте» местных медицинских организаций (10) и органов государственной власти (68). Шаг 4: глубокий анализ 20 тыс. постов в каждой из групп, а также 30 тыс. постов в профильных группах по теме онкологии — по итогам анализа были обнаружены 1339 постов экспертной информации по теме онкологии, в том числе 438 постов на страницах «ВКонтакте» медицинских организаций РТ и 901 пост на страницах органов государственной власти. Шаг 5: расчёт статистических показателей: количество (абсолютное и среднее) просмотров, лайков, комментариев и репостов каждого поста экспертной информации по теме онкологии.

Таким образом, сформирована база данных, которая на втором этапе исследования была подвергнута дискурс-анализу. Дискурс-анализ — это совокупность аналитических методов интерпретации различно-

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Медиапотребление и активность в Интернете 2021. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-i-aktivnost-v-internete?ysclid=lm7ki7yqfv510398958&cHash=fd1590e8bae046b30ac8dc7c55cc83b> (дата обращения: 03.08.2023).

го рода текстов или высказываний как продуктов речевой деятельности людей, осуществляемой в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях [15]. Дискурс-анализ мы применили непосредственно к самим постам, оценив их содержание и выделив смысловые единицы для дальнейшего анализа. Так, были выделены 18 тематических направлений экспертной информации, в которых раскрыты в общей сложности 118 проблемных областей — подтем. Далее подробно рассмотрим их распределение и реакции на них пользователей социальной сети «ВКонтакте».

Результаты

Абсолютное большинство постов с экспертной информацией (64,1%) представлены краткими резюме и подробными обзорами событий в различных сферах, так или иначе связанных со здоровьем, рисками,

профилактикой и протеканием онкозаболеваний (рис. 1).

В частности, каждое шестое такое резюме и обзор (15,1%) рассказывает о проявлениях доброго отношения и сострадания к онкобольным жителям республики и их вовлечении в тематические просветительские проекты (рис. 2), например: «Ежегодно онкологическая служба РТ принимает активное участие в мероприятиях, приуроченных ко Всемирному дню борьбы с онкозаболеванием. Третий год подряд сотрудники проводят Благотворительную акцию по сбору средств для Хосписа имени Анжелы Вавиловой и тем самым вносят свой вклад в строительство взрослого корпуса Казанского хосписа. 498 тыс. рублей было собрано сотрудниками и направлено в Фонд имени Анжелы Вавиловой» (https://vk.com/wall-205050891_830).

Кроме этого, 8,5% постов освещают текущие научно-практические дискуссии татарстанских медиков, делящихся со своими коллегами накопленным опытом выявления и лечения онкологических заболева-

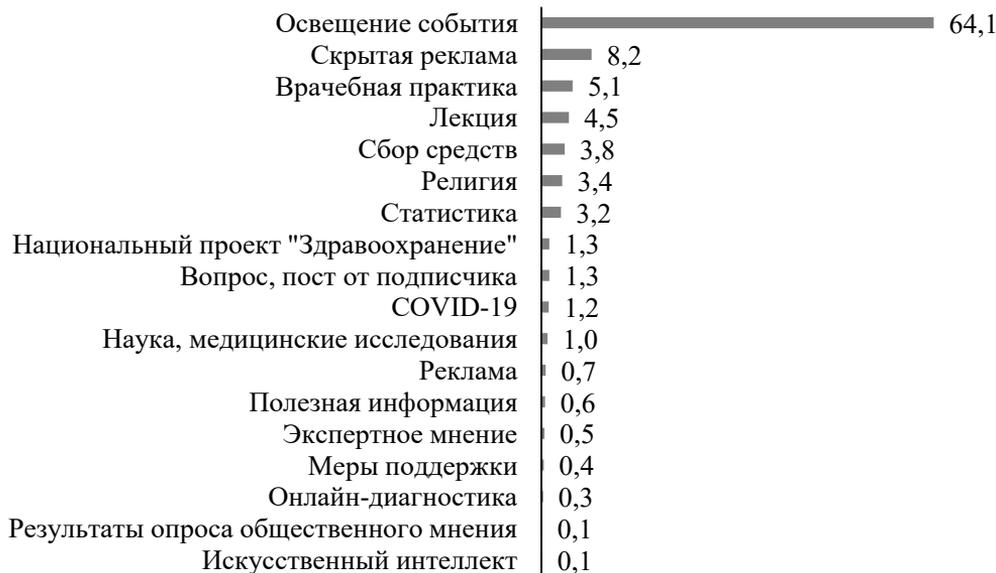

Рис. 1. Распределение постов экспертной информации в социальной сети «ВКонтакте» РТ по тематическим направлениям, %

Fig. 1. Distribution of expert information posts on the social network «VKontakte» of the Republic of Tatarstan by thematic areas, %

Источник: составлено авторами по результатам парсинга и дискурс-анализа.

Рис. 2. Распределение постов экспертной информации в социальной сети «ВКонтакте» РТ тематического направления «освещение события» по подтемам (Топ-10),%

Fig. 2. Distribution of expert information posts on the social network VKontakte of the Republic of Tatarstan in the thematic area «event coverage» by subtopics (Top 10),%

Источник: составлено авторами по результатам парсинга и дискурс-анализа.

ний, а также обсуждающих перспективы отрасли (рис. 2), например: «Делегация РКОД МЗ РТ имени профессора М.З. Сигала приняла участие в V Международном форуме онкологии и радиотерапии «Ради жизни». Онкологический диспансер представляли: главный врач Ильгиз Хидиятов, заместитель главного врача по медицинской части Ильсур Шаймарданов, заместитель главного врача по организационно-методической работе Альфир Хисамутдинов, а также Елена Мингалимова заместитель главного врача по клинично-экспертной работе. Ильгиз Ринатович рассказал о реализации региональной программы «Борьба с онкологическими заболеваниями» в Республике Татарстан, выступил главный врач онкодиспансера» (https://vk.com/wall-205050891_614).

В двадцатой части всех постов тематического направления «освещение события» также рассказывают истории лечения и выздоровления онкобольных (5,6%), излагают достижения медицинских учреждений и отдельных специалистов РТ (6,1%), сообщают об открытии новых медицинских учреждений (4,7%) и проведении информационных кампаний, популяризирующих здоровый образ жизни как фактор защиты от онкозаболеваний (5,7%). Наконец, поднимают-

ся актуальные вопросы диагностики онкологических заболеваний (4,2%) и онкопрофилактического питания (4,1%), освещаются визиты в медицинские учреждения официальных лиц (4,1%), описываются истории онкобольных животных (4,1%) и так далее (рис. 2).

Кроме резюме и обзоров, каждый двадцатый пост информации медицинских организаций РТ и местных органов власти в социальной сети «ВКонтакте» (5,1%) рассказывает истории из врачебной практики, реализуемой в РТ. Большинство из них — о проводимых татарстанскими врачами операциях по хирургическому удалению опухолей (56%), другие — о внедрённых новых методах лечения онкологии и новых лекарственных препаратах, об используемых способах обезболивания, о действующей горячей линии для онкобольных, актуальных каналах онлайн-консультирования и т.д. Кроме этого, среди тематических направлений экспертной информации выделяются объявления о публичных лекциях по теме онкологии (4,5%) и сборе средств на оказание помощи онкобольным (3,8%), выжимки из священных писаний и обращения к Богу, призванные помочь онкобольным психологически (3,4%), и статистиче-

Рис. 3. Распределение постов экспертной информации в социальной сети «ВКонтакте» РТ по тематическим направлениям в разрезе групп источников «медицинские организации» и «органы государственной власти», %

Fig. 3. Distribution of expert information posts on the social network «VKontakte» of the Republic of Tatarstan by thematic areas in the context of source groups «medical organizations» and «authorities», %
 Источник: составлено авторами по результатам парсинга и дискурс-анализа.

ские данные по онкозаболеваемости в РТ (3,2%). Представленность других тематических направлений в общем массиве постов значительно ниже.

Далее обратимся к экспертной информации в разрезе выделенных групп источников «медицинские организации» и «органы государственной власти», поскольку наиболее

часто поднимаемые ими в своих группах и сообществах «ВКонтакте» вопросы различаются (как показал статистический анализ с помощью теста хи-квадрат Пирсона, различия статистически значимы: $\chi^2 = 2472,083$ при $p = 0,000$).

Большую часть постов по теме онкологии в группах и сообществах «ВКонтакте» татар-

станских медицинских организаций, как и в целом по выборке, составляют резюме и обзоры событий (58,2%) (рис. 3). Однако если в общем массиве информации преобладают сообщения о проявлениях страдания, то здесь — отчёты по проведению конференций, мастер-классов и других научно-практических мероприятий, устраиваемых для взаимного обмена опытом специалистами-онкологами (23,9%). Такая же доля постов представлена вместе историями онкобольных животных и свидетельствами успеха медицинских учреждений республики и их врачей (23,9%; 13,7% и 10,2% соответственно).

В первых рассказывается об обнаруженных симптомах, лечении и постоперационном состоянии пациентов, например: *«История нашего пациента. Знакомьтесь! На фото Мухтар. 01.11.21 его хозяин обратился к нам в клинику с жалобами на здоровье питомца и появление крови при мочеиспускании и на препуции. Был проведён осмотр, в результате которого было обнаружено новообразование в основании полового члена. ... После курса химиотерапии у Мухтара отмечается успешная ремиссия. Желаем Мухтару крепкого здоровья!»* (https://vk.com/wall-151715418_1927).

Во вторых подчёркиваются успехи местной медицины, в первую очередь её онкологического направления, с акцентом на их внешней составляющей, то есть на их формальном признании, на победах врачей и медицинских учреждений во всевозможных конкурсах и других мероприятиях: *«Два врача из Татарстана победили в специальных номинациях Всероссийского конкурса врачей. Всего по стране были выбраны 162 победителя в 36 номинациях. Их оценивали по таким критериям, как «Профессиональная деятельность», «Квалификация», «Деловые качества», «Морально-этические качества», «Личные качества», «Наставничество». «Здоровый ребёнок — это не только счастливая семья, это счастливое общество. Мы очень благодарны федеральному центру за возможность внедрения этого направления в городах страны. Уже в первые часы жизни у малышей с рисками развития есть*

возможность пройти ЭКГ. Эта абсолютно безопасная процедура позволяет на самых ранних сроках выявить нарушения и вовремя вылечить их, тем самым сохранив качество жизни будущего поколения», — отметила татарстанская победительница в номинации «За создание нового направления в медицине» Динара Садыкова» (https://vk.com/wall-205050891_567).

Кроме этого, 5,9% постов медицинских организаций тематического направления «освещение события» рассказывают об информационных кампаниях, популяризирующих здоровый образ жизни как фактор защиты от онкозаболеваний, 4,3% — сообщают об изменениях в режиме работы медицинских организаций республики или о возможностях прохождения диспансеризации (3,5%). В числе других освещаемых вопросов — благотворительные мероприятия в отношении онкобольных (3,1%), результаты проводимой политики в сфере здравоохранения (2,7%), актуальные новости в сфере выявления и лечения отдельных видов онкозаболеваний (2,7%) и другие.

Не считая резюме и обзоров, информация медицинских организаций РТ представлена скрытой рекламой медицинских услуг и продукции, посты которой составляют четверть от их общего количества (25,1%) (рис. 3)². Это, в частности, неявная реклама альтернативных лекарств и способов диагностики, «супер»-продуктов, снижающих вероятность возникновения онкологии, и непрофилированных специалистов, хотя абсолютное большинство таких постов (72,7%) — завуалированная реклама клиник, в которой даётся фактическая информация о каком-либо заболевании или излагаются достижения, ход конкретной работы медицинского учреждения и его сотрудников, а в конце предлагается записаться на приём, например: *«В клинике Медгард-Набережные Челны была проведена первая цистоскопия. Пациент обратился с болями и резью при мочеиспускании, кровью в моче и частым*

² Здесь нужно отметить, что тематическое направление «скрытая реклама» также является вторым по числу постов в целом по выборке, однако не рассматривалось нами выше, поскольку все посты этого направления были обнаружены в социальных сетях медицинских организаций.

мочеиспусканием. Диагностическая операция длилась 10 минут и проходила под местной анестезией, через час после процедуры пациентка ушла домой. Данная операция проводится в нашей Клинике в условиях операционной и соответственно полной стерильности. ... Запись на приём по телефону...» (https://vk.com/wall-211628596_295).

Также татарстанские медицинские организации в своих группах и сообществах «ВКонтакте» анонсируют проведение публичных лекций по онкологической тематике (5,3%), представляют статистические данные по онкозаболеваемости (2,7%), рассказывают о реализуемых ими врачебных практиках (2,1%), дают явную рекламу своих услуг (1,8%), публикуют последние данные исследований онкологии (1,4%), сводки полезной информации для онкобольных и профилактики онкозаболеваний (1,4%), мнения экспертов по тому или иному вопросу (1,1%), сообщают об изменениях в работе и обслуживании отдельных категорий больных в связи с пандемией COVID-19 (0,5%), о своём участии в мероприятиях национального проекта «Здравоохранение» (0,2%) и адресных мерах поддержки врачей (0,2%).

Органы власти РТ в своих социальных сетях тоже преимущественно освещают всевозможные события (67%). Подавляющее большинство публикуемых ими резюме и обзоров описывают благотворительные мероприятия в отношении онкобольных (20,2%), остальные подтемы представлены в значительно меньшем количестве постов. 7% постов — это история лечения и выздоровления онкобольного, открытие новых медицинских учреждений (6,6%) или информационные кампании здорового образа жизни (5,6%). Каждый двадцатый — новость о посещении медицинского учреждения официальным лицом (5,3%), об открытиях в сферах онкопрофилактического питания (5,1%) и онкодиагностики (5,1%). Также освещаются достижения медицинских организаций и врачей-онкологов республики (4,3%), результаты реализации мероприятий политики в сфере здравоохранения (2,5%). Часть постов (2,5%), кроме этого,

оказывается не связанной с темой онкологии (например, «раковая опухоль» в переносном смысле, достижения специалиста не онкологического профиля и так далее).

Помимо резюме и обзоров, органы власти республики публикуют в своих группах и сообществах социальной сети «ВКонтакте» актуальную информацию о врачебных практиках (6,5%), объявления о сборе средств (5,7%), выжимки из священных писаний и обращения к Богу в помощь онкобольным (5,1%), анонсы лекций по теме онкологии для всех заинтересованных (4,1%) и свежую статистику (3,4%). Также среди их постов можно найти данные реализации национального проекта, мероприятий социальной поддержки врачей и исследований онкологии, сведения о разработках в сфере онлайн-диагностики и искусственного интеллекта, сводку полезной информации, экспертных оценок и опросов общественного мнения, аналитику по взаимосвязи онкологии и COVID-19, обращения граждан и рекламу медицинских услуг.

Как показывает сравнение данных, органы власти чаще, чем медицинские организации, публикуют резюме и обзоры событий (открытие, закрытие или изменение графика работы медицинской организации, внедрение нового оборудования), которые могут помочь татарстанцам сориентироваться в вопросах поддержания своего здоровья и обращения за медицинской помощью, чаще публикуют истории из врачебной практики (случаи необычного течения и обнаружения заболеваний, успешные операции), которые призывают татарстанцев обращать больше внимания на своё самочувствие и доверять местной медицине, публикуют объявления о сборе средств на лечение онкобольных, выжимки из священных писаний и обращения к богу, которые способствуют получению нуждающимися материальной и психологической помощи, в то время как в социальных сетях медицинских организаций подобных постов не обнаруживается. Последние, напротив, очевидно чаще публикуют посты с явной и скрытой рекламой, анонсы проведения лекций по медицинской тематике в целом

и онкологической в частности, результаты научных исследований в сфере медицины, выжимки с полезной информацией о здоровье и экспертными оценками, которые, безусловно, могут привлечь внимание татарстанцев к вопросам здоровья и онкологии, но в меньшей степени проблематизировать их. В целом публикуемая в социальной сети «ВКонтакте» экспертная информация закладывает определённую основу для повышения осведомлённости татарстанцев об онкозаболеваниях, обеспечивает условия для роста среди них позитивной обеспокоенности и распространения важных само-сохранительных практик, однако в конечном счёте это возможно лишь при наличии у населения соответствующих информационных потребностей.

Изучение потребностей татарстанцев в получении актуальных сведений об онкологических заболеваниях от медицинских организаций и органов государственной

власти в первую очередь предполагает проведение опроса общественного мнения, однако кроме этого о востребованности экспертной информации говорят реакции на неё, такие как просмотры (сколько пользователей прочитали конкретный пост), лайки (сколько пользователей поставили отметку «мне нравится» после просмотра), комментарии (насколько «бурно обсуждали» пост пользователи) и репосты (сколько пользователей решили «поделиться» информацией из поста). Общее количество просмотров постов экспертной информации по теме онкологии в социальной сети «ВКонтакте» в РТ равно 3,36 млн общее количество лайков – 29638, общее количество комментариев – 2204, общее количество репостов – 3230. В среднем на один пост экспертной информации приходится 2512 просмотр, 22 лайка, 1,6 комментария и 2,4 репоста (табл. 1).

Таблица 1

Среднее количество просмотров, лайков, комментариев, репостов постов экспертной информации в разрезе тематических направлений

Table 1

Average number of views, likes, comments, reposts of expert information posts in the context of thematic areas

Наименование тематического направления	Просмотры	Лайки	Комментарии	Репосты
Врачебная практика	15566,3	115,6	7,4	8,6
Меры поддержки	3974,0	25,8	14,6	7,0
Вопрос, пост от подписчика	2666,4	23,6	2,1	1,8
Экспертное мнение	2222,7	21,0	1,0	6,3
Статистика	1998,6	13,2	2,2	1,6
Наука, медицинские исследования	1954,1	11,7	1,4	1,1
Освещение события	1921,4	19,2	1,5	1,8
Скрытая реклама	1814,5	7,9	0,4	2,1
Лекция	1715,2	12,6	0,5	2,2
COVID-19	1586,0	5,6	3,3	1,5
Реклама	1537,6	7,7	0,7	1,8
Национальный проект «Здравоохранение»	1220,3	11,0	0,9	1,0
Онлайн-диагностика	1205,0	4,3	0,3	3,3
Искусственный интеллект	1093,0	3,5	0,0	0,0
Сбор средств	1063,4	20,0	0,8	5,2
Полезная информация	852,4	4,6	0,0	1,3
Религия	590,2	17,4	0,5	4,5
Результаты опроса общественного мнения	293,0	2,0	0,0	1,0
Итого	2512,1	22,1	1,6	2,4

Источник: составлено авторами по результатам парсинга и дискурс-анализа.

Больше всего читать и лайкать жители республики предпочитают посты тематических направлений «врачебная практика» (в среднем на один пост 15566,3 просмотра и 115,5 лайка), «меры поддержки» (в среднем на один пост 3974 просмотра и 25,8 лайка) и «вопрос, пост от подписчика» (в среднем на один пост 2666,4 просмотра и 23,6 лайка). При этом посты, описывающие профессиональные практики татарстанских врачей, такие как проведение операций, сопровождение пациентов, внедрение нового оборудования, вызывают у населения наибольшую реакцию, например: *«Врачи БСМП Набережных Челнов удалили 10-сантиметровую опухоль из сердца пациента. Мужчину беспокоили неоднократные потери сознания и перебои в работе сердца. При УЗИ сердца специалисты увидели, что одну из четырёх камер сердца почти полностью заполняла опухоль. Она практически перекрывала поток крови. В ходе операции главный хирург БСМП — заведующий кардиохирургии Рамис Якубов удалил опухоль из левого предсердия. Пациент чувствует себя хорошо и проходит процесс восстановления»* (https://vk.com/wall-85877975_145215-269233 просмотра; 1439 лайков).

Чаще всего татарстанцы обсуждают в комментариях посты тематического направления «меры поддержки» (в среднем на один пост 14,6 комментария), излагающие действующие или планируемые к внедрению меры как для врачей, так и для населения, например: *«Врач родом из Гаити работает теперь у нас, в Челнах. Как он тут оказался? Челнинским управлением здравоохранения подведомственного Министерства продолжается работа по привлечению врачей в рамках программы предоставления гранта Правительства Республики Татарстан. В прошлом году сумма гранта увеличена с 500 тысяч рублей до 800 тысяч. 61 врач получил одобрение на получение гранта» ... «В октябре этого года Фритзлей вошёл в состав команды челнинского филиала Республиканского клинического онкодиспансера. Фритзлей Рафаэл уже подал документы на одобрение получения гранта. «Я очень рад, что в Набережных Челнах есть такая*

возможность для врачей как получение жилья по гранту. После получения финансовой поддержки, я планирую улучшить свои жилищные условия», — поделился врач-онколог» (https://vk.com/wall-95767960_126867 — 65 комментариев).

Делятся же на личных страницах, в личных сообщениях или на сторонних ресурсах жители республики обычно постами тематических направлений «врачебная практика» (в среднем на один пост 8,6 репоста), «меры поддержки» (в среднем на один пост 7 репостов) и «экспертное мнение» (в среднем на один пост 6,3 репоста).

Таким образом, в то время, как местные медицинские организации и органы государственной власти при публикации постов фокусируются по большей части на освещении событий, население предпочитает узнавать об актуальных событиях из врачебной практики в республике, изучать вопросы и посты от подписчиков по теме онкологии, меры поддержки и экспертное мнение по тем или иным аспектам проблемы, т.к. именно эти направления экспертной информации имеют для него практическую значимость и несут определённую пользу.

Выводы

Как показали результаты проведённого исследования, конструктивное влияние содержания постов экспертной информации в социальной сети «ВКонтакте» на жителей республики в части формирования и закрепления среди них эффективных самохранительных практик в отношении личного здоровья маловероятно. В обеих группах источников экспертной информации преобладают посты, в которых освещаются события в различных сферах, так или иначе связанных со здоровьем, рисками, профилактикой и протеканием онкозаболеваний, — краткие резюме и подробные обзоры благотворительных мероприятий в отношении онкобольных, конференций и мастер-классов по теме, достижений в сфере онкологии и так далее. Медицинские организации, кроме этого, делают серьёзный

акцент в своём информировании на рекламу (явную и неявную) своих услуг, справки полезной информации, анонсы и лишь формальные результаты своей деятельности, оказывая, таким образом, исключительно информационный эффект, тогда как органы власти, учреждения и объединения предлагают больше практически полезных сведений, побуждающих татарстанцев заботиться о своём здоровье, доверять местной медицине и пользоваться предоставляемыми ею возможностями. Содержание их публикаций, однако, не отвечает основным потребностям татарстанцев, о чём можно судить по реакциям на них, а имен-

но по просмотрам, лайкам, комментариям и репостам. Так, сведения о проходящих благотворительных и научно-практических мероприятиях, преобладающие в массиве экспертной информации, мало интересуют местных жителей, которые вместо этого демонстрируют интерес к событиям из врачебной практики, вопросам и постам от подписчиков, мнениям экспертов и мерам поддержки врачей. Таким образом, подтверждается выдвинутая нами гипотеза — экспертная информация лишь частично удовлетворяет информационные потребности населения по теме онкологии.

Литература и Интернет-источники

1. **Мельникова, М. С.** Понятие «социальная сеть» в социологических теориях и интернет-практиках / М. С. Мельникова, И. П. Яковлев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика.— 2014.— № 1.— С. 254–257. EDN: SBGPXV
2. **Сергодеев, В. А.** Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики / В. А. Сергодеев // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.— 2013.— № 1(113).— С. 132–137. EDN: QCKLAZ
3. **Wellman, B.** Integrating Individual, Relational and Structural Analysis / B. Wellman, F. Ove, E. Vicente, L. Staffan, W. Craig // Social Networks.— 1991.— Vol. 13(3).— P. 223–249. DOI: 10.1016/0378–8733(91)90007-G
4. **Achrekar, H.** Twitter improves seasonal influenza prediction / H. Achrekar, A. Gandhe, R. Lazarus, S. Yu, B. Liu // Proceedings of the International Conference on Health Informatics – HEALTHINF.— 2012.— P. 61–70. DOI: 10.5220/0003780600610070
5. **Heavilin, N.** Public Health Surveillance of Dental Pain via Twitter / N. Heavilin, B. Gerbert, J. E. Page, J. L. Gibbs // Journal of Dental Research.— 2011.— Vol. 90(9).— P. 1047–1051. DOI: 10.1177/0022034511415273
6. **Тихонова, А. В.** Теоретические основы изучения социальных сетей в политической коммуникации и их характеристика / А. В. Тихонова, А. А. Агурова // Теории и проблемы политических исследований.— 2019.— Т. 8 — № 4А.— С. 24–32. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.045; EDN: TXKOSM
7. **Макаревская, Ю. Э.** Социальная сеть как индикатор жизненных ценностей современной молодежи (на примере социальной сети «ВКонтакте») / Ю. Э. Макаревская // Феноменология и практика девиантного поведения. Материалы XIII Всерос. науч. конф. (Краснодар, 18 октября 2019 г.).— Краснодар : Краснодарский университет МВД РФ, 2019.— С. 152–157. EDN: FOMJAY
8. **Устинова, О. Е.** Социальные медиа как маркетинговый инструмент в цифровой экосистеме / О. Е. Устинова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество.— 2020.— № 3.— С. 437–439. EDN: FYPEAN
9. **Куликова, Е. С.** Контент как один из инструментов цифрового маркетинга / Е. С. Куликова // Московский экономический журнал.— 2020.— № 7.— С. 29. EDN: OAFTRF
10. **Варачев, И. Н.** Социальный медиа-маркетинг как вид современной бизнес-коммуникации / И. Н. Варачев // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.— 2021.— № 94.— С. 40–42. EDN: NOLKSE

11. **Никольская, А. В.** Применение метода контент-анализа в изучении отношения пользователей социальных сетей к современной российской медицине / А. В. Никольская, А. А. Костригин // Южно-российский журнал социальных наук. — 2019. — Т. 20. — № 1. — С. 72–90. DOI 10.31429/26190567–20–1–72–90; EDN: HPAWCW
12. **Груздева, М. А.** Инструменты формирования самосохранительных практик населения: социальные сети и блогосфера / М. А. Груздева // Социальное пространство. — 2017. — № 4(11). — С. 5–16. EDN: ZRPGFL
13. **Ледовая, Я. А.** Социальные сети как новая среда для междисциплинарных исследований поведения человека / Я. А. Ледовая, Р. В. Тихонов, О. Н. Боголюбова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология и педагогика. — 2017. — № 3. — С. 193–210. EDN: ZTLSPV
14. **Рунков, Я. К.** Использование нейронных сетей в социальных коммуникациях и интернет-ресурсах, их обеспечивающих / Я. К. Рунков // Международный журнал экспериментального образования. — 2015. — № 12–5. — С. 676–677. EDN: VKGFJX
15. **Ирхин, Ю. В.** Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование / Ю. В. Ирхин // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 4. — С. 128–143. EDN: SIMRFT

Сведения об авторах:

Шакирова Алиса Фиргатовна, к.соц.н., научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru; ORCID: 0000-0003-4187-6562; РИНЦ AuthorID: 731889.

Корунова Валерия Олеговна, научный сотрудник, Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: E-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru; ORCID: 0000-0002-2519-6332; РИНЦ AuthorID: 906841.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-178-191

SOCIAL NETWORKS AS A MEANS OF OBTAINING INFORMATION ABOUT ONCOLOGICAL DISEASES

Alisa F. Shakirova*, Valeria O. Korunova

*Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(23/6 Karl Marx str., Kazan, Russia, 420111)*

**E-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru*

Funding:

The article was prepared with the financial support of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan as part of the implementation of the youth grant «Analysis of the information needs of residents of the Republic of Tatarstan to obtain current information about cancer and their self-preservation practices in relation to personal health: an interdisciplinary approach» under agreement No. 15–29-YaG.

For citation:

Shakirova A. F., Korunova V. O. Social networks as a means of obtaining information about oncological diseases. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 178–191. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-178-191 (in Russ.)

Abstract. *In the modern world, saturated with information technologies and resources, their quality, reliability, and usefulness for the audience begin to play a special role. Today, every citizen with Internet access has the opportunity to study medical information of interest. But search queries can be not only informational in nature, for example, about the name and qualifications of a specialist,*

about the location of a medical organization, and so on. Citizens often request information directly to make a diagnosis, including «on Google», for self-medication, prescribing medications, etc. The scale of penetration of social networks into the life of population makes it possible to comment on the diagnosis, communicate in forums on diseases of interest, including cancer, as well as on issues of their prevention. Of course, one of the priority areas of the national project «Healthcare», adopted following the meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects on December 24, 2018, is to reduce mortality rates from neoplasms, including malignant ones (up to 185 cases per 100 thousand population), and to achieve this goal, methods are also being developed to further inform the population about cancer and measures to prevent it. It is also necessary to take into account that the correct use of the information received by citizens depends on the reliability of medical information; therefore, it is an important and integral condition for preserving and strengthening the health of the population. The article presents the results of using the author's methodology for the automated process of collecting and systematizing data from search queries in social networks of residents of the Republic of Tatarstan when studying information needs on the topic of oncology. It was found out that expert information only partially satisfies the information needs of the population on the topic of oncology, thus, the hypothesis put forward before the start of the study was confirmed.

Keywords: malignant neoplasms, parsing, interdisciplinary approach, medical organizations, regional studies, search queries, social networks.

References and Internet sources

1. Melnikova M. S., Yakovlev I. P. Ponyatiye «sotsial'naya set'» v sotsiologicheskikh teoriyakh i internet-praktikakh [The term «social network» in sociological theories and Internet practices]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika [Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism]. 2014. No. 1. P. 254–257. (in Russ.)
2. Sergodeev V. A. Setevyye internet-soobshchestva: sushchnost' i sotsiokul'turnyye kharakteristiki [Network Internet communities: essence and sociocultural characteristics.]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya [Bulletin of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies]. 2013. No. 1(113). P. 132–137. (in Russ.)
3. Wellman B., Ove F., Vicente E., Staffan L., Craig W. Integrating Individual, Relational and Structural Analysis. *Social Networks*. 1991. Vol. 13(3). P. 223–249. DOI: 10.1016/0378–8733(91)90007-G
4. Achrekar H., Gandhe A., Lazarus R., Yu. S., Liu B. Twitter improves seasonal influenza prediction. *Proceedings of the International Conference on Health Informatics – HEALTHINF*. 2012. P. 61–70. DOI: 10.5220/0003780600610070
5. Heavilin N., Gerbert B., Page J. E., Gibbs J. L. Public health surveillance of dental pain via Twitter. *Journal of Dental Research*. 2011. Vol. 90(9). P. 1047–1051. DOI: 10.1177/0022034511415273
6. Tikhonova A. V., Agurova A. A. Teoreticheskiye osnovy izucheniya sotsial'nykh setej v politicheskoy kommunikatsii i ikh kharakteristika [Theoretical foundations of the study of social networks in political communication and their characteristics]. Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy [Theories and Problems of Political Research]. 2019. Vol. 8. No. 4A. P. 24–32. DOI: 10.34670/AR.2019.45.4.045 (in Russ.)
7. Makarevskaya Yu. E. Sotsial'naya set' kak indikator zhiznennykh tsennostej sovremennoj molodezhi (na primere sotsial'noj seti «Vkontakte») [Social network as an indicator of the life values of modern youth (using the example of the social network «Vkontakte»)]. Fenomenologiya i praktika deviantnogo povedeniya. Materialy 13 Vseros. nauch. konf. Krasnodar, 18 oktyabrya 2019. [Phenomenology and Practice of Deviant Behavior. Proceedings of the XIII All-Russian. scientific conference. Krasnodar, October 18, 2019]. Krasnodar. 2019. P. 152–157. (in Russ.)

8. Ustinova O.E. Sotsial'nyje media kak marketingovyy instrument v tsifrovoj ekosisteme [Social media as a marketing tool in the digital ecosystem]. *Bol'shaya Evraziya: razvitije, bezopasnost', sotrudnichestvo. [Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation]*. 2020. No. 3. P. 437–439. (in Russ.)
9. Kulikova E.S. Kontent kak odin iz instrumentov tsifrovogo marketinga [Content as one of the tools of digital marketing]. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal [Moscow Economic Journal]*. 2020. No. 7. P. 29. (in Russ.)
10. Varachev I.N. Sotsial'nyj media-marketing kak vid sovremennoj biznes-kommunikatsii [Social media marketing as a type of modern business communication]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyje nauki [Bulletin of Amur State University. Series: Humanities]*. 2021. No. 94. P. 40–42. (in Russ.)
11. Nikolskaya A.V., Kostrigin A.A. Primenenije metoda kontent-analiza v izuchenii otnosheniya pol'zovatelej sotsial'nykh setej k sovremennoj rossijskoj meditsine [Application of the content analysis method in studying the attitude of social network users to modern Russian medicine]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences]*. 2019. Vol. 20. No. 1. P. 72–90. DOI 10.31429/26190567–20–1–72–90. (in Russ.)
12. Gruzdeva M.A. Instrumenty formirovaniya samosohranitel'nykh praktik naseleniya: sotsial'nyje seti i blogosfera [Tools for the shaping self-preservation practices: social networks and the blogosphere]. *Sotsial'noje prostranstvo [Social Area]*. 2017. No. 4(11). P. 5–16. (in Russ.)
13. Ledovaya Ya. A., Tikhonov R.V., Bogolyubova O.N. Sotsial'nyje seti kak novaya sreda dlya mezhdistsiplinarnykh issledovanij povedeniya cheloveka [Social networks as a new environment for interdisciplinary research of human behavior]. *Vestnik S.–Peterb. un-ta. Seriya 16. Psihologiya i pedagogika [Vestnik of St. Petersburg University. Series 16. Psychology and Pedagogy]*. 2017. No. 3. P. 193–210 (in Russ.)
14. Runkov Ya. K. Ispol'zovanije neyronnykh setej v sotsial'nykh kommunikatsiyakh i internet-resursakh, ikh obespechivayushchikh. [The use of neural networks in social communications and Internet resources that support them] *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experiential Education]*. 2015. No. 12–5. P. 676–677. (in Russ.)
15. Irkhin Yu. V. Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanije [Discourse-analysis: essence, approaches, methodology, projecting]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]*. 2014. No. 4. P. 128–143. (in Russ.)

Information about the authors:

Shakirova Alisa Firgatovna, Candidate of Sociology, Researcher, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: Alisa.Shakirova@tatar.ru; ORCID: 0000–0003–4187–6562; Elibrary AuthorID: 731889.

Korunova Valeria Olegovna, Researcher, Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: Valeriya.Korunova@tatar.ru; ORCID: 0000–0002–2519–6332; Elibrary AuthorID: 906841.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023, утверждена 20.02.2024., опубликована 30.03.2024.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205

EDN: IYIJMH

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Локозов В.В.¹, Ярашева А.В.^{1*}, Александрова О.А.^{1,2,3}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

³НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ)
(115088, Россия, Москва, ул. Шарикоподшипниковская, 9)

*E-mail: baktriana@rambler.ru

Для цитирования:

Локозов В. В., Ярашева А. В., Александрова О. А. Факторы формирования основ самосохранительного поведения населения // Народонаселение. – 2024. – Т. 27. – № 1. – С. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205; EDN: IYIJMH

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые детерминанты самосохранительного поведения населения. В качестве методов использован анализ официальной статистики, касающейся приверженности россиян здоровому образу жизни (ЗОЖ) и его различным составляющим, в разрезе федеральных округов и половозрастных групп; вторичный анализ социологических исследований, посвящённых реализации принципов ЗОЖ специалистами, имеющими отношение к медицине (медицинскими работниками, преподавателями медицинских вузов), в том числе, в сравнении с представителями немедицинских профессий; кроме того, проанализированы данные проведённого при участии авторов массового опроса столичных медицинских работников, направленного на выявление, во-первых, их собственной приверженности ЗОЖ и препятствий для его реализации; во-вторых, представлений о субъектах, несущих основную ответственность за формирование ЗОЖ населения, а также о том, что мешает гражданам следовать его принципам. Представлена авторская классификация объективных и субъективных факторов самосохранительного поведения населения, показана их взаимосвязь. По мнению московских медицинских работников, ключевыми детерминантами самосохранительного поведения являются осознание ответственности за своё здоровье самим человеком, доступность медицинских услуг и доверие системе здравоохранения. Меньшее значение имеют уровень доходов, мода на ЗОЖ и ситуация в стране. Судя по результатам вторичного анализа и собственным эмпирическим данным, ситуация с приверженностью ЗОЖ самих медицинских работников является неоднозначной. С одной стороны, существенная их часть декларирует свою ориентацию на ЗОЖ, с другой, у медицинских работников наблюдается отсутствие системности и комплексности при реализации его принципов. Около 90% опрошенных московских специалистов назвали самих граждан ответственными за формирование у населения приверженности ЗОЖ, ещё четверть — государство, и лишь каждый десятый указал на работников здравоохранения. В качестве основных барьеров реализации ЗОЖ названы недостаточная самодисциплина, нехватка сил и времени.

Ключевые слова: самосохранительное поведение, здоровый образ жизни, объективные и субъективные факторы самосохранительного поведения, медицинские работники.

© Локозов В. В., Ярашева А. В., Александрова О. А., 2024.

Постановка проблемы

При решении задачи увеличения продолжительности жизни и здоровых лет жизни населения исследователи всё чаще выделяют ответственность самих граждан за профилактику заболеваний, которая неразрывно связана с соблюдением здорового образа жизни (ЗОЖ) [1]. Вредные пищевые привычки, несбалансированность труда и отдыха, недостаточная двигательная активность [2], избыточная психоэмоциональная нагрузка, пренебрежение квалифицированной медицинской помощью (в том числе профилактическими мерами), а также вредные привычки сокращают количество здоровых лет и приводят к ускорению процесса старения организма. Многочисленные исследования, основывающиеся на данном подходе, фокусируются на различных аспектах самосохранительного поведения: самооценке населением своего здоровья, его потребности в долголетию [3] и моделях самосохранительного поведения [4].

В ходе исследования авторами применялся сравнительный анализ данных российской официальной статистики, касающихся отношения населения к принципам

ведения ЗОЖ, а также вторичный анализ данных, полученных в ходе социологических исследований отношения к ЗОЖ медицинских работников. Собственную эмпирическую базу составили результаты анкетного опроса, осуществлённого при участии авторов в 2023 г.: респондентами выступили 1449 сотрудников (60% — врачи, 40% — средний медперсонал) из 208 медицинских организаций, подведомственных Департаменту здравоохранения города Москвы. Одной из целей опроса было выявление мнения столичных медицинских работников относительно факторов, способствующих или мешающих формированию приверженности россиян к сбережению своего здоровья, а также реализации ЗОЖ самими столичными медицинскими работниками.

Система факторов, влияющих на самосохранительное поведение населения

Бережное отношение к своему физическому и психическому состоянию предполагает соблюдение принципов здорового образа жизни. В табл. 1 представлены подходы Всемирной организации здравоохра-

Таблица 1

Определения Всемирной организации здравоохранения

Table 1

World Health Organization definitions

Толкование дефиниции ЗОЖ в документах ВОЗ	Факторы, отрицательно влияющие на здоровье современного человека при неправильной организации жизни	Эффективные общественные меры по предупреждению преждевременной смертности населения
1) поведение и мышление человека, обеспечивающие охрану и укрепление здоровья 2) индивидуальная система привычек, обеспечивающих необходимый уровень жизнедеятельности для решения задач, связанных с выполнением обязанностей и решения личных проблем и запросов 3) система жизни, обеспечивающая достаточный и оптимальный обмен человека со средой, позволяющая сохранить здоровье на безопасном уровне	1) психоэмоциональные перегрузки 2) недостаточная физическая активность 3) нерациональное питание и связанная с этим избыточная масса тела 4) вредные привычки: курение, злоупотребление алкоголем, наркомания	1) совершенствование медико-гигиенического образования и воспитания населения 2) создание эффективной системы мер по борьбе с вредными привычками 3) создание системы мотивирования граждан к ведению здорового образа жизни и участию в профилактических мероприятиях 4) мотивирование работодателей к участию в охране здоровья работников 5) профилактика факторов риска инфекционных заболеваний 6) мотивирование руководителей учреждений системы школьного образования к участию в охране здоровья и формированию здорового образа жизни школьников

Источник: Всемирная организация здравоохранения о здоровом образе жизни. — URL: <https://med-prof.ru/o-tsentre/novosti/vsemirnaja-organizacija-zdravookhraneniya-o-zdorovom-obraze-zhizni/> (дата обращения: 10.10.2023).

нения (ВОЗ) к определению термина ЗОЖ, а также факторы, отрицательно влияющие на здоровье человека и необходимые общественные меры по предотвращению преждевременной смертности.

В документах ВОЗ подчёркивается, что не существует никакого «оптимального образа жизни», который должен быть предписан всем. Задача государства — обеспечить гражданам свободный информированный выбор принципов здорового образа жизни, сделать ЗОЖ доступным для каждого индивида. Если эти задачи выполнены, на чело-

века возлагаются определённые обязательства, в том числе, для предупреждения расходов национального здравоохранения. Авторами статьи (на основе собственного исследования в 2023 г.¹) классифицированы объективные и субъективные факторы, оказывающие влияние на самосохранительное поведение (табл. 2).

¹ «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения города Москвы» (2023–2025 гг.).

Таблица 2

Объективные и субъективные факторы, влияющие на самосохранительное поведение населения России

Table 2

Objective and subjective factors influencing self-preservation behavior of the Russian population

Объективные факторы	Субъективные факторы
Территориальная доступность при получении медицинских услуг («достижимость», как скорость прибытия неотложной помощи, само наличие медицинских организаций на территории проживания)	Доверие по отношению к системе здравоохранения на территории проживания и в целом российской системе здравоохранения
Финансовая доступность для получения медицинских услуг: 1) возможность получения в разумные сроки гарантированного законом объёма бесплатной медицинской помощи; 2) ценовая доступность платных медицинских услуг; 3) ценовая доступность лекарственных препаратов; 4) возможность свободного выбора: бесплатная услуга и/или платная (частично платная)	Приверженность к регулярному профилактическому обследованию в медицинских организациях
Уровень доходов, позволяющий соблюдать принципы ЗОЖ (в том числе, выбор качественных продуктов питания)	Готовность населения к соблюдению принципов ЗОЖ; вера в то, что ЗОЖ поможет укреплению здоровья и увеличению здоровых лет жизни
Наличие инфраструктуры для занятий физкультурой и спортом на территории проживания, а также финансовая доступность (фитнес-клубов, спортивных секций и т.д.)	Специфика социализации в части имевшихся в семье установок и самосохранительных практик (как следование им, так и отказ в случае саморазрушительных практик)
Государственная политика, направленная на формирование стратегий сбережения здоровья населением (посредством СМИ – реклама; программами по различным check-up-профилактическим мероприятиям – павильоны «Здоровая Москва» в парках столицы и др.)	Отношение к ЗОЖ ближнего круга и референтных групп
Государственная политика в части «политики доходов» (регулирование заработной платы, меры по ограничению роста стоимости жизни, создание более льготных условий для приобретения жилья и т.п.), позволяющая работающему населению иметь такую занятость (рабочую нагрузку), которая обеспечивала бы необходимый баланс труда и отдыха: оставляла бы время и силы для занятий физкультурой, прогулок на свежем воздухе и, тем более, для обращения в медицинские организации в случае болезни	
Информационная доступность: наличие на востребованных населением ресурсах (сайтах медицинских организаций, дошкольных и школьных учреждений, отделов социальной защиты и т.п.) информации о ЗОЖ, профилактике болезней, недопустимости самолечения, изложенной на понятном для непрофессионалов языке	

Источник: результаты авторского исследования.

Представленные факторы субъективного и объективного характера тесно взаимосвязаны. В качестве примера можно привести связь «доверия» и «финансовой доступности». Применительно к сфере медицины обычно акцент делается на доверии в системе «врач-пациент», той роли, которую в установлении доверительных отношений играют личностные характеристики каждой из сторон [5], коммуникативные способности врача; психологические подходы для повышения уровня доверия пациентов, а также «связи между уровнем доверия к врачу и успешностью лечения» [6], удовлетворённостью оказанной медицинской помощи. Без установления с пациентами доверительных отношений лечение, реабилитация и даже профилактика заболеваний рискуют оказаться менее эффективными. В то же время, готовность обратиться

в медицинские организации зависит, помимо доверия врачам, ещё и от представлений граждан о доступности медицинской помощи, в данном контексте — от того, в какой степени они доверяют тем причинам, по которым медицинские организации отказывают им в её получении на бесплатной основе и в разумные сроки. Этот момент уязвляет обозначенный в таблице субъективный фактор «доверие» с объективным фактором «финансовая доступность медицинских услуг».

В ходе анкетного опроса, проведённого при участии авторов в 2023 г., выявлено мнение столичных медицинских работников относительно факторов, способствующих формированию приверженности россиян к сбережению своего здоровья (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Какие факторы влияют в первую очередь на формирование приверженности к самосохранительному поведению среди населения?»

Table 3

Distribution answers to the question «What factors primarily influence the formation of commitment to self-preservation behavior among the population?»

Факторы	%
Доступность медицинских услуг	19,6
Доверие к медицинской организации и медицинским работникам	18,3
Уровень доходов	10,5
Наличие семьи, детей	6,0
Высокое положение в обществе (высокий социальный статус, известность)	2,6
Ответственность за своё здоровье	22,0
Внешняя среда (социально-экономическая, социально-политическая ситуации в стране)	10,1
Популярность/мода на ЗОЖ и внимательное отношение к своему здоровью в обществе	10,4
Другое	0,5

Источник: результаты авторского исследования.

Согласно полученным данным, первостепенными факторами, влияющими на формирование самосохранительного поведения населения, являются собственная ответственность за своё здоровье (22%), доступность медицинских услуг (19,6%) и доверие к медицинской организации и медицинским работникам (18,3%). Следующими по важности — примерно по 10% — оказа-

лись: уровень доходов, популярность (мода) ЗОЖ и влияние внешней среды. В настоящее время в формировании здорового образа жизни россиян основной проблемой, согласно авторскому исследованию², остаётся слабая мотивация населения. При этом

² «Научно-методическое обеспечение организационных аспектов повышения доступности и качества медицинской помощи в государственной системе здравоохранения г. Москвы» (2023–2025 гг.).

гораздо большее внимание уделяется отдельным его компонентам, таким как питание и/или физическая активность, а не всему комплексу мер по сохранению здоровья.

Приверженность россиян принципам здорового образа жизни

Если рассматривать изменение доли населения, ведущего здоровый образ жизни, по федеральным округам, то можно заметить, что в лидерах — Северо-Кавказский федеральный округ (ФО). Однако по всем другим округам заметна отрицательная динамика в части приверженности населения к ЗОЖ (табл. 4). Снижение показателя

в 2022 г. по сравнению с 2019 г. может объясняться временным закрытием в стране фитнес-клубов и административным ограничением на прогулки (вход в парки и скверы) в период пандемии коронавируса. При этом те люди, которые относят себя к «убеждённым ЗОЖникам», продолжали заниматься физкультурой и спортом дома самостоятельно или с помощью онлайн-тренеров. На фоне постепенного снижения в 2019–2022 гг. доли так называемых «ЗОЖников» в целом по России и в Северо-Западном, Южном, Приволжском, Дальневосточном ФО, наблюдается небольшой рост данного показателя в последний год в Сибирском, Уральском и Северо-Кавказском ФО.

Таблица 4
Динамика изменения доли россиян, ведущих здоровый образ жизни, %

Table 4

Dynamics of changes in the share of Russians leading a healthy lifestyle, %

Территория	Значение показателя за год			
	2019	2020	2021	2022
Российская Федерация	12	9,1	7,3	7,2
Центральный ФО	11,1	7,6	6,4	7,0
Северо-Западный ФО	10,9	10,7	8,8	6,3
Южный ФО	17,2	12,1	13,4	10,7
Северо-Кавказский ФО	14,9	14,7	8,5	11,3
Приволжский ФО	14,9	9,5	7,0	6,9
Уральский ФО	8,7	7,7	6,0	6,2
Сибирский ФО	8,2	6,9	4,4	5,8
Дальневосточный ФО	6,5	5,6	4,1	3,9

Источник: составлено авторами по данным Росстата. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59457> (дата обращения: 12.11.2023).

Анализ итогов Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (2023 г.) позволил выявить соотношение доли мужчин и женщин с высокой и удовлетворительной приверженностью ЗОЖ и проранжировать федеральные округа по этому показателю: в лидерах оказались Приволжский, Северо-Кавказский и Южный ФО, а аутсайдером — Дальневосточный ФО. Если в целом доля женщин с приверженностью ЗОЖ выше, чем доля мужчин, то при рассмотрении показателей, касающихся такого аспекта, как

занятие спортом, можно увидеть «выход» мужчин на лидирующие позиции (табл. 5).

Доля самостоятельно занимающихся спортом во всех округах превалирует над долей, вовлечённых в организованные формы физической активности. Существенное «отставание» женщин, занимающихся спортом, от мужчин в Северо-Кавказском ФО можно объяснить конфессиональными, национальными и демографическими особенностями. В то время как в иных округах эта разница не столь велика, а в Уральском ФО и Северо-Западном ФО доля женщин,

Таблица 5

Доля населения в возрасте 15 лет и более самостоятельно и в организованной форме занимающегося спортом в 2023 г., %

Table 5

Proportion of population aged 15 years or over going in for sports
On their own and in an organized manner in 2023, %

Территория	Население, самостоятельно занимающееся спортом		Население, организовано занимающееся спортом		Место макрорегиона
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
Российская Федерация	21,4	19,1	14,5	11,2	-
Центральный ФО	21,6	17,7	14,3	10,2	4
Северо-Западный ФО	18,8	18,9	16,2	12,8	3
Южный ФО	28,3	26,0	18,0	16,5	1
Северо-Кавказский ФО	26,8	16,5	18,7	8,0	2
Приволжский ФО	19,0	18,7	12,6	10,4	6
Уральский ФО	17,8	18,3	14,3	12,3	5
Сибирский ФО	19,5	18,8	11,9	10,2	7
Дальневосточный ФО	21,0	17,5	11,6	10,2	8

Источник: составлено авторами по данным Росстат–Итоги Выборочного наблюдения состояния здоровья населения в 2023 году.— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/226396> (дата обращения: 12.11.2023).

самостоятельно занимающихся спортом даже выше, чем у мужчин.

Сравнение доли населения самостоятельно или организовано занимающихся спортом (независимо от пола респондентов) позволяет предположить: с одной стороны, наличие более-менее развитой соответствующей инфраструктуры на территориях конкретных макрорегионов, а, с другой стороны (с учётом указанных выше объективных и субъективных факторов) обеспечение финансовой доступности для занятий спортом.

Роль медицинского персонала в формировании приверженности населения принципам ЗОЖ

В научной литературе дискутируется вопрос о том, кто и в какой мере несёт ответственность за состояние здоровья отдельного человека и населения в целом: государство, СМИ, общество, в том числе ближайшее окружение, система здравоохранения (и, в частности, медицинские работники) или сам индивид. Доказано, что сочетание мер, принимаемых органами власти в государствах, уделяющих боль-

шое внимание сбережению здоровья своих граждан, с активными действиями самого населения, могут способствовать повышению качества жизни и формированию условий для поддержания высокого уровня физического и психологического состояния людей³. Большинству населения России принципы ЗОЖ известны лишь поверхностно, либо они не соблюдаются системно и в полной мере, в связи с чем эффективность мероприятий, сберегающих здоровье, остаётся низкой. Причиной тому могут быть как недостаточная информированность населения, так и низкий уровень мотивации, влекущий отсутствие навыков самодисциплины.

В формировании приверженности правилам ЗОЖ непосредственное участие, в том числе собственным примером, может принимать «специалист, знающий правильные установки в отношении образа жизни, нацеленного на сохранение здоровья; предполагается, что медицинские работники более осведомлены, чем другие,

³ Государственные меры по формированию основ самосохранительного поведения населения <https://niiioz.ru/news/gosudarstvennye-mery-po-formirovaniyu-osnov-samosokhranitelnogo-povedeniya-naseleniya/> (дата обращения: 06.12.2023).

о здоровьесберегающем поведении, и что именно они могут служить образцами для подражания» [7]. В 2022 г. учёными НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко было проведено исследование среди столичных врачей и преподавателей медицинских ВУЗов⁴. Основной проблемой оказалась низкая физическая активность, выявленная у 79,3% опрошенных [7, с. 8]. С одной стороны, медицинское образование и опыт лечения пациентов должны способствовать формированию приверженности ЗОЖ [8], с другой стороны, исследователи выделяют «ложное чувство «защиты» благодаря своим медицинским знаниям, а также нехватку времени, усталость и отсутствие мотивации к ЗОЖ» [7, с. 11]. Если говорить о влиянии возраста, то можно заметить: чем старше респонденты, тем большее внимание уделяется культуре питания и желанию обрести навыки управления стрессом. Женщины, по сравнению с мужчинами, в гораздо большей степени склонны выстраивать конструктивные взаимоотношения с окружающими, что повышает уровень их психологического здоровья, а мужчины отличаются более высоким уровнем физической активности, чем представительницы женского пола.

Интересно сравнение отношения к самоохранительному поведению у представителей медицинских и немедицинских профессий. Анализ двух групп респондентов⁵ показал: в целом 79,9% опрошенных считают, что ведут ЗОЖ (80,0% медицинских и 77% немедицинских работников). При этом 29,7% медицинских работников не собираются менять свой образ жизни. Отметим также, что 45,9% врачей не уделяют в практической работе времени для пропаганды ЗОЖ.

Среди основополагающих принципов сбережения здоровья — отказ от вредных

привычек [10; 11], а одной из самых распространённых из них является курение. Особенно опасна такая привычка для женщин в период беременности и кормления ребёнка, но организация мер медицинской помощи «по сокращению употребления табака и лечению табачной зависимости среди будущих родителей и женщин в период беременности сопряжена с рядом особенностей, главными из которых выступают скептицизм и неверие медицинских работников в возможности антитабачной терапии эффективно помочь курящим, недостаточный уровень осведомлённости акушеро-гинекологов о вреде табака, а также особенности организации медицинской помощи будущим родителям и беременным женщинам, желающим отказаться от курения» [12]. В 2016 г. в 51 организации Рязанской области среди врачей и среднего медицинского персонала акушерско-гинекологической службы был проведён опрос⁶, который показал: «уровни осведомлённости о вреде табака среди медицинских работников прямо пропорциональны уровням мотивации к отказу от употребления табака среди пациентов. Большинство уверены в том, что сотрудник учреждения здравоохранения не должен курить вообще, так как курящий специалист будет реже и менее эффективно оказывать медицинскую помощь» [12, с. 2]. Работники здравоохранения, являясь образцами для подражания и употребляя табак, сводят на нет значение медико-санитарного просвещения о последствиях курения для здоровья. В этой связи «определена необходимость разработки региональной программы создания эффективной инфраструктуры, мотивирующей попытку прекратить употребление табака, обеспечивающей широкий доступ к поддержке для потребителей табачных изделий, желающих отказаться от их употребления» [9, с. 9].

Необходимо различать два момента: 1) недостаточная приверженность представи-

⁴ Всего было опрошено 176 сотрудников государственных бюджетных учреждений Москвы, из них 75 врачей и 101 преподаватель медицинских ВУЗов в возрасте от 23 до 78 лет, 91 женщина и 85 мужчин.

⁵ Опрошено 948 человек в возрасте 21–69 лет, включая 622 медицинских работников (интерны, ординаторы и аспиранты, практикующие врачи бюджетной сферы, преподаватели медицинских вузов, врачи коммерческих клиник) и 326 немедицинских работников [9].

⁶ В опросе приняли участие 798 респондентов: 288 (36,1%) врачей и 510 (63,9%) средних медицинских работников (СМР) акушерско-гинекологической службы Минздрава Рязанской области. Мужчин среди врачей и СМР 16,32% и 0,0% (соответственно), а женщин — 83,68% и 100,0%. Средний возраст врачей, участвовавших в опросе, составил 41,3 года, средний возраст СМР — 42,2 года.

телей медицинского персонала к соблюдению принципов ЗОЖ играет отрицательную роль (негативный пример) в формировании здоровьесберегающего поведения у пациентов; 2) недостаточное стремление работников системы здравоохранения к ведению ЗОЖ сокращает продолжительность их собственной жизни и особенно здоровых лет жизни. Опрос (2023 г.) сотрудников медицинских организаций Департамента здравоохранения города Москвы, показал, что две трети врачей и среднего медицинского персонала в столице «скорее придерживается» принципов ЗОЖ (рис. 1).

Такая высокая доля респондентов, выбравших данный ответ, внушает оптимизм. Однако осознания важности и необходимости сбережения здоровья недостаточно для перехода к стратегиям самосохранительного поведения, значение имеет самодисци-

плина человека и волевые качества характера. Так, по результатам исследования выявлено, что недостаточная самодисциплина (45,8%) выступает одним из демотиваторов для ведения ЗОЖ (табл. 6). Среди иных препятствий опрошенные медики называли «отсутствие времени на регулярные прогулки, занятия физкультурой, достаточный сон, приготовление здоровой пищи» (50,2%) и нехватку сил на следование основополагающим принципам ЗОЖ (29,7%). Отметим относительно низкую долю респондентов, сославшихся на недостаточность материальных средств как преграды для ведения ЗОЖ: 19,2% — нехватка денег на фитнес, бассейн и так далее; по 13% — «отсутствие денег на оплату медицинских услуг (в том числе профилактических)» и «нет денег на качественные продукты питания».

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Ведёте ли Вы лично здоровый образ жизни?», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question «Do you personally lead a healthy lifestyle?», %

Источник: результаты авторского исследования.

При ответе на вопрос о субъектах, ответственных за формирование у населения приверженности принципам ЗОЖ, опро-

шенные московские медицинские работники на первое место (с большим отрывом) поставили самих людей (рис. 2).

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вам не удаётся вести здоровый образ жизни то, что мешает этому, прежде всего?»

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question «If you are unable to lead a healthy lifestyle, then What prevents this from happening in the first place?»

Ответы	%
Недостаточная самодисциплина (не можете заставить себя действовать согласно правилам ЗОЖ)	45,8
Работа и домашние дела не оставляют времени на ЗОЖ (на регулярные прогулки, занятия физкультурой, достаточный сон, приготовление здоровой пищи и так далее)	50,2
Работа и домашние дела не оставляют сил на ЗОЖ (на регулярные прогулки, занятия физкультурой, приготовление здоровой пищи и т.д.)	29,7
Нет денег на качественные продукты питания	13,6
Нет денег для занятия фитнесом, посещения бассейна и тому подобное	19,2
Нет денег на оплату медицинских услуг, которые было бы полезно получить (в том числе, профилактических, санационных услуг)	13,7
Не чувствуете поддержки окружающих (семьи, коллег), а в одиночку ЗОЖ не получается	3,6
При такой нервной жизни никакой ЗОЖ не поможет	0,0
Не уверены в серьёзном влиянии ЗОЖ на здоровье и продолжительность жизни	3,9

Источник: результаты авторского исследования.

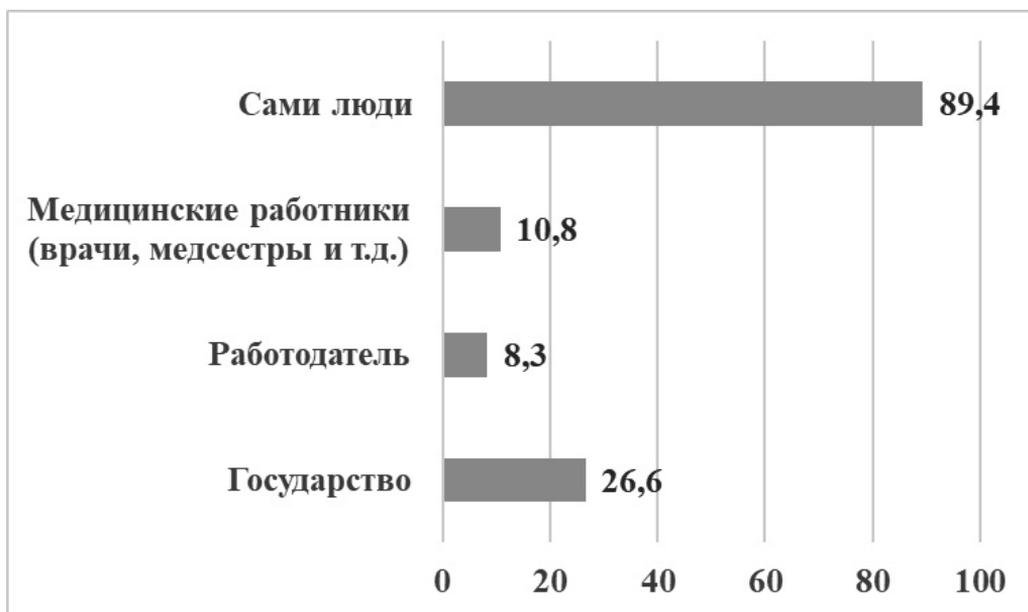

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «По Вашему мнению, кто несёт ответственность за приверженность населения к ЗОЖ?», %

Fig. 2. Distribution of answers to the question «In your opinion, who is responsible for the population's commitment to a healthy lifestyle?», %

Источник: результаты авторского исследования.

Подводя итог, следует напомнить, что здоровье есть важное условие повышения человеческого потенциала и социально-экономического развития страны. Выявленный в статье комплекс объективных и субъективных факторов, влияющих на самосохранительное поведение, позволяет определить проблемные аспекты государственной политики в сфере здравоохранения и увидеть возможности отдельного индивида по сохранению своего здоровья. Соблюдение основных принципов здорового образа жизни создаёт базу для сбережения населения, и, наоборот, гиподинамия, ожирение, зависимость от алкоголя, никотина и наркотиков наносят вред физическому и психическому состоянию граждан.

Здоровье населения зависит от ряда объективных факторов: генетической предрасположенности к заболеваниям, состояния окружающей среды на территории проживания, уровня социально-экономического развития страны, качества медицинского обслуживания и других. Причём, весовое влияние этих факторов остаётся спорным⁷.

Если ранее считалось, что примерно в половине случаев возникновения заболеваний «виновата» генетика, то в современных подходах, в том числе по мнению экспертов ВОЗ, выделяют следующее процентное соотношение факторов влияния: генетика — 15–20%, состояние окружающей среды — 20–25%, медицинское обеспечение — 10–15%, условия и здоровый образ жизни — 50–55%. Иными словами, самое существенное влияние на самочувствие и продолжительность жизни населения оказывает образ жизни самих граждан. Образцы правильного отношения к своему здоровью, хорошей физической формы и психоэмоционального состояния могут и должны демонстрировать населению медицинские работники. Условием этого является их собственная приверженность ЗОЖ, но, как показало исследование, напряженная работа, нехватка времени и сил, а также недостаточная самодисциплина, выступают существенными ограничительными факторами для сотрудников медицинских организаций ведения здорового образа жизни.

⁷ Информация о формировании здорового образа жизни. — URL: <https://мсч.89.мвд.рф/folder/8925344#>: (дата обращения: 06.01.2024); Лисицын Ю. П. Общественное здоровье и здравоохранение: учебник. — 2-е изд. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 512 с. — С. 39–40.

Литература и Интернет-источники

1. **Ярашева, А. В.** Современные здоровьесберегающие практики россиян / А. В. Ярашева, С. В. Макар, Н. В. Аликперова // *Народонаселение*. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 127–138. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.11; EDN: XOZVXX
2. **Назарова И. Б.** Показатели, характеризующие здоровье жителей России к 2021 году / И. Б. Назарова // *Народонаселение*. — 2022. — № 2. — С. 28–38. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.3; EDN: XRXQCH
3. **Ростовская, Т. К.** Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, Е. А. Князькова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2020. — Т. 28 — № 6 — С. 1275–1280. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280; EDN: IPAUNM
4. **Аксенова, Е. И.** Модели поведения населения в отношении своего здоровья / Е. И. Аксенова, О. А. Александрова, А. В. Ярашева, Н. В. Аликперова // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. — 2023. — Т. 31. — № S2. — С. 1081–1086. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1081-1086; EDN: LHPNNK

5. **Каращук, Л. Н.** Проблематика доверия во взаимоотношениях врач-пациент / Л. Н. Каращук // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* — 2020. — № 1. — С. 17–24. DOI: 10.23888/humj2020117–24; EDN: BRLCMN
6. **Супрунов, О. В.** Влияние степени доверия пациента врачу на исходы лечения боли в нижней части спины / О. В. Супрунов // *Российский журнал боли.* — 2018. — № 2(56). — С. 97–98. EDN: OSPIVX
7. **Алленов, А. М.** Готовность участников здоровьесбережения к мотивации населения к ведению здорового образа жизни / А. М. Алленов, Е. В. Макарова, О. А. Бенеславская, В. И. Макарова, М. Д. Васильев // *Общественное здоровье.* — 2022. — Т. 2. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.21045/2782–1676–2022–2–4–4–14; EDN: NUSYDG
8. **Жиляева, Е. П.** Роль врача общей практики в пропаганде здорового образа жизни / Е. П. Жиляева, В. С. Нечаев, Д. В. Ефремов // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины.* — 2010. — № 1. — С. 47–49. EDN: MOTJCN
9. **Аброськина, О. В.** Социальные представления о здоровье и образе жизни работников медицинской отрасли / О. В. Аброськина, Е. В. Силина // *В мире научных открытий.* — 2015. — № 1(61). — С. 344–363. DOI: 10.12731/wsd-2015–1–27; EDN: TKOFEN
10. **Щавелева, М. В.** К вопросу о мотивации врачей на здоровый образ жизни / М. В. Щавелева // *Здоровье и окружающая среда.* — 2015. — № 25–2. — С. 243–246. EDN: ZAUIMT
11. **Федотов А. А.** Распространение алкоголизма и наркомании в регионах России / А. А. Федотов // *Народонаселение.* — 2022. — № 3. — С. 144–152. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.11; EDN: NKBUBU
12. **Серёгин, В. И.** Отношение к табакокурению медицинских работников акушерско-гинекологической службы / В. И. Серёгин // *Социальные аспекты здоровья населения.* — 2016. — № 5(51). — С. 2–14. EDN: ХВНҚОН

Сведения об авторах:

Локосов Вячеслав Вениаминович, член-корр. РАН, директор, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000–0003–3656–2112; РИНЦ AuthorID: 73766.

Ярашева Азиза Викторовна, д.э.н., проф., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–6041–7700; РИНЦ AuthorID: 519466.

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; проф. Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000–0002–9243–9242; РИНЦ AuthorID: 257224.

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205

FACTORS FORMING THE FOUNDATIONS FOR SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE POPULATION

Vyacheslav V. Lokosov¹, Aziza V. Yarasheva^{1*}, Olga A. Aleksandrova^{1,2,3}

¹*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

³*Research Institute of Healthcare Organization and Medical
Management of the Moscow Department of Healthcare
(9 Sharikopodshipnikovskaya str., Moscow, Russia, 115088)*

*E-mail: baktriana@rambler.ru

For citation:

Lokosov V.V., Yarasheva A.V., Aleksandrova O.A. Factors forming the foundations for self-preservation behavior of the population. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 192–205. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-192-205 (in Russ.)

Abstract. *The article examines the key determinants of self-preservation behavior of the population. The methods used are: analysis of official statistics regarding Russians' commitment to a healthy lifestyle (HLS) and its various components, broken down by federal districts and age and gender groups; secondary analysis of sociological studies on the implementation of healthy lifestyle principles by specialists related to medicine (medical workers, teachers of medical universities), including in comparison with representatives of non-medical professions; in addition, the data of a mass survey of metropolitan physicians conducted with the participation of the authors was analyzed, aimed at identifying, firstly, their own commitment to a healthy lifestyle and obstacles to its implementation; secondly, ideas about the subjects who bear the main responsibility for the formation of a healthy lifestyle of the population, as well as what prevents people from following its principles. The authors' classification of objective and subjective factors of self-preservation behavior of the population is presented, and their interrelation is illustrated. According to Moscow doctors, the key determinants of self-preservation behavior are the person's awareness of responsibility for his own health, the availability of medical services and trust in the healthcare system; income level, healthy lifestyle fashion and the situation in the country are of less importance. Judging by the results of the secondary analysis and our own empirical data, the situation with the adherence to a healthy lifestyle by medical workers themselves is ambiguous. On the one hand, a significant part declares their orientation towards a healthy lifestyle, and on the other hand, like the population as a whole, doctors show lack of consistency and complexity in compliance with its principles. The main barriers to implementing a healthy lifestyle are insufficient self-discipline, lack of energy and time. As to those responsible for developing the population's adherence to a healthy lifestyle, about 90% of Moscow doctors called people themselves responsible for it, another quarter—the state, and only every tenth indicated the role of healthcare workers.*

Keywords: *self-preservation behavior, healthy lifestyle, objective and subjective factors of self-preservation behavior, medical employees.*

References and Internet sources

1. Yarasheva A. V., Makar S. V., Alikperova N. V. Sovremennyye zdorov'yesberegayushchiye praktiki rossiyan [Modern health-saving practices of Russians]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 127–138. (in Russ.)
2. Nazarova I. B. Pokazateli, kharakterizuyushchiye zdorov'ye zhiteley Rossii k 2021 godu [Indicators characterizing the health of Russian residents by 2021]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. No. 2. P. 28–38. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.3 (in Russ.)
3. Rostovskaya T. K., Shabunova A. A., Knyazkova E. A. Samosokhranitel'noye povedeniye rossiyan: otsenka sostoyaniya zdorov'ya i vozmozhnosti dolgozhitel'stva [The self-preservation behavior of citizens of the Russian Federation: health assessment and possibility of longevity]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2020. Vol. 28. No. 6. P. 1275–1280. (in Russ.)
4. Aksenova E. I., Aleksandrova O. A., Yarasheva A. V., Alikperova N. V. Modeli povedeniya naseleniya v otnoshenii svoyego zdorov'ya [Behavior patterns of the population in relation to health]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. No. S2. P. 1081–1086. (in Russ.)
5. Karashchuk L. N. Problematika doveriya vo vzaimootnosheniyakh vrach-patsiyent [Problems of trust in doctor-patient relationships]. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'ye, adaptatsiya, razvitiye [Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development]*. 2020. No. 1. P. 17–24. (in Russ.)
6. Suprunov O. V. Vliyaniye stepeni doveriya patsiyenta vrachu na iskhody lecheniya boli v nizhney chasti spiny [The influence of the patient's degree of trust in doctor on the outcome of treatment for pain in the lower back]. *Rossiyskiy zhurnal boli [Russian Journal of Pain]*. 2018. No. 2(56). P. 97–98. (in Russ.)
7. Allenov A. M., Makarova E. V., Beneslavskaya O. A., Makarova V. I., Vasiliev M. D. Gotovnost' uchastnikov zdorov'yesberezheniya k motivatsii naseleniya k vedeniyu zdorovogo obraza zhizni [Preparedness of health care providers for motivation of the population for leading a healthy lifestyle]. *Obshchestvennoye zdorov'ye [Public Health]*. 2022. Vol. 2. No. 4. P. 4–14. (in Russ.)
8. Zhilyaeva E. P., Nechaev V. S., Efremov D. V. Rol' vracha obshchey praktiki v propagande zdorovogo obraza zhizni [The role of a general practitioner in the popularization of healthy lifestyle]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Health Care and History of Medicine]*. 2010. No. 1. P. 47–49. (in Russ.)
9. Abroskina O. V., Silina E. V. Sotsial'nyye predstavleniya o zdorov'ye i obraze zhizni rabotnikov meditsinskoy otrasli [Social perception of health and lifestyle of healthcare and non-medical professionals]. *V mire nauchnykh otkrytiy [In the World of Scientific Discoveries]*. 2015. No. 1(61). P. 344–363. (in Russ.)
10. Schaveleva M. V. K voprosu o motivatsii vrachey na zdorovyy obraz zhizni [To the issue of motivating doctors for healthy way of life]. *Zdorov'ye i okruzhayushchaya sreda [Health and Environment]*. 2015. No. 25–2. P. 243–246. (in Russ.)
11. Fedotov A. A. Rasprostraneniye alkogolizma i narkomanii v regionakh Rossii [The spread of alcoholism and drug addiction in the regions of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 25. No. 3. P. 144–152. (in Russ.)
12. Seryogin V. I. Otnosheniye k tabakokureniyu meditsinskikh rabotnikov akushersko-ginekologicheskoy sluzhby [Attitudes towards tobacco smoking among obstetric and gynecology care providers]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social Aspects of Population Health]*. 2016. No. 5(51). P. 2–14. (in Russ.)

Information about the authors:

Lokosov Vyacheslav Veniaminovich, RAS Corresponding Member, Director, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vvlokos@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3656-2112; Elibrary AuthorID: 73766.

Yarasheva Aziza Viktorovna, Doctor of Economics, Full Professor, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: baktriana@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-6041-7700; Elibrary AuthorID: 519466.

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, Moscow, Russia

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary AuthorID: 257224.

Статья поступила в редакцию 08.12.2023, утверждена 20.02.2024, опубликована 30.03.2024.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-206-211
EDN: KAJVGY

У ЮБИЛЕЙНЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ФОРУМ ОРГАНИЗАТОРОВ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ «ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ – КАРКАС СТОЛИЧНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ»

Российская система здравоохранения в последние годы претерпевает значительные трансформации, являясь безусловным лидером в области применения инноваций, новых управленческих решений, методик лечения и применения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Благодаря реализации перспективных инициатив городских властей, можно констатировать кардинальные изменения в качестве оказания медицинской помощи населению. Трансформация системы здравоохранения направлена, прежде всего, на принимаемые организационные решения, которые в свою очередь опираются на анализ больших данных и новые цифровые решения. Уже сегодня применение ИКТ позволяет врачам разрабатывать и реализовывать наиболее эффективные схемы диагностики и лечения, осуществлять профилактику и реабилитацию пациентов.

Ключевыми векторами для анализа и осуждения в современных реалиях становятся важнейшие вопросы организации и управления системой московского здравоохранения, включая кадровые стратегические решения и предложения по эффективному применению новаций, а также в области оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций. Именно данной проблематике был посвящен V Юбилейный научно-методический форум организаторов здравоохранения, проходивший в рамках «Российской недели здравоохранения» 5–7 декабря 2023 года. Одна из панельных секций «Организация эффективной деятельности медицинских работников и вызовы современности» была организована Институтом социально-экономических проблем народонаселения име-

ни Н.М.Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСЭПН ФНИСЦ РАН) совместно с Научно-исследовательским институтом организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы (НИИОЗММ ДЗМ).

Панельная секция была нацелена на нахождение ответов на актуальные и злободневные вопросы, касающиеся анализа работы и функционирования институтов оценки профессиональной квалификации медработников, применение подходов и методов при оценке интеллектуального, кадрового и инновационного потенциала медицинских организаций, а также особенностей поведения населения в отношении сбережения собственного здоровья, оказывающего прямое воздействие не только на ожидаемую продолжительность жизни, но и на ожидаемую продолжительность здоровой жизни (ОПЖ здоровых лет жизни) как важного демографического и социального индикатора. В связи с этим можно констатировать особую значимость анализа факторов, влияющих на формирование самосохранительного поведения населения, понимание которых может позволить реализовать эффективные меры, направленные на решение задач российского здравоохранения в целом.

Модератором секции выступила д.э.н., в.н.с. лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ Е.И. Медведова. Она остановилась на важности рассматриваемой проблематики панельной секции в аспекте реализации Указа Президента Российской Феде-

рации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹. Декомпозируя эти цели можно увидеть, что они включают в себя следующие составляющие, актуальные для изучения и анализа в области здравоохранения: 1) обеспечение устойчивого роста численности населения Российской Федерации; 2) повышение ожидаемой продолжительности жизни; 3) увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом; 4) достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования; 5) увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде.

Темы заявленных докладов на панельной секции сфокусированы на актуальных вопросах, которые коррелируют со стратегическими целями развития экономики Российской Федерации, предопределяя тем самым фокус возможных решений поставленных проблем. В качестве отправной точки был представлен доклад к.тех.н., в.н.с. лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ, доцента Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова Министерства здравоохранения России С.В. Крошилина, который был посвящён вопросам оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций. Докладчик остановился на необходимости учёта интеллектуального потенциала медицинских работников и медицинских организаций с акцентом на перспективности оценки имеющихся показателей на основе авторского подхода оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций. Активное переоснащение медицинских организаций и изменение регламента работы сотрудников первичного и вторичного звенья

ев здравоохранения меняют необходимый уровень интеллектуального капитала медицинских работников и требуют новых подходов к оценке интеллектуального потенциала медицинских организаций.

Стремительное проникновение информационных технологий (ИТ) и новых технических решений в медицине предопределяют необходимость оценки наличия и трансформации ИТ-компетенций сотрудников. Это меняет не только требования к компетенциям медицинских работников, и процессы управления, но заставляет применять новые подходы к оценке интеллектуального капитала каждого сотрудника и интеллектуального потенциала медицинской организации в целом. Именно поэтому появилась задача разработки собственного комплексного подхода оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций. До недавнего времени изучение и расчёт показателей интеллектуального капитала был характерен для коммерческих предприятий и в меньшей степени затрагивал организации бюджетной сферы.

В современных реалиях всё больше применяются экономические методы и инструменты стратегического планирования, анализа, ведения бизнеса, реализуемые с позиций показателей рентабельности и окупаемости во всех сферах деятельности. Важной составляющей эффективной работы выступает персонал, а именно квалификация медицинских работников, их научная активность, вовлечённость в систему аттестации и аккредитации, восприимчивость к инновациям и так далее. Все перечисленные составляющие включаются в понятие «интеллектуальный потенциал организации».

При оценке интеллектуального уровня медицинских организаций целесообразно опираться на следующий набор показателей: 1) имеющийся объём знаний сотрудников, где оцениваются такие параметры как: «новизна» оказываемых медицинских услуг; «новизна» используемых диагностических, лабораторных, медицинских технологий; возможности использования новейшего медицинского оборудования; 2) интеллектуальный уровень сотрудников

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России: [сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.12.2023).

включает в себя оценку уровня квалификации следующих категорий рабочих: руководства медицинских организаций; врачей; среднего медицинского персонала; 3) опыт инновационной деятельности предусматривает анализ инновационной сложности выполняемых медицинских задач и масштаба реализации инновационных подходов в лечении пациентов.

Одним из возможных подходов к схеме реализации оценки интеллектуального потенциала медицинских организаций может стать следующая последовательность действий (алгоритм): 1) опрос по анкете, включающий в себя экспертный анализ случаев оказания медпомощи и состояния материально-технического оснащения; 2) балльная оценка показателей по разработанной шкале; 3) расчёт интегрального показателя. Величина полученного коэффициента «реализованного» потенциала на уровне 95–100% подразумевает высокий уровень данного показателя по МО, 75–94% — средний уровень, 74% — низкий. Особенностью предложенного алгоритма является возможность некой классификации рассчитанных значений интеллектуального потенциала по трёхбалльной шкале и их иллюстрации в формате зон: 1 — «зелёная зона», 2 — «жёлтая зона», 3 — «красная зона». Наиболее приемлемым и результативным форматом реализации предложенного алгоритма считается вариант «вывода/получения» общего интегрального показателя на основе расчёта основных параметров/коэффициентов.

Необходимо констатировать, что достаточно сложно оценивать и инновации, и возможности интеллектуального потенциала медицинских организаций. Это однозначно сложный и многоаспектный процесс. Многие учёные придерживаются мнения, что оптимальным вариантом оценки является социологический подход, базирующийся на опросниках, целью которых является определение «конечных продуктов научной/интеллектуальной деятельности», а также его форм. Предполагается, что основными элементами данного анализа могут выступать: опубликованные статьи; от-

чёты по итогам исследования; выступления на различных уровнях конференциях, количество сделанных докладов (пленарные/секционные); количество изданных монографий, брошюр; сообщения и публикации в зарубежной научной периодике; изобретения для патентования; публикация учебников, учебных/методических пособий; частота цитируемости учёных в научной литературе; умение работать в автоматизированных компьютерных программах; количество защищённых диссертаций; наличие/освоение для работы электронных баз данных в сети Интернет и другое.

Второй доклад на секции был сделан Н.В. Аликперовой, к.э.н., в.н.с. лаборатории исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ на тему «Факторы влияния на формирование самосохранительного поведения населения». Состояние здоровья человека зависит от ряда не зависящих от него объективных факторов: генетической предрасположенности к заболеваниям, состояния экологии на территории проживания, уровня социально-экономического развития страны, качества медицинского обслуживания и других. Однако неоднократно доказано, что существенное влияние на самочувствие и продолжительность жизни населения оказывает образ жизни самих граждан. С учётом этого, забота о здоровье предполагает ответственность самого индивида за своё физическое и эмоциональное состояние и находит отражение в определённых моделях поведения — сберегающих или разрушающих здоровье.

Увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г. отражено в целях российского национального проекта «Здравоохранение»². Достижение целевых показателей предполагает, с одной стороны, эффективное функционирование системы здравоохранения, а, с другой стороны, ра-

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.12.2023).

зумное отношение самих людей к своему собственному здоровью (самосохранительное/витальное поведение, применение здоровьесберегающих практик). Не только уровень развития медицины и доступность (в том числе финансовая) медицинских услуг влияют на качество жизни человека и состояние его организма. В последнее время исследователи всё чаще выделяют ответственность самих граждан за профилактику заболеваний, которая связана с соблюдением здорового образа жизни в физическом, психологическом и социальном аспектах. Хорошее самочувствие человека подразумевает необходимость инвестиций в здоровье. Это предполагает активную деятельность индивида по профилактике заболеваний и приверженность к самосохранительному поведению, так как здоровье человека примерно на 70% зависит от его образа жизни, на 15% — от внешней среды обитания и на 15% — от генетической предрасположенности к заболеваниям. Соответственно вклад в индивидуальный человеческий капитал можно увеличивать именно за счёт здорового образа жизни.

Поведение населения в отношении бережения собственного здоровья оказывает прямое воздействие на ожидаемую продолжительность здоровой жизни (ОПЖ здоровых лет жизни), как важного демографического и социального индикатора, отражающего общее состояние развития человеческого капитала в стране, а также возможности активного долголетия и трудоспособности. Стремление к здоровому образу жизни, возможности и предпринимаемые действия в данной сфере тесно связаны с материальным положением населения: представители социальных слоёв с более высокими доходами больше внимания уделяют физической культуре и здоровью, систематически проходят диспансеризацию, употребляют в пищу более качественные пищевые продукты и могут позволить себе «правильное» питание». Тем не менее, это не уменьшает ответственности за своё здоровье у лиц с более низкими доходами, так как можно бесплатно: не курить, не употреблять алкоголь и наркотики, делать по ут-

рам зарядку, соблюдать режим сна, не переедать, не увлекаться фастфудом, регулярно обращаться в медицинские организации за получением помощи и консультаций, проходить диспансеризацию, соблюдать разумный баланс труда и отдыха.

Государство является важным фактором и в системе формирования культуры самосохранительного поведения, реализующее программы, направленные на повышение социальной значимости здоровья и правильного образа жизни. К ним относятся программы рекламного и маркетингового характера: социальная реклама, флешмобы, мастер-классы, ярмарки выходного дня, спортивные праздники, а также социальные программы, направленные на развитие доступной инфраструктуры: спортивной, здравоохранительной и другой. Вектор на самосохранительное поведение может играть главенствующую роль, нивелируя воздействие иных факторов: генетическую предрасположенность, окружающую среду, социальный статус и прочее, предопределяя максимальную ценность собственного здоровья на высоком уровне в структуре персональных ценностей человека.

Особый акцент в решении задач, заявленных в панельной секции, был сделан в докладе д.э.н., зав. лабораторией проблем распределительных отношений ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ М.С. Токсанбаевой и к.э.н., в.н.с. лаборатории проблем распределительных отношений ИСЭПН ФНИСЦ РАН, н.с. отдела организации здравоохранения НИИОЗММ ДЗМ О.А. Коленниковой на тему «Деятельность институтов оценки квалификации среднего медицинского персонала: проблемные аспекты». В настоящее время для обеспечения надлежащего уровня оказания медицинской помощи населению в здравоохранении действуют определённые институты оценки квалификации медицинских специалистов. Московское здравоохранение включает систему институтов федерального и регионального уровня. В отношении среднего медицинского персонала — это курируемые Минздравом РФ процессы аккредитации

и аттестации на квалификационную категорию. В 2021 г. для Москвы также реализован проект аттестации на звание «Московская медицинская сестра». Деятельность данных институтов базируется на теоретических концепциях, разработанных под эгидой Организации Объединённых Наций. Непрерывное медицинское образование встроено в работу института аккредитации, а непрерывное профессиональное развитие предусмотрено в формате аттестации на квалификационную категорию и на звание «Московская медицинская сестра».

В настоящее время говорить о том, что система институтов оценки квалификации находится в устойчивом состоянии и слаженно работает, пока преждевременно. Это связано с тем, что переход к аккредитации не завершён, и, хотя уже были внесены серьёзные коррективы по её «отладке», по-прежнему выявляются недостатки. К участию в аттестации на квалификационную категорию у среднего медицинского персонала в последние годы интерес снижается, но внедряется проект на звание «Московская медицинская сестра».

По данным Росстата, до октября 2021 г. Москва отставала по общему количеству аккредитованных медицинских специалистов, однако затем показатели сравнялись со среднероссийскими, и наметилась позитивная динамика опережения. В московском здравоохранении темпы прохождения аккредитации среднего медицинского персонала до 2022 г. отставали от врачебного. С 2022 г. процедуры по аккредитации среднего медицинского персонала были скорректированы и отработаны, что позволило изменить данный тренд.

Можно констатировать, что по мере включения специалистов среднего звена в систему аккредитации проблем становится меньше. По данным массового опроса, свыше 40% респондентов оценили работу института аккредитации положительно (дали хорошую и отличную оценку), тогда как негативно отнеслись к этой работе менее 10%. Такой перевес положительных оценок позволяет полагать, что данный институт, несмотря на переходный период, уже

является достаточно отлаженным механизмом. Для успешной работы аттестации на категорию важны стимулы к участию в ней. Данные опроса отражают, что для медицинских работников важны два вида стимулов — материальный стимул в виде доплат за категорию и моральные стимулы, повышающие самооценку и уважение со стороны коллег.

В резюмирующей части панельной секции на тему «Организация эффективной деятельности медицинских работников и вызовы современности» Е.И. Медведева отметила важность анализа кадровой политики современного состояния системы здравоохранения, где всё больше применяются экономические методы и инструменты стратегического планирования, анализа, ведения бизнеса. Стремительное проникновение информационных технологий и новых технических решений в медицине требуют наличия и изучения иных, отличающихся от «классических» компетенций сотрудников. Активное переоснащение медицинских организаций и изменение регламента работы первичного и вторичного звеньев здравоохранения меняют необходимый уровень интеллектуального потенциала медицинских работников и требуют новых подходов к их оценке. Персонал выступает важной составляющей от квалификации которого, научной активности, вовлечённости в систему аттестации и аккредитации, восприимчивости к инновациям зависят итоговые показатели деятельности.

Как уже подчёркивалось, стратегические цели развития РФ на период до 2030 г. во многом предопределили суть представленных докладов. Первой и главенствующей задачей определена «сохранность нашего населения, здоровья и благополучия людей». Президент подчёркивает, что необходимо повысить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет; увеличить долю граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом до 70%³. Это в полной мере соответствует тренду на

³ Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России: [сайт]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 10.12.2023).

здоровый образ жизни людей, что во многом подразумевает выполнение (соблюдение) таких форматов поведения, которые будут способствовать минимизацию факторов риска, болезненных состояний и других проявлений нездоровья граждан. В связи с этим важно изучать классифицируемые и перечисленные факторы, которые оказывают влияние на формирование самоохранительного поведения населения.

Необходимо отметить, что под особым фокусом рассмотрения были представлены вопросы, связанные с работой институтов оценки квалификации среднего медицинского персонала. Существует множество вопросов, касаемых проблемных аспектов реализации системы аттестации медицинских работников, их уровня заработной платы, стимулирующих вариантов. Однако необходимо понимать и нюансы в вопросах аттестации медицинского персонала, и выявлять «точки кризиса» для их купирования с целью повышения уровня квалификации медицинских специалистов. В конечном итоге варианты аттестации и аккредитации нацелены на обеспечение качественной медицинской помощи населению. Действительно существуют проблемы увеличения интенсивности труда, внедрения не всегда удобной и/или не понятной системы организации аттестации, изменение правил её проведения.

Наличие фактора «высокий уровень стресса при прохождении экзаменационных процедур» тоже оказывают своё влияние на количество желающих участвовать в процедуре аттестации/аккредитации. Однако примечательно, что подавляющее большинство отмечает позитивный настрой руководства и помощь при подготовке своих сотрудников к аккредитации. Таким образом, можно говорить о позитивном тренде восприятия, определённом желании и мотивации к прохождению достаточно сложной, но важной процедуры оценки квалификации медицинских работников. От того как будет выстроена эффективная кадровая политика зависит и общая скоординированная работа медицинских организаций, и повышение качества предоставляемых медицинских услуг, и ориентация на каждого конкретного пациента.

Материал подготовили:

Медведева Е. И.,

д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ;

Махрова О. Н.,

к.э.н., учёный секретарь, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН; научный сотрудник НИИОЗММ ДЗМ.

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилию автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИИЦ AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российской ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Stepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косоного креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90° , 20°C , 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например, 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785